

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

Oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

一、二、三、四、五、六、七、八、九、十

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2025. Т. 18. № 4

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦC77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн: *Д. В. Татнинов*

Компьютерная верстка: *А. Н. Когданов*

Ответственный секретарь: *И. Б. Манджиева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*

Translator: *S. Dzhaqrunov*

Design: *Dz. Tatminov*

Page layout: *A. Kogdanov*

Executive Secretary: *I. Mandzhieva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Шуплецова К. В.</i> Политика в сфере безопасности правительств Синдзо Абэ	780
	<i>Бдоян Д. Г., Манаширов Э. С.</i> Турецкое экономическое чудо как миф	795
	<i>Мелконян А. А., Карапетян Р. К., Эламирян Р. Г.</i> Малые государства в условиях меняющегося мирового порядка: перспективы внешней и оборонной политики Армении на Новом Ближнем Востоке	811
	<i>Фан Тхи Фыонг Ань, Данг Тхи Минь Фыонг, Нго Минь Хьен, Нгуен Тхи Туй, Буй Тхи Хуен.</i> Миграция, обусловленная изменением климата, в дельте реки Меконг во Вьетнаме — вызовы для устойчивого развития региона	821
Отечественная история	<i>Плеханова А. М., Ширанов А. А.</i> Сибирское купечество в конкурентной борьбе за освоение монгольского рынка: проблемы и способы их преодоления	836
Этнология и антропология	<i>Баязитова Р. Р., Баязитова А. И., Исламова Р. Х.</i> Корама в башкирской культуре: традиции лоскутной мозаики и аппликации	849
	<i>Октябрьская И. В., Красавина М. В., Самушкина Е. В., Яковлева К. М.</i> Народные художественные промыслы Республики Саха (Якутия): история становления, опыт сохранения и популяризации	862
	<i>Литвинова Т. Н., Железняков А. С., Никифоров С. В.</i> Этнический фактор в межкультурном диалоге России и Монголии на примере Республики Бурятия (на материалах экспертных интервью)	881
Источниковедение	<i>Джумагалиев Д. А., Сабитов Ж. М.</i> Калмаки в «Маджму ат-таварих»: к характеристике термина и образа	897
	<i>Гаспарян С. К., Мелконян А. А., Саакян Л. С.</i> Ценность дневника Марка Уорда в контексте депортаций христиан в Османской империи	913
Языкознание	<i>Мазарчук А. В.</i> Словообразование монгольских звукоподражательных глаголов	927
	<i>Куканова В. В.</i> Лексемы, обозначающие раду, в монгольских языках. Часть 2	937
	<i>Ярмаркина Г. М.</i> Калмыцкие деловые письма XVII–XVIII вв. и синхронические русские переводы в аспекте взаимодействия письменных традиций (на примере деловых писем тайши (хана) Аюки и их русских переводов)	956

CONTENTS

General History	<i>Shupletsova K. V.</i> Security Policy of the Shinzo Abe Government.	780
	<i>Bdoyan D. G., Manashirov E. S.</i> The Turkish Economic Miracle as a Myth	795
	<i>Melkonyan A. A., Karapetyan R. K., Elamiryan R. G.</i> Small States in the Changing Global Order: Prospects for Armenia's Foreign and Security Policy in the New Middle East	811
	<i>Phan Thi Phuong Anh, Dang Thi Minh Phuong, Ngo Minh Hiep, Nguyen Thi Tuy, Bui Thi Huyen.</i> Climate Change-Related Migration in the Mekong Delta of Vietnam — Challenges to Regional Sustainable Development	821
National History	<i>Plekhanova A. M., Shirapov A. A.</i> Siberian Merchants in the Competitive Struggle for the Development of Mongolia's Markets: Problems and Solutions	836
Ethnology & Anthropology	<i>Baiazitova R. R., Baiazitova A. I., Islamova R. Kh.</i> Korama in Bashkir Culture: Traditions of Patchwork Mosaics and Appliqués	849
	<i>Oktyabrskaya I. V., Krasavina M. V., Samushkina E. V., Yakovleva K. M.</i> Folk Arts and Crafts of the Sakha Republic (Yakutia): A History of Their Formation, Experiences of Preservation and Popularization	862
	<i>Litvinova T. N., Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V.</i> The Ethnic Factor in Russia-Mongolia Cross-Civilizational Dialogue with Evidence from Buryatia: Analyzing Expert Interviews	881
Source Studies	<i>Jumagaliyev D. A., Sabitov Z. M.</i> Kalmaks in the Majmu al-Tawarikh: Characterizing the Term and Image	897
	<i>Gasparyan S. K., Melkonyan A. A., Sahakyan L. S.</i> The Significance of Mark H. Ward's Diary in the Context of Christian Deportations across the Ottoman Empire	913
Linguistics	<i>Mazarchuk A. V.</i> Derivation Patterns of Mongolian Onomatopoeic Verbs	927
	<i>Kukanova V. V.</i> Rainbow Lexemes in Mongolian Languages. Part 2	937
	<i>Yarmarkina G. M.</i> Seventeenth–Eighteenth Century Official Kalmyk Letters and Their Synchronic Russian Translations as Interaction of Writing Traditions: Analyzing Letters of Ayuka Tayiji (Khan) and Their Russian Translations	956

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 780–794, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

Политика в сфере безопасности правительств Синдзо Абэ

Ксения Васильевна Шуплецова^{1,2}

Security Policy of the Shinzo Abe Government

Kseniya V. Shupletsova^{1,2}

¹ Институт Китая и современной Азии РАН (д. 32, Нахимовский пр., 117997 Москва, Российская Федерация)

научный сотрудник

Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (32, Nakhimovsky Ave., 117997 Moscow, Russian Federation)

Research Associate

² Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

ассистент

RUDN University (6, Miklukho-Maklai St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Assistant Lecturer

 0000-0002-1056-4788. E-mail: [k.shupletsova\[at\]iccaras.ru](mailto:k.shupletsova[at]iccaras.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Шуплецова К. В., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Shupletsova K. V., 2025

Аннотация. *Введение.* Правительства С. Абэ реализовали ряд существенных реформ в области безопасности, ознаменовав переход Японии к политике «активного пацифизма». *Цель* статьи — проанализировать ключевые реформы политики безопасности Японии в период правительств С. Абэ, установить их влияние на оборонные возможности страны и оценить соотношение инноваций и преемственности по отношению к предыдущему курсу безопасности Японии. *Результаты.* При С. Абэ была издана первая «Стратегия национальной безопасности» и создан Совет национальной безопасности, которые обеспечили основу для более сплоченного и стратегического подхода к национальной обороне. Эти решения сыграли решающую роль в укреплении Сил самообороны Японии и расширении ее военных возможностей. В 2015 г. был принят пакет законов о коллективной безопасности, который переосмыслил конституционные ограничения Японии, чтобы разрешить коллективную самооборону. Это ознаменовало собой значительный сдвиг в политике безопасности Японии, позволив стране более активно участвовать в международных усилиях по обеспечению безопасности. Ключевыми аспектами международного направления политики безопасности стали: укрепление альянса с США, расширение сети соглашений по оборонной политике со странами АСЕАН, Индией, Австралией и другими странами. Политика была выстроена таким образом, чтобы повысить международный статус Японии и укрепить ее позиции в регионе. Несмотря на значительные изменения в оборонной политике, в ней отмечается преемственность с политикой предыдущих японских правительств.

Ключевые слова: японская политика безопасности, Синдзо Абэ, японо-американский союз, Силы самообороны Японии

Для цитирования: Шуплецова К. В. Политика в сфере безопасности правительств Синдзо Абэ // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 4. С. 780–794. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-780-794

Abstract. Introduction. The Shinzo Abe administrations implemented a number of principal security reforms that marked Japan's transition to the policy of 'active pacifism'. *Goals.* The article attempts an analysis into key reforms of Japan's security agenda during the Abe governments, seeks to determine their impacts on the country's defense capabilities, and evaluate the balance between innovation and continuity as compared to Japan's preceding security policies. *Results.* Under Abe, Japan established the National Security Strategy and the National Security Council that would provide a framework for a more cohesive and strategic approach to national defense. These institutions proved pivotal in strengthening Japan's Self-Defense Forces and expanding its military capabilities. Abe's administration introduced the 2015 Legislation for Peace and Security which reinterpreted Japan's constitutional constraints to allow for collective self-defense. This marked a significant shift in Japan's security policy and enabled the country to more actively engage in international security efforts. Key aspects of the international direction in Japan's security policy included as follows: strengthening of the alliance with the United States, expanding of the agreement network with ASEAN countries, India, Australia, and others. The policy was designed to enhance Japan's international status and strengthen its positions in the region. Despite the significant changes in defense policy, it does maintain continuity with the policies of previous Japanese governments.

Keywords: Japan's security policy, Shinzo Abe, Japan-US alliance, Japan Self-Defense Forces

For citation: Shupletsova K. V. Security Policy of the Shinzo Abe Government. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 780–794. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-780-794

1. Введение

Синдзо Абэ занимал пост премьер-министра Японии в 2006–2007 и 2012–2020 гг. и состоял в этой должности дольше всех в истории страны. Одной из внешнеполитических задач С. Абэ являлось укрепление положения Японии в регионе. Премьер-министр являлся сторонником государственного национализма, подразумевающего построение сильного «государства-нации». Это проявлялось в его политике по отношению к проблемам исторической памяти, а также в политике безопасности. Бывший премьер-министр стремился сохранить влияние в регионе, несмотря на стремительное усиление Китая, и пытался, если не опередить его, то создать альтернативное по силе государство [Крупянко, Арешидзе 2012: 157]

Изучение реформ С. Абэ в сфере безопасности важно для понимания современных сдвигов в японской внешней политике и ее стратегическом партнерстве с США, а также переосмыслением Японией своей роли в системе региональной безопасности Восточной Азии. Реформы, внесенные премьер-министром С. Абэ, получили название

«доктрины Абэ», что подчеркивает новый этап развития политики в сфере безопасности. Однако по сей день остается открытым вопрос, являлась ли политика С. Абэ коренным переломом в оборонной политике страны или продолжением политики, начатой его предшественниками.

2. Материалы и методы

В основе исследования лежат документы японского правительства, определяющие оборонную политику страны, — Белые книги по обороне 2013–2021 гг. (второй премьерский срок С. Абэ), «Национальные программы обороны Японии», Стратегии национальной безопасности, а также «Руководящие принципы японо-американского взаимодействия в области обороны». Документы отображают эволюцию оборонной стратегии и представляют ключевые принципы политики безопасности Японии при С. Абэ.

3. Реформы в сфере безопасности

В свой первый срок (2006–2007 гг.) С. Абэ провел первую значительную реформу в области политики безопасности,

основав Министерство обороны вместо Управления обороны и назначив директора Управления министром. В этом выразилось намерение премьер-министра уделить вопросам безопасности особое внимание.

В 2013 г., вернувшись на пост премьер-министра, С. Абэ принял закон об учреждении Совета национальной безопасности (вместо действовавшего ранее Совета безопасности, далее — СНБ). Целью органа является оперативное обсуждение вопросов безопасности и внешней политики и реагирование на вызовы политическими средствами. СНБ возглавляет премьер-министр.

В рамках СНБ действуют два типа совещаний: четырех и девяти министров. «Совещание девяти министров» объединяет премьер-министра, министра внутренних дел и коммуникаций, министра иностранных дел, министра обороны, министра финансов, министра экономики, торговли и промышленности, министра земли, инфраструктуры, транспорта и туризма, генерального секретаря Кабинета министров, а также председателя Национальной комиссии общественной безопасности. «Совещание четырех министров» (премьер-министр, генеральный секретарь Кабинета министров, министр иностранных дел и министр обороны) необходимо для более быстрого обсуждения вопросов и проводится в случае чрезвычайных ситуаций.

Действующая концепция Совета национальной безопасности Японии сосредоточена на проведении регулярных совещаний по вопросам национальной безопасности и разработке среднесрочных и долгосрочных стратегий национальной безопасности, а не на управлении кризисами. Управлением кризисными ситуациями занимается должностное лицо Кабинета министров по управлению кризисными ситуациями, а СНБ предоставляет консультации для оказания помощи в принятии политических решений на начальных этапах реагирования при возникновении чрезвычайной ситуации и до создания штаба реагирования. В отличие от Совета безопасности, существовавшего ранее, функционал Совета национальной безопасности направлен на политическое решение внешнеполитических и военно-политиче-

ских проблем в более быстрые сроки. Контроль за принятием решений сосредоточен в руках премьер-министра [Асаи 2013: 4–5].

В рамках Совета был создан Секретариат, который возглавляет генеральный секретарь Совета национальной безопасности Японии. Задача Секретариата — наладить анализ разведывательной информации по вопросам национальной безопасности, а также установление дополнительных каналов связи с союзниками, прежде всего, США и Республика Корея [Добринская 2015: 239].

В 2013 г. С. Абэ также принял первую «Стратегию национальной безопасности», в которой выделил основные направления политики безопасности, связанные как с углублением военно-политического сотрудничества с США и странами региона, так и с реформами внутри Сил самообороны Японии (далее — ССО), направленными на улучшение военно-технической оснащённости, повышение уровня подготовки военнослужащих, создание особых подразделений [Кокка андзэн 2013].

В Стратегии также была принята за основу концепция «активного пацифизма» (яп. *сэккёутэки хэйвасюги*). «Активный пацифизм» основан на принципе международного сотрудничества и подразумевает, что Япония вносит более активный, чем прежде, вклад в обеспечение мира, стабильности и процветания международного сообщества в целом и Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР) в частности. Данный принцип стал основным в вопросах национальной безопасности Японии. Таким образом, Япония подчеркивала, с одной стороны, приверженность пацифизму, которого традиционно придерживалось японское руководство, а с другой стороны, выразила намерение повысить свою роль на мировой арене в вопросах безопасности. Вопрос безопасности Японии стал выходить за пределы Японских островов, Токио стал концентрироваться не только на ситуации в Восточной Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском (затем Индо-Тихоокеанском) регионе.

Это подтверждает заявление министра иностранных дел Ф. Кисида на заседании бюджетной комиссии Палаты советников в 2015 г. о том, что для обеспечения мира

и безопасности Японии необходимо обеспечить мир и стабильность в регионе и во всем мире. Для этого Япония намерена *«высоко нести флаг активного пацифизма, основанного на принципе международного сотрудничества, <...> и более решительно, чем когда-либо, продвигать дипломатию, в рамках которой мы выполняем свои обязанности как члена международного сообщества во имя мира и процветания во всем мире»* [Кисида 2015].

Для реализации концепции «активного пацифизма» Токио предполагал: 1) развивать различные виды сотрудничества, а также двустороннего и многостороннего диалога в области гуманитарной помощи, помощи при стихийных бедствиях и других областях; 2) укреплять международную оперативную инфраструктуру Сил самообороны в целях противодействия распространению оружия массового уничтожения и баллистических ракет, борьбы с терроризмом и пиратством, участия в миротворческих операциях ООН [Бо:эй хакусё 2013].

Формирование регионального порядка (яп. *икинай тицудзё*) стало одной из ключевых задач японского правительства. Под эгидой формирования «атмосферы сотрудничества», которая многократно упоминается в Белой книге по обороне 2013 г., Токио был нацелен на лидирующую роль в выстраивании диалога безопасности.

Для улучшения среды безопасности были поставлены следующие задачи:

1) ускорение процессов укрепления взаимопонимания, создания доверия и построения сотрудничества;

2) расширение географии диалога и обменов за пределы соседних стран до глобального уровня;

3) переход от простого обмена к конкретному и практическому сотрудничеству со странами-партнерами;

4) эволюция подходов к безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: от диалога, направленного на создание доверия, к формированию регионального порядка и общих норм [Бо:эй хакусё 2013].

Таким образом, Токио стремился не только занять лидирующую позицию в регионе, но и расширить свое влияние за его

пределы, повысив свою роль на международном уровне. Японское правительство было нацелено также на формирование такого регионального порядка, который бы соответствовал его ожиданиям, и речь шла не только об укреплении позиций Японии, но и сохранении влияния США.

В 2015 г. в Парламенте Японии был принят закон о коллективной самообороне, который дал полномочия ССО Японии принимать участие в военных действиях для защиты своих союзников, в первую очередь — США. В рамках пакета поправок к ряду законов, имеющих непосредственное отношение к деятельности ССО и обеспечению безопасности государства, Япония расширила круг задач, которые могут выполняться в рамках операций ООН по поддержанию мира, пересмотрела полномочия ССО на применение оружия, увеличила спектр направлений работы в гуманитарной сфере и по обеспечению безопасности, не попадающей под контроль ООН. Кроме того, были разработаны новые положения, позволяющие принимать полноценное участие в операциях по обеспечению безопасности (так называемые «международные скоординированные операции по обеспечению мира и безопасности»), которые не находятся под контролем ООН [Бо:эй хакусё 2016].

Законопроект вызвал большое количество споров, потому что мог вступить в противоречие со ст. 9 Конституции Японии, которая фиксирует *«отказ от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров»* [Конституция Японии 1997: 443].

Японское правительство выразило точку зрения, что ст. 9 ограничивает использование вооруженных сил, но согласно ст. 13 Конституции Японии *«право граждан на жизнь, свободу и на стремление к счастью»* являются предметом заботы государства, поэтому правительство обязано обеспечить безопасность населения и организовать возможности самообороны для достижения мира и безопасности [Бо:эй хакусё 2014].

Согласно ст. 51 Устава ООН каждое государство имеет право на коллективную са-

мооборону. Таким образом, Япония, являясь страной-членом ООН, добровольно ограничивала себя, и вступление закона в силу не является противоречием Конституции страны. Токио предполагает применение данного закона только в случае непосредственной угрозы государству и не стремится участвовать в военных действиях наравне с американскими вооруженными силами, например на Ближнем Востоке [Киреева 2015: 49–50].

Принятие закона соответствовало ожиданиям американского правительства, которое реализовывало политику «Поворота в сторону Азии» — курса, нацеленного на перенос внимания Вашингтона на этот регион. Япония смогла показать себя готовой к расширению военного сотрудничества с американскими вооруженными силами.

Стремление Японии внести вклад в поддержание глобального порядка и международной сферы безопасности проявилось также в участии в операциях по поддержанию мира и миссиях ООН.

В 2013 г. на Филиппины был направлен корпус Сил самообороны Японии для борьбы с последствиями тайфуна Хайян, в 2014 г. Япония направила два эсминеца и два патрульных самолета для сопровождения гражданских судов и проведения разведывательных операций у побережья Сомали и в Аденском заливе для борьбы с пиратством [International Contributions 2014]. Японские инструкторы также работают в Африке в период миротворческих миссий ООН. Министерство обороны регулярно направляет делегации в секретариат ООН, активно поддерживая стремление международной организации к поддержанию глобального мира [Бо:эй хакусё 2019]. Так, японские Силы самообороны принимали участие в миротворческой операции ООН в Южном Судане. В октябре 2016 г. министр обороны Т. Инада посетила Южный Судан для проверки деятельности 10-го контингента ССО и провела ряд встреч с руководством Южного Судана. Было принято решение о реализации «Плана осуществления операций по международному мирному сотрудничеству в Южном Судане»¹ [Бо:эй хакусё 2017].

¹ Позднее, в 2017 г., министр обороны Инада Томоми подала в отставку в связи со скандалом,

Одновременно с расширением функций и полномочий Сил самообороны наблюдалось увеличение оборонного бюджета Японии. В 2012 г. оборонный бюджет составлял 4,64 трлн йен, в 2014 г. — 4,68 трлн йен, а к 2020 г. достиг 5,3 трлн йен [Бо:эй хакусё 2021].

4. Угрозы безопасности в регионе: позиция Японии

Японское правительство неоднократно выражало обеспокоенность в связи с неустойчивостью ситуации, связанной с безопасностью в регионе. Главной угрозой в документах Минобороны Японии указывается Северная Корея, однако Китай описан как государство, «вызывающее обеспокоенность». Отдельное внимание уделялось Российской Федерации, усиливавшей свой военный потенциал [Кокка андзэн 2013].

В 2016 г. Северная Корея вновь провела ядерные испытания и произвела запуск баллистической ракеты. Северокорейские СМИ также заявили об успешном испытании водородной бомбы. В 2017 г. разразился очередной Корейский ядерный кризис, вызвавший волну беспокойства со стороны японской общественности. С 2016 г. Северная Корея произвела порядка 40 запусков баллистических ракет. Потенциальная северокорейская угроза стала поводом для усиления военной мощи Японии. Политические деятели и СМИ страны использовали обеспокоенность японской общественности для закупки нового вооружения и увеличения численности Сил самообороны.

Рост влияния Китая хотя и не оказался напрямую обозначен в официальных документах Японии, все же оказал значительное влияние на оборонную политику Токио [Крячкина 2021: 79]. Укрепление военного потенциала Китая было не единственной причиной, почему Токио с осторожностью рассматривал военно-политическую активность соседнего государства. Оставались

связанным с присутствием контингента Сил самообороны Японии в Южном Судане. В 2016 г. оппозиция потребовала опубликовать дневниковые записи миротворцев, которые демонстрировали уровень опасности их нахождения. Как сообщали СМИ, записи были уничтожены, что нарушило положение о предании гласности документов.

нерешенными территориальными спорами в Восточно-Китайском (о-ва Сэнкаку / Дяоюйдао) и Южно-Китайском морях — регионе, где Япония стремилась сохранить свое экономическое и политическое влияние. Логистика, формируемая в рамках китайского проекта «Один пояс и один путь», также рассматривается японским правительством как потенциальная угроза, так как может, по мнению японской стороны, использоваться в военных целях [Бо:эй хакусё 2020].

Беспокойство Токио вызывало стремление США снизить расходы на обеспечение безопасности союзников. Победа Д. Трампа на президентских выборах в 2016 г. повлияла на внешнеполитическое поведение Японии. С. Абэ стремился наладить диалог с новым президентом США, нацеленным на изоляционизм. Опасения, что США сократят военную помощь Японии, стали поводом для обсуждений в СМИ и Парламенте. Для японского экспертного сообщества стало очевидно, что дальнейшее развитие японо-американского союза является ответственностью японской стороны, и она должна проявлять инициативу в развитии двусторонних отношений [Сэккёку хэйва-сюги дзицугэн 2018: 5].

Одновременно с этим стали происходить изменения в сознании японского населения, все больше японцев начали осознавать необходимость создания своего собственного щита безопасности, независимого от США, что также формировало благоприятный климат для укрепления оборонной мощи японским правительством [Добринская 2018: 34].

С 2014 г. в документах Министерства обороны Японии все чаще стал встречаться термин «баланс сил», на достижение которого была направлена японская политика безопасности. Для Токио гарантом поддержания «баланса сил» в Азиатско-Тихоокеанском регионе являлись США, так как их присутствие в регионе считается одним из столпов японской безопасности [Бо:эй хакусё 2020]. В случае сокращения американского контингента на территории Японии и Южной Кореи или уменьшения его финансирования безопасность Японских островов, по мнению Токио, может оказаться под угрозой.

Стремление Японии быть более широко вовлеченной в защиту международного порядка представляется как реакция на изменения системы международных отношений и архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (усиление Китая и обострение американо-китайских противоречий в регионе). Токио представлялось необходимым балансировать и занять более гибкую позицию. Наравне с рядом региональных инициатив в оборонной сфере и по расширению географии диалога безопасности, демонстрировавших либеральный подход во внешней политике Японии, правительство С. Абэ придерживалось принципов реализма, которые выразились в наращивании военного потенциала Японии и укреплении альянса с США [Pugliese, Patalano 2020: 618].

5. Укрепление японо-американского союза

Вступив вновь на должность премьер-министра в 2012 г, С. Абэ считал необходимым восстановить высокий уровень взаимодействия с Соединенными Штатами, который снизился в период нахождения у власти представителей Демократической партии Японии — Юкио Хатояма, Наотоки Кана и Ёсихико Нода [Крячкина 2013: 4].

Укрепление союза с США являлось гарантом обеспечения безопасности Японии в соответствии со Стратегией безопасности Японии 2013 г. В октябре 2013 г. на встрече консультативного комитета по безопасности США и Японии министрами обороны двух стран было достигнуто соглашение о необходимости изложить стратегическое видение более крепкого союза двух стран, пересмотрев «Руководящие принципы японо-американского взаимодействия в области обороны» (далее — «Руководящие принципы») 1997 г. В 2015 г. были приняты новые «Руководящие принципы», которые повысили роль Японии в альянсе. Во-первых, документ был призван обеспечить мир и безопасность Японии и способствовать созданию стабильного, мирного и процветающего Азиатско-Тихоокеанского региона (ранее о вкладе в обеспечение безопасности региона в документе не говорилось).

Во-вторых, вклад Японии ранее ограничивался положениями Конституции, теперь — принципами обеспечения национальной безопасности и тремя неядерными принципами¹. Документ закрепил расширение взаимодействия Сил самообороны Японии и Вооруженных сил США, в том числе в области получения разведданных, воздушной и противоракетной обороны, морской безопасности, защиты активов и проведения совместных учений как на территории Японии, так и за ее пределами. Дополнительно были рассмотрены действия в случае атаки баллистическими ракетами [The Guidelines 2015]. Новый документ отвечал новым рискам — развитие ракетной программы КНДР и рост военной мощи Китая, а также был адаптирован с учетом новых возможностей японских ССО в сфере безопасности в свете нового законодательства.

В частности в случае возникновения конфликта в регионе или нападения на острова роль ССО Японии значительно возрастет, появились новые обязательства по защите самих США и союзников, что уже в 2015 г. создало условия для расширения потенциального военно-политического взаимодействия Японии со странами региона — Южной Кореей, Индией, Австралией [Крячкина 2016: 171–172].

6. Развитие дипломатического диалога по вопросам безопасности

Одной из задач политики безопасности при С. Абэ являлось расширение географии диалога. Помимо укрепления альянса с США, Япония стремилась к сохранению влияния в Юго-Восточной Азии. Важной составляющей развития многостороннего диалога безопасности является участие Японии в различных международных форматах диалога с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (далее — АСЕАН): прежде всего, в рамках Регионального форума АСЕАН (АРФ) и официальных встреч министров обороны АСЕАН+, министров иностранных дел АСЕАН (АММ).

¹ Три неядерных принципа Японии были приняты в 1967 г. и заключаются в следующем: не производить, не обладать, не ввозить ядерное оружие [Three Non-Nuclear Principles].

В 2016 г. Японией было предложено «Вьентьянское видение» (далее — «Видение»), которое стало руководящим принципом оборонного сотрудничества Японии и стран АСЕАН. Данная инициатива была направлена на расширение сотрудничества с АСЕАН в целом, а не только с отдельными государствами Ассоциации. В «Видении» нашло отражение стремление Токио наращивать потенциал в различных областях: гуманитарная помощь, ликвидация последствий стихийных бедствий, миротворческие операции, кибербезопасность, планирование укрепления обороны и др. Стороны договорились осуществлять обмен знаниями и опытом в области международного права, особенно в сфере морской безопасности, передаче оборонного оборудования и технологий, продолжать проведение многосторонних совместных учений [Vientiane Vision].

В 2019 г. на пятой встрече министров обороны Японии и стран АСЕАН, состоявшейся в Таиланде, министр обороны Т. Коно представил «Вьентьянское видение 2.0». Новое видение должно было углубить сотрудничество в области безопасности Японии и АСЕАН, основываясь на принципах «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» — обеспечении верховенства закона, укреплении морской безопасности и борьбе с нетрадиционными угрозами [Updating the Vientiane Vision 2019]. Это позволило Японии не только укрепить свои позиции в регионе, но и привлечь Ассоциацию к своему видению развития Индо-Тихоокеанского региона (далее — ИТР).

Одновременно с развитием диалога безопасности с АСЕАН японское правительство укрепляло связи со странами Юго-Восточной Азии по отдельности. Например, в январе 2015 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству и обмену в области обороны Японии и Филиппин», в мае 2018 г. — «Совместное видение Японии и Вьетнама по оборонному сотрудничеству». Оба документа были направлены не только на установление регулярного диалога между оборонными ведомствами, но и на установление морской безопасности, а в «Совместном видении» стороны

согласились с важностью мирного разрешения споров на основе международного права и скорейшего заключения эффективного кодекса поведения в Южно-Китайском море [Бо:эй хакусё 2021].

Таким образом, Токио стремился не только расширить внешнеполитические связи, но и повысить свою роль в решении споров в Южно-Китайском море и укрепить взаимодействие со странами, которое было направлено на ослабление роли Китая в Юго-Восточной Азии.

Япония ежегодно принимает участие в Азиатском саммите по безопасности «Диалог Шангри-Ла», на полях которого проходят трехсторонние встречи между Японией, Соединенными Штатами и Республикой Корея, а также между Японией, Соединенными Штатами и Австралией, а также индивидуальные встречи с министрами обороны США, Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии, Малайзии, Сингапура и других стран Азии и Европы.

Развивался также формат встречи министров обороны и министров иностранных дел «2+2». В 2013 г. в таком формате состоялся диалог с Российской Федерацией, в ходе которого были обсуждены вопросы урегулирования территориального спора и затронуты вопросы обеспечения безопасности в регионе, в том числе информационной.

Непредсказуемость администрации Д. Трампа вынудила Японию искать новые подходы к оборонной политике. В связи с этим С. Абэ удалось диверсифицировать внешнеполитические связи, наладив диалог с НАТО, Австралией, Индией и другими странами, значительно расширив дипломатическую географию.

В 2014 г. была опубликована «Индивидуальная программа партнерства и взаимодействия между Японией и НАТО», согласно которой японские Силы самообороны получили возможность принимать участие в учениях НАТО [Individual Programme], а также в операции «Океанский щит», направленной на борьбу с сомалийским пиратством [Joint Exercise 2014].

В ежегодном формате проводились встречи министров обороны Японии и

Австралии, в ходе которых главы оборонных ведомств подчеркивали приверженность принципу «баланса сил», ведущей роли США для его обеспечения и поддержания безопасности в Южно-Китайском море. Также был подписан ряд соглашений об обмене информацией, передаче оборонного оборудования и технологий, в 2019 г. также стартовала программа обмена в области науки и технологий [Нити-го бо:эй ко:рёку].

В сентябре 2014 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству и обмену в области обороны между Японией и Индией», а в декабре 2015 г. были подписаны японо-индийские «Соглашение о передаче оборонного оборудования и технологий» и «Соглашение о безопасности секретной военной информации», которые установили дополнительную институциональную основу для сотрудничества и обменов в области обороны между двумя странами и были призваны укрепить их отношения как партнеров, способных реагировать на региональные и глобальные вызовы. В ноябре 2019 г. состоялась первая встреча министров иностранных дел и обороны Японии и Индии в формате «2+2», на которой обе страны признали наличие новых вызовов безопасности и подтвердили свою приверженность развитию двустороннего сотрудничества в области безопасности [Бо:эй хакусё 2021].

С. Абэ не ограничивался странами Индо-Тихоокеанского региона. В 2017 г. была подписана совместная декларация Великобритании и Японии о сотрудничестве в области безопасности. В 2015 г. и 2019 г. были заключены соглашения с Францией.

Более того, в мае 2018 г. был принят механизм взаимодействия на море и в воздухе между оборонными ведомствами Японии и Китая, что свидетельствует о высокой дипломатической активности и открытости этих ведомств к взаимной поддержке.

Внешнеполитическую инициативу «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» также можно отнести к одному из направлений оборонной политики Японии, так как он зиждется на принципах «верховенства закона» и «морской безопасности» [Дзию:-дэ хиракарэта Индо-тайхэйё:

2021]. В «Основной программе национальной обороны (2019–2023)» подчеркивалась роль вооруженных сил стран Индо-Тихоокеанского региона в поддержании международного мира и региональной стабильности [National Defense Program 2019]. Свое развитие в области безопасности концепция получила уже после премьерства С. Абэ, однако уже при нем стал активнее развиваться диалог безопасности со странами ИТР.

Таким образом, Япония значительно усилила свою роль в диалоге безопасности как внутри Восточной и Юго-Восточной Азии, так и за ее пределами, чем повысила свой статус на мировой арене и показала готовность сотрудничать в целях сдерживания активности Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

7. Реформы в области безопасности — прорыв или наследие?

Политика в сфере безопасности, проводимая под руководством С. Абэ, привнесла существенные изменения в статус Сил самообороны и расширила их полномочия, отвечая таким образом на существующие региональные вызовы безопасности [Крячкина 2021: 78; Добринская 2018: 33]. Несмотря на это, представляется, что политика безопасности С. Абэ является естественным продолжением политики безопасности Японии, которая, хотя и медленно, двигалась к «нормализации» [Oros 2008: 172].

Первым шагом к этому стало учреждение в 1959 г. Сил самообороны Японии. В 1960 г. был подписан Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, который среди прочих условий не обязывал Японию оказывать помощь США в случае вступления США в войну с третьими странами.

В 1970-е гг. известный политик Я. Накасонэ, занимавший ряд важных постов в Либерально-демократической партии и Кабинете министров (в том числе главы Управления национальной обороны в 1970–1971 гг.), смог добиться открытой публикации Белой книги по обороне Японии, в которой была отражена возможность участия Сил самообороны совместно с американскими войсками в военных действиях в случае внешней агрессии.

В 1976 г. была опубликована первая «Основная программа национальной обороны», изначально ориентированная на сдержанную политику безопасности. Ключевой являлась «доктрина Ёсида», которая обозначила курс Токио на экономическое развитие, тесное сотрудничество с США и сведение к минимуму оборонных расходов. В 1978 г. были подписаны первые «Руководящие принципы японо-американского взаимодействия в области обороны», которые позволяли ССО Японии и США проводить совместные военные учения [Стрельцов 2018: 16].

В период Холодной войны обстановка безопасности в Восточной Азии позволяла Японии придерживаться идей пацифизма. КНДР и КНР на тот момент не представляли серьезной угрозы безопасности для региона.

После краха биполярной системы международных отношений перед Японией встала задача адаптироваться под новые мировые условия. В 1995 г. была принята новая «Основная программа национальной обороны» (далее — «Основная программа»), которая во многом повторяла принципы предыдущего документа, но в ней нашли отражение недавно проявившие себя вызовы — военная модернизация Китая, развитие стратегического вооружения Северной Кореи. В версии «Основной программы» 2004 г. было обозначено стремление к более активной и самостоятельной политике безопасности и созданию «многофункциональных, гибких и эффективных Сил самообороны» [Hinata-Yamaguchi 2021: 5–6]. Важно подчеркнуть, что «Основная программа» 2010 г., принятая при оппозиционном правительстве Демократической партии Японии, продолжила курс на динамическое развитие Сил самообороны Японии [Добринская 2018: 29].

С 1990-х гг. Силы самообороны принимали участие в миротворческих миссиях ООН и дислоцировались в Ираке в 2003 г. [Hinata-Yamaguchi 2021: 6]. Таким образом, к моменту вступления в должность премьер-министра С. Абэ уже была подготовлена база для дальнейшего развития Сил самообороны. Более того, изменения в гло-

бальной архитектуре безопасности привели к повышению требований со стороны США к своим союзникам и вынуждали Токио адаптироваться.

Вопрос внесения изменений в ст. 9 Конституции, который поднимался в период премьерства С. Абэ, также не был нов для японского политического истеблишмента. Он уже обсуждался в 1990-е гг., но из-за сопротивления оппозиции (социал-демократов и коммунистов) не получил своего развития [Горячева, Кожевников 2018: 136].

Таким образом, реформы, осуществленные в период премьерства С. Абэ, представляются логичным продолжением курса на возрастание роли Японии в обеспечении безопасности в Восточной Азии.

С. Абэ проявил себя активным политиком в вопросах безопасности, однако не смог реализовать намеченные в начале своего премьерского срока планы, в том числе по внесению изменений в Конституцию. Внутренние дебаты по вопросу статуса Сил самообороны и содержанию ст. 9 Конституции Японии по-прежнему сохраняют актуальность.

С. Абэ не раз подчеркивал важность японо-американского союза для обеспечения безопасности Японии, и Министерство обороны Японии расширило взаимодействие Сил самообороны с американским военным контингентом, дислоцированным на японской территории. Япония до сих пор полагается на альянс с Вашингтоном как на основную силу, способную ее защитить, и едва ли сможет самостоятельно справиться с внешними угрозами [Heginbotham, Samuels 2018: 145]. С другой стороны, так называемая «доктрина Абэ» позволила Японии еще больше приблизиться к американскому видению ситуации безопасности в регионе, согласно которому союзники США имеют большую самостоятельность в вопросах обороны [Hughes 2022: 695].

8. Заключение

Япония под руководством Синдзо Абэ смогла совершить скачок в обеспечении собственной безопасности, умело сочетая

либеральный и реалистичный подходы. Концепция «активного пацифизма» включала в себя как традиционные для Японии подходы к вопросам безопасности — пацифизм, развитие многостороннего диалога в регионе, так и новаторство премьер-министра — усиление обороноспособности страны и расширение списка стран, с которыми осуществляется взаимодействие.

Так, с одной стороны, Токио стремился сохранить и развивать многосторонний дипломатический диалог — Япония заключила ряд оборонных соглашений со странами АСЕАН, Австралией, Индией и другими государствами. С другой стороны, были осуществлены реформы, повысившие боеготовность Сил самообороны и расширившие их полномочия. Активный пацифизм стимулировал международную активность Сил самообороны по обеспечению мира и безопасности не только Японии, но и региона в целом. Об этом свидетельствует пакет законов о коллективной самообороне, заключение соглашений о гуманитарной деятельности Сил самообороны и их содействие в ликвидации последствий стихийных бедствий.

Активный пацифизм С. Абэ нашел отражение в концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», основанной в том числе на уважении существующего морского порядка, включая свободу судоходства, и верховенстве закона — правовой основы, регулирующей управление на морском пространстве — споры, возникающие на морях. Согласно концепции, закон должен быть инструментом решения разногласий, что также является проявлением либерального подхода японского правительства к вопросам безопасности.

Политика безопасности С. Абэ показала высокую степень адаптивности Японии к быстро меняющимся региональным условиям. Япония стремилась обеспечить безопасность в условиях роста военного потенциала Китая, развития ядерной программы КНДР и изоляционистской политики администрации Д. Трампа. В то же время она сохранила приверженность своим принципам «пацифизма», сформулированным в послевоенное время.

Литература

- Асаи 2013 — *Asai Kадзуо*. Нихон-бан NSC Кокка андзэн хосё: кайги) но гайо:-то кадай: Нихон-бан NSC ко:со:, Бэй-эй-то но хикаку, кадай-о тю:син-ни (= Обзор и проблемы Совета национальной безопасности Японии: фокус на концепции Совета национальной безопасности Японии, сравнение с США и Великобританией, а также проблемы). Тё:са-то дзё:хо: = Issue Brief. 2013. № 801. С. 1–12. (На яп.)
- Бо:эй хакусё 2013 — Хэйсэй 25-нэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2013) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2013/2013/index.html (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)
- Бо:эй хакусё 2014 — Хэйсэй 26-нэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2014) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2014/html/nk100000.html (Дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)
- Бо:эй хакусё 2016 — Хэйсэй 28-нэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2016) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2016/html/nk000000.html (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)
- Бо:эй хакусё 2017 — Хэйсэй 29-нэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2017) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2017/html/nk000000.html (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)
- Бо:эй хакусё 2019 — Рэйва ганнэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2019) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2019/html/nk000000.html (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)
- Бо:эй хакусё 2020 — Рэйва 2-нэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2020) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2020/html/nk000000.html (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)

References

- Asai K. National Security Council (Japan): An overview and challenges (Its concept, comparison with the US and UK, problems). *Chōsa to jōhō (Issue Brief)*. 2013. No. 801. Pp. 1–12. (In Jap.)
- Japan's Defense White Paper 2013. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2013/2013/index.html (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)
- Japan's Defense White Paper 2014. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2014/html/nk100000.html (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)
- Japan's Defense White Paper 2016. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2016/html/nk000000.html (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)
- Japan's Defense White Paper 2017. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2017/html/nk000000.html (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)
- Three Non-Nuclear Principles // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/> (<https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/>) (дата обращения: 22 March 2025).
- Japan's Defense White Paper 2020. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2020/html/nk000000.html (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)

- Бо:эй хакусё 2021 — Рэйва 3-нэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2021) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2021/html/nk000000.html (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)
- Горячева, Кожевников 2018 — Горячева Е. А., Кожевников В. В. О пересмотре Конституции Японии // Россия и АТР. 2018. № 1(99). С. 133–147.
- Дзию:-дэ хиракарэта Индо-Тайхэйё: 2021 — «Дзию:-дэ хиракарэта Индо-Тайхэйё:» бидзён-ни окэру бо:эйсё:-но торикуми (= Усилия Министерства обороны по реализации концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»)[электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: https://www.mod.go.jp/j/press/book/pamphlet/pdf/indo_pacific_j.pdf (дата обращения: 22.03.2025) (На яп.)
- Добринская 2015 — Добринская О. А. Реформы Абэ Синдзо в сфере политики обеспечения национальной безопасности // Япония: консервативный поворот / рук. проекта Э. В. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 236–257.
- Добринская 2018 — Добринская О. А. О некоторых аспектах эволюции внешней политики Японии // Японские исследования. 2018. № 2. С. 23–37. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10009
- Киреева 2015 — Киреева А. А. Реинтерпретация Конституции Японии: последствия для Восточной Азии и России // Российское японоведение сегодня: к 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 46–54.
- Кисида 2015 — Дай 189-кай Коккай ни окэру Кисида гаймудайдзин но гайко: эндзэцу (= Выступление министра иностранных дел Кисиды на 189-й сессии Парламента Японии) [электронный ресурс] // Либерально-демократическая партия Японии. URL: <https://www.jimin.jp/news/policy/127058.html> (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)
- Кокка андзэн 2013 — Кокка андзэн хосё: сэнряку (= Национальная стратегия безопасности) 2013 [электронный ресурс] // Cabinet Secretariat. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-j.pdf> (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)
- Japan's Defense White Paper 2021. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2021/html/nk000000.html (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)
- Goryacheva E. A., Kozhevnikov V. V. The revision of the Constitution of Japan. *Russia and the Pacific*. 2018. No. 1(99). Pp. 133–147. (In Russ.)
- Free and Open Indo-Pacific: Efforts of [Japan's] Ministry of Defense. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: https://www.mod.go.jp/j/press/book/pamphlet/pdf/indo_pacific_j.pdf (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)
- Dobrinskaya O. A. Security policy reforms by Abe Shinzo. In: Markaryants (Markaryan) S. B., Molodyakova E. V. (eds.) *Japan: Turn to Conservatism*. Moscow: AIRO-XXI, 2015. Pp. 236–257. (In Russ.)
- Dobrinskaya O. A. On some aspects of evolution of Japan's foreign policy. *Japanese Studies in Russia*. 2018. No. 2. Pp. 23–37. (In Russ.). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10009
- Kireeva A. A. Constitution of Japan and its reinterpretation: Consequences for East Asia and Russia. In: Kistanov V. O. et al. (eds.) *Japanese Studies in Russia. Jubilee conference proceedings* (Moscow, 19 December 2014). Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2015. Pp. 46–54. (In Russ.)
- Speech of Foreign Minister Kishida at the 189th Ordinary Session of the Diet. On: Liberal Democratic Party of Japan (website). Available at: <https://www.jimin.jp/news/policy/127058.html> (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)
- National Security Strategy [December 17, 2013]. On: Cabinet Secretariat (website). 2013. Available at: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-j.pdf> (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)

- Конституция Японии 1997 — Конституция Японии // Конституции зарубежных государств / сост. В. В. Маклаков. М.: БЕК, 1997. С. 433–456.
- Крупянко, Арешидзе 2012 — *Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г.* Японский национализм. Идеология и политика. М.: Международные отношения, 2012. 416 с.
- Крячкина 2013 — *Крячкина Ю. А.* Возвращение сильной Японии? Токио осваивается в новой региональной обстановке // Национальная оборона. 2013. № 5(86). С. 4–10.
- Крячкина 2016 — *Крячкина Ю. А.* Японо-американский союз: время перемен? // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 1(34). С. 168–182.
- Крячкина 2021 — *Крячкина Ю. А.* Специфика формирования оборонной политики Японии при кабинете Синдзо Абэ // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2(65). С. 70–84. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_2_70
- Нитиго: бо:эй кё:рёку — Нитиго: бо:эй кё:рёку (= Сотрудничество Японии и Австралии в области обороны) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. 2023. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/exchange/area/pacific/pdf/australia_20230116.pdf (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)
- Стрельцов 2018 — *Стрельцов Д. В.* Мэверик японской политики эпохи холодной войны (к 100-летию со дня рождения Накасонэ Ясиро) // Ежегодник Японии. 2018. № 47. С. 9–28.
- Сэккёкутэки хэйвасюги дзицугэн 2018 — Сэккёкутэки хэйвасюги дзицугэн но тамэ но тэйгэн I – Вагакуни о маморинуку бо:эй тайсэй но кё:ка (= Рекомендации по реализации проактивного пацифизма I: Укрепление оборонной системы Японии) // Sasakawa Peace Foundation, Security Policy Group. 2018. 50 с. (На яп.)
- Heginbotham, Samuels 2018 — *Heginbotham E., Samuels R. J.* Active Denial: Redesigning Japan's Response to China's Military Challenge // *International Security*. Vol. 42. No. 4 (May). 2018. Pp. 128–169.
- Hinata-Yamaguchi 2021 — *Hinata-Yamaguchi Ryo.* Developments in Japan's Defense Strategies and Readiness: Is the Glass Half Full or Half Empty? // *Asie. Visions*, 124, IFRI, October 2021. 28 p.
- Constitution of Japan. In: Maklakov V. V. (comp.) *Constitutions of the World*. Moscow: BEK, 1997. Pp. 433–456.
- Krupyanko M. I., Areshidze L. G. *Japanese Nationalism: Ideology and Policy*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2012. 416 p. (In Russ.)
- Kryachkina Yu. A. Strong Japan is back? Tokyo adapts to the new regional agenda. *National Defense*. 2013. No. 5(86). Pp. 4–10. (In Russ.)
- Kryachkina Yu. A. Japan-US alliance: Changing times? *National Strategy Issues*. 2016. No. 1(34). Pp. 168–182. (In Russ.)
- Kryachkina Yu. A. Specifics of defense policy formulation by Shinzo Abe's Cabinet. *National Strategy Issues*. 2021. No. 2(65). Pp. 70–84. (In Russ.). DOI: 10.52311/2079-3359_2021_2_70
- Japan-Australia defense cooperation. On: Ministry of Defense of Japan (website). 2023. Available at: https://www.mod.go.jp/j/approach/exchange/area/pacific/pdf/australia_20230116.pdf (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)
- Streltsov D. V. The Maverick of Japanese politics of the Cold War era (Commemorating the 100th anniversary of Nakasone Yasuhiro). *Yearbook Japan*. 2018. Vol. 47. Pp. 9–28. (In Russ.). DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10001
- Policy Proposals for Implementing 'Proactive Contribution to Peace I' — Strengthening Japan's Defense System. On: Sasakawa Peace Foundation (website). 2018. Available at: <https://www.spf.org/global-data/20180907165603270.pdf> (accessed: 29 March 2025). (In Jap.)
- Heginbotham E., Samuels R. J. Active denial: Redesigning Japan's response to China's military challenge. *International Security*. 2018. Vol. 42. No. 4. Pp. 128–169. (In Eng.)
- Hinata-Yamaguchi R. Developments in Japan's Defense Strategies and Readiness: Is the Glass Half Full or Half Empty? (Asie. Visions 124). Paris: IFRI (Center for Asian Studies), 2021. 28 p. (In Eng.)

- Hughes 2022 — *Hughes C. W.* Remilitarization in Japan // *The Oxford Handbook of Japanese Politics*. New York: Oxford University Press, 2022. Pp. 681–700.
- Individual Programme — Individual Partnership and Cooperation Programme Between Japan and NATO, 2014 [электронный ресурс] // North Atlantic Treaty Organisation. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2014_05/20140507_140507-IP-CP_Japan.pdf (дата обращения: 22.03.2025).
- International Contributions 2014 — International Contributions of Japan Self-Defense Forces [электронный ресурс] // Government of Japan. URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/spring-summer2014/international_contributions_of_apan.html (дата обращения: 22.03.2025).
- Joint Exercise 2014 — Joint Exercise in Counter Piracy activities between Japan and NATO, 2014 [электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_000438.html (дата обращения: 09.04.2025).
- National Defense Program 2019 — National Defense Program Guidelines for FY 2019 and beyond [электронный ресурс] // Web Archiving Project (WARP). URL: https://warp.da.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11591426/www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/20181218_e.pdf (дата обращения: 22.03.2025).
- Oros 2008 — *Oros Andrew L.* Normalizing Japan: Politics, Identity and the Evolution of Security Practice. Stanford: Stanford University Press, 2008. 282 p.
- Pugliese, Patalano 2020 — *Pugliese G., Patalano A.* Diplomatic and Security Practice under Abe Shinzō: The Case for Realpolitik Japan // *Australian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 74. Is. 6. Pp. 615–632. DOI: 10.1080/10357718.2020.1781790
- The Guidelines 2015 — The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation April 27, 2015 [электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf> (дата обращения: 22.03.2025).
- Hughes C. W. Remilitarization in Japan. In: *The Oxford Handbook of Japanese Politics*. New York: Oxford University Press, 2022. Pp. 681–700. (In Eng.)
- Individual Partnership and Cooperation Programme between Japan and NATO. On: North Atlantic Treaty Organization (website). Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2014_05/20140507_140507-IPCP_Japan.pdf (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)
- International contributions of Japan Self-Defense Forces. On: Government of Japan (website). Available at: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/spring-summer2014/international_contributions_of_apan.html (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)
- Joint exercise in counter piracy activities between Japan and NATO. On: Ministry of Foreign Affairs of Japan (website). Available at: https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_000438.html (accessed: 9 June 2025). (In Eng.)
- National Defense Program Guidelines for FY 2019 and beyond. On: Web Archiving Project (WARP). Available at: https://warp.da.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11591426/www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/20181218_e.pdf (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)
- Oros A. L. Normalizing Japan: Politics, Identity, and the Evolution of Security Practice. Stanford: Stanford University Press, 2008. 282 p. (In Eng.)
- Pugliese G., Patalano A. Diplomatic and security practice under Abe Shinzō: The case for Realpolitik Japan. *Australian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 74. No. 6. Pp. 15–632. (In Eng.) DOI: 10.1080/10357718.2020.1781790
- The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation [April 27, 2015]. On: Ministry of Foreign Affairs of Japan (website). Available at: <https://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf> (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)

- Three Non-Nuclear Principles — Three Non-Nuclear Principles // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/> (<https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/>) (дата обращения: 29.12.2025).
- Vientiane Vision — Vientiane Vision: Japan's Defense Cooperation Initiative with ASEAN [электронный ресурс] // Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/vientianevision/index.html (дата обращения: 22.03.2025).
- Updating the Vientiane Vision 2019 — Updating the “Vientiane Vision: Japan’s Defense Cooperation Initiative with ASEAN [электронный ресурс] // Ministry of Defense of Japan. Nov. 2019. URL: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/admm/06/vv2_en.pdf (дата обращения: 22.03.2025).
- Three Non-Nuclear Principles. On: Ministry of Foreign Affairs of Japan (website). Available at: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/> (<https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/>) (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)
- Vientiane Vision: Japan’s Defense Cooperation Initiative with ASEAN. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/vientianevision/index.html (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)
- Updating the “Vientiane Vision: Japan’s Defense Cooperation Initiative with ASEAN”. On: Ministry of Defense of Japan (website). November 2019. Available at: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/admm/06/vv2_en.pdf (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 795–810, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 338.22.01

Турецкое экономическое чудо как миф

Давид Гургенович Бдоян¹,
 Эльдар Соломонович Манаширов²

The Turkish Economic Miracle as a Myth

David G. Bdoyan¹,
 Eldar S. Manashirov²

¹ Московский государственный институт между-
 народных отношений Министерства иностран-
 ных дел России (д. 76, пр. Вернадского, 119454
 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-2810-3808. E-mail: [d.g.bdoyan\[at\]gmail.com](mailto:d.g.bdoyan[at]gmail.com)

MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454
 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

² Высшая школа экономики (д. 20, ул. Мясниц-
 кая, 101000 Москва, Российская Федерация)

студент

 0009-0008-4453-4051. E-mail: [manashirov25\[at\]gmail.com](mailto:manashirov25[at]gmail.com)

National Research University Higher School of
 Economics (20, Myasnitskaya St., 101000 Moscow,
 Russian Federation)

Student

© КалмНЦ РАН, 2025

© Бдоян Д. Г., Манаширов Э. С., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Bdoyan D. G., Manashirov E. S., 2025

Аннотация. *Введение.* Данная статья нацелена на проведение критического анализа феномена «турецкого экономического чуда» периода 2002–2010 гг. и последовавших за ним кризисных явлений, а также их влияния на позиционирование Турции на международной арене в соответствии с авторской концепцией и методологией, описанной Эльдаром Манашировым в научной монографии «Клуб разных миров: картография богатства и бедности». *Материалы и методы.* На основе сравнительного анализа ключевых макроэкономических показателей Турции и референтной группы развивающихся стран выявлены структурные дисбалансы турецкой экономической модели: хронически отрицательный счет текущих операций, низкая доля высокотехнологичного экспорта и чрезмерная зависимость от потребительского кредитования. Особое внимание уделено нетрадиционной монетарной политике последних лет, основанной на неофишерманском подходе, противоречащем конвенциональной экономической теории. Представлена теоретико-игровая модель взаимодействия государства и инвесторов, объясняющая формирование равновесий в экономике Турции. *Результаты.* Таким образом, в результате анализа выявлены факторы, подрывающие устойчивость турецкой экономики, которые ставят под сомнение ее долгосрочные перспективы. В свою очередь монетарная политика Турции привела к нестабильности валютного курса и инфляционным давлениям, что негативно сказалось на инвестиционном клима-

те. В контексте геополитики относительные экономические успехи 2000-х гг. способствовали эволюции внешнеполитической стратегии Турции от европоцентричности и миролюбивости к возрождению идеологии неоосманизма. Внешняя политика Турции стала более проактивной и агрессивной, а внутривластные процессы способствовали росту авторитарных тенденций в правлении Партии справедливости и развития. *Выводы.* В результате исследования авторы пришли к выводу, что концепция «турецкого экономического чуда» является несостоятельной, необходимы фундаментальные корректировки экономической стратегии страны. Особенно остро этот вопрос стоит в условиях наличия серьезных вызовов геополитическим амбициям Турции, в том числе в контексте несоответствия неоосманских амбиций ее экономическим возможностям на современном этапе.

Ключевые слова: турецкая экономика, экономическое чудо, монетарная политика, неофишерский подход, инфляция, структурные дисбалансы, теория игр, stagflation, развивающиеся рынки, инвестиционный климат, геополитика, неоосманизм

Для цитирования: Бдоян Д. Г., Манаширов Э. С. Турецкое экономическое чудо как миф // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 4. С. 795–810. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-795-810

Abstract. Goals. The article presents a critical analysis of the ‘Turkish economic miracle’ of 2002–2010 and the subsequent crises, as well as their impacts on the geopolitical positioning of Turkey in accordance with an original concept and methodology. *Materials and methods.* The comparative analysis of key macroeconomic indicators for Turkey and a reference group of developing countries reveals certain structural imbalances of the Turkish economic model: a chronically negative current account, a low share of high-tech exports, and excessive dependence on consumer lending. These factors undermine the stability of the economy and call into question its long-term prospects. Particular attention is paid to the unconventional monetary policy of recent years based on a neo-Fisherian approach that contradicts conventional economic theory. This policy has led to exchange rate instability and inflationary pressures, which have negatively affected the investment climate. The paper introduces a game-theoretic model of interaction between the government and investors to explain the formation of equilibria in the Turkish economy. *Results.* Thus, as a result of the comparative analysis, factors undermining the sustainability of the Turkish economy have been identified, which cast doubt on its long-term prospects. In turn, Turkey's monetary policy led to exchange rate instability and inflationary pressures, which negatively affected the investment climate. In terms of geopolitics, it is noted that the relative economic successes of the 2000s contributed to the evolution of Turkey's foreign policy strategy from Eurocentricity and peacefulness — to the revival of neo-Ottoman ideologies. Turkey's foreign policy has become more proactive and aggressive, while domestic political processes have contributed to the growth of authoritarian tendencies in the government of the Justice and Development Party. *Conclusions.* The article concludes that the concept of ‘economic miracle’ is untenable, that the country's economic strategy needs a fundamental adjustment, and that there are serious challenges to its geopolitical ambitions, including in the context of the discrepancy between neo-Ottoman ambitions and Turkey's economic capabilities at the present stage.

Keywords: Turkish economy, economic miracle, monetary policy, neo-Fisherian approach, inflation, structural imbalances, game theory, stagflation, emerging markets, investment climate, geopolitics, Neo-Ottomanism

For citation: Bdoyan D. G., Manashirov E. S. The Turkish Economic Miracle as a Myth. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 795–810. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-795-810

1. Введение

Исследование экономики Турции представляет собой не только академический интерес, но и значительную практическую ценность для понимания специфики развития стран с формирующимися рынками. С начала 2000-х гг. турецкая экономика стала

объектом пристального внимания мировой общественности, а политическое руководство страны регулярно заявляло о формировании своеобразного «экономического чуда», результатом которого должно было стать вхождение Турции в число ведущих экономик мира.

Однако при детальном рассмотрении фактического состояния турецкой экономики обнаруживается существенное расхождение между официальной риторикой и реальным положением дел. Кризисные явления последних лет — обвальное падение курса лиры, галопирующая инфляция и снижение уровня жизни населения — заставляют ставить под сомнение концепцию «турецкого экономического чуда» и переосмыслить опыт экономических преобразований в этой стране.

В научном дискурсе относительно турецкой экономической модели сформировались противоположные позиции. С одной стороны, ряд исследователей, таких как Н. Ю. Ульченко, рассматривает период экономического роста 2002–2010 гг. как следствие удачных структурных реформ и называют его «турецким чудом» [Ульченко 2010: 125]. В их работе подчеркивается, что Турция смогла добиться впечатляющих показателей роста ВВП, привлечения иностранных инвестиций и увеличения экспорта. С другой стороны, критические исследования Д. Родрика [Rodrik 2009: 1–26], С. Курсата и К. Текина выявляют структурные дисбалансы турецкой экономики и указывают на не состоятельность стратегии экономического развития, основанной преимущественно на потребительском кредитовании и строительном буме [Cinar, Kose 2015: 12].

Настоящее исследование ставит целью проведение комплексного анализа экономической модели Турции и выявление фундаментальных причин кризисных явлений, наблюдаемых в турецкой экономике. Данная работа не только критически переосмысливает концепцию «турецкого экономического чуда», но и предлагает теоретико-методологические инструменты для анализа экономических моделей развивающихся стран, позволяющие дифференцировать устойчивый экономический рост от временных конъюнктурных всплесков, которые обусловлены экзогенными факторами.

Трансформация турецкой экономики за последние три десятилетия представляет собой сложный и неоднозначный процесс, характеризующийся чередованием периодов бурного роста и острых кризисов. Рубеж

1990-х гг. ознаменовался для Турции началом серьезных экономических преобразований под влиянием общемировой тенденции к либерализации и глобализации. Примечательно, что уже тогда проявились характерные черты турецкой экономической модели: высокая волатильность темпов роста, хроническая инфляция и зависимость от внешнего финансирования [Ульченко 2011: 20].

Финансовый кризис 2001 г. стал поворотным моментом в экономической истории современной Турции. Обвал национальной валюты на 40 %, банкротство значительной части банковского сектора и глубокая рецессия потребовали разработки новой экономической стратегии. Под руководством министра экономики Кемаля Дервиша была реализована программа стабилизации, включавшая укрепление банковского сектора, сокращение бюджетного дефицита и структурные реформы. Эта программа, поддержанная кредитами Международного валютного фонда на сумму более 20 млрд долл., заложила основу для последующего экономического подъема.

Приход к власти Партии справедливости и развития (далее — ПСР) во главе с Реджепом Эрдоганом в 2002 г. совпал с началом периода относительной экономической стабильности. В период с 2002 г. по 2013 г. турецкая экономика демонстрировала впечатляющие показатели роста — в среднем около 5,8 % в год. Объем экспорта увеличился с 36 млрд долл. до 152 млрд долл., а прямые иностранные инвестиции выросли с 1 млрд долл. до 19,2 млрд долл. в год. Номинальный ВВП Турции увеличился с 238 млрд долл. до 950 млрд долл., что позволило стране войти в двадцатку крупнейших экономик мира [Аббасов 2017: 73].

Однако углубленный анализ источников этого роста выявляет его неустойчивую природу. Экономический подъем был в значительной степени обусловлен благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, характеризовавшейся избытком ликвидности на мировых финансовых рынках и низкими процентными ставками. Турция активно использовала эту ситуацию, привлекая иностранный капитал преимущественно в форме портфельных инвестиций и краткосроч-

ных займов. Это обеспечивало финансирование дефицита текущего счета, который к 2013 г. достиг критического уровня в 7,7 % ВВП, что сделало экономику чрезвычайно уязвимой к изменениям настроений международных инвесторов.

Структура экономического роста также вызывает вопросы. Основным драйвером роста было внутреннее потребление, финансируемое за счет кредитной экспансии. Отношение частного долга к ВВП увеличилось с 15 % в 2003 г. до 70 % в 2013 г. Значительная часть инвестиций была направлена в строительство и недвижимость, что создавало видимость экономического бума, но не способствовало развитию экспортоориентированных и высокотехнологичных отраслей.

Переломный момент наступил в 2013 г., когда Федеральная резервная система США объявила о планах сворачивания программы количественного смягчения. Это привело к оттоку капитала с развивающихся рынков, включая Турцию. Курс лиры начал снижаться, инфляционное давление усилилось. Однако вместо коррекции экономического курса правительство Эрдогана предпочло краткосрочные меры стимулирования экономики и сохранение низких процентных ставок вопреки росту инфляции [Elliott 2013].

Ситуация усугубилась после неудачной попытки государственного переворота в июле 2016 г., которая привела к установлению президентской системы и усилению авторитарных тенденций в управлении. Экономическая политика стала все больше подчиняться политическим интересам правящей элиты, а не объективным экономическим потребностям. В 2018 г. валютный кризис привел к падению курса лиры на 40 %, что спровоцировало рост инфляции и процентных ставок [Никотин 2016: 85–87].

Текущее состояние турецкой экономики можно охарактеризовать как критическое. Инфляция, по официальным данным, превышает 60 % (по независимым оценкам — более 100 %), безработица сохраняется на высоком уровне, а реальные доходы населения снижаются¹. Неконвенциональная

монетарная политика, направленная на снижение процентных ставок вопреки высокой инфляции, привела к дальнейшему обесцениванию национальной валюты и подрыву доверия инвесторов.

2. Критический анализ неофишериянской политики Эрдогана

Монетарная политика турецкого правительства под руководством Реджепа Тайипа Эрдогана в последние годы представляет собой уникальный экономический эксперимент, бросающий вызов конвенциональному пониманию взаимосвязи между процентными ставками и инфляцией. Концептуальной основой данного эксперимента выступает так называемый «неофишериянский» подход, который коренным образом переворачивает доминирующие представления о механизмах денежно-кредитного регулирования и ставит под сомнение классические постулаты монетарной теории [Elliott 2013].

Сущность неофишериянского подхода заключается в инверсии причинно-следственной связи между процентными ставками и инфляцией. Согласно этой концепции, высокие номинальные процентные ставки не сдерживают, а, напротив, стимулируют инфляционные процессы в долгосрочной перспективе. Сторонники данной теории утверждают, что номинальные процентные ставки включают в себя инфляционную премию, а потому высокие ставки фактически «сигнализируют» рынку о высокой инфляции в будущем, формируя тем самым соответствующие инфляционные ожидания, которые впоследствии реализуются на практике. Исходя из этой логики, президент Р. Т. Эрдоган настойчиво продвигает идею о том, что снижение процентных ставок должно привести к сокращению инфляции — тезис, противоречащий большинству эмпирических исследований и теоретических моделей современной макроэкономики [Gobbi et al. 2022: 1–21].

Радикальный отход от ортодоксальной монетарной теории наиболее ярко проявляется при сопоставлении неофишериянских идей с классическим уравнением Фишера, согласно которому:

¹ Турция — Уровень инфляции [электронный ресурс] // URL: <https://ru.tradingeconomics.com/>

turkey/inflation-cpi (дата обращения: 11.04.2025).

$$M(t) \cdot V(t) = P(t) \cdot Y(t) \quad (1),$$

где $M(t)$ — денежная масса в обращении, $V(t)$ — скорость обращения денег, $P(t)$ — уровень цен, $Y(t)$ — реальный объем производства в период t .

Данное уравнение лежит в основе количественной теории денег и предполагает, что при относительно стабильной скорости обращения денег увеличение денежной массы (являющееся следствием мягкой монетарной политики и низких процентных ставок) неизбежно приводит к росту уровня цен, т. е. к инфляции, если только этот рост не компенсируется соответствующим увеличением реального объема производства. Неофишерианская интерпретация, напротив, переворачивает это причинно-следственное отношение, предполагая, что именно уровень процентных ставок непосредственно определяет темп инфляции в долгосрочном периоде.

Переосмысление классического уравнения количественной теории денег в неофишерианском ключе сопряжено с игнорированием краткосрочных и среднесрочных эффектов денежно-кредитной политики, а также с недоучетом структурных факторов инфляции, специфических для экономики Турции. Весьма показательно, что турецкий вариант неофишерианства не представлен в виде последовательной теоретической модели с четко сформулированным математическим аппаратом, а существует скорее как совокупность разрозненных политических деклараций, не получивших систематического научного обоснования.

Для эмпирической проверки действенности неофишерианского подхода обратимся к анализу воздействия низких процентных ставок на динамику инфляции и экономического роста в Турции в период 2018–2023 гг. Данный временной интервал особенно информативен, поскольку включает несколько циклов снижения ключевой ставки Центрального банка вопреки ускоряющейся инфляции.

Расчет инфляции производился согласно стандартной формуле:

$$\pi(t) = [P(t) - P(t-1)]/P(t-1) \cdot 100 \quad (2),$$

где $\pi(t)$ — уровень инфляции в период t , $P(t)$ и $P(t-1)$ — уровни цен в периоды t и $t-1$ соответственно.

Наше исследование выявляет существенное расхождение между неофишерианскими ожиданиями и фактическими результатами политики низких процентных ставок. Наиболее драматичный эпизод произошел в 2021–2022 гг., когда, несмотря на инфляцию, превышавшую 70 %, Центральный банк Турции под политическим давлением снизил ключевую ставку с 19 % до 14 %. Результатом этого шага стал не спад, а, напротив, дальнейший всплеск инфляции, которая, по независимым оценкам, превысила 100 % в годовом исчислении. Турецкая лира обвалилась на 44 % по отношению к доллару США только за 2021 г., что привело к стремительному удорожанию импортируемых товаров и дальнейшему раскручиванию инфляционной спирали.

3. Системные дисфункции турецкой экономики

Исследование турецкой экономической модели обнаруживает целый комплекс взаимосвязанных структурных дисбалансов, которые в совокупности формируют фундаментальные ограничения для устойчивого развития страны. Эти дисбалансы не являются случайными отклонениями или следствием конъюнктурных колебаний, но представляют собой закономерный результат специфической модели роста, сложившейся в Турции за последние два десятилетия.

Турция в последние годы столкнулась с беспрецедентным валютным кризисом, масштаб которого превосходит даже потрясения рубежа веков. Стремительная девальвация лиры привела к серьезным последствиям для всего экономического механизма страны. Если в начале 2018 г. один доллар США можно было обменять примерно на 3,8 турецких лир, то к концу 2023 г. этот показатель превысил 29 лир за доллар, что означает обесценение национальной валюты более чем в 7,6 раз за пятилетний период.

Перманентный характер девальвации лиры запустил процесс интенсивной долларизации экономики — явления, при котором

экономические агенты стремятся перевести свои сбережения и активы в иностранную валюту, а также деноминировать в ней контракты и задолженности. По данным Центрального банка Турции, доля валютных депозитов в общем объеме банковских вкладов увеличилась с 31 % в 2015 г. до 65 % к концу 2022 г. Этот феномен создает своеобразную «валютную ловушку», в которой любое дополнительное ослабление лиры усиливает процесс долларизации, что в свою очередь оказывает дополнительное давление на курс национальной валюты [Надеин-Раевский 2023: 231].

Особую опасность представляет корпоративная долларизация. Турецкие компании нефинансового сектора накопили значительную внешнюю задолженность, деноминированную преимущественно в долларах США и евро. По состоянию на 2023 г. совокупная внешняя задолженность корпоративного сектора Турции составляет около 168 млрд долл. США, что соответствует 23 % ВВП страны. При продолжающемся обесценении лиры обслуживание этого долга становится все более обременительным для турецких компаний, что подрывает их финансовую устойчивость и инвестиционный потенциал.

Валютный кризис в Турции усугубляется специфической монетарной политикой, которая не соответствует общепринятым подходам к стабилизации валютного курса. Стандартный ответ на валютный кризис предполагает повышение процентных ставок для увеличения привлекательности активов в национальной валюте и сдерживания оттока капитала. Однако турецкие монетарные власти под политическим давлением придерживаются обратной страте-

гии, сохраняя ключевую ставку на уровне существенно ниже инфляции, что стимулирует дополнительный отток капитала и усиливает давление на лиру.

3.1. Зависимость от внешнего финансирования

Фундаментальной структурной проблемой турецкой экономики является хронический дефицит текущего счета платежного баланса, который указывает на устойчивый разрыв между внутренними сбережениями и инвестициями. В среднем за период 2003–2022 гг. дефицит текущего счета Турции составлял около 4,5 % ВВП, что значительно превышает показатели других стран с аналогичным уровнем развития (см. табл. 1).

Устойчивый характер дефицита текущего счета свидетельствует о глубоком структурном дисбалансе турецкой экономики — недостаточном уровне национальных сбережений для финансирования инвестиций. Это делает страну критически зависимой от притока иностранного капитала, без которого поддержание высоких темпов экономического роста становится невозможным. При этом структура иностранных инвестиций в Турцию вызывает серьезные опасения: преобладают краткосрочные портфельные инвестиции и заимствования, в то время как доля прямых иностранных инвестиций остается относительно низкой.

Зависимость от краткосрочного внешнего финансирования делает турецкую экономику чрезвычайно уязвимой к изменениям в глобальных финансовых условиях и настроениях международных инвесторов. Статистический анализ показывает высокую корреляцию (коэффициент 0,76) между оттоком портфельных инвестиций и перио-

Таблица 1. Динамика дефицита текущего счета платежного баланса Турции (% от ВВП)
[Table 1. Deficit dynamics of Turkey's balance of payments account, % of GDP]

Период	Среднее значение дефицита текущего счета
2003–2007	–4,2 %
2008–2012	–5,8 %
2013–2017	–3,9 %
2018–2022	–4,1 %

Источник: [IMF 2025a]; расчеты Э. С. Манаширова.

дами экономических кризисов в Турции за последние 15 лет.

Кризис внешнего финансирования усугубляется снижением международных резервов Турции. По данным на конец 2022 г., чистые международные резервы Турции с учетом своп-соглашений находились в отрицательной зоне (около -54 млрд долл.), что существенно ограничивает возможности Центрального банка по стабилизации курса национальной валюты и обслуживанию внешних обязательств.

3.2. Инвестиционная модель и ее проблемы

Инвестиционная модель Турции, сложившаяся в период так называемого «экономического чуда», демонстрирует серьезные структурные дефекты, которые подрывают долгосрочную устойчивость экономического развития страны. Основной проблемой является диспропорциональное распределение инвестиционных ресурсов между секторами экономики с чрезмерной концентрацией в непроемких сферах, прежде всего в строительстве и недвижимости [Ульченко 2011: 17–23].

Математическая формализация инвестиционной функции для турецкой экономики может быть представлена следующим образом:

$$I(t) = \alpha Y(t) - \beta R(t) \quad (3),$$

где $I(t)$ — объем инвестиций в момент времени t , $Y(t)$ — реальный ВВП, $R(t)$ — уровень внешнего долга, α и β — коэффициенты, отражающие чувствительность инвестиций к изменениям ВВП и внешнего долга соответственно.

Эконометрический анализ временных рядов за период 2005–2022 гг. позволяет оценить значения этих коэффициентов: $\alpha \approx 0,23$, что указывает на относительно низкую эластичность инвестиций по отношению к росту ВВП, и $\beta \approx 0,17$, что свидетельствует о значительном негативном влиянии накопленного внешнего долга на инвестиционную активность.

В 2010–2020 гг. доля строительного сектора в ВВП Турции достигла 8,7 % против 5 % в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), при

этом инвестиции в высокотехнологичные производства составляли всего 2,1 % ВВП, что ниже показателей стран-конкурентов. Это создало «пузырь» на рынке недвижимости, где цены выросли на 200 % в 2010–2022 гг., опережая рост доходов и снижая доступность жилья. К 2023 г. объем непроданного жилья достиг 2 млн единиц (7 % жилищного фонда страны).

3.3. Интегральная оценка динамики экономического развития

Для комплексного анализа траектории развития турецкой экономики целесообразно использовать интегральный подход, который позволяет оценить кумулятивное воздействие различных факторов на динамику экономического роста. Математически это можно выразить следующим образом:

$$Y(t) = Y(0) + \int_0^t [f(M(\tau), V(\tau), I(\tau)) - g(\pi(\tau))] dt \quad (4),$$

где $Y(t)$ — реальный ВВП в момент времени t , $Y(0)$ — начальный уровень ВВП, $M(\tau)$ — денежная масса, $V(\tau)$ — скорость обращения денег, $I(\tau)$ — инвестиции, $\pi(\tau)$ — инфляция, f и g — функции положительного влияния первых трех факторов и отрицательного влияния инфляции соответственно.

Анализ экономики Турции за 2003–2023 гг. выявил ключевой перелом в 2013 г., когда негативные факторы стали преобладать над позитивным влиянием факторов производства и денежной массы. Это совпало с началом политической нестабильности и отходом от традиционной экономической политики. Расчеты показывают, что к 2023 г. разрыв между фактическим и потенциальным ВВП (при сохранении политики 2003–2013 гг.) достиг почти 21 %, что равноценно потере примерно 185 млрд долл. национального дохода.

4. Теоретико-игровая модель экономических решений

Динамическая природа турецкой экономики и многоплановость кризисных явлений в ней делают целесообразным использование инструментария теории игр для анализа стратегического взаимодействия ключевых экономических акторов. Такой подход позволяет формализовать сложные

взаимозависимости между решениями различных участников экономического процесса и спрогнозировать возможные равновесия, возникающие в результате рациональных действий агентов.

Основные игроки: государство, инвесторы, потребители.

В контексте турецкой экономической модели ключевыми игроками выступают:

1) государство — определяет параметры монетарной, фискальной и регуляторной политики;

2) инвесторы — включают как внутренних, так и международных финансовых агентов, осуществляющих вложения в турецкую экономику;

3) потребители — домохозяйства, чьи решения о потреблении и сбережении формируют совокупный спрос.

4.1. Матрица стратегий и выигрышей

Стратегическое взаимодействие государства и инвесторов можно представить в виде следующей платежной матрицы (см. табл. 2).

В данной матрице Y обозначает уровень экономического роста, а π — уровень инфляции. Символы « $+$ », « 0 » и « $-$ » отражают соответственно повышение, сохранение без изменений или снижение соответствующего показателя.

Стратегии государства включают:

– S_1 : увеличение государственных расходов (экспансионистская фискальная политика);

– S_2 : снижение налоговой нагрузки (стимулирование через налоговые инструменты);

– S_3 : ужесточение денежно-кредитной политики (повышение процентных ставок).

Стратегии инвесторов представлены тремя возможными действиями:

– I_1 : активное инвестирование в турецкую экономику;

– I_2 : поддержание существующего уровня инвестиций;

– I_3 : вывод капитала из страны.

Интерпретация платежной матрицы позволяет выявить следующие закономерности:

1) стратегическая дилемма государства: мягкая фискальная политика (S_1 , S_2) потенциально способна стимулировать рост, но лишь при условии положительной реакции инвесторов;

2) рациональные ожидания инвесторов: выбор инвестиционной стратегии базируется на оценке долгосрочной устойчивости избранного государством курса;

3) множественность равновесий: в зависимости от исходных условий, репутации государства и степени доверия инвесторов могут формироваться различные равновесия — как благоприятные, так и неблагоприятные для экономического развития.

4.2. Анализ равновесий и оптимальных стратегий

Анализ игры в нормальной форме позволяет идентифицировать несколько потенциальных равновесий:

1) благоприятное равновесие (S_2 , I_1): снижение налоговой нагрузки стимулирует инвестиционную активность, что приводит к экономическому росту и снижению инфляционного давления благодаря увеличению предложения. Это равновесие соответствует ситуации «экономического чуда», наблюдавшейся в Турции в 2002–2012 гг.;

2) неблагоприятное равновесие (S_1 , I_3): экспансионистская фискальная политика воспринимается инвесторами как несбалансированная и рискованная, что приводит к оттоку капитала. Результатом становится снижение экономического роста при одновременном ускорении инфляции — стагфляционная ловушка, в которой оказалась турецкая экономика в 2018–2023 гг.;

Таблица 2. Влияние стратегий государства и инвесторов на экономические показатели
[Table 2. Impacts of government and investment strategies on economic indicators]

Государство / Инвесторы	(I_1) Инвестировать	(I_2) Удерживать	(I_3) Выводить
(S_1) Увеличить госрасходы	(Y^+ , π^-)	(Y^0 , π^0)	(Y^- , π^+)
(S_2) Снизить налоги	(Y^+ , π^-)	(Y^0 , π^0)	(Y^- , π^+)
(S_3) Ужесточить монетарную политику	(Y^- , π^+)	(Y^0 , π^0)	(Y^- , π^+)

Источник: составлено Э. С. Манашировым.

3) равновесие стабилизации (S_3 , I_2): жесткая монетарная политика не стимулирует приток новых инвестиций, но позволяет удерживать существующий капитал в стране, обеспечивая макроэкономическую стабильность и создавая предпосылки для будущего роста.

Расширенный анализ с включением динамической составляющей показывает, что рациональные ожидания инвесторов формируются не только на основе текущих решений государства, но и с учетом его репутации и истории предыдущих решений. Формально это можно выразить следующим образом:

$$P(I_1|S) = f(R_g, C_s, M_f) \quad (5)$$

$P(I_1|S)$ — вероятность выбора инвесторами стратегии активного инвестирования при заданной государственной стратегии S , R_g — репутационный капитал государства, C_s — последовательность (непротиворечивость) проводимой политики, M_f — фундаментальные макроэкономические показатели.

5. Сравнительный анализ показателей турецкой экономики и экономик других развивающихся стран

Для объективной оценки экономических результатов Турции целесообразно провести компаративный анализ ключевых макроэкономических индикаторов в сопоставлении с референтной группой стран, имеющих схожие стартовые условия, струк-

турные характеристики и геоэкономическое положение.

Главное структурное отличие турецкой модели от более успешных развивающихся экономик заключается в хронически отрицательном счете текущих операций при относительно невысокой норме инвестиций. Это свидетельствует о модели роста, основанной преимущественно на потреблении, а не на накоплении производственного капитала.

Другим важным фактором является высокая степень зависимости турецкой экономики от внешнего финансирования. В условиях глобальной финансовой нестабильности это приводит к значительным рискам. Резкое падение курса лиры в 2018 г. (за 47 дней она обесценилась на 35 %) стало следствием не только внутренней экономической политики, но и изменений в международной финансовой среде. В отличие от стран с более устойчивыми экономиками, таких как Бразилия или Мексика, которые смогли создать более диверсифицированные источники финансирования и снизить свою зависимость от иностранных кредиторов, Турция продолжает сталкиваться с проблемами привлечения долгосрочных инвестиций.

Кроме того, политическая нестабильность и авторитарные тенденции в управлении также играют значительную роль в формировании экономической среды. В то время как многие развивающиеся страны смогли добиться прогресса благодаря демократическим реформам и улучшению

Таблица 3. Среднегодовые темпы роста реального ВВП, 2003–2022 гг. (%)

[Table 3. Average annual real GDP growth rates, 2003–2022 (%)]

Показатель	Турция	Бразилия	Россия	Индия	Китай	Южная Корея
Рост реального ВВП, %	5,8	3,5	4,8	7,4	10,2	4,1
Инфляция, %	8,7	6,2	9,7	7,8	2,6	2,8
Счет текущих операций, % ВВП	–4,9	0,3	8,2	–1,7	5,3	2,6
Валовые инвестиции, % ВВП	22,3	19,4	21,8	33,7	43,2	31,2
Прямые иностранные инвестиции, млрд USD	12,7	38,4	26,8	22,5	106,8	9,3
Доля высокотехнологичного экспорта, %	2,2	11,5	8,3	7,5	27,1	29,8

Источник: [IMF 2025b; World Economic Outlook Update 2023].

правовой среды для бизнеса (например, Индонезия), в Турции наблюдается ухудшение инвестиционного климата из-за политических репрессий и ограничения свободы слова. Это создает дополнительные барьеры для привлечения иностранных инвестиций и ведет к утечке капитала.

Также стоит отметить влияние геополитических факторов на экономику Турции. Страна находится на пересечении важнейших торговых путей между Европой и Азией, что дает ей стратегическое преимущество. Однако это же положение делает ее уязвимой к региональным конфликтам и политическим кризисам. Военные операции в Сирии и напряженные отношения с соседними странами негативно сказываются на экономической стабильности страны.

6. Эволюция геополитики Турции в контексте экономических реформ

Ситуация в экономике способствовала значительной трансформации геополитических амбиций Турции. Турецкое «экономическое чудо» привело к тому, что страна стала более активной на международной арене. На протяжении всех 2000-х гг., пока проводились внутриэкономические реформы, главной геополитической концепцией Турции была «Стратегическая глубина», разработанная в 2001 г. Министром иностранных дел А. Давутоглу [Третьяк 2022: 117]. А. Давутоглу подчеркивал необходимость сосредоточения на геополитическом, геокультурном и геоэкономическом контексте, окружающем Турцию, а также на имеющихся у нее ресурсах. С начала 2000-х гг. были выделены пять ключевых принципов внешнеполитической активности Турции.

Первый принцип, названный «балансом между безопасностью и демократией», подразумевает, что легитимность политического режима определяется его способностью одновременно обеспечивать безопасность и свободу граждан. Второй принцип, получивший название «ноль проблем с соседями», акцентирует внимание на необходимости максимального сотрудничества с соседними государствами и нормализации двусторонних отношений. Третья составляющая внешнеполитической стратегии Турции

заключается в «проактивной, упреждающей и мирной дипломатии», направленной на предотвращение возникновения или эскалации кризисов. Четвертый принцип — это «приверженность многовекторной политике», которая предполагает установление взаимодополняющих отношений с различными международными акторами, избегая конкуренции. Наконец, пятый принцип акцентирует важность участия в международных организациях и активной позиции по вопросам глобального и межгосударственного значения с целью укрепления международных позиций Турции.

Таким образом, в 2000-х гг. на начальных этапах так называемого «экономического чуда» основное внимание уделялось сотрудничеству и развитию дружественных отношений с другими государствами через дипломатические методы. В этой связи в турецкой политической среде возникло понятие «новый стиль дипломатии», которое подчеркивало приоритет не военной силы, а «гражданско-экономической мощи» Турции и использование «мягкой силы» как основного инструмента внешней политики.

Стоит отметить, что термин «мягкая сила» не был широко распространен в риторике турецких политиков в период первого срока правления ПСР (2002–2007) и отсутствовал даже в «Стратегической глубине». Лишь в 2007–2008 гг. А. Давутоглу ввел понятие «невидимая сила», связывая его с дипломатическим успехом страны, достигнутым благодаря ее посреднической деятельности в регионе.

В 2009 г. А. Давутоглу провел ряд переговоров с высокопоставленными представителями Греции, что стало важным шагом к нормализации отношений между двумя странами, исторически находившимися в состоянии напряженности. Эти встречи способствовали обсуждению вопросов, касающихся миграции, энергетики и безопасности в Эгейском море.

Важным элементом политики «нулевых проблем» также стали усилия по улучшению отношений с арабскими странами. В 2010 г. А. Давутоглу посетил Сирию, где провел переговоры с Президентом Б. Асадом. В ходе этой встречи стороны обсудили

вопросы экономического сотрудничества и совместных проектов, таких как строительство инфраструктуры и развитие торговли. Это взаимодействие стало символом стремления Турции укрепить свои позиции на Ближнем Востоке и продемонстрировать свою роль как регионального лидера.

Кроме того, А. Давутоглу активно работал над улучшением отношений с Ираном. В 2010 г. он инициировал встречу с иранским министром иностранных дел М. Моттаки, на которой обсуждались вопросы ядерной программы Ирана и возможности для совместного экономического сотрудничества. Эти переговоры стали важным шагом к установлению более конструктивного диалога между двумя странами, несмотря на существующие разногласия.

Не менее значимой была инициатива по укреплению связей с государствами Южного Кавказа. В 2010 г. А. Давутоглу посетил Азербайджан и Армению, где провел встречи с руководством обеих стран. Эти визиты были направлены на снижение напряженности в регионе и поиск путей для разрешения конфликта вокруг Нагорного Карабаха. А. Давутоглу подчеркивал важность диалога и взаимопонимания для достижения стабильности в Кавказском регионе.

Политика «Ноль проблем с соседями» также включала и развитие экономических связей: Турция подписала ряд соглашений о свободной торговле с соседними государствами, что способствовало увеличению взаимных инвестиций и торговли. Непосредственной частью этой политики было сближение с Европейским союзом. Под руководством Партии справедливости и развития во главе с Р. Т. Эрдоганом Турция начала проводить реформы, направленные на соответствие Копенгагенским критериям ЕС, и в 2005 г. начались официальные переговоры между Анкарой и Брюсселем о вступлении страны в объединение.

Это событие стало значительным достижением для ПСР, подтвердившей свою способность реализовать стремление турецкого государства и народа к интеграции в ЕС. Население страны также выразило свою поддержку правящей партии и ее курсу: в 2004 г. более 70 % граждан одобряли идею

вступления в ЕС. Однако в последующие годы уровень поддержки начал неуклонно снижаться, и к 2010 г. он составил менее 40 %. Это снижение связано, прежде всего, с замедлением процесса внутривнутриполитических реформ и неопределенностью относительно перспектив членства Турции в объединении. Ключевым был вопрос приведения законодательства Турции в соответствие с общеевропейскими стандартами, в том числе в том, что касается взаимодействия с этническим меньшинством курдов, а также вопросы либерализации экономики и политической сферы.

Не менее противоречивым остается кипрский вопрос, который из года в год становится камнем преткновения в отношениях между Турцией и ЕС. С 1974 г. турецкая сторона осуществляет оккупацию северной части острова, на которой образована Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК), признанная лишь Анкарой. Если в 2000-х гг. и начале 2010-х гг. турецкое правительство было привержено решению кипрской проблемы посредством диалога, то в последнее время акцентируется внимание на невозможности этого [Eldani 2022: 218]. Ключевым здесь стало вступление ТРСК в состав Организации тюркских государств, которое показало, что Турция видит долгосрочное будущее данного государственного образования и будет бороться за его признание на международной арене.

Европейский путь Турции претерпел серьезный кризис на фоне общего движения политической системы страны к авторитаризму. Попытка военного переворота в 2016 г. и последующее ужесточение внутренней политики правительства оказало серьезное влияние на перспективы членства Турции в ЕС. За 11 лет с начала переговоров о членстве в 2005 г. было открыто только 16 из 35 глав соответствия Турции Копенгагенским критериям, а закрыта была лишь одна. С 2016 г. не было открыто ни одной новой главы, и в тот же год Европейский парламент принял резолюцию, призывавшую Еврокомиссию приостановить переговоры о вступлении Турции в объединение. Несмотря на компромиссы, достигнутые в марте 2016 г. по вопросам регулирования

черноморского потока мигрантов, по которому беженцы массово прибывали в Грецию и затем распространялись по всему ЕС, прогресса в переговорном процессе достигнуто не было. В результате из года в год привлекательность Турции для инвесторов снижается, за счет чего экономическая модель, основанная на постоянном притоке внешних ресурсов, постепенно истощает себя.

Необходимо отметить, что неудача Турции во вступлении в ЕС обусловлена не только политическими разногласиями, но и сугубо экономическими факторами. Не все секторы турецкой экономики продемонстрировали конкурентоспособность в рамках Таможенного союза с ЕС. Поток прямых иностранных инвестиций находился на низком уровне, а диспропорции в развитии прибрежных и юго-восточных регионов страны делали интеграцию в ЕС маловероятной. Уровень безработицы, особенно среди молодежи, также оставался высоким.

Как было указано выше, турецкое «экономическое чудо» 2002–2010 гг. имело специфическую структуру. В отличие от успешных моделей, основанных на инвестициях в производственный сектор и технологическое развитие, турецкий рост был в значительной степени обусловлен потребительским бумом, финансируемым за счет кредитования, и масштабным строительством. Это указывает на менее устойчивую и сбалансированную модель развития, в большей степени подверженную рискам и внешним факторам. Несмотря на это, положительные макроэкономические показатели того времени совместно с общими геополитическими трендами способствовали изменению геополитического позиционирования Турции от европеизма к неоосманизму.

Если в начале 2000-х гг. под руководством премьер-министра Р. Т. Эрдогана и его правительства Турция стремилась интегрироваться в Европейский союз, рассматривая это как стратегическую цель для модернизации страны и укрепления ее позиций на международной арене, то с началом Арабской весны в 2011 г. и масштабной реконфигурацией регионального баланса сил на Ближнем Востоке подход Турции к внешней политике начал меняться. ПСР под

руководством Р. Т. Эрдогана начала акцентировать все большее внимание на неоосманистских амбициях. Это выражалось в стремлении восстановить влияние Турции в регионах, которые когда-то входили в состав Османской империи. Внешняя политика стала более агрессивной: Турция активно вмешивалась в конфликты на Ближнем Востоке, поддерживая различные группировки и расширяя свое влияние в таких странах, как Ливия и Сирия.

Неоосманизм стал не только внешнеполитической доктриной, но и важным элементом внутренней идентичности. Турция перешла к использованию исторических нарративов для укрепления национального единства и легитимации своей власти. Это привело к изменению восприятия Турции как страны, стремящейся к европейской интеграции, к образу государства, которое активно отстаивает свои интересы на международной арене, опираясь на историческое наследие Османской империи.

Не будет преувеличением отметить, что в результате понимания глубинного кризиса турецкой экономической модели ПСР выбрала путь авторитаризма для сохранения собственной власти и укрепления дискурсивного образа Турции на международной арене. В период «мягкого авторитаризма» (2002–2013 гг.) ПСР проводила неолиберальную политику наряду с улучшением доступа к кредитам и социальным программам. Однако по мере ухудшения глобальных экономических условий и усиления противоречий неолиберализма к 2013 г. наступила фаза «жесткого авторитаризма», когда государство напрямую стало вмешиваться в экономику и избавляться от оппозиционных движений [Özdemir 2023: 1267].

Исследователи по-разному называют построенный в Турции режим. Некоторые делают акцент на двух противоборствующих внутри страны системах, называя его «конкурентным авторитаризмом» [Esen 2021: 155]. Другие являются сторонниками понимания современной Турции как «авторитарно-неолиберального» государства, в котором тесно переплетаются элементы обоих концептов [Altınörs, Akçay: 1029–1053]. В любом случае в том, что касается

позиционирования на международной арене, силы Турции как субрегионального актора оканчиваются на ее ограниченных экономических возможностях.

Масштабная внешнеполитическая активность в Средиземноморье и Леванте, странах Центральной Азии, а также вокруг Красного моря и в странах Африканского рога требует от Турции сильной и стабильной экономики. Экономический кризис, с которым сталкивается страна, оказывает значительное влияние на ее внешнеполитические амбиции и стратегические цели. Президент Р. Т. Эрдоган стремится превратить Турцию из субрегионального экономического центра в глобальную экономическую державу, что подразумевает не только рост внутреннего производства, но и активное привлечение иностранных инвестиций. Однако текущая экономическая ситуация, характеризующаяся высокой инфляцией и нестабильностью финансовых потоков, ставит под сомнение реализацию этих амбиций.

В рамках Двенадцатого плана развития (2024–2028) Турция нацелена на улучшение своего международного статуса и борьбу с инфляцией, что должно способствовать укреплению ее позиций на мировой арене. Однако фактические показатели иностранных инвестиций остаются ниже ожидаемых. В 2024 г. объем иностранных инвестиций, вероятно, останется на уровне 10,6 млрд долл. США, что значительно ниже пиковых значений 2007 г. [[Focus Business Türkiye 2024](#)]. Высокая инфляция, достигшая 85 % в октябре 2022 г. и остающаяся на уровне 47 % в ноябре 2024 г., также негативно сказывается на привлекательности страны для иностранных инвесторов.

Несмотря на усилия правительства по стабилизации экономики через жесткую монетарную политику, популярность правящей Партии справедливости и развития снизилась. На местных выборах в марте 2024 г. партия получила лишь 35 % голосов по сравнению с 52 % на национальных выборах предыдущего года. Это свидетельствует о растущем недовольстве населения и может повлиять на внешнеполитические решения страны. Это также способствует

росту внутривластной нестабильности и авторитарных тенденций в деятельности ПСР, которая во многом срастается с государственным аппаратом в результате процесса картелизации партийной системы Турции.

ПСР при поддержке Партии националистического движения преследует двойную стратегию: систематическое устранение политических соперников и продолжение давней политики Турции по ограничению прав курдского меньшинства. В 2025 г. заключение Э. Имамоглу — главного оппозиционного лидера — привело политический климат в Турции к точке кипения. Похожие процессы связаны с систематическими попытками Турции стереть курдскую идентичность, в том числе в контексте ее культурных инициатив. В 2025 г. Р. Т. Эрдоган предложил праздновать праздник Новруз — значимое культурное и политическое событие для курдов — коллективно «тюркским миром» под эгидой Организации тюркских государств.

Несмотря на амбициозные планы по расширению влияния в регионе и за его пределами, текущая экономическая нестабильность, высокая инфляция и растущий уровень бедности подрывают способность страны реализовывать свои стратегические цели [[Erol 2024: 927](#)]. Внутривластная нестабильность, усугубляемая ростом авторитаризма и репрессиями против оппозиции, создает дополнительное напряжение в обществе. Эти факторы могут привести к внутреннему взрыву, если правительство не сможет эффективно справиться с экономическими вызовами и восстановить доверие граждан.

7. Заключение

Проведенное исследование турецкой экономической модели позволяет сделать вывод о несостоятельности концепции «турецкого экономического чуда». Комплексный анализ макроэкономических показателей и структурных характеристик экономики Турции выявляет системные дисбалансы, препятствующие устойчивому долгосрочному развитию и создающие ограничения

для внешнеполитической активности Турции.

Сравнительный анализ с другими развивающимися экономиками наглядно демонстрирует, что рост турецкой экономики в 2002–2010 гг., воспринимавшийся как «экономическое чудо», основывался преимущественно на потребительском кредитовании и строительном буме, а не на накоплении производственного капитала и технологическом развитии. Об этом свидетельствует хронически отрицательный счет текущих операций при относительно невысокой норме инвестиций и крайне низкой доле высокотехнологичного экспорта (2,2 %) по сравнению с успешными экономиками Южной Кореи (29,8 %) и Китая (27,1 %).

Экономический эксперимент с применением неофишериянского подхода к монетарной политике, предпринятый в 2018–2023 гг., не только не подтвердил гипотезу о том, что снижение процентных ставок способствует сокращению инфляции, но и привел к прямо противоположному результату. Снижение ключевой ставки в условиях высокой инфляции вызвало обвальное падение курса лиры, стремительное удорожание импорта и дальнейшее раскручивание инфляционной спирали.

Построенная теоретико-игровая модель взаимодействия государства и инвесторов показывает, что нарушение последовательности макроэкономической политики и подрыв независимости Центрального банка приводят к формированию негативных ожи-

даний инвесторов и, как следствие, к оттоку капитала, что в конечном счете загоняет экономику в стагфляционную ловушку.

Таким образом, опыт Турции демонстрирует, что устойчивое экономическое развитие невозможно без структурных реформ, направленных на диверсификацию экономики, повышение технологичности экспорта, обеспечение макроэкономической стабильности и независимости монетарной политики. Вместо «экономического чуда» мы наблюдаем классический пример того, как краткосрочный рост, стимулируемый экзогенными факторами и потребительским кредитованием, без создания прочного фундамента в виде технологического развития и институциональных реформ, закономерно приводит к долгосрочным кризисным явлениям.

В рамках анализа внешнеполитического позиционирования Турции показателен факт, что Турция меняла свои геополитические амбиции по мере того, насколько успешными казались ее внутриэкономические реформы. На рубеже 2010-х гг. Турция перешла от политики «нуля проблем» А. Давутоглу к более проактивной и агрессивной политике неоосманизма, которая не соответствует ее современным экономическим возможностям. Экономическая нестабильность, высокая инфляция и растущий уровень бедности как результат некачественных реформ 2000-х гг. подрывают возможности страны для реализации ее стратегических целей на современном этапе.

Литература

- Аббасов 2017 — Аббасов Э. М. Российско-турецкие отношения в годы правления партии справедливости и развития (2003–2017 гг.) // Современная научная мысль. 2017. № 5. С. 68–97.
- Надеин-Раевский 2023 — Надеин-Раевский В. А. Турция: борьба с экономическими проблемами и активная внешняя политика // Год планеты: Ежегодник. 2022 / гл. ред. В. Г. Барановский. М.: Идея-Пресс, 2023. С. 223–234.

References

- Abbasov E. M. Russian-Turkish relations in the years of the partnership of the Justice and Development Party (2003–2017). *Modern Scientific Thought*. 2017. No. 5. Pp. 68–97. (In Russ.)
- Nadein-Raevskiy V. A. Türkiye: Fighting economic problems and an active foreign policy. In: Baranovsky V. G., Soloviev E. G. (eds.) *The Year of the Planet: Yearbook. Collected papers*. Moscow: Ideya-Press, 2023. Pp. 223–234. (In Russ.)

- Никотин 2016 — *Никотин Д. А.* Трансформация политических режимов после военного переворота // Наука Красноярья. 2016. Т. 5. № 5. С. 82–96.
- Никотин D. A. Political regime transformations after military coup. *Krasnoyarsk Science*. 2016. Vol. 5. No. 5. Pp. 82–96. (In Russ.)
- Третьяк 2022 — *Третьяк С. С.* Концепция Ахмета Давутоглу "Стратегическая глубина": теория и практика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. Т. 8(74). № 2. С. 109–123. EDN: HIZCPQ.
- Tretyak S. S. Concept "Strategic Depth" by Ahmet Davutoğlu: Theory and practice. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 2022. Vol. 8(74). No. 2. Pp. 109–123. (In Russ.)
- Ульченко 2010 — *Ульченко Н. Ю.* О новом подходе к периодизации экономической истории Турецкой Республики // Восток (Oriens). 2010. № 4. С. 115–127.
- Ulchenko N. Yu. A new approach to the division into periods of the economic history of the Turkish Republic. *Vostok (Oriens)*. 2010. No. 4. Pp. 115–127. (In Russ.)
- Ульченко 2011 — *Ульченко Н. Ю.* Турецкое "экономическое чудо": образец для подражания // Азия и Африка сегодня. 2011. № 12(653). С. 17–23.
- Ulchenko N. Yu. Turkish "economic miracle": Could it be a model for imitation. *Asia and Africa Today*. 2011. No. 12(653). Pp. 17–23. (In Russ.)
- Altinörs, Akçay 2022 — *Altinörs G., Akçay Ü.* Authoritarian neoliberalism, crisis, and consolidation: the political economy of regime change in Turkey // Globalizations. 2022. Vol. 19(7). Pp. 1029–1053.
- Altinörs G., Akçay Ü. Authoritarian neoliberalism, crisis, and consolidation: The political economy of regime change in Turkey. *Globalizations*. 2022. Vol. 19. No. 7. Pp. 1029–1053. (In Eng.) DOI: 10.1080/14747731.2021.2025290
- Cinar, Kose 2015 — *Cinar K., Kose T.* Economic Crises in Turkey and Pathways to the Future // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2015. Vol. 17(2). Pp. 159–180.
- Cinar K., Kose T. Economic crises in Turkey and pathways to the future. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2015. Vol. 17. No. 2. Pp. 159–180. (In Eng.)
- Eldani 2022 — *Eldani M. S.* Accession Journey of Turkey to The European Union Membership // Academic Knowledge. 2022. Vol. 5(1). Pp. 210–221.
- Eldani M. S. Accession journey of Turkey to the European Union membership. *Academic Knowledge*. 2022. No. 5 (1). Pp. 210–221. (In Eng.)
- Elliott 2013 — *Elliott L.* Why the Federal Reserve must taper quantitative easing before Christmas [электронный ресурс] // The Guardian. 2013. URL: <https://www.theguardian.com/business/economics-blog/2013/dec/15/federal-reserve-scale-back-quantitative-easing-christmas> (дата обращения : 11.04.2025).
- Elliott L. Why the Federal Reserve must taper quantitative easing before Christmas. On: The Guardian (website). Posted on 15 December 2013. Available at: <https://www.theguardian.com/business/economics-blog/2013/dec/15/federal-reserve-scale-back-quantitative-easing-christmas> (accessed: 11 April 2025). (In Eng.)
- Erol 2024 — *Erol E.* The Decline of Turkey as a Subimperialist Power: Political Economy of the Turkish Foreign Policy under AKP Rule // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2024. Vol. 26 (6). Pp. 920–935.
- Erol E. The decline of Turkey as a subimperialist power: Political economy of the Turkish foreign policy under AKP rule. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2024. Vol. 26. No. 6. Pp. 920–935. (In Eng.) DOI: 10.1080/19448953.2024.2311953
- Esen 2021 — *Esen B.* Competitive authoritarianism in Turkey under the AKP rule // The Routledge Handbook on Contemporary Turkey. 2021. Chapter 13. Pp.153–167.
- Esen B. Competitive authoritarianism in Turkey under the AKP rule (Chapter 13). In: The Routledge Handbook on Contemporary Turkey. London: Routledge, 2021. Pp.153–167. (In Eng.)

- Focus Business Türkiye 2024 — Report “Focus Business Türkiye” [электронный ресурс] // Ministry of Trade of the Republic of Türkiye. 2024. 9 p. URL: <https://www.trade.gov.tr/data/6752e89213b8761ad0812e8d/GBT%20NOVEMBER%202024.pdf> (дата обращения: 29.04.2025).
- Gobbi et al. 2022 — Gobbi L., Mazzocchi R., Tamborini R. Monetary Policy, Rational Confidence, and Neo-Fisherian depressions // *Metroeconomica*. 2022. Pp. 1–21. DOI: 10.1111/meca.12398
- IMF 2025a — Current account balance. Republic of Türkiye [электронный ресурс] // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/BCA_NGDPD@WEO/CAQ/TUR?year=2025 (дата обращения: 17.04.2025).
- IMF 2025b — Real GDP growth. Republic of Türkiye [электронный ресурс] // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/CAQ/TUR?year=2025 (дата обращения: 19.04.2025).
- Özdemir 2023 — Özdemir Y. The AKP’s ‘Embedded Neoliberalism’ and the Rise of ‘Authoritarian Embeddedness’ in Turkey // *Critical Sociology*. 2023. Vol. 50(7–8). Pp. 1263–1284.
- Rodrik 2009 — Rodrik D. The Turkish Economy After The Crisis (Provided in Cooperation with Turkish Economic Association, Ankara) [электронный ресурс] // EconStor (ZBW). 2009.No. 9. Pp. 1–26 (дата обращения: 29.04.2025).
- World Economic Outlook Update 2023 — International Monetary Fund. Research Dept. World Economic Outlook Update. July 2023. P. 11 DOI: 10.5089/9798400243165.081
- Focus Business Türkiye, November 2024. 9 p. On: Ministry of Trade of the Republic of Türkiye (website), General Directorate of Exports. 2024. Available at: <https://www.trade.gov.tr/data/6752e89213b8761ad0812e8d/GBT%20NOVEMBER%202024.pdf> (accessed: 29 April 2025). (In Eng.)
- Gobbi L., Mazzocchi R., Tamborini R. Monetary policy, rational confidence, and Neo-Fisherian depressions. *Metroeconomica*. 2022. Vol. 73. No. 4. Pp. 1179–1199. (In Eng.) DOI: 10.1111/meca.12398
- Current account balance. Republic of Türkiye. On: International Monetary Fund (website). Available at: https://www.imf.org/external/datamapper/BCA_NGDPD@WEO/CAQ/TUR?year=2025 (accessed: 17 April 2025). (In Eng.)
- Real GDP growth. Republic of Türkiye. On: International Monetary Fund (website). Available at: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/CAQ/TUR?year=2025 (accessed: 19 April 2025). (In Eng.)
- Özdemir Y. The AKP’s ‘embedded neoliberalism’ and the rise of ‘authoritarian embeddedness’ in Turkey. *Critical Sociology*. 2023. Vol. 50. No. 7–8. Pp. 1263–1284. (In Eng.) DOI: 10.1177/08969205231212677
- Rodrik D. The Turkish Economy after the Crisis. Turkish Economic Association (Ankara), discussion paper no. 2009/9. 26 p. On: EconStor (publication server). Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/81581/1/619932791.pdf> (accessed: 29 April 2025). (In Eng.)
- World Economic Outlook Update, July 2023. International Monetary Fund (Research Department), 2023. 11 p. (In Eng.) DOI: 10.5089/9798400243165.081

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 811–820, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC / УДК 94(479.25)

Small States in the Changing Global Order: Prospects for Armenia's Foreign and Security Policy in the New Middle East Малые государства в условиях меняющегося мирового порядка: перспективы внешней и оборонной политики Армении на Новом Ближнем Востоке

*Ashot A. Melkonyan^{1,2},
 Ruben K. Karapetyan³,
 Ruben G. Elamiryan⁴*

*Ашот Агасиевич Мелконян^{1,2},
 Рубен Карленович Карапетян³,
 Рубен Гагикович Эламирян⁴*

¹ Institute of History of the National Academy of Sciences of Armenia (24, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia) Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

Dr. Sc. (History), Professor, Academician доктор исторических наук, профессор, академик

² Yerevan State University (1, Alex Manoogian St., 0025 Yerevan, Republic of Armenia) Ереванский государственный университет (д. 1, ул. Алека Манукяна, 0025 Ереван, Республика Армения)

Dr. Sc. (History), Professor, Academician, Director доктор исторических наук, профессор, академик, директор

 0000-0002-2579-0286. E-mail: [ashamelk\[at\]yahoo.com](mailto:ashamelk[at]yahoo.com)

³ Institute of History, National Academy of Sciences of Armenia (24, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia) Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

Dr. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

 0009-0002-8887-7183. E-mail: [karapetianr\[at\]gmail.com](mailto:karapetianr[at]gmail.com)

⁴ Russian-Armenian University (123, Hovsep Emin St., 0051 Yerevan, Republic of Armenia) Российско-Армянский университет (д. 123, ул. Овсепя Эмина, 0051 Ереван, Республика Армения)

Cand. Sc. (Political Science), Associate Professor кандидат политических наук, доцент

 0000-0002-8724-3376. E-mail: [ruben.elamiryan\[at\]rau.am](mailto:ruben.elamiryan[at]rau.am)

© Melkonyan A. A., Karapetyan R. K., Elamiryan R. G., 2025 © Мелконян А. А., Карапетян Р. К., Элами-
рян Р. Г., 2025

Abstract. Introduction. The ongoing transformation of the global order has significantly altered the security landscape in the South Caucasus and wider — Eurasia, as evidenced by the 2020 Artsakh War and the 2022 Ukraine conflict. **Goals.** The paper examines how these shifts impact the foreign and security policy planning of small states, with Armenia as a case study. It analyzes the evolving geopolitical environment in the region, focusing on the strategic interests of key actors — Russia, Turkey, the US, and the EU — and their implications for Armenia. The main novelty of the article is some specific emphasis on the fact of geopolitical importance of the transforming Middle East for the South Caucasus and Armenia, in particular. **Materials and methods.** Involving strategic documents, official statements, discourse analysis, and expert interviews, the study evaluates Armenia's multi-vector foreign policy since its independence (1991) and explores its capacity for strategic maneuvering or geopolitical realignment amid systemic changes. The paper applies neorealist theory, particularly the black box concept, to assess Armenia's adaptation strategies, including its efforts to position itself as a regional connectivity hub between East-West and North-South transport corridors. Methodologically, the research employs discourse analysis, scenario modeling, and trade/economic indicators, as well as the expert interviews. **Results.** The article examines the emerging geopolitical landscape of the region after the Artsakh War and the Ukrainian crisis. The analysis of key players (Russia, Turkey, USA, EU) and their interests identifies the main factors of change, which in turn largely determine Armenia's foreign policy course. The study focuses on strategic documents, official statements, discourse analysis, and expert interviews to determine Armenia's strategic priorities. The concept of a multi-vector foreign policy that Armenia has pursued since gaining independence in 1991 is also considered. Based on theoretical approaches to the study of foreign policy planning of small states, the work assesses the possibilities for strategic maneuver or 'geopolitical choice' in the changing world order. The article refers to the neorealist theory of the 'black box', arguing that in the conditions of the new reality, Armenia seeks to adapt and ensure its own security, and position itself as a connecting node between the East-West and North-South transport corridors.

Keywords: Armenia, New Middle East, South Caucasus, Artsakh War, small states, geopolitics, foreign policy, international order, black box theory

For citation: Melkonyan A. A., Karapetyan R. K., Elamiryan R. G. Small States in the Changing Global Order: Prospects for Armenia's Foreign and Security Policy in the New Middle East. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 811–820. (In Eng.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-811-820

Аннотация. Введение. Трансформация мирового порядка оказывает значительное влияние на архитектуру безопасности в различных регионах мира, включая Южный Кавказ. Карабахская война 2020 г. наглядно продемонстрировала изменение стратегической среды в регионе, а начавшийся в 2022 г. конфликт на Украине еще более отчетливо обозначил фундаментальные сдвиги в Евразии. В данной статье исследуется, как эти изменения влияют на формирование внешней и оборонной политики малых государств на примере Армении. Анализируется воздействие глобальных процессов на систему безопасности Южного Кавказа и Евразии в тесной взаимосвязи с изменениями, происходящими на формируемом Новом Ближнем Востоке. **Методы.** Методологически работа сочетает дискурс-анализ, изучение стратегических документов, анализ торгово-экономических показателей, сценарное моделирование и экспертные интервью. **Результаты.** В статье рассматривается складывающийся геополитический ландшафт региона после Карабахской войны и украинского кризиса. На основе анализа ключевых игроков (Россия, Турция, США, ЕС) и их интересов выявляются основные факторы изменений, которые в свою очередь во многом определяют внешнеполитический курс Армении. Исследование опирается на стратегические документы, официальные заявления, дискурс-анализ и экспертные интервью, чтобы определить стратегические приоритеты Армении. Также рассматривается концепция многовекторной внешней политики, которую Армения проводит с момента обретения независимости в 1991 г. На основе теоретических подходов к изучению внешнеполитического планирования малых государств авторы оценивают возможности для стратегического маневра или «геополитического выбора» в условиях меняющегося мирового порядка. Статья обращается к неореалистической теории «черного ящика», аргументируя, что

в условиях новой реальности Армения стремится адаптироваться для обеспечения собственной безопасности и позиционировать себя как связующий узел между транспортными коридорами Восток-Запад и Север-Юг.

Ключевые слова: Армения, Новый Ближний Восток, Южный Кавказ, Арцахская война, внешняя политика, новый миропорядок, малые страны, теория «чёрного ящика»

Для цитирования: Мелконян А. А., Карапетян Р. К., Эламирян Р. Г. Малые государства в условиях меняющегося мирового порядка: перспективы внешней и оборонной политики Армении на Новом Ближнем Востоке // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 4. С. 811–820. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-811-820

1. Introduction

The beginning of the 21st century has been marked by global transformations in international relations. They include, inter alia, the currently evolving new world order, which influences the global security system and the strategic environment in many areas of the world by virtue of a knock-on effect.

In this context, one of the key issues in current international relations is the future face of the new world order in 5, 10 or 20 years. Different notions, sometimes mutually exclusive, are used to describe it: a new world order, chaos, quantum, polycentric and multipolar world, and a world without poles, to name a few.

Without getting too deep into an academic dispute on formulas, it is still possible to argue that the changes in the world order boil down to the consolidation and restoration of Russia's positions at the global stage, which were lost after the Soviet Union's collapse, strategic uncertainty and the EU's search for a geopolitical future, a shift of the US strategic focus to the Asia – Pacific, the growth and expansion of China's interests and influence, as well as the rise of 'middle powers' and the painful creation of a New Middle East. Therefore, global turbulence and uncertainties heavily impact regional security architectures in various parts of the world, making some actors leave and bringing in new ones.

Particularly, the transformation of security landscape for Armenia means a decrease in the US strategic interest towards the South Caucasus, uncertainty about the EU's role, rise of China and India, as well as Turkey's growing regional ambitions. For Russia, the South Caucasus remains a sphere of exclusive interests. However, more and more Russian scholars start question this approach, while the con-

tinuing conflict in Ukraine pushes Russia's focus almost exclusively on Ukraine [[Paronyan, Elamiryan 2021: 259](#)].

This evolving new world order is creating also a certain geopolitical vacuum in the South Caucasus, which neighboring and nearby regional powers — Turkey, Iran, as well as Israel and Arab, mainly Gulf, states — are striving to fill. This dramatic increase in the number of active players vying for influence in the South Caucasus raises the stakes in this complex geopolitical struggle while simultaneously complicating the situation for the region's own countries — Armenia, Georgia, and Azerbaijan.

Consequently, the main challenge for Armenia is to realize the role and place of small and medium countries in the new global and regional environments because of the growth of global turbulence and uncertainty. In addition, the ongoing transformation of the world order has set forth the imperative of revising one's place and role in international relations and shaping one's geopolitical future.

Over time, these factors are going to have significant impacts on Armenia's foreign policy making. Hence, the main challenge for Armenia is to realize its role and place in the new global and regional environments, as well as to understand and revise the currently evolving security landscape shaping its geopolitical future.

The article argues that the South Caucasus has historically been intertwined with the Middle East and has long served as an arena for rivalry between global empires and regional powers. Following the 2020 Nagorno-Karabakh (Artsakh) War, the geopolitical influence of the Middle East has markedly expanded toward the South Caucasus. This shift is evident not only in the unprecedented increase of Tur-

key's role, potential spillover of the Iran – Israel rivalry into the region but also, and perhaps more critically, in the intensifying competition among key Middle Eastern powers — namely, Iran, Israel, Turkey, and Gulf states — for regional hegemony [Karapetyan 2024: 222]. The paper concentrates on Armenia's foreign policy priorities, as well as presents the decisive impact of the last Artsakh War on Armenia's foreign and security policy.

The most important element of the paper is evaluation of the new regional security architecture in the South Caucasus in close connection with the recent developments in the Middle East and the presentation of four possible scenarios for Armenia's geopolitical future.

Finally, the paper applies Kenneth Waltz's black box theory and tests its applicability to explain Armenia's current foreign policy.

2. Transformations and new dynamics in Armenia's security and foreign policy

2.1. Armenia's Foreign Policy: From Complementary to Cooperation

Since its independence in 1991, Armenia has not introduced its Foreign Policy Strategy as a document. However, the main principles of Armenia's foreign policy making can be traced in two National Security Strategies of Armenia, official reports, and interviews. For that reason, we are going to analyze and compare two national security strategies — those of 2007 and 2020 [National Security Strategy 2007; National Security Strategy 2020]. The first one was adopted long before the Velvet Revolution of 2018 and was active till summer 2020. The other one was developed and adopted by the current Armenian government. As a result, the analysis and comparison of some important points of the two documents will allow to reveal differences and similarities which demonstrate the potential transformational trends in Armenian foreign policy.

The National Security Strategy of Armenia adopted in 2020 (Strategy) by the new government that came to power after the so called 'Velvet Revolution' followed the previous one adopted in 2007 — by prioritizing the strategic relations with Russia, special focus on the US and European family (the US comes before Europe), as well as accentuation of cooperation with the neighbors.

The Strategy of 2007 specifies three layers of Armenia's external security strategy: international, regional, and pan-Armenian ones [Oskanian 2013: 89].

According to the Strategy, Azerbaijan and the use of force by Azerbaijan in the context of the Karabakh conflict remains the main threat to Armenia's security.

However, the new 2020 Strategy is much clearer to define Azerbaijan as the number one threat.

A similar transformation the Strategy faced regarding Turkey. The former version was quite clear in Armenia's desire to normalize the relations with its western neighbor. We saw those attempts when Serzh Sargsyan, the second President of Armenia who inherited the post from his teammate Robert Kocharyan in 2008, started the so called 'football diplomacy' [Farmanyan 2023: 448].

The 2020 Strategy demonstrates a more realistic stance toward Turkey compared to previous approaches. It explicitly criticizes Turkey's unneighborly policy toward Armenia, highlighting its continued blockade, refusal to establish diplomatic relations without preconditions, and denial — and in some cases, justification — of the Armenian Genocide, as well as Turkey's military-political support for Azerbaijan to pursue a military resolution to the Nagorno-Karabakh conflict [Shougarian 2016: 21].

At the same time, there is not more focus on Georgia and Iran in comparison with the former one [National Security Strategy 2020: 12].

Provided the fact that Armenia is a landlocked country and its connection with the external world goes through Georgia and Iran, the relations should be strived to be on the level of strategic cooperation.

However, given the complex West-Iran and Russia – Georgia relations, it is enormously hard for Yerevan to balance in its relations with the neighbors. On the other hand, given Armenia's good relations with all the four powers opens a window of opportunities to facilitate dialogue among them. Though this be a complex task, it can be implemented in case of successful Armenian diplomacy, which might also involve potential of the Armenian dias-

pora. Both strategies outline the relations with Russia, US, EU, stability in Georgia and Iran. Additionally, the Strategy prioritizes relations with India and China. This is not new, and the older version also touches upon both India and China. However, the older version mentions India and China as part of the Asia Pacific, while the new one views them without their regional ties.

Interestingly, there is a much more comprehensive stop on Armenia's multilateral cooperation in the previous version than in the latest one. This might resemble the general decline of multilateral diplomacy and roles of international organizations over the last thirteen years.

The approaches towards the CSTO and NATO remain quite similar, while not much attention is paid to them in both the Strategies.

But what is of particular significance is that continuous expanding cooperation with Middle Eastern states is cited among Armenia's priorities.

In its turn, for the first time since independence the new Middle Eastern strategy drafted in the Armenian Foreign Ministry acknowledges that Armenia is aimed to come back to the Middle East — to its historical area of natural life and development [Interview 2020].

Thus, at the strategic level, Armenia's foreign policy priorities remain largely consistent. However, the evolving geopolitical landscape has introduced critical nuances that reflect broader shifts in the emerging world order. Notably, these developments underscore — for the first time in Armenia's modern foreign policy — the growing strategic significance of the Middle East as a key factor in regional security and alliance-building [Foreign Policy]. The explicit articulation of the need for Armenia to be involved in the regional security system of the Middle East marks a significant evolution in Yerevan's strategic thinking.

2.2. Second Artsakh War and Geopolitics of the South Caucasus

On 27 September 2020, Azerbaijan with the support of Turkey launched a new war against the non-recognized Republic of Artsakh. The conflict was frozen after the First Karabakh War of 1992–1994 with trilateral Ceasefire Agreement of May 1994. The OSCE Minsk

Group — with the co-chairmanship of Russia, US, and France — was leading the peace talks.

Though the ceasefire regime was constantly being violated during these years and very often Azerbaijan was claiming to shift the peace talks to the UN umbrella, however, there was a general recognition of the Minsk Group with the co-chairmanship format and the fact that Russia, US, and France have the exclusive right to deal with the conflict resolution [Nalbandian 2019: 256].

With the Karabakh conflict being the number one foreign policy issue for Armenia, the talks format has been under no question by Armenia's authorities since the format was established in the mid-1990s. The situation has not changed after the Revolution.

However, the last Artsakh War has profoundly altered the security landscape not only for Armenia, Artsakh, and Azerbaijan, but the regional security architecture in general, or to be more precise, it demonstrated the already transformed reality and made it explicit.

For the first time after the disintegration of the Soviet Union, Turkey openly supported Azerbaijan and demanded full participation in the peace talks with Russia (without the US and France) [In threat 2024]. Being one of the most important security issues not only in the South Caucasus but also in post-Soviet space in general, if succeeded, the new format would mean a complete change of the security architecture in the wider region. Russia and Armenia then opposed Turkey's participation — each of them for own reasons. Russia's Minister of Foreign Affairs made this clear in June 2021, stating that if Turkey entered the peace-building process in Nagorno-Karabakh, Iran, as a regional power, should have the same privileges [Foreign Minister 2021].

On the other hand, Turkey is continuing strengthening its positions in Azerbaijan, most probably, with the aspiration of further expansion both in the South Caucasus and further to Central Asia.

Thus, the dualism of the period is that Russia recognizes the region as a sphere of major or even exclusive interests, seeing it as a part of the post-Soviet space, while Turkey is returning to the South Caucasus through its alliance with Azerbaijan.

However, what has already happened is the gradual shift of the South Caucasus from being an exclusive part of the post-Soviet space towards the Middle Eastern agenda. Thus, looking back to the end of 2020, one could claim that the last Artsakh War has significantly changed the power balance in the South Caucasus and beyond, particularly, strengthening Russia's and Turkey's positions, weakening the positions of the West (or fully removing from the peace process), but also creating a very fragile power balance on the ground which, as the later history shows, collapsed very shortly with slight refocusing of Russia's attention towards Ukraine.

The new status quo significantly contributed to the transformation and implementation of an updated Azerbaijani strategy towards Artsakh and the Republic of Armenia, inter alia, in the form of hybrid warfare. The new reality has triggered a new wave of hybrid war against Artsakh and the Republic of Armenia, ended with ethnic cleansing of the non-recognized state and ongoing conflict with the Republic of Armenia.

2.3. *Small States in Transforming Global Environment*

For long time it was believed that as Thucydides put 'the strong do what they have the power to do and the weak accept what they have to accept' [Small States 2014: 21; The Success 2023: 14].

However, the developing new world order and rapid technological transformations are fostering the development of a qualitatively new reality, where small states might be more jeopardized, but will have also a wide range of opportunities to contribute to the formation of a more fair, responsible, and prosperous reality for the international system, in general, and for themselves. To reveal and materialize those opportunities, first we need to understand the essence of the concept of 'small states'.

There is an ongoing debate about the definition of 'small states' in professional literature. There are two main approaches towards the understanding of the concept — quantitative and qualitative (or objective and relativist) ones.

The quantitative (or objective) approach is measuring 'smallness' based on such parameters, as territory, population size, geography,

size of economy (GDP) and markets, military power, and so on.

However, especially in post-Cold War era, the quantitative approach received tough critique for not being able to comprehensively explain the place and role of small states in international system, as well as the challenges they face and the opportunities they have [Elman 1995: 174].

Baldur Thorhallsson argues that territory and economy can be not much useful on their own: "*Having a small territory creates some advantages and disadvantages but these challenges are not particularly pronounced <...> It is possible for a state with little territory to have a large population, economy and military capability; and thus, be powerful. On the other hand, states with extensive territory can also have little power*" [Thorhallsson 2018: 17]. Comparison of much smaller but much more powerful Switzerland with larger but weaker Mali is a clear reflection of the above.

Thus, the other approach to conceptualize the notion of small states is the relativist one, which is discussing 'smallness' in relativist terms [Sarkissian 2023: 16].

According to Robert Steinmetz "*smallness and power are relativist terms, which can be defined in relationship with other states. Particularly, they suggest focusing on asymmetries*" [Small States 2014: 16].

Clive Archer and his colleagues continue this approach and argue that "*being a small state is tied to a specific spatial-temporal context and that this context — rather than general characteristics of the state defined by indicators such as its absolute population size or its military expenditure relative to other states — is decisive for both the nature of challenges and opportunities, and the small states' answer to these challenges and opportunities*" [Small States 2014: 58]. They continue and explain that smallness in their perception is a comparative and not an absolute idea. According to them, this means that it is necessary to distinguish between issue areas where the notion of small state is relevant, and issue areas where it is not, depending on a particular set of security problems and foreign policy dilemmas.

Consequently, thinking in relativist terms means that based on specific situations, a state

might be stronger or weaker than its counterpart.

For instance, Denmark or many other states might be considered small in comparison with the United Kingdom. On the other hand, Denmark will not be considered small in comparison with Iceland.

In this regard, the former President of Armenia Armen Sarkissian (2018–2022) outlines three fundamental components, which determine the fate of a small state — a strong foundation for identity and purpose, national mission and strong leadership, articulated vision and strategic planning [Sarkissian 2023: 16].

Thus, it can be concluded that nowadays there is no consensus among scholars on the universal definition of small states. On the other hand, given the current transformations in world politics, as well as the evolving results of technological changes, states can be effective and relatively powerful if they enjoy internal stability, wise governance, and can effectively neutralize external threats.

One thing is clear — smallness is a relative parameter. This means that being small does not mean being weak or failed. Moreover, small states have an advantage, as they can be much more flexible and adaptive to the evolving reality, than their larger counterparts. This is especially true, if they can feel the change, have a clear vision, and are determined to act.

2.4. Discussion: Four Scenarios for The Geopolitical Future of Armenia

One of the key elements of structural realism is the concept of ‘black box’. It means that domestic structure cannot impact the foreign policy of a given state as it is predominantly formed by the international environment [International Relations 2021: 9].

Given the little change in strategic approaches towards foreign policy making during the last twenty years, saying the least, one would think that the concept of ‘black box’ works well in case of Armenia.

However, the current transformations in international system — especially, the results of the Second Artsakh War and the currently evolving conflict in Ukraine — make Armenia rethink its foreign and security policy. The Second Artsakh War has become a very explicit demonstration of this misunderstanding of the

tendencies in international relations and global politics. Therefore, the ‘black box’ is changing, given that the structure of international system faces a transformation. This makes the political elites in Armenia re-evaluate and reformulate the foreign policy strategy, adjusting it to the new reality in the context of the new global and regional agendas. The above may entail the following scenarios of geopolitical future for Armenia.

2.5. Further Integration with Russia

The results of the Second Artsakh War have significantly increased Russia’s influence in Armenia. This was, particularly, about Russia’s peacekeepers in Artsakh, Russian military and border forces in Armenia’s Syunik Province, uncertainty with the fate of the OSCE Minsk Group, and so on. At the same time, the rising threat of military intervention of Azerbaijan (fully supported by Turkey) in Armenia was increasing Armenia’s dependence on Russia’s military force. Additionally, the Government of Armenia was discussing with Russia the opportunity to deploy Russia’s border forces on the Armenia – Azerbaijan border [Armenia – Russia 2022: 34]. All those developments might have fundamentally impacted the foreign policymaking of Armenia, shifting it from a more balanced multi-vector foreign policy agenda to the one more unilateral with Russia. The ongoing conflict in Ukraine has precipitated a fundamental restructuring of Eurasian energy transit networks, with Russian gas exports and re-export operations increasingly dependent on Turkish and Azerbaijani transportation infrastructure. This shift has engendered a condition of asymmetric interdependence, wherein Moscow’s strategic flexibility in the South Caucasus has become constrained by its reliance on Ankara and Baku.

Russia’s ‘Special Military Operation in Ukraine’ has quite significantly changed the geopolitical environment in the South Caucasus, making Russia almost fully re-focus onto Ukraine and pushing the West engage closer with the region and Armenia, in particular. This is pushing Armenia to reconsider its foreign and security policy. On the other hand, the major question is what is going to happen when the conflict in Ukraine is over or freezes.

However, the current global development and regional situation present new opportuni-

ties for Moscow and Yerevan to reevaluate and fully reset their strategic alliance — established at the end of the last century on the foundation of shared long-term geopolitical and geo-economic interests, as well as enduring civilizational and value-based principles.

2.6. *Developing Cooperation with Turkey*

Normalization of relations with Turkey might be another scenario for Armenia.

In 2009–2010, the third President of Armenia Serzh Sargsyan — via the so-called ‘football diplomacy’ — initiated an Armenia – Turkey rapprochement which failed shortly after the sides signed the so-called Zurich Protocols [Farmanyan 2023: 435].

Nowadays, with the rising role of middle powers and particularly that of Turkey, there are some strong voices in the Armenian government to start the process of normalizing relations with Turkey. Ankara also came up with such a suggestion shortly after the last Artsakh war, initiating a so-called ‘Platform of Six’ and inviting Armenia to join (after it recognizes the results of the war) [Transformation 2024: 86]. Given the rise of Turkey and its rather significant role in the South Caucasus and Middle East, its continuing membership in the NATO, as well as persistent unilateral efforts of current Armenia’s government to balance Russia’s presence in Armenia with Turkey, Armenia – Turkey rapprochement might be another scenario for geopolitical future of Armenia.

2.7. *Third Scenario: What about the West?*

There are a few tendencies regarding strategic presence of the West in the South Caucasus and particularly in relations with Armenia.

The first tendency is about the decline of US strategic interests in the region. The second tendency is about rather strong EU presence in the region and in Armenia, but in terms of soft power and economic cooperation. Finally, after the start of the current phase of the conflict in Ukraine, the US and the West in general demonstrated an increasing interest towards the region, inter alia, facilitating the peace process between Armenia and Azerbaijan.

With the rising great power competition, ‘return’ of the role of hard power in international relations, and rising role of Turkey in the region, including in terms of hard power, the West might face gradual decline in its strate-

gic presence in the region and Armenia. On the other hand, if the West succeeds with the Armenia – Azerbaijan normalization process, and, as a result, normalization of relations between Armenia and Turkey, this might qualitatively change balance of powers in the region, and significantly strengthen the Western footprint in the South Caucasus.

It is also important to note that while a military alliance between Armenia and Europe — particularly France — is possible, it faces logistical challenges. Such an alliance cannot be easily sustained by land or sea, partly due to the unpredictable domestic political situation in Georgia.

2.8. *Armenia as a Regional Hub*

Armenia is geographically located in the South Caucasus, a region that lies at the crossroads of Europe and Asia and acts as a connecting bridge between Eastern Europe, the Middle East, and Central Asia. Its strategic liminality places it within the scope of what political geographers and strategic theorists refer to as the ‘Greater Middle East’ or ‘New Middle East’ — a concept that emerged in post-Cold War and post-9/11 geopolitical thought to describe a zone of overlapping security complexes and developmental challenges stretching from Morocco to Central Asia [Cornell 2024: 13].

Nowadays Armenia enjoys deep and comprehensive partnership with almost all global powers.

The Middle East is another key foreign policy vector for Armenia. Being historically part of that region, Armenia preserves close political, economic and humanitarian ties not only with Iran, with which it has a common border, but also with the majority of the region’s countries, Arab countries, in particular.

The above vectors of Armenia’s relations predetermine a model of its geopolitical future aimed at developing cooperation with Eurasian global and regional centres of power. In this scenario, Armenia re-evaluates the strategic environment in the world and the region and adapts its foreign policy strategy, priorities, and actions accordingly. In this respect, Armenia could pay special attention to the Middle East as a region of vital interests for Armenia and Armenians. Historically possessing, preserving and developing the strategic knowledge

and understanding of that region, Armenia may become an effective link and communicator between the Middle East, on the one hand, and Russia, the West and China, on the other. As a result, this scenario assumes developing Armenia as a regional hub to connect East and West, South and North, particularly, Russia and Europe with the Middle East and Indian Ocean, China with Europe.

3. Conclusions

The study demonstrates that the world order is changing and impacting security architecture on global, regional, and local levels. In the South Caucasus, the changing international order is resembled by the rising role of Turkey, ambiguity of the US strategic presence, uncertainty with the position of the EU and European powers, as well as an increasing role of China in the region as a soft power. The Second Artsakh War has clearly demonstrated that new reality. In the meantime, the evolving conflict in Ukraine has significantly transformed the security landscape in the South Caucasus, providing new parameters of the 'black box'. In this reality Armenia has several options to build its geopolitical future: closer integration with Russia; strengthened cooperation with Turkey; some pro-Western orientation; and its emergence as a stronghold and hub for the region and beyond. In the context of the regional balance of power shifting decisively in favor of the Turkey – Azerbaijan axis, the Arab world emerges as a natural strategic ally for Armenia capable of contributing to the restoration of equilibrium in the region. The Gulf states possess substantial potential to act as catalysts for Armenia's economic development while supporting its geopolitical interests in the evolving architecture of the New Middle East. Despite growing regional cooperation initiatives — such as the Abraham Accords and the

Middle East Economic Corridor — structural rivalries persist between key regional actors. This dynamic creates opportunities for Armenia to cultivate strategic partnerships with Arab states seeking to counterbalance Turkish influence. This strategic convergence suggests that Armenia's engagement with the Arab world is not merely a tactical adjustment but a structural realignment in response to the new geopolitical realities of the South Caucasus and the Middle East. Strong alliance with India is feasible, as Iran does not object to military shipments through its territory. For that Armenia must further strengthen military-political cooperation with India and deepen its strategic alliance with Iran across all domains.

Thus, the fourth scenario is the most beneficial for Armenia, as it allows the country to develop as a self-sufficient and powerful nation-state based on strategic sovereignty and national interests. That is the most complex scenario, especially given the developing new world order with rising major power competition. It demands strategic vision, skillful governance, and professional implementation to master the process. The realization of this scenario will largely hinge on the evolving dynamics in the Middle East. For Armenia, the potential deepening of a regional conflict involving Iran and Israel carries significant strategic uncertainty and the risk of severe consequences. In such a destabilized environment, the possibility of renewed hostilities targeting Armenia cannot be discounted. Azerbaijan may exploit the resulting disorder to pursue unilateral actions, including the forcible establishment of an extraterritorial corridor through Armenia's Syunik Province to Nakhichevan. These risks highlight the urgent need for Armenia to adopt a proactive and multifaceted approach to national security and regional diplomacy, with a focus on conflict prevention, deterrence, and strategic resilience.

References

- Armenia – Russia 2022 — *Petrosyan G.* (ed.) Armenia – Russia: Friendship, Cooperation, and Mutual Assistance. Yerevan: Naapet, 2022. 71 p. (In Russ.)
- Cornell 2024 — *Cornell S. E.* Arabs, Turks and Persians: Geopolitics and Ideology in the Greater Middle East. New York: AFPC Press, 2024. 242p. (In Eng.)
- Elman 1995 — *Elman M. F.* The foreign policy of small states: Challenging neorealism in its own backyard. British Journal of Political Science. 1995. Vol. 25. No. 2. Pp. 171–217. (In Eng.)

- Farmanyan 2023 — *Farmanyan S.* Alone Against the Destiny: The Backstage of the Football Diplomacy (= Միայնակ ընդդեմ նակատագրի. Ֆուտբոլային դիվանագիտության հետնաբեմը). Yerevan: Newmag, 2023. 448 p. (In Arm.)
- Foreign Minister 2021 — Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to media questions at the Primakov Readings International Forum, via videoconference, Moscow, June 9, 2021. On: Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (website). Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4779515 (accessed: 9 July 2025). (In Russ.)
- Foreign Policy — Foreign Policy. On: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia (website). Available at: <https://www.mfa.am/en/foreign-policy/> (accessed: 29 July 2025). (In Eng.)
- In threat 2024 — In threat to Israel, Erdogan cites Turkish 'entry' into Karabakh. On: Azatutyun Radio. Posted on 29 July 2024. Available at: <https://www.azatutyun.am/a/33055076.html> (accessed: 29 July 2024). (In Eng.)
- International Relations 2021 — *Dunne T., Kurki M., Smith S. (eds.)* International Relations Theories: Discipline and Diversity. 3rd edition. Oxford: Oxford University Press, 2021. 396 p. (In Eng.)
- Interview 2020 — Interview of the Adviser to the Foreign Minister Ruben Karapetyan to "Lurer" programme. 10 September 2020. On: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia (website). Available at: <https://www.mfa.am/en/interviews-articles-and-comments/2020/09/10/int/10436> (accessed: 9 July 2025). (In Eng.)
- Karapetyan 2024 — *Karapetyan R.* Intensification of geopolitical struggle in the South Caucasus in the context of formation of the new Middle East after the Artsakh War in 2020. Historical and Philological Journal. 2024. No. 3 (227). Pp. 222–231. (In Russ.). DOI: 10.54503/0135-0536-2024.3-222
- Nalbandian 2019 — *Nalbandian E.* Diplomacy of Armenia, 2008–2018: Speeches, Articles, Interviews. Moscow: MGIMO University, 2019. 1323 p. (In Russ.)
- National Security Strategy 2007 — National Security Strategy of Armenia, 2007. On: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia (website). Available at: <https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrineeng.pdf> (accessed: 10 June 2025). (In Eng.)
- National Security Strategy 2020 — National Security Strategy of Armenia, 2020. On: Security Council of the Republic of Armenia (website). Available at: <https://www.seco.am/pdf/National-Security-Strategy-Armenia-2020.pdf> (accessed: 1 July 2025). (In Eng.)
- Oskanian 2013 — *Oskanian V.* On the Road of Independence: Big Challenges of Small Nation (= Անկախության ճանապարհով. Փոքր երկրի մեծ մարտահրավերները). Yerevan: Civiltas, 2013. 284p. (In Arm.)
- Paronyan, Elamiryan 2021 — *Paronyan H., Elamiryan R.* Armenian foreign policy between Eurasian and European integration models. Eastern Journal of European Studies. 2021. Vol. 12. No. 1 (June). Pp. 258–275. (In Eng.) DOI: 10.47743/ejes-2021-0111
- Sarkissian 2023 — *Sarkissian A.* The Small States Club: How Small Smart States Can Save the World. London: C. Hurst and Co., 2023. 304 p. (In Eng.)
- Shougarian 2016 — *Shougarian R.* Does Armenia Need a Foreign Policy? London: Gomidas Institute, 2016. 284 p. (In Eng.)
- Small States 2014 — *Archer C., Bailes A., Wivel A. (eds.)* Small States and International Security: Europe and Beyond. New York: Routledge, 2014. 290 p. (In Eng.)
- The Success 2023 — *Baldacchino G. (ed.)* The Success of Small States in International Relations: Mice that Roar? London: Routledge, 2023. 248 p. (In Eng.)
- Thorhallsson 2018 — *Thorhallsson B.* Studying small states: A review. *Small States & Territories*. 2018. Vol. 1. No. 1. Pp. 17–34. (In Eng.)
- Transformation 2024 — *Iskandaryan G. (ed.)* Transformation of the Balance of Power in the South Caucasus Region and the 2020 Artsakh War (= Հարավկովկասյան տարածաշրջանում ուժային հարաբերակցության փոխակերպումը և Արցախյան 2020թ. պատերազմը). Yerevan: National Academy of Sciences of Armenia, 2024. 406 p. (In Arm.).

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 821–835, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC / УДК 304.8:551

Climate Change-Related Migration in the Mekong Delta of Vietnam — Challenges to Regional Sustainable Development

*Phan Thi Phuong Anh*¹,
*Dang Thi Minh Phuong*²,
*Ngo Minh Hiep*³,
*Nguyen Thi Tuy*⁴,
*Bui Thi Huyen*⁵

Миграция, обусловленная изменением климата, в дельте реки Меконг во Вьетнаме — вызовы для устойчивого развития региона

*Фан Тхи Фьонг Ань*¹,
*Данг Тхи Минь Фьонг*²,
*Нго Минь Хьеп*³,
*Нгуен Тхи Туь*⁴,
*Буй Тхи Хуен*⁵

¹ Can Tho University (3/2 St., Tan An Ward, 94000 Can Tho, Socialist Republic of Vietnam)

PhD (Political Science), Lecturer

0009-0006-8199-022X. E-mail: [ptpanh\[at\]ctu.edu.vn](mailto:ptpanh[at]ctu.edu.vn)

Университет Кан Тхо (ул. 3/2, квартал Тан Ан, 94000 Кан Тхо, Вьетнам)

кандидат наук (политология), преподаватель

² Industrial University (12, Nguyen Van Bao St., Hanh Thong Ward, 700000 Ho Chi Minh, Socialist Republic of Vietnam)

PhD (History), Lecturer

0009-0005-1223-5522. E-mail: [dangthiminhphuong\[at\]iuh.edu.vn](mailto:dangthiminhphuong[at]iuh.edu.vn)

Промышленный университет (12, ул. Нгуен Ван Бао, квартал Хан Тонг, 700000 Хошимин, Вьетнам)

PhD (История), преподаватель

³ Duy Tan University (254, Nguyen Van Linh St., 550000 Danang, Socialist Republic of Vietnam)

PhD (History), Research Associate

0009-0005-9740-0290. E-mail: [ngominhhiiep\[at\]dtu.edu.vn](mailto:ngominhhiiep[at]dtu.edu.vn)

Университет Дуй Тан, Институт социально-экономических исследований (254, ул. Нгуен Ван Линь, 550000 Дананг, Вьетнам)

PhD (История), сотрудник исследовательского института

⁴ University of Finance – Marketing (UFM) (778, Nguyen Kiem St., Duc Nhuan Ward, 70000 Ho Chi Minh, Socialist Republic of Vietnam)

PhD (History), Lecturer

Университет финансов и маркетинга (UFM) (778, ул. Нгуен Кiem, квартал Дук Нгуан, 700000 Хошимин, Вьетнам)

PhD (История), преподаватель

 0009-0006-9558-7626. E-mail: nttuy[at]ufm.edu.vn

⁵ University of Economics Ho Chi Minh City Университет экономики Хошимина (UEH) (UEH) (279, Nguyen Tri Phuong St., Dien Hong (ул. Нгуен Три Фыонг, квартал Диен Хонг, Ward, 700000 Ho Chi Minh, Socialist Republic of Vietnam) 700000 Хошимин, Вьетнам)

PhD (History), Lecturer

PhD (История), преподаватель

 0000-0002-2527-8186. E-mail: huyenbt[at]ueh.edu.vn

© KalmSC RAS, 2025

© КалмНЦ РАН, 2025

© Phan Thi Phuong Anh, Dang Thi Minh Phuong, Ngo Minh Hiep, Nguyen Thi Tuy, Bui Thi Huyen, 2025

© Фан Тхи Фыонг Ань, Данг Тхи Минь Фыонг, Нго Минь Хьеп, Нгуен Тхи Туй., Буй Тхи Хуен, 2025

Abstract. Introduction. The Mekong Delta of Vietnam (VMD) is a key agricultural region vital for national food security. In recent years, the region has faced significant outmigration driven by economic challenges and climate change impacts, such as droughts, saltwater intrusion, and extreme weather events. **Goals.** This study examines the relationship between climate change and migration in the VMD and its implications for sustainable regional development. **Methods.** Using a political-environmental perspective, the paper analyzes quantitative and qualitative data from the 2019 Population and Housing Census and the 2022 Mekong Delta Economic Annual Report. Migration patterns, demographic shifts, and regional development indicators are assessed to understand how environmental stressors influence human mobility. **Results.** Findings reveal that climate change is a major driver of migration reshaping population structures, labor supply, and the region's long-term development capacity. Over 1.3 million people migrated from the VMD in the past decade, posing challenges to demographic stability and socio-economic resilience. **Conclusions.** The study recommends strengthening climate-adaptive sustainable development policies and enhancing local human resource capacity. These measures aim to stabilize migration, promote inclusive development, and ensure climate-resilient growth in the Mekong Delta.

Keywords: Mekong Delta of Vietnam (VMD), migration, climate change, sustainable development, policy, human resources.

For citation: Phan Thi Phuong Anh, Dang Thi Minh Phuong, Ngo Minh Hiep, Nguyen Thi Tuy, Bui Thi Huyen. Climate Change-Related Migration in the Mekong Delta of Vietnam — Challenges to Regional Sustainable Development. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 821–835. (In Eng.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-821-835

Аннотация. Введение. Дельта Меконга во Вьетнаме является ключевым сельскохозяйственным регионом, жизненно важным для национальной продовольственной безопасности. В последние годы регион столкнулся со значительной миграцией населения, вызванной экономическими трудностями и последствиями изменения климата, такими как засухи, засоление почв и экстремальные погодные явления. Настоящее исследование направлено на изучение взаимосвязи между изменением климата и миграцией в дельте Меконга, а также ее влияния на устойчивое развитие региона. **Методы.** Используя политико-экологический подход, исследование анализирует количественные и качественные данные из Переписи населения и жилищ 2019 г. и Годового отчета о состоянии экономики дельты Меконга 2022 г. Оценены миграционные тенденции, демографические изменения и показатели регионального развития для понимания влияния экологических стрессоров на перемещение населения. **Результаты.** Результаты показывают, что изменение климата является главным фактором миграции, влияя на демографическую структуру, трудовые ресурсы и долгосрочные возможности развития региона. Более 1,3 млн человек покинули дельту Меконга за последнее десятилетие, что создает вызовы для демографической стабильности и социально-экономической устойчивости. **Выводы.** Рекомендуется укрепление политики устойчивого развития с учетом адаптации к изменению климата и повышение качества и потенциала местных человеческих ресурсов. Эти меры направлены на

стабилизацию миграционных процессов, продвижение инклюзивного развития и обеспечение климатостойчивого роста в дельте Меконга.

Ключевые слова: дельта Меконга во Вьетнаме, миграция, изменение климата, устойчивое развитие, политика, человеческие ресурсы

Для цитирования: Фан Тхи Фьонг Ань, Данг Тхи Минь Фьонг, Нго Минь Хьеп, Нгуен Тхи Туй, Буй Тхи Хуен. Миграция, обусловленная изменением климата, в дельте реки Меконг во Вьетнаме — вызовы для устойчивого развития региона // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 4. С. 821–835. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-821-835

1. Introduction

In recent decades, the relationship between climate change and migration has garnered increasing attention from scientists, policymakers, and global development organizations. A growing body of evidence suggests that severe environmental disruptions — such as prolonged droughts, saltwater intrusion, sea level rise, and extreme weather events — have become key drivers of both internal and cross-border migration. In Vietnam, the Mekong Delta (VMD) is among the most vulnerable regions to these environmental stressors.

The VMD is a vital agricultural zone that plays a crucial role in national food security and the livelihoods of millions of rural households. However, over the past decade, the region has witnessed a marked outmigration trend, primarily from rural areas to urban centers and, increasingly, to other countries. According to the 2019 Population and Housing Census and the 2022 Annual Mekong Delta Economic Report, more than 1,3 million people left the region in the span of a decade — posing serious challenges to regional demographic stability and socio-economic development.

Climate change not only undermines agricultural production and ecological infrastructure but also directly affects population structures, labor markets, and the long-term viability of regional development strategies. These impacts are interconnected and multifaceted, complicating migration decisions and contributing to risks such as social inequality, livelihood insecurity, and potential resource conflicts in receiving areas.

In this context, this paper investigates the relationship between climate change and migration in the Mekong Delta, employing a polit-

ical-environmental perspective to assess its implications for sustainable development. Drawing on both quantitative and qualitative data, the paper also provides evidence-based policy recommendations to enhance adaptive capacity, stabilize demographic trends, and promote inclusive, climate-resilient development in the region.

The following research questions guide the analysis:

- 1) How is migration in the Mekong Delta related to climate change?
- 2) What impact does migration have on the region's sustainable development?
- 3) What policy measures are needed to manage migration and support long-term development in the VMD?

2. Literature review

The nexus between migration and environmental change has become an important area of academic inquiry over the past three decades. The Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC), in its First Assessment Report (1990), already highlighted the potential for climate change to significantly affect human mobility [Climate Change 1990]. Since then, the literature has debated whether environmental stressors directly threaten human security and compel displacement.

A large number of studies have examined how climate-induced phenomena such as drought, desertification, and sea level rise influence population movements. This line of research includes works such as *Environmental Refugees* by E. El-Hinnawi [El-Hinnawi 1985], *Ultimate Security: The Environmental Basis of Political Stability* by A. Jordan [Jordan 1994], and the overview report by B. Kavanagh and

S. Lonergan on environmental degradation and displacement [Kavanagh, Lonergan 1992]. D. Bates provided a framework for classifying environmentally driven migration, distinguishing between forced and voluntary movements [Bates 2002: 465–477]. The consensus among many researchers is that these stressors act as direct or indirect drivers of migration [Döös 1997: 41–61; Castles 2002; Meze-Hausken 2000: 379–406; Tyson et al. 2002: 129–135; Huang et al. 2003: 361–378; McLeman, Smit 2006: 31–53].

Recent literature provides empirical case studies linking climate change to specific migration patterns. For example, T. Halliday explored how environmental risk shaped migration decisions in El Salvador [Halliday 2006: 893–925], while C. Myers, T. Slack, and J. Singelmann analyzed social vulnerability and population shifts after Hurricanes Katrina and Rita [Myers, Slack, Singelmann 2008: 271–291]. C. Gray and V. Mueller assessed population mobility in Bangladesh and Ethiopia under disaster and drought stress [Gray, Mueller 2012a: 6000–6005; Gray, Mueller 2012b: 134–145]. K. Warner, T. Afifi, K. Henry, T. Rawe, C. Smith, and A. de Sherbinin discussed how changing rainfall patterns affect food and livelihood security, driving migration in vulnerable regions [Warner et al. 2012]. K. Rigaud, B. Jones, J. Bergmann, V. Clement, K. Ober, J. Schewe, S. Adamo, B. McCusker, S. Heuser, and A. Midgley argue that climate change is becoming a primary driver of migration, urging proactive planning to accommodate internal climate migrants [Rigaud et al. 2018].

However, assessing the direct causal relationship between climate change and migration remains challenging due to the complex, multi-causal nature of migration decisions. As T. Trinh emphasized in a doctoral study on Vietnam's Mekong Delta [Trinh 2021], and O. Brown pointed out in his global review [Brown 2008], isolating environmental drivers from economic, social, and political factors demands sophisticated models and high-quality datasets.

Moreover, some scholars caution against overlooking individuals who choose not to migrate despite environmental pressures. This

introduces a selection bias that can distort conclusions drawn solely from studying migrant populations [Hunter 2005: 273–302; Halliday 2006: 893–925; Black et al. 2011: S3–S11; Raleigh 2011: S82–S93; Koubi et al. 2016: 134–163]. The capacity of households and communities to respond to climate stressors varies significantly depending on factors such as social capital, economic resources, and governance [Hunter et al. 2015: 377–397].

Vietnam is widely recognized as one of the countries most severely affected by climate change and extreme weather [Margulis et al. 2010; Berlemann, Tran 2020: 385–409]. The Mekong Delta, a rural, low-lying region in the country's southwest, is particularly vulnerable to sea level rise and salinization. Its exposure to climate hazards has been thoroughly documented [Padilla 2011; Mekong Delta Climate 2009]. It is also the region with the highest internal migration rates in Vietnam, with large numbers of people relocating from rural communities due to both environmental and economic pressures [Entzinger, Scholten 2016; Nguyen, Raabe, Grote 2015: 79–93].

This paper situates the Mekong Delta within this broader scholarly context, highlighting the close connection between climate change and migration. It argues that climate-induced migration presents significant challenges for sustainable development in the region and calls for targeted policy responses to address these issues.

3. Migration in the Mekong Delta of Vietnam

Numerous studies have been conducted in Vietnam to elucidate the socio-economic impacts of climate change on local populations. L. Thuy and P. Nam (2015) investigated the repercussions of climate change on agricultural production, demonstrating that climate variability constitutes a significant socio-economic factor influencing both agricultural yields and farmer migration [Thuy, Nam 2015]. Recent research indicates that the Vietnamese Mekong Delta (VMD) is projected to experience profound effects from climate change, with estimates suggesting that within the next 50 years, approximately 50 % of arable land and millions

of residents may suffer severe consequences, including the loss of homes and livelihoods [Warner et al. 2009]. It is anticipated that one in ten individuals in the VMD will face the risk of displacement due to rising sea levels [Dasgupta et al. 2007]. A projected rise in sea levels of 1 meter could result in the submersion of 40 % of the VMD's land area [Lan Anh 2016]. In response to the threats posed by climate change and environmental pressures, residents of the VMD have employed various adaptive strategies, one of which is migration, which serves as a significant pull factor toward urban areas [Oanh, Truong 2017].

Climate change introduces new risks to human security and establishes a complex context for migration issues. Empirical studies on Vietnam indicate that the Mekong Delta remains a major sending region for internal migrants to Ho Chi Minh City [Huy 2012], while flood-related environmental stresses have been identified as important push factors driving migration within the delta [Dun 2009]. T. Trinh (2021) employed the choice experiment (CE) method to investigate the causal relationship between climate change and migration decisions from rural to urban areas in the Mekong Delta. In addition to climate impacts, the study examined other critical factors influencing migration choices, including income, social networks, neighborhood preferences, and constraints related to crop selection. The research also modeled heterogeneity in these preferences by incorporating socio-demographic variables and their interactions with key migration attributes. The CE results confirmed that the increasing intensity and frequency of climate-related phenomena significantly enhance the likelihood of migration, with severe drought identified as the most influential factor affecting individuals' decisions [Trinh 2021].

The VMD is confronting significant challenges related to mass migration as a consequence of climate change. Rising sea levels exacerbate the risk of flooding in the VMD, particularly in its low-lying areas, while increased precipitation and enhanced flow of the Mekong River — resulting from glacial melt in the Tibetan Plateau — further contribute to this risk. The escalating threat of flooding, com-

bined with heightened salinity intrusion, poses a substantial danger to the region's agricultural productivity. As agricultural yields decline, average per capita income in the VMD may also decrease. Consequently, residents may be compelled to migrate to neighboring regions within Vietnam or to adjacent countries as they lose their livelihoods due to the impacts of climate change.

The Annual Economic Report 2020 on Enhancing Competitive Capacity for Sustainable Development, produced by the Vietnam Chamber of Commerce and Industry (VCCI) and the Fulbright School of Public Policy and Management (FSPPM), underscores the increasingly complex trends in labor migration within VMD region over the decade from 2009 to 2019 [VCCI & Fulbright 2020]. These trends pose significant risks to the region's sustainable development. During this period, the VMD has had the highest net migration rate in the country (0,39 %), significantly surpassing the second-ranked region, the North Central Coast (0,25 %). As a result, after 10 years, the population of the VMD remained almost unchanged, increasing only from 17,2 to 17,3 million people (the population growth rate in the VMD was a mere 0,1 %), causing the population share of the VMD in the total national population to decrease from 20 % to 18 %. Meanwhile, net migration out of the region reached nearly 1,1 million individuals. By 2022, this figure had escalated to approximately 1,3 million, as reported in the Annual Economic Report 2022 [VCCI & Fulbright 2023]. If current migration patterns continue, the population of the VMD is projected to decline to fewer than 17 million by 2030, with urbanization rates unlikely to exceed 30 % by the same year.

From 2018 to 2021, the trend of population movement from the VMD to major cities became increasingly pronounced, as illustrated in fig. 1. This figure demonstrates a significantly higher emigration rate from the VMD compared to immigration. Specifically, the immigration rate rose slightly from 1 % in 2018 to 1,2 % in 2021, while the emigration rate reached 13,8 % in 2021, effectively doubling from the 2018 rate. Consequently, the net migration rate for 2021 was recorded at 12,5 %,

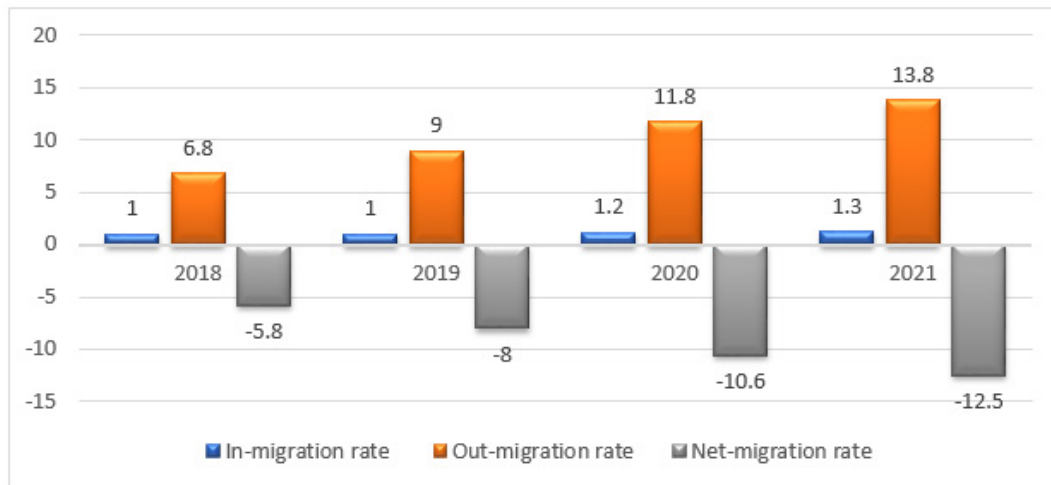

Fig. 1. Net migration rate in the VMD, 2018–2021

highlighting a pronounced imbalance in migration flows [Lam et al. 2022].

4. The impacts of migration on the sustainable development of the Mekong Delta of Vietnam

4.1. The potential for mass migration and conflict

Migration from the VMD presents a significant risk of social and political instability, primarily due to resource scarcity that adversely affects food security and livelihoods in areas where VMD refugees settle. The substantial outflow of residents from the VMD is likely to increase population density in receiving regions, which can strain critical infrastructure for water and sanitation services, thereby escalating unsustainable resource demands. The likelihood of conflict intensifies if VMD refugees migrate to resource-constrained areas. A recent report on the security implications of climate change in Southeast Asia indicates that while fleeing environmental degradation may not inherently lead to violence, the potential for conflict rises when migrants encroach upon territories inhabited by populations facing similar resource constraints [Ardiansyah, Putri 2011].

Furthermore, China's construction of dams along the upper reaches of the Mekong River exacerbates the potential for conflict. These dams, built to generate hydroelectric power to meet rising energy demands, have resulted in reduced water flow to the VMD. The hydrology of the Mekong River is influenced not only

by climate change but also by various developmental activities, particularly the construction of hydropower dams along the river and its tributaries. For example, existing and planned dams in Yunnan Province, China, and the Central Highlands of Vietnam are projected to trap up to 80 % of sediment before it reaches the delta, significantly affecting local settlements and economic sectors, especially agriculture and fisheries [Mekong Delta Climate 2009]. Consequently, Vietnamese communities may perceive these dams as contributing to the anticipated decline in agricultural productivity in the VMD, thereby heightening the potential for international conflict among China, Vietnam, and other affected nations due to increased migration from VMD refugees and corresponding resource shortages [Padilla 2011].

4.2. Shortage of labor force

High levels of migration have resulted in population decline and labor force depletion in the VMD. H. Vo (2020) indicated that the proportion of the VMD's population within the country decreased from 22,4 % in the 1989 census to 17,9 % in the 2019 census [Vo 2020]. Over the ten-year period from 2009 to 2019, the region's population increased by just over 82,000 individuals, reflecting a growth rate of only 0,05 % [Results 2019]. In contrast, urban areas experienced a growth rate of 0,98 %, while rural areas saw a decline of 0,24 %. Provinces with shrinking populations, such as An Giang, Soc Trang, and Ca Mau — known for their agricultural production, particularly

in aquaculture — exhibited annual population growth rates of $-1,16\%$, $-0,75\%$, and $-0,1\%$, respectively. Conversely, provinces with rising populations, such as Long An, Tien Giang, and Can Tho, benefitted from significant investments in their industrial and service sectors, with annual growth rates of $1,625\%$, $0,54\%$, and $0,39\%$, respectively, over the same period [Vo 2020].

As of the end of 2021, the population of the 13 provinces in the VMD was approximately 17 422 620, accounting for $17,7\%$ of the country's total population [Statistical Yearbook 2023]. In 2021, the labor force aged 15 and older in the VMD comprised nearly 9,4 million individuals, marking a decrease of $0,94\%$ compared to 2020 and representing $53,7\%$ of the region's population. Among this labor force, $14,6\%$ had received training. However, the share of unskilled labor in the VMD was $35,9\%$, compared to $33,2\%$ nationally (fig. 2) [Statistical Yearbook 2023].

The rate of school-age children not attending school in the VMD is $13,3\%$, the highest in the region and one and a half times higher than the national average ($8,3\%$) [VCCI & Fulbright 2020]. Regarding trained labor, the rate in the region during the period 2015–2019 ranged from $11,7\%$ to $14,6\%$ and was consistently the lowest in the country [VCCI & Fulbright 2023]. As of the fourth quarter of 2023, the proportion of the labor force with training, diplomas, or certificates at the secondary level

and above across the entire country was $27,0\%$. In contrast, this figure was significantly lower in VMD, at only 15% , marking the lowest rate nationwide (fig. 3) [VCCI & Fulbright 2020].

Furthermore, the share of the labor force with university-level education in the VMD constituted approximately 7% , compared to over 16% in the Southeast region and $14,5\%$ in the Red River Delta region, both of which are also higher than the national average [Statistical Yearbook 2023]. Worryingly, only the VMD and the Central Highlands experienced a stagnant trend in the rate of trained workers, while other regions significantly improved these figures (fig. 4).

In addition, not only is there a shortage and weakness in science and technology (S&T) human resources, but the VMD is also experiencing a “brain drain” phenomenon, as S&T human resources are migrating to the southeastern provinces in search of higher-paying jobs, posing significant challenges to the economic and social development of the VMD [Huong Mai 2022].

According to Phu Khoi, from 2017 to 2021, the VMD experienced the largest decline in labor force participation rates nationwide, reaching -42% [Phu 2022]. Notably, the VMD was the only region in the country to exhibit a downward trend in the number of labor force participants throughout this entire period. Compounding this issue, the unemployment rate among the working-age population in the

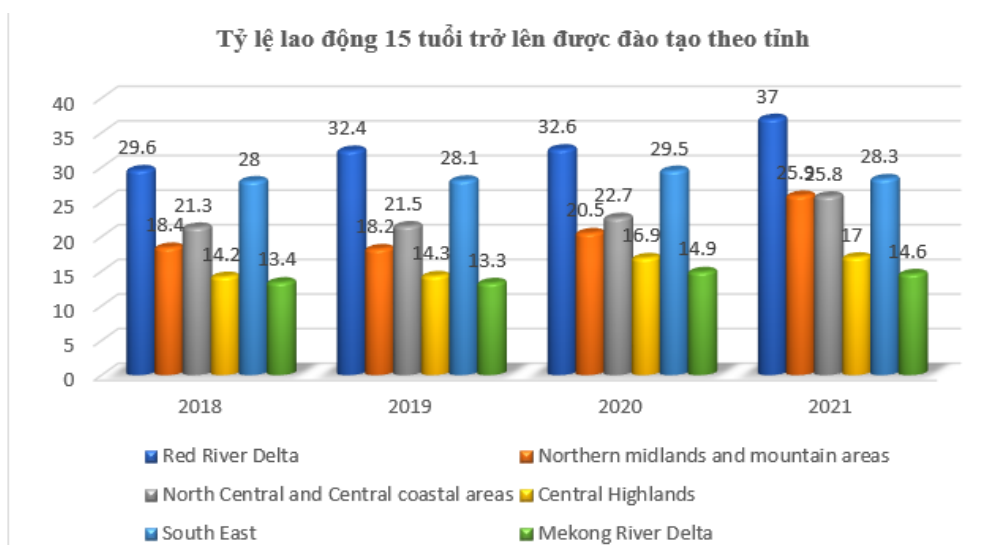

Fig. 2. Share of the labor force aged 15 and over receiving training, by province

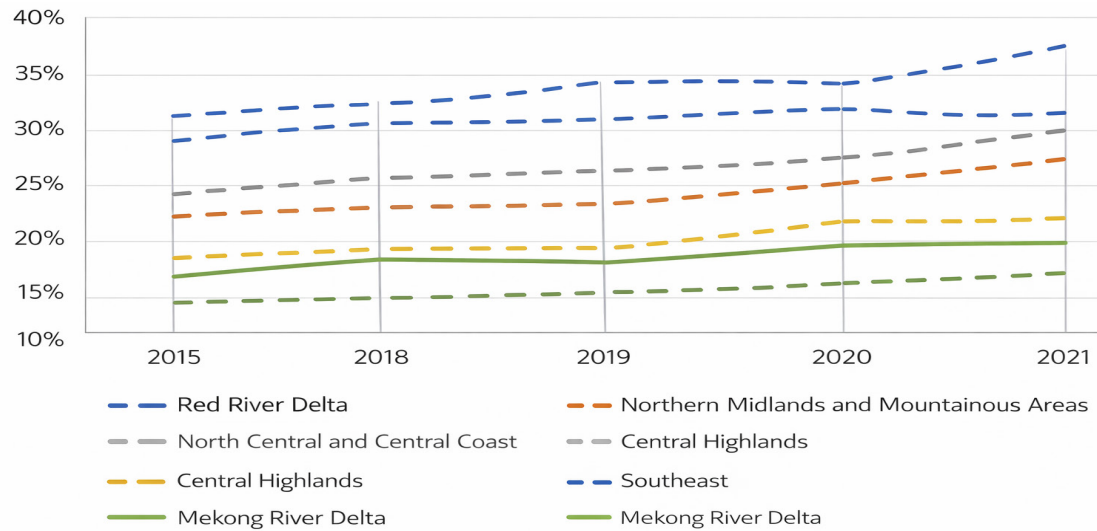

Fig. 3. Rates of trained labor force across regions, 2015–2021

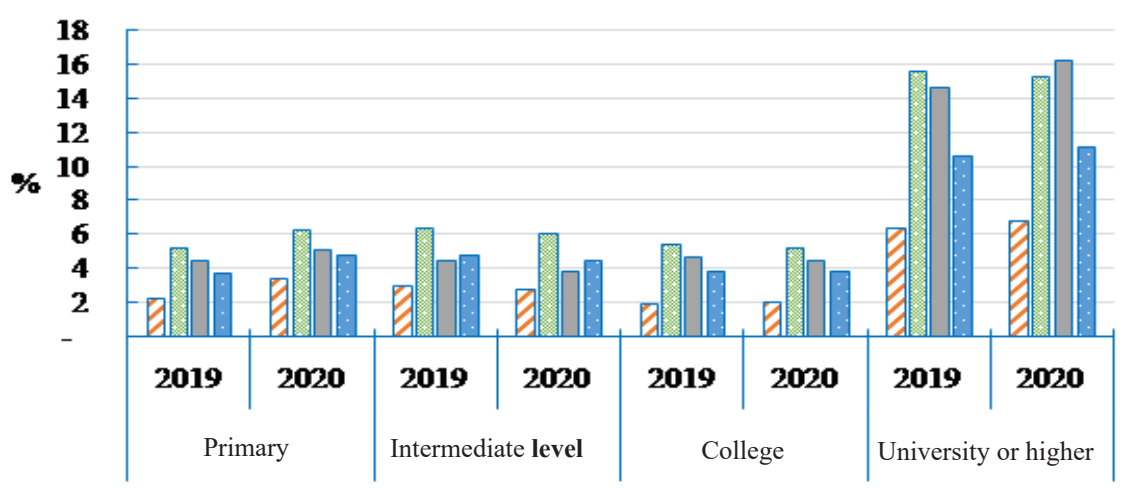

Fig. 4. Percentage of trained workers at all levels in the Mekong Delta compared to the Red River Delta, Southeast, and national

VMD in 2020 was 3,47 %, the second highest in Vietnam. Furthermore, the unemployment rate in rural areas was twice that of urban areas. This disparity can largely be attributed to the mechanization of agriculture and economic restructuring, which resulted in surplus labor in the agricultural sector, while the industrial and service sectors were slow to absorb this surplus. Additionally, the reduction of agricultural land due to factors, such as salinity intrusion and drought, has left many rural laborers without land for cultivation, contributing to rising unemployment and job loss.

4.3. Social issues arising from the impacts of migration

Migration contributes to population ageing and reduces the scale of household pop-

ulations. According to the 2019 population census, the total number of households nationwide was 26,87 million, reflecting an average annual growth rate of 1,8 % [Results 2019]. In the VMD, there were 4,8 million households, comprising 1.23 million in urban areas and 3,57 million in rural areas. The average household size decreased from 4 to 3,5 individuals, indicating a declining trend. Specifically, households with four members accounted for 25,6 %, those with three members represented 22,5 %, and households with two members constituted 17,5 %. In contrast, households with five members comprised 12,3 %, which is only slightly higher than single-person households, which made up 10,5 % [Results 2019].

The number of split households is increasing, accompanied by a gradual reduction in land area per household [Vo 2020]. Population pyramids indicate a rising proportion of elderly individuals. So, the current migration patterns suggest that the majority of those remaining in rural areas are elderly individuals with low educational attainment. This demographic shift presents significant challenges for any economic development strategies targeting the Mekong Delta (VMD), challenges that have not been adequately addressed in previous planning efforts. Historically, population scenarios in the region showed an upward trend, with corresponding increases in economic growth, urban expansion, and demand for educational and healthcare facilities. However, should the population continue to decline or experience further reductions over the next decade or beyond 2030, the region will confront entirely new challenges. Vo (2020) emphasizes that demographic changes, characterized by many families lacking subsequent generations living together, combined with inadequate healthcare infrastructure and services in rural areas, will exacerbate these issues [Vo 2020].

5. Conclusion and policy implications

5.1. Conclusions

Climate change has significantly disrupted community cohesion in the VMD. The patterns of migration in the VMD are closely linked to environmental factors, such as droughts, salinity intrusion, tidal surges, tornadoes, and riverbank erosion, which have compelled many laborers to seek alternative livelihoods outside the region. Additionally, the construction of hydropower dams by upstream countries on the Mekong River has diminished local production resources, adversely affecting the livelihoods of VMD residents and degrading their habitats. This situation further drives migration from the region.

Consequently, migration trends in the VMD are intricately connected to its sustainable development, as the increasing outflow of residents has resulted in ethnic conflicts, the displacement of indigenous ethnic minorities, and even the potential for international tensions between China, Vietnam, and other countries. The problems of labor shortages, low natural

population growth rates, and high net migration rates will create a serious downward spiral for the VMD's human resources, as well as other social challenges in the region, such as accelerating population aging and shrinking family sizes, etc.

5.2. Policy implications

5.2.1 Reinforcing the system of sustainable development policies for the VMD that adapts to climate change

The following actions are recommended for policymakers in response to migration associated with climate change:

Promoting scientific research activities is essential for forecasting and developing viable scenarios for the sustainable development of the VMD. Enhancing mechanisms and policies to attract domestic and international research groups will facilitate comprehensive studies that accurately predict sustainable development challenges in the VMD for the coming decades.

Based on research findings, it is important to formulate feasible and effective scenarios for the sustainable development of the VMD at various stages, enabling proactive responses to potential challenges.

Strengthening policy frameworks is crucial to support scientific research aimed at addressing socio-economic development challenges, protecting regional resources — especially land and water — and adapting to the increasingly diverse and severe impacts of climate change.

Additionally, enhancing policies that promote applied research in agricultural production and socio-economic activities within the region should be a priority. Focused research initiatives on the hybridization of livestock and crops that are resilient to the adverse effects of climate change in the VMD are particularly important.

Implementing economic restructuring solutions is crucial for shifting from traditional agricultural practices to a focus on industry and services, as well as transitioning from water-intensive production activities to those suited for saline conditions. If effective solutions are applied, this restructuring process can minimize the transition shocks experienced by residents of the VMD, generating more job opportunities in industrial sectors, services, and economically viable salt-adapted activities, thereby ab-

sorbing a significant number of laborers from agriculture.

It is also important to develop specific localities within the VMD region that have strengths in industry and services. Establishing connections between these localities and areas with large populations of migrant labor will provide employment opportunities, help reduce large-scale labor migration out of the region, and alleviate the pressures on urban infrastructure and social issues caused by migrant labor in major urban centers of the Southeast region.

Addressing employment support policies effectively is essential. This includes implementing credit policies for poor and near-poor households, supporting vocational training initiatives, offering loans from the National Employment Fund, and providing financial assistance such as preferential loans for laborers working abroad under contracts. Regularly disseminating information about employment opportunities and labor market conditions through various media channels will equip individuals with the necessary knowledge and preparation for future careers.

Enhancing the role of Can Tho University in building a collaborative ecosystem among universities can contribute to raising skill levels among laborers and reducing outmigration. Developing vocational training centers, as well as intermediate and college-level vocational training programs, should focus on the strengths and emerging development trends of the VMD, such as biotechnology and environmental studies.

Innovating vocational training in localities through close cooperation between businesses (labor users) and job service centers (intermediaries) can create income-generating employment and enhance the skills of laborers to meet business requirements. Local authorities should regularly collaborate with companies to organize job fairs and employment exchanges, facilitating connections between labor supply and demand, and helping laborers secure jobs on the spot. This approach will contribute to the overall development of the local labor market.

5.2.2. Enhancing the quality of human resources to meet the requirements of sustainable development

Implementing effective policies for the development of scientific and technological hu-

man resources (STHR) is crucial for the VMD. Firstly, it is urgent to develop and implement policies that focus on the training, professional development, recognition, and rewarding of STHR personnel.

The VMD needs to develop and implement comprehensive policies for the training, professional development, and growth of its STHR. Special attention should be given to recognizing and rewarding top science and technology experts, especially those entrusted with leading key national projects. In addition, it is essential to honor and create opportunities for the development of talented young STHR, placing this at the forefront of regional development efforts.

First and foremost, it is essential to establish a fair and adequate compensation policy for STHR. Additionally, policies regarding rewards and penalties must be clearly defined and transparent in order to build strong trust, ensure job security, and provide a sense of stability for employees.

Moreover, it is necessary to reform the mechanisms for the recruitment, allocation, evaluation, and appointment of STHR to ensure that these human resources are valued and compensated appropriately based on their abilities and actual contributions, while also encouraging creativity in scientific research. In addition to assigning tasks and commissioning STHR projects for scientists and research organizations, a transparent selection process should be implemented for organizations and individuals in the region to carry out STHR missions for the provinces and cities. This approach will ensure fairness and objectivity in the distribution and evaluation of scientific research projects.

Furthermore, creating a scientific work environment is a key factor in maximizing the potential of STHR. It not only attracts talent but also retains it in the long term. Implementing preferential policies, providing support, investing in modern infrastructure and equipment, and creating reasonable working conditions will offer opportunities for this workforce to freely innovate, conduct research, and develop their careers.

Finally, it is essential to increase the annual budget allocation from both local and central governments for the sectors of education and

training, and STHR, particularly for the development of STHR. High-quality human resource training programs in provinces and cities should be maintained and further developed, while fostering close connections, support, and favorable conditions for universities in the region to operate effectively and achieve sustainable growth. Universities play a crucial role not only in training and supplying human resources for STHR but also as centers for scientific research and technology transfer, contributing to the economic and social development of the VMD region, with notable examples such as Can Tho University

Secondly, it is as urgent to implement policies to attract human resources for science and technology.

The VMD region needs to focus on investing in the development and enhancement of research capabilities for key STHR organizations, such as the Biotechnology Center, the Center for the Application of Scientific and Technological Advances, and the Aquatic Species Research Center. These units will serve as critical bridges for collaborative efforts in implementing science and technology activities between local organizations, individuals, research institutes, universities, businesses, and scientific organizations. This approach will not only strengthen the effectiveness of scientific research and technological applications in the region but also contribute to attracting STHR human resources to the VMD region.

In addition to attracting long-term STHR human resources, the provinces and cities in the VMD region need to implement policies that encourage short-term consultancy contracts and collaborations with both domestic and international experts and scientists. At the same time, policies should be developed to attract overseas Vietnamese scientists and experts who possess high-level expertise and improved knowledge in modern STHR advancements, and who are willing to contribute to the region's development.

Thirdly, it is essential to implement policies that prioritize investment in and the development of STHR across various sectors in order to attract STHR resources to the VMD region.

It is essential to develop prioritized plans for investing in STHR across the region's spe-

cific industries and sectors, with clear objectives to guide the research activities of organizations and individuals. This will not only promote the development of STHR in the region but also contribute to attracting high-quality human resources to the VMD region.

In the field of social sciences and humanities, the focus should be on the following directions: research to promote administrative reform; theoretical studies and practical reviews to innovate and improve political and administrative systems, with strategic guidance for the formation and effective development of rural governance; research on the characteristics of the formation and development of culture, ethnicity, and religion in the provinces and cities; and theoretical studies, practical reviews, and the proposal of strategies for the socio-economic development of the VMD region, aimed at harnessing its potential and strengths.

In the field of natural sciences, the focus should be on conducting scientific research to establish arguments regarding the laws and natural conditions that contribute to solving critical short- and long-term issues, such as food security, public health, environmental protection, and the rational use of energy and natural resources. This includes, in particular, addressing climate change, rising sea levels, and other related challenges. The following technological development priorities should be considered:

(1) Information and Communication Technology: Promote applied research, refine and master technology, and transfer technology in the fields of software development, digital content, cybersecurity, and information confidentiality. Further enhance the application of information technology in administrative reforms, public management, and the management of production and business operations for products and services.

(2) Biotechnology: The focus should be placed on researching and applying advanced technologies such as cell technology, microbiology, enzyme-protein technologies, biotechnology, and genetic engineering. These studies will focus on the effective application of biotechnology in key sectors, such as agriculture, forestry, fisheries, medicine, food processing industries, and environmental protection, with

the aim of developing the biotechnology industry into a high-tech economic sector that makes an increasingly significant contribution to the economy. At the same time, it is necessary to research the production of biological products for food processing, animal feed, functional fertilizers, biological pesticides, and biofuels. The development of high-yield, high-quality, disease-resistant crops, livestock, and aquatic species that are adaptable to the impacts of climate change and suitable for the livelihoods of the VMD region is crucial. In addition, research and the implementation of measures to prevent dangerous diseases in agricultural and aquatic production should be prioritized. Studies on the conservation, preservation, and sustainable utilization of rare genetic resources, protection of biodiversity, and environmental pollution management must also be emphasized to ensure the sustainable development of the region.

(3) Environmental Technology: Develop technologies for wastewater treatment, solid waste, hazardous waste, and emissions, with functionality and cost-effectiveness tailored to the conditions of the VMD region. Implement clean production technologies and environmentally friendly technologies in local industries. Advance recycling technologies for waste generated from business and production processes in the VMD region.

(4) New Materials Technology and Machine Manufacturing Automation: Focus on researching, adopting, applying, and developing advanced new material technologies, including intensifying research on composite material production technologies, nanomaterials used in agriculture and environmental protection, and the production of advanced materials from biomass and agricultural by-products. Conduct research on the application and development of automation technologies for measurement and information processing.

6. Conclusions

This study has demonstrated that climate change is a significant driver of migration in the Mekong Delta of Vietnam, a region increasingly vulnerable to environmental degradation, sea-level rise, and extreme weather events. The outmigration of more than 1.3 million people over the past decade reflects the growing pressure on rural livelihoods, agricultural systems, and local socio-economic stability. Migration, while often seen as a coping strategy, also presents long-term challenges to sustainable development, including labor shortages, demographic imbalances, and weakened community resilience.

Through a review of global and regional literature and contextual analysis, this article has highlighted the complexity of the climate–migration nexus and the difficulty of isolating environmental drivers from economic and social variables. Nonetheless, the Mekong Delta provides a compelling case where climate-induced stressors intersect with socio-political vulnerabilities to influence migration dynamics.

To address these intertwined challenges, it is essential to adopt a proactive and integrated policy approach. This includes strengthening climate adaptation strategies, investing in local livelihoods and resilient infrastructure, and enhancing the quality of human resources through education and targeted support. Policies must also account for the rights, needs, and aspirations of both migrants and non-migrants, ensuring inclusive development pathways.

Future research should deepen empirical understanding of migration motivations, track post-migration impacts on both origin and destination areas, and explore innovative governance models for climate-resilient development. As the Mekong Delta stands at the frontlines of climate change, its experience offers critical lessons for other vulnerable regions worldwide.

References

- Ardiansyah, Putri 2011 — *Ardiansyah F., Putri D.* Risk and resilience in three Southeast Asian cross-border areas: The Greater Mekong sub-region, the Heart of Borneo, and the Coral Triangle. On: WordPress.com. On Sustainability, Commodities & Energy. Publications of Fitrian Ardiansyah. Posted on 23 February 2011. Available at: <http://fitrianardiansyah.wordpress.com/2011/02/23/risk-and-resilience-in-three-southeast-asian-cross-border-areas-the-greater-mekong-sub-region-the-heart-of-borneo-and-the-coral-triangle/> (accessed: 20 March 2025). (In Eng.)

- Bates 2002 — *Bates D. C.* Environmental refugees? Classifying human migrations caused by environmental change. *Population and Environment*. 2002. Vol. 23. No. 5. Pp. 465–477. DOI: 10.1023/a:1015186001919 (accessed: 20 March 2025). (In Eng.)
- Berlemann, Tran 2020 — *Berlemann M., Tran T. X.* Climate-related hazards and internal migration empirical evidence for rural Vietnam. *Economics of Disasters and Climate Change*. 2020. Vol. 4. Pp. 385–409. (In Eng.) DOI: 10.1007/s41885-020-00062-3
- Black et al. 2011 — *Black R., Adger W. N., Arnell N. W., Dercon S., Geddes A., Thomas D.* The effect of environmental change on human migration. *Global Environmental Change*. 2011. Vol. 21. Suppl. 1. Pp. S3–S11. (In Eng.). DOI: 10.106/j.gloenvcha.2011.10.001
- Brown 2008 — *Brown O.* Migration and Climate Change. International Organization for Migration, 2008. 61 p. On: UN iLibrary. Available at: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789213630235> (accessed: 23 October 2025). (In Eng.)
- Castles 2002 — *Castles S.* Environmental Change and Forced Migration: Making Sense of the Debate (UNHCR. The UN Refugee Agency. Working Paper No. 70). Oxford: University of Oxford, 2002. 15 p. (In Eng.)
- Climate Change 1990 — *Houghton J. T., Jenkins G. J., Ephraums J. J.* (eds.) Climate Change: The IPCC Scientific Assessment. Cambridge: The Press Syndicate of the University of Cambridge, 1990. 410 p. (In Eng.)
- Dasgupta et al. 2007 — *Dasgupta S., Benoit L., Craig M., David W., Jianping Y.* The Impact of Sea Level Rise on Developing Countries: A Comparative Analysis (World Bank Policy Research Working Paper 4136). Washington: World Bank, 2007. 51 p. (In Eng.)
- Döös 1997 — *Döös B. R.* Can large-scale environmental migrations be predicted? *Global Environmental Change*. 1997. Vol. 7. No. 1. Pp. 41–61. (In Eng.). DOI: 10.1016/S0959-3780(96)00037-4
- Dun 2009 — *Dun O.* Linkages between Flooding, Migration and Resettlement: Viet Nam Case Study Report for EACH-FOR Project. Bonn: United Nations University, Institute for Environment and Human Security (UNU-EHS), 2009. 24 p. (In Eng.)
- El-Hinnawi 1985 — *El-Hinnawi E.* Environmental Refugees. United Nations Environment Programme. Nairobi: UNEP, 1985. 41 p. (In Eng.)
- Entzinger, Scholten 2016 — *Entzinger H., Scholten P.* Adapting to Climate Change through Migration: A Case Study of the Vietnamese Mekong River Delta. Geneva: International Organization for Migration, 2016. 60 p. (In Eng.)
- Gray, Mueller 2012a — *Gray C., Mueller V.* Natural disasters and population mobility in Bangladesh. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2012. Vol. 109. No. 16. Pp. 6000–6005. (In Eng.). DOI: 10.1073/pnas.1115944109
- Gray, Mueller 2012b — *Gray C., Mueller V.* Droughts and population mobility in rural Ethiopia. *World Development*. 2012. Vol. 40. No. 1. Pp. 134–145. (In Eng.). DOI: 10.1016/j.worlddev.2011.05.023
- Halliday 2006 — *Halliday T.* Migration, risk, and liquidity constraints in El Salvador. *Economic Development and Cultural Change*. 2006. Vol. 54. No. 4. Pp. 893–925. (In Eng.)
- Huang et al. 2003 — *Huang C. C., Zhao S., Pang J., Zhou Q., Chen S., Li P., Ding M.* Climatic aridity and the relocations of the Zhou culture in the southern loess plateau of China. *Climatic Change*. 2003. Vol. 61. Pp. 361–378. (In Eng.) DOI: 10.1023/b:clim.0000004550.82862.72
- Hunter 2005 — *Hunter L. M.* Migration and environmental hazards. *Population and Environment*. 2005. Vol. 26. No. 4. Pp. 273–302. (In Eng.). DOI: 10.1007/s11111-005-3343-x
- Hunter et al. 2015 — *Hunter L. M., Luna J. K., Norton R. M.* Environmental dimensions of migration. *Annual Review of Sociology*. 2015. Vol. 41. Pp. 377–397. (In Eng.). DOI: 10.1146/annurev-soc-073014-112223
- Huong Mai 2022 — *Huong Mai.* Migration and differences in living standards are big challenges for the Mekong Delta. On: Nguoi Lao Dong (online newspaper). Posted on 2 August 2022. Available at: <https://laodong.vn/xa-hoi/tinh-trang-di-cu-su-chenh-lech-ve-muc-song-la-thach-thuc-lon-cho-dbscl-1075999.lido> (accessed: 20 March 2025). (In Viet.)

- Huy 2012 — *Huy H. T.* Modelling Migration Flows in the Mekong River Delta Region (CAS Discussion Paper No. 81). On: University of Antwerp, MediaLibrary. 2012. Available at: <https://medialibrary.uantwerpen.be/oldcontent/container2626/files/CAS%20en%20ASEAN/CAS81.pdf> (accessed: 20 March 2025). (In Eng.)
- Jordan 1994 — *Jordan A.* [Review] Myers N. Ultimate Security: The Environmental Basis of Political Stability. *International Affairs*. 1994. Vol. 70. No. 3. Pp. 557–558. (In Eng.). DOI: 10.2307/2623757
- Kavanagh, Lonergan 1992 — *Kavanagh B., Lonergan S.* Environmental Degradation, Population Displacement and Global Security: An Overview of the Issues (RSC/CGCP-IR92-1; CE-04592). Ottawa: Royal Society of Canada, 1992. On: Office of Scientific and Technical Information. Available at: <https://www.osti.gov/etdeweb/biblio/7005450> (accessed: 20 March 2025). (In Eng.)
- Koubi et al. 2016 — *Koubi V., Spilker G., Schaffer L., Böhmelt T.* The role of environmental perceptions in migration decision-making: Evidence from both migrants and non-migrants in five developing countries. *Population and Environment*. 2016. Vol. 38. Pp. 134–163. (In Eng.). DOI: 10.1007/s11111-016-0253-6
- Lan Anh 2016 — *Lan Anh.* At risk of being submerged before 2030. How does Ho Chi Minh City act? On: Environmental Economics (online journal). 2016. Available at: <https://kinhtemoitruong.vn/nguy-co-bi-nhan-chim-truoc-nam-2030-tphcm-hanh-dong-nhu-the-nao-62130.html> (accessed: 20 March 2025). (In Viet.)
- Lam et al. 2022 — *Lam T. Tr. L., Nguyen Ng. Th., Nguyen H. Ng.* Migration — the problem that needs to be resolved to make the Mekong Delta Region a worth living place for people. On: Digital Economy Knowledge Newsletter. University of Economics Ho Chi Minh City (UEH). 2022. Available at: <https://future.ueh.edu.vn/chi-tiet-knowlege/podcast-di-cu-van-de-can-duoc-giai-quyet-de-khu-vuc-dong-bang-song-cuu-long-tro-thanh-noi-dang-song-cho-nguoi-dan/> (accessed: 20 March 2025). (In Viet.)
- Margulis et al. 2010 — *Margulis S., Hughes G., Schneider R., Pandey K., Narain U., Kemeny T.* Economics of Adaptation to Climate Change: Synthesis Report (Report No. 70267). On: World Bank Group. Climate Policy & Finance (CPF). 2010. Available at: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2011/06/06/economics-adaptation-climate-change> (accessed: 20 March 2025). (In Eng.)
- McLeman, Smit 2006 — *McLeman R., Smit B.* Migration as an adaptation to climate change. *Climatic Change*. 2006. Vol. 76. Pp. 31–53. (In Eng.). DOI: 10.1007/s10584-005-9000-7
- Mekong Delta Climate 2009 — Mekong Delta Climate Change Forum 2009 (12–13 November 2009). Forum Report. Vol. 1. ICEM, 2009. 83 p. On: International Centre for Environmental Management. 2009. Available at: http://www.icem.com.au/02_contents/06_materials/06-mdcc-page.htm (accessed: 20 March 2025). (In Eng.)
- Meze-Hausken 2000 — *Meze-Hausken E.* Migration caused by climate change: How vulnerable are people in dryland areas? *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*. 2000. Vol. 5. Pp. 379–406. (In Eng.). DOI: 10.1023/a:1026570529614
- Myers, Slack, Singelmann 2008 — *Myers C. A., Slack T., Singelmann J.* Social vulnerability and migration in the wake of disaster: The case of Hurricanes Katrina and Rita. *Population & Environment*. 2008. Vol. 29. Pp. 271–291. (In Eng.). DOI: 10.1007/s11111-008-0072-y
- Nguyen, Raabe, Grote 2015 — *Nguyen L. D., Raabe K., Grote U.* Rural–urban migration, household vulnerability, and welfare in Vietnam. *World Development*. 2015. Vol. 71. Pp. 79–93. (In Eng.). DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.11.002
- Oanh, Truong 2017 — *Oanh L. T. K., Truong L. M.* Correlation between climate change impacts and migration decisions in Vietnamese Mekong Delta. *International Journal of Innovative Science, Engineering & Technology*. 2017. Vol. 4. No. 8. Pp. 2348–7968. (In Eng.)
- Padilla 2011 — *Padilla K.* The Impacts of Climate Change on the Mekong Delta (ICE Case Studies 265. December 2011). On: The Mandala Projects. Available at: <https://mandalaprojects.com/ice/ice-cases/mekong-migration.htm> (accessed: 20 March 2025). (In Eng.)

- Phu 2022 — *Phu K.* “Excess and shortage of human resources” — the bottleneck in attracting investment to the Mekong Delta. On: Investor (electronic magazine). 2022. Available at: <https://nhadautu.vn/thua-va-thieu-nhan-luc-diem-nghen-trong-thu-hut-dau-tu-vao-dbscl-d68605.html> (accessed: 20 March 2025). (In Viet.)
- Raleigh 2011 — *Raleigh C. A.* The search for safety: The effects of conflict, poverty and ecological influences on migration in the developing world. *Global Environmental Change*. 2011. Vol. 21. Suppl. 1. Pp. S82–S93. (In Eng.). DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2011.08.008.
- Results 2019 — Results of the Population and Housing Census 01/4/2019. Press release. On: United Nations Viet Nam (website). Posted on 18 December 2019. Available at: <https://vietnam.un.org/vi/28931-k%E1%BA%BFt-qu%E1%BA%A3-t%E1%BB%95ng-%C4%91i...> (accessed: 20 March 2025). (In Eng.)
- Rigaud et al. 2018 — *Rigaud K., Jones B., Bergmann J., Clement V., Ober K., Schewe J., Adamo S., McCusker B., Heuser S., Midgley A.* Groundswell: Preparing for Internal Climate Migration. Washington, DC: World Bank. 2018. On: World Bank Open Knowledge Repository. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29461> (accessed: 20 March 2025). (In Eng.)
- Statistical Yearbook 2023 — Niên giám Thống kê Việt Nam năm 2022 (= Statistical Yearbook of Vietnam 2022). Hanoi: Thống kê, 2023. 1268 p. (In Viet. and Eng.)
- Thuy, Nam 2015 — *Thuy L. N., Nam P. D.* Impacts of climate change on agricultural production and migration of farmer. *Sociology*. 2015. No. 1 (129). Pp. 82–92. (In Viet.). DOI: 10.1108/IJCCSM-03-2017-0059
- Trinh 2021 — *Trinh T. Tr.* The Effects of Climate Change on Rural-Urban Migration in the Mekong Delta, Viet Nam [unpublished doctoral dissertation]. Minato, Tokyo: National Graduate Institute for Policy Studies (GRIPS), 2021. (In Eng.)
- Tyson et al. 2002 — *Tyson P. D., Lee-Thorp J., Holmgren K., Thackeray J. F.* Changing gradients of climate change in southern Africa during the past millennium: Implications for population movements. *Climatic Change*. 2002. Vol. 52. Pp. 129–135. (In Eng.). DOI: 10.1023/a:1013099104598
- VCCI & Fulbright 2020 — VCCI & Fulbright. Annual Mekong Delta Economic Report 2020. Can Tho: Can Tho University, 2020. XLV, 302 p. (In Eng.)
- VCCI & Fulbright 2023 — VCCI & Fulbright. Annual Mekong Delta Economic Report 2023. Can Tho: Can Tho University, 2023. Pp. 124–137. (In Eng.)
- Vo 2020 — *Vo H. D.* Immigrants in VMD: Many problems arise. On: The Saigon Times. Available at: <https://thesaigontimes.vn/di-dan-o-dbscl-nhieu-van-de-dat-ra/> (accessed: 31 October 2020). (In Viet.)
- Warner et al. 2009 — *Warner K., Ehrhart C., Sherbinin A., Adamo S., Chai-Onn T.* In Search of Shelter: Mapping the Effects of Climate Change on Human Migration. Chatelaine (Switzerland): Care International, 2009. 26 p. (In Eng.)
- Warner et al. 2012 — *Warner K., Afifi T., Henry K., Rawe T., Smith C., de Sherbinin A.* Where the Rain Falls: Climate Change, Food and Livelihood Security, and Migration. Global Policy Report of the Where the Rain Falls Project. Bonn: CARE France & UNU-EHS, 2012. 142 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 4, Pp. 836–848, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(517.3)

**Сибирское купечество
в конкурентной борьбе
за освоение монгольского
рынка: проблемы
и способы их преодоления**

*Анна Максимовна Плеханова¹,
Алдар Амаголонович Ширапов²*

**Siberian Merchants
in the Competitive Struggle
for the Development of
Mongolia's Markets:
Problems and Solutions**

*Anna M. Plekhanova¹,
Aldar A. Shirapov²*

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, заместитель директора

 0000-0002-6573-4262. E-mail: [plehanova.am\[at\]mail.ru](mailto:plehanova.am[at]mail.ru)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Deputy Director

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

 0000-0002-5910-3501. E-mail: [agmaren\[at\]mail.ru](mailto:agmaren[at]mail.ru)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Junior Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025

© Плеханова А. М., Ширапов А. А., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Plekhanova A. M., Shirapov A. A., 2025

Аннотация. Введение. В статье анализируется история российско-монгольских экономических отношений в конце XIX – начале XX в. *Целью* исследования является определение, анализ и оценка роли представителей сибирского купечества в процессе укрепления торговых связей Российской империи и Монголии на рубеже XIX–XX вв. В рамках поставленной цели предполагается установить причины, по которым сибирские предприниматели были заинтересованы в развитии торговли с Монголией; выявить факторы, препятствовавшие российской экономической экспансии в исследуемом регионе; охарактеризовать роль сибирского купечества в конкурентной борьбе за внутренний рынок Монголии. *Материалы и методы.* Источниковая база исследования опирается на международные договоры, регламентировавшие политические и экономические взаимоотношения России и Китая во второй половине XIX – начале XX в.; законодательные акты Российской империи, регулировавшие торговую и промышленную дея-

тельность; статистические и делопроизводственные материалы, представленные в фондах Государственных архивов Республики Бурятия и Иркутской области. *Методологическую базу исследования* составляют теория модернизации и комплекс специальных методов, в том числе хронологический, статистический, системно-исторический, позволившие реконструировать процесс эволюции русско-монгольских торговых связей в контексте политических и экономических трансформаций, происходивших в Российской империи и странах Внутренней Азии в XIX – начале XX в. *Результаты.* Активизация российско-монгольских экономических отношений в конце XIX в. стала следствием смены внешнеполитического вектора России, обусловленной интересами развития отечественной торговли и промышленности. Главную роль в укреплении торговых связей с Монголией играли представители частного капитала — сибирское купечество. В ходе продвижения на монгольский внутренний рынок отечественные предприниматели столкнулись с рядом проблем и препятствий, главной из которых стала конкуренция с располагавшими огромными финансовыми ресурсами и государственным содействием китайскими фирмами. Опираясь на собственные силы и средства, рассчитывая на государственную поддержку, сибирские предприниматели смогли выстоять в конкурентной борьбе и к началу Синьхайской революции 1911 г. удержать под контролем часть внутреннего рынка Монголии.

Ключевые слова: Российская империя, Цинская империя, Монголия, экономическая экспансия, сибирское купечество, торговля, конкуренция

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации» (№ 125091010220-3).

Для цитирования: Плеханова А. М., Ширапов А. А. Сибирское купечество в конкурентной борьбе за освоение монгольского рынка: проблемы и способы их преодоления // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 4. С. 836–848. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-836-848

Abstract. Introduction. The paper deals with the history of Russia-Mongolia economic relations in the late nineteenth and early twentieth centuries. *Goals.* The study seeks to determine, analyze and evaluate the role of Siberian merchants in strengthening Russia-Mongolia trade relations in the specified period. To facilitate these, the work shall examine why Siberian entrepreneurs were that interested in developing trade with Mongolia, identify some factors that hindered Russian economic expansion in the region, characterize the significance of the Siberian merchant class in the competitive struggle for internal markets of Mongolia. *Materials and methods.* The study focuses on a set of both published and unpublished documents. The former include international treaties that regulated Russia-China political and economic relations from the mid-nineteenth to early twentieth centuries, legislative acts of the Russian Empire pertaining to trade and industrial activities. The unpublished sources include statistical and record-keeping papers from public archives of the Republic of Buryatia and Irkutsk Oblast. Methodologically, the study rests on modernization theory in combination with a number of special methods of historical research — the chronological, statistical, system-historical ones — that prove instrumental in reconstructing the process of evolution of Russia-Mongolia trade relations in the context of political and economic transformations experienced by the Russian Empire and Inner Asian nations at the turn of the twentieth century. *Results.* The change in Imperial Russia's foreign policy vector towards the Asia-Pacific entailed an intensified development of Russia-Mongolia economic ties. The former resulted from the desire of imperial authorities to facilitate further development of domestic trade and industries. The main role in strengthening trade ties with Mongolia was played by representatives of private capital — Siberian merchants. The expansion of Russian merchants into Mongolia's internal markets was challenged by a number of problems and obstacles, the main one having been competition with Chinese trading companies that were enjoying huge financial resources and government support. Siberian entrepreneurs would rely on forces and resources of their own, count on state support — and did withstand the competition to retain control over some part of Mongolia's internal market by the beginning of the 1911 Hsinhai Revolution.

Keywords: Russian Empire, Qing Empire, Mongolia, economic expansion, Siberian merchants, trade, competition

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment, project no. 125091010220-3 'Russia, Mongolia and China: Historical Experience of Cross-Border Interaction, Economic Priorities and Socio-Cultural Communications'.

For citation: Plekhanova A. M., Shirapov A. A. Siberian Merchants in the Competitive Struggle for the Development of Mongolia's Markets: Problems and Solutions. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 836–848. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-836-848

1. Введение

Рубеж XIX–XX вв. стал временем бурного роста мировой экономики. Благодаря стремительному развитию науки, росту объемов промышленного производства и товарооборота за сорок с небольшим лет — с 1870 г. по 1913 г. уровень мирового ВВП увеличился более чем вдвое — с 1 112,7 млрд долл. до 2 732,1 млрд долл. [Maddison 2005: 7]. Не стала исключением и экономика Российской империи. Ежегодный прирост валового национального продукта в стране составлял 3,3 %, уступая по данному показателю только США — 3,5 %. Если в 1895 г. доля России в мировом промышленном производстве равнялась 3,4 %, существенно уступая ближайшей по данному показателю Франции — 8,6 %, то к 1913 г. эти цифры составляли уже 5,3 % и 6,4 % соответственно [Миронов 2023: 255–256]. Ускоренными темпами шло строительство необходимой для развития экономики транспортной инфраструктуры. С 1881 г. по 1890 г. было введено в строй 7 353 верст железных дорог. В следующее десятилетие, с 1891 г. по 1900 г., эта цифра составляла 20 726 верст [Гливиц 1911: 79]. Не меньшие успехи наблюдались в области внешней торговли империи, где объем экспортных операций стабильно демонстрировал значительный рост. По данным за 1897 г., совокупная стоимость вывезенных за рубеж российских товаров составила свыше 726 млн руб. [Обзор 1899: 2]. Спустя 15 лет, по итогам 1912 г., эта цифра увеличилась более чем в два раза — до 1 млрд 518 тыс. руб. [Статистический 1914: 15]. Ежегодный торговый баланс страны на протяжении 23 лет — с 1890 г. по 1913 г. (за исключением 1899 г.) — завершался с положительным сальдо [Грегори 2003: 222].

Высокие темпы роста экономики требовали расширения российского присутствия на внешних рынках сбыта товарной продукции, притока дополнительных капиталов и

получения доступа к дешевым источникам сырья. В связи с практически завершившимся колониальным разделом мира Великими державами, одним из немногих подходящих для экономической экспансии Российской империи государств в конце XIX – начале XX вв. являлась Цинская империя, в состав которой входила Монголия. Значительную роль в продвижении российского влияния сыграли сибирские купцы и промышленники, чьими усилиями во многом были заложены долговременные основы российско-монгольских торговых отношений. На монгольском рынке сибирские предприниматели столкнулись с рядом препятствий и трудностей. Их выявление и анализ, а также определение и оценка мер, предпринятых сибирскими купцами для нивелирования проблемных ситуаций, являются целью данной работы.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена ранее неопубликованными документами Государственных архивов Республики Бурятия и Иркутской области. Изучение материалов, содержащихся в фонде 261 «Троицкосавская городская управа, 1838–1920» позволило установить, что в конце XIX – начале XX в. кяхтинским купечеством с целью расширения торговых операций с Монголией был предпринят ряд важных шагов, включавших в себя техническую и организационную модернизацию принадлежавших им предприятий. В ходе исследования материалов фонда 293 «Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, г. Иркутск Иркутской губернии 1851–1920 гг.» удалось выявить документы, свидетельствующие о результативности деятельности сибирского купечества, которая была направлена на организацию сети торговых представительств и предприятий обрабатывающей промыш-

ленности на территории Монголии в начале XX в. Анализ внешнеполитических договоров, заключенных между Российской и Цинской империями во второй половине XIX в., дал возможность проследить процесс законодательного оформления правового статуса российской торговли на территории Монголии. Исследование нормативно-правовой документации, содержащейся в Полном собрании законов Российской империи, позволило определить специфику государственного регулирования экспортных операций. На основе статистических сведений, содержащихся в сборниках «Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1897 год» и «Статистический ежегодник России 1913 г. Год десятый», установлена динамика развития российской внешней торговли в конце XIX – начале XX в.

В методологическом плане исследование опирается на теорию модернизации и комплекс специальных методов, в том числе хронологический, статистический, системно-исторический. Это позволило логически обосновать и реконструировать процесс эволюции русско-монгольских торговых связей в контексте политических и экономических трансформаций, происходивших в Российской империи и странах Внутренней Азии в XIX – начале XX в., — от скупки небольших партий монгольских товаров сибирскими купцами до создания ими крупных торговых фирм, занятых масштабными заготовками на территории Монголии местной аграрной продукции и последующей промышленной обработкой с целью экспорта готовой продукции на мировой рынок.

3. «Русским подданным предоставляется право торговать беспошлинно в подвластной Китаю Монголии...»: специфика освоения монгольского рынка

Торговля между Российским государством и Монголией зародилась еще в XVII в., однако долгое время объем взаимных экспортно-импортных операций был совсем невелик. Причинами тому служил ряд обстоятельств. Во-первых, власти Цинской империи, в состав которой входила Монголия, опасаясь усиления влияния

России в Северной Монголии, «*вплоть до 1861 г. держали русско-монгольскую границу почти наглухо закрытой для торговых и любых иных непосредственных контактов*» [Старцев 2013: 6]. Во-вторых, до второй половины XIX в. в экономических отношениях между Российской и Цинской империями Монголия выступала лишь в качестве транзитной территории. Российские купцы закупали в Китае ценные товары — шелк и чай, взамен поставляя меха и продукцию текстильной промышленности [Михайловская 1927: 3]. Непосредственно с монголами торговали в небольших объемах в основном жители приграничной полосы. Российский экспорт представлял собой в основном продукты питания (хлеб, масло, сало), орудия труда и домашнюю утварь. Из Монголии импортировались сено, древесина, скот [Чимитдоржиев 1987: 99–100].

Вектор русско-монгольских торговых отношений начал меняться в середине XIX в. В результате поражения Цинской империи в опиумных войнах российским дипломатам удалось заключить с китайской стороной ряд выгодных договоров — Кульджинский в 1851 г., Айгунский в 1858 г., Тяньцзиньский в 1858 г., Пекинский в 1860 г. и Санкт-Петербургский в 1881 г. Согласно их положениям, проводилась новая демаркация границ и оговаривались дополнительные условия взаимной торговли. В частности по условиям Пекинского договора устанавливалось, что «*на протяжении всей граничной линии, определенной первой статьей сего договора, допускается свободная и беспошлинная меновая торговля между подданными обоих Государств*» [Дополнительный 1889: 162], а российским купцам в Монголии «*по пути в Урге и Калгане допускается также торговать, не открывая оптовой продажи*» [Дополнительный 1889: 162–163]. Впервые в истории в Урге было открыто консульство Российской империи [Дополнительный 1889: 163]. Спустя два года, 20 февраля 1862 г., были ратифицированы дополнительные «Правила для сухопутной торговли с Китаем». По их условиям вводилась обоюдная 50-верстная пограничная полоса беспошлинной торговли. Российские предприниматели

могли вести дела *«также беспошлинно по всей подчиненной Китаю Монголии»* [Правила 1889: 192]. С вступлением в силу соглашения 1881 г. русские купцы получали, помимо окончательного закрепления привилегии вести торговлю без уплаты налоговых сборов на всей территории Монголии, право приобретать товары за наличный расчет [Договор 1889: 232].

В числе первых российских предпринимателей на внутренний монгольский рынок вышли сибирские купцы и промышленники. Представители торгового дома «Кокотин и Басов» еще в 1860 г. открыли в Урге первую русскую торговую лавку [Даревская 1994: 80]. Примерно в это же время бийскими купцами Гилевыми, Котельниковым и Бодуновым были налажены поставки в Монголию российской текстильной продукции, а в обратную сторону сибирские предприниматели везли зеленый чай, серебро, скот, пушнину и верблюжью шерсть [Боголепов, Соболев 1911: 169]. Показатели взаимных экспортно-импортных операций демонстрировали небольшой, но уверенный рост: с 80 тыс. руб. в 1865 г. до 553 тыс. по итогам 1881 г. [Боголепов, Соболев 1911: 164]. Наиболее активно взаимная торговля развивалась в 50-верстной приграничной полосе, где экспортно-импортные операции не облагались пошлинами. Торговый оборот только на Акшинском участке границы Забайкальской области и Монголии всего за три года вырос со 131 тыс. руб. в 1881 г. до 195 тыс. в 1884 г. [Обзор 1885: 26].

Сибирские предприниматели занимались не только скупкой монгольских товаров и продажей отечественной продукции. Оценив растущие поставки дешевого монгольского сырья, забайкальские купцы стали активно развивать кожевенное производство. Еще в 1860 г. Я. А. Немчиновым был построен Чикойский завод, обрабатывавший свыше 5 тыс. монгольских кож в год. Следом за ним открыла свое производство фабрика И. А. Носкова в Верхнеудинске, ежегодно выпускавшая 6 тыс. выделанных из импортного сырья кож. Произведенная продукция с успехом реализовывалась как в России, так и соседних странах [Даревская 1994: 36–37].

Несмотря на указанные достижения, именно в это время окончательно сформировались обстоятельства, впоследствии сильно усложнившие развитие российско-монгольских торговых отношений. В полной мере с их влиянием сибирское купечество столкнулось в конце XIX – начале XX в., когда в качестве дополнительных источников финансирования экономики страны власти стали активно использовать иностранные инвестиции. Доля зарубежных капиталов в российской промышленности постоянно росла, увеличившись с 26 % (114 млн руб.) в 1890 г. до 47 % (1 млрд. 322 млн руб.) в 1900 г. [Эвентов 1931: 20]. Ежегодные процентные отчисления иностранным инвесторам составляли до 300 млн руб. [Муравьева 2002: 29–37]. Стремясь облегчить бюджет державы от столь тяжелого бремени имперские власти решили использовать механизмы экономической экспансии на внутренний рынок Цинской империи. По замыслу главного идеолога нового внешнеполитического курса страны — министра финансов С. Ю. Витте, предполагалось посредством прибыли, полученной от торговли в Китае, погашать западные займы. В своем докладе императору Николаю II, сделанном в феврале 1899 г., он отмечал, что *«... даже и теперь мы приближаемся к такому положению, и естественным завершением происходящего ныне преобразования было бы установление таких отношений, что процент за капиталы, полученные нами из Европы, мы выплачивали бы из нашей выручки от вывоза в Азию»* [Материалы 1959: 188–189]. Не менее важное значение для России имел свободный доступ к природным богатствам Цинской империи, необходимым для нужд отечественных фабрик и заводов. В рамках реализации данного плана властями Российской империи был задуман и реализован ряд грандиозных проектов. Строительство Транссибирской магистрали (1891–1916 гг.) и Китайско-Восточной железной дороги (1897–1903 гг.), а также создание в 1895 г. Русско-Китайского банка способствовали росту российского влияния.

Наличие надежного железнодорожного сообщения вкупе с финансовыми возможностями подконтрольного самодержавию

банка открывали широкие возможности для отечественных предпринимателей на внутреннем рынке Китая, в том числе и доступ к природным богатствам Монголии. Особый интерес для русских купцов представляла продукция местного животноводства, что было обусловлено важной ролью легкой промышленности в экономике Российской империи. На рубеже XIX–XX вв. число рабочих, занятых в текстильной промышленности, составляло 36,5 % общего числа фабричных кадров страны, а совокупная ценность выпущенной продукции — 30 % стоимости всей российской промышленной продукции [Пасвольский, Моультон 1925: 108]. Стремительное увеличение производства и потребления вело к резкому росту потребности в сырье, полностью удовлетворить которую отечественные ресурсы уже не могли. Общее потребление хлопка имперскими фабриками за 21 год увеличилось на 120 % — с 11 735 тыс. пудов в 1890 г. до 25 824 тыс. пудов в 1911 г. При этом даже в относительно благополучном для отечественных хлопководов 1911 г. им удалось поставить лишь половину требуемого промышленности объема сырья. Оставшуюся половину составляли импортные поставки [Загорский 1917: 309]. Схожая ситуация наблюдалась и в других отраслях легкой промышленности.

Продукция монгольских аратов привлекала русских купцов возможностью ее выгодной перепродажи на рынках промышленно развитых государств Западной и Центральной Европы, США, Японии. В результате российской экономической экспансии в пределы Цинской империи и благодаря усилиям сибирских купцов начались поставки монгольской животноводческой продукции. Уже в 1895 г. в Монголии стала активно действовать фирма тюменского купца 1-й гильдии А. В. Колмакова, импортировавшая шерсть и шкурки сурка. За семь лет — с 1901 г. по 1907 г. — ежегодные объемы закупок фирмой монгольского сырья выросли почти в два раза — с 387 тыс. руб. до 673 тыс. руб. [Старцев 2013: 165]. Одновременно в Монголии развернули свою деятельность и другие русские предприниматели. К 1910 г. там действовало 145 русских

фирм, значительная часть которых принадлежала сибирским предпринимателям [Боголепов, Соболев 1911: 493–494]. Благодаря их активной деятельности ежегодные объемы поставок монгольских товаров в пределы Российской империи демонстрировали постоянный рост. Если в 1903 г. стоимость поставленной из Монголии аграрной продукции оценивалась в 3 млн 640 тыс. руб., то по итогам 1909 г. — около 5 млн руб. К 1909 г. в российском сырьевом импорте доля монгольских невыделанных кож составляла 12,1 %, шерсти — 13 %, крупного рогатого скота — 10,5 %, лошадей — 10,8 %, мелкого рогатого скота — 24,9 % [Московская 1912: 12]. Полученное сырье поступало для переработки на отечественные заводы и фабрики или же отправлялось на экспорт за рубеж. Так, один из наиболее успешных российских торговцев монгольскими товарами, бийский купец Н. И. Асанов ежегодно скупал шерсть и скот на сумму более чем 300 тыс. руб. Закупленная шерсть отправлялась им на уральские ткацкие фабрики или перепродавалась в США [Боголепов, Соболев 1911: 23].

4. Российско-монгольская торговля в конце XIX – начале XX в.: проблемы и трудности экономической экспансии

Несмотря на очевидные успехи, русский торгово-промышленный капитал (в частности сибирский) не смог взять под контроль внутренний рынок Монголии. По оценке современников, к 1908 г. общая стоимость торгового оборота Монголии оценивалась в 80 млн руб., из которых на долю России приходилось всего 5,5 млн руб. [Головачев 1914: 133]. В тот же период торговый оборот Монголии с Китаем составлял 50 млн руб. [Царская 1929: 10]. В чем же заключалась причина сложившейся ситуации? Ведь в начале XX в. для успеха российской экспансии имелись практически все условия: пролежавшая неподалеку от границы Транссибирская магистраль, наличие отлаженных сухопутных транспортно-логистических артерий (Великий чайный путь, Чуйский тракт), финансовая и политическая поддержка имперских властей. В совокупности со знанием сибирскими купцами специфики внутреннего рынка Монголии вышеперечис-

ленные аргументы должны были обеспечить России лидирующие позиции. Однако именно в конце XIX – начале XX в. в полной мере проявились зародившиеся ранее негативные факторы.

Первая и самая главная причина, по которой представители сибирского купечества не смогли поставить под контроль внутренний рынок Монголии, заключалась в наличии мощной конкуренции со стороны китайских предпринимателей. Начав свою деятельность в Монголии еще XVIII в., к приходу российских торговцев купцы Цинской империи контролировали внутренний рынок страны [Карпенко, Гармаева 2020: 19]. Сплоченные и отлично знающие особенности местной торговли китайские купцы являлись крайне опасными соперниками российских предпринимателей. Кяхтинский купец Г. М. Осокин в начале XX в. отмечал: *«Сильным конкурентом для русской торговли являются в Урге и китайцы, в особенности, в последнее время. Торговая политика их в отношении монголов поставлена более умело. Давая различные льготы, продавая товар дешевле, а главное, торгуя чаем как предметом первой необходимости, они, конечно, имеют и более обширный круг покупателей. И вообще тяготение монголов-покупателей к китайским торговцам очень заметное»* [Осокин 1906: 268]. Располагая аналогичным ассортиментом товаров, китайские купцы вели максимально жесткую борьбу на монгольском рынке. Получая из метрополии дешевые и качественные английские и американские ткани, при помощи демпинга они смогли практически полностью вытеснить российскую мануфактуру с прибыльного текстильного рынка Монголии [Головачев 1914: 133].

Вторым фактором, осложнявшим развитие торговых связей с Монголией, стали препятствия, чинимые маньчжурским правительством. Китайские купцы опирались на всемерную поддержку местных чиновников, а на деятельность русских предпринимателей накладывались, несмотря на условия российско-китайских соглашений 1860–1880-х гг., всевозможные ограничения. Сотрудник российской дипломатической миссии в Пекине А. С. Вахович по

результатам своей поездки в Монголию отмечал *«явное и еще более тайное недоброжелательство к нам китайских местных властей, очевидно, задавшихся целью если совсем не вытеснить, то по возможности стеснить русскую торговлю в управляемом ими крае»* [Старцев 2013: 78]. Вплоть до 1880-х гг. монголам запрещалось наниматься на работу к русским предпринимателям. Аналогичной точки зрения придерживались и представители сибирского купечества. В своих многочисленных письмах в адрес российского правительства они сообщали о систематических нарушениях правил торговли со стороны китайских предпринимателей, которые покрывались местными чиновниками [Старцев 2013: 80]. Однако долгое время жалобы отечественных предпринимателей не находили отклика, поскольку главной целью политической и экономической экспансии самодержавия в Азиатско-Тихоокеанском регионе в тот период выступала территория Маньчжурии и центральные области Китая. Все усилия и ресурсы, имевшиеся в распоряжении имперских властей, были сосредоточены в данном направлении. С 1895 г. по 1904 г. в Маньчжурию было направлено 563,5 млн руб. инвестиций. К 1902 г. доля капиталовложений России в Китай составила 31,3 % общего объема иностранных инвестиций [Никитина 2021: 47]. Именно по этой причине *«в течение долгого времени Монголия оставалась в стороне от большой дороги русской дальневосточной политики, что до известной поры у царского правительства не было достаточных политических и стратегических стимулов к активизации своей политики на этом относительно захолустном участке империалистической борьбы»* [Царская 1929: 9]. И вплоть до 1910-х гг. эта точка зрения, сформировавшаяся в отношении российских экономических интересов на территории Монголии, господствовала в высших властных кругах империи.

Третья причина заключалась в разобщенности российских предпринимателей. Уже упоминавшийся выше кяхтинский купец Г. М. Осокин, описывая жизнь русских торговцев в Урге, подчеркивал: *«Жажда наживы поглощала все другие интересы об-*

жизни колонии. Каждая фирма жила почти исключительно своими личными интересами» [Осокин 1906: 265]. Подобная разрозненность означала, что каждый российский предприниматель в Монголии мог рассчитывать только на собственные силы и средства, что накладывало ограничения на объемы проводимых им торговых операций. Торговый оборот даже таких крупных сибирских купеческих предприятий, как фирмы Бодуновых, Игнатьевых и Ассановых, не превышал 500 тыс. руб. в год [Майский 1959: 182]. В то же время финансовые возможности китайских конкурентов, всегда действовавших сообща, были намного больше. Ежегодный торговый оборот фирмы «Да Шень-ку» составлял 2 млн руб. при основном капитале в 30 млн руб., компании «Тянь И-де» — 700 тыс. руб. и 3 млн руб. соответственно. 25 крупных китайских фирм, действовавших в начале XX в. на территории Монголии, фактически поставили под контроль весь товарообмен страны, развернув целую сеть факторий [Майский 1959: 168].

Четвертым фактором, тормозившим деятельность русских купцов на монгольском рынке, стали сложности с доступом к необходимым для развития дела банковским услугам. Ведение бизнеса с последующим расширением требовало от предпринимателей наличия оборотных средств и определенного запаса ликвидной наличности. Большинство же российских купцов в Монголии не располагало свободными средствами. Долгое время в условиях отсутствия доступных банковских кредитов они были вынуждены брать необходимые для торговли товары и денежные средства в долг. С 1860-х гг. была распространена практика, когда сибирские купцы получали на Ирбитской ярмарке промышленные изделия в кредит с обязательством уплаты долга максимум через год. Как правило, подобной возможностью пользовались только крупные купцы, чьи капиталы служили надежным залогом кредитоспособности. Наличные средства могли быть получены в долг и у частных лиц, но под значительные проценты — до 15 % в месяц [Старцев 2013: 247].

Пятая причина, накладывавшая ограничения на увеличение товарооборота между Российской империей и Монголией, заключалась в плохо развитой транспортной инфраструктуре. К началу XX в. стало ясно, что возможности уже существующих торговых путей из Монголии в Россию не отвечают потребностям предпринимателей. В свою очередь китайские купцы смогли выстроить намного более удобные транспортные маршруты в направлении своих морских портов. В конце 1900-х гг. сибирский экономист М. Н. Соболев отмечал: «Транспорт на китайские гавани является сильным конкурентом транспорта на Бийск или Кяхту. Русские до сих пор мало думают об условиях транспорта. Он не только остается дорогим, но и с каждым годом, по мере развития китайского транспорта и сокращения кредитной торговли в Монголии, дающей дешевых верблюдов, будет повышаться в своей цене» [Боголепов, Соболев 1911: 327]. В итоге затраты на перевозку монгольского сырья в Китай стали намного меньше, чем отправка его в Россию. Стоимость транспортировки одного пуда шерсти по маршруту Урга – Калган стала дешевле на 70 коп. по сравнению с доставкой через Кяхту в Верхнеудинск [Боголепов, Соболев 1911: 328].

5. Российский торговый капитал на внутреннем рынке Монголии: пути преодоления проблем

Представители сибирского бизнес-общества прекрасно осознавали, насколько негативно указанные причины влияют на их деятельность в Монголии. В начале XX в. ими был предпринят ряд мер, призванных улучшить положение российского торгового капитала на монгольском рынке.

Осознавая силу китайских фирм, сибирские купцы и промышленники стали организовывать совместные предприятия, объединяя имевшиеся в наличии ресурсы. Так, в 1904 г. бийскими купцами Г. Г. Бодуновым, А. Д. Васеневым и П. А. Копыловым было учреждено «Русско-монгольское товарищество», занимавшееся поставками российской промышленной продукции и импортом монгольского сырья. Годовой оборот товарищества превышал 600 тыс. руб. [Эн-

циклопедический 2013: 225]. Наряду с созданием новых компаний началась реорганизация уже действующих. Типичным примером может служить знаменитый кяхтинский Торговый дом «Коковин и Басов». Созданная в 1885 г. купцами М. А. Коковиным и И. А. Басовым компания, изначально специализировавшаяся на торговле китайским чаем и японскими колониальными товарами [Краткая 1994: 93], в конце декабря 1907 г. была реорганизована с сохранением прежнего названия в товарищество на вере под управлением Г. А. Коковиной. Основной капитал предприятия составлял 500 тыс. руб. В качестве главных целей работы фирмы были заявлены различная торговля, коммерческие грузоперевозки, эксплуатация лесных и горных богатств в России и за границей – «особливо в Монголии» [ГА РБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1090. Л. 1, 2, 6].

Следующей мерой, призванной усилить позиции российских предпринимателей в конкурентной борьбе с китайскими купцами, стало расширение сети торговых представительств-факторий во всех районах Монголии. Здесь удалось достичь заметных успехов. К 1910 г. на территории страны работали 244 русские фактории [Боголепов, Соболев 1911: 495–498]. В одном только Ван-Курене насчитывалось пять представительств сибирских купцов Коковина, Швецова, Муратова и Кудрявцева, Стукена, Бодунова [ГА ИО. Ф. 292. Оп. 1. Д. 723. Л. 27].

Другим шагом, призванным укрепить позиции сибирского купечества в торговле с Монголией, стала ставка на улучшение технических мощностей предприятий, занятых в обработке местного сырья. Так, еще в конце 1899 г. один из учредителей «Кяхтинского кожевенного товарищества» купец 1-й гильдии И. Г. Корнаков сделал заказ в Санкт-Петербурге на поставку машинного оборудования для нужд Чикойского кожевенного завода [ГА РБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 881. Л. 10; ГА РБ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 69. Л. 24]. Еще одним примером может служить запущенный в эксплуатацию в 1915 г. кожевенный завод «Сибирь-Монгол» в Иркутске. Предприятие было оснащено собственной электростанцией, паровыми машинами, прокатным станом, водопроводом и полным набором станков для

обработки кожи. Ежегодно завод выпускал из монгольского сырья до 30 тыс. штук подошвенных кож и юфти [Даревская 1994: 40].

Новые предприятия открывались не только на территории Российской империи. В 1900-х гг. представители сибирского купечества стали организовывать обработку монгольского сырья непосредственно на месте. Делалось это с целью снижения стоимости транспортных расходов. После помывки один пуд шерсти терял около трети своего веса без утраты своей ценности. Легко оценив выгоду, российские предприниматели стали массово организовывать специальные шерстомойки. К 1910 г. на территории Монголии действовало более 100 таких моек, принадлежащих русским купцам [Московская 1912: 255]. Открывали свое производство и предприятия, занятые обработкой других видов монгольского сырья. Так, купцом М. Л. Горбоносом недалеко от Улясутая был открыт кожевенный завод, выпускавший до 2 тыс. единиц продукции в год [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 21].

Сибирские купцы, понимая бесперспективность конкуренции с китайскими предпринимателями в торговле чаем и текстильной продукцией, сделали ставку на продвижение новых товаров. Им удалось умело воспользоваться вступлением в силу 12 мая 1903 г. закона о нормировании объемов ежегодного производства сахара для нужд внутреннего рынка [Об изменении 1905: 511–513] и организовать вывоз излишек за рубеж. В кратчайшие сроки поставки сахара в Монголию возросли с 2 тыс. пудов в 1902 г. до 14 тыс. пудов в 1903 г. [Боголепов, Соболев 1911: 263].

Не осталась без внимания сибирского купечества и проблема транспортно-логистической доступности монгольского рынка. В 1901–1902 гг. за казенный счет была проведена реконструкция Чуйского тракта — одной из главных транспортных артерий российско-монгольской торговли, что, впрочем, не улучшило ситуацию, и перевозка грузов по тракту по-прежнему оставалась дорогостоящей и медленной [Боголепов, Соболев 1911: 367–368]. Прекрасно осознавая все выгоды железнодорожного сообщения, в 1908 г. группа кяхтинских купцов во

главе с М. А. Лушниковым направила письмо в адрес иркутского генерал-губернатора А. Н. Селиванова с предложением провести *«изыскания по постройке Кяхтинской железной дороги, причем половину расходов по изысканиям торгующее на Кяхте купечество приняло на себя»* [Краткая 1914: 4–5]. Разрешение генерал-губернатора было получено 10 августа 1909 г., а уже 2 ноября работы были завершены. Согласно расчетам кяхтинских купцов, железная дорога по маршруту Мысовск – Кяхта могла быть успешно проложена, но из-за конкуренции со стороны верхнеудинского купечества, отстаивавшего направление Верхнеудинск – Кяхта, проект постройки железной дороги до границы с Монголией был отложен до 1910-х гг. [Краткая 1914: 4–5]. Другим направлением поисков новых торговых путей в Монголию стали изыскания, проводившиеся Торговым домом «Коковин и Басов» в конце 1900-х гг. на реке Селенга. После реорганизации 1907 г. дополнительными направлениями деятельности компании были определены «пароходное дело» и коммерческие перевозки товаров [ГА РБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1090. Л. 6]. По свидетельству очевидцев, принадлежавшие компании небольшие пароходы проводили пробные замеры в верховьях Селенги с целью налаживания регулярного водного сообщения [Боголепов, Соболев 1911: 97].

На рубеже XIX–XX вв. деловые проекты сибирских предпринимателей в Монголии стали получать более ощутимую поддержку со стороны властей Российской империи. В конце 1890-х гг. с открытием отделений Русско-Китайского банка сибирские купцы получили доступ к услугам специализированных финансово-кредитных организаций. Однако если в Маньчжурии учреждение располагало семью филиалами: в Харбине, Гирине, Куанченцзы, Цицикаре, Мукдене, Телине, Хайларе [Отчет 1902: 43], то на всей протяженной территории Монголии

работали всего три офиса учреждения — в Урге, Улясутае и Калгане [Отчет 1902: 31]. Тем не менее в условиях отсутствия конкуренции было возможно не только взять под контроль финансово-кредитный рынок Монголии, но и обеспечить российскому бизнесу неоспоримое преимущество перед его китайскими соперниками. Однако из-за промахов и ошибок руководства и сотрудников к 1910 г. монгольские отделения банка были ликвидированы [Плеханова, Ширапов 2020]. Намного более успешной и полезной для сибирских предпринимателей в Монголии была деятельность Верхнеудинского и Кяхтинского отделений Русско-Китайского банка. Возглавляемые местными купцами И. Д. Синицыным и П. Т. Труновым, прекрасно разбиравшимися в особенностях ведения дел на монгольском рынке, филиалы учреждения смогли внести значительный вклад в процесс расширения и укрепления позиций российского бизнеса в Монголии [Плеханова, Ширапов 2019; Ширапов 2020].

6. Заключение

С целью укрепления и расширения товарообмена с Монголией в условиях сильной конкуренции со стороны китайских предпринимателей представителями сибирского купечества к началу Синьхайской революции 1911 г. был реализован ряд важных мероприятий. Посредством объединения капиталов и расширения сети торговых представительств в Монголии, за счет предложения новых видов товаров, сделав ставку на глубокую переработку сырья и поиск новых транспортных маршрутов, сибирские купцы смогли удержать за собой значительную часть внутреннего рынка Монголии. Благодаря их усилиям в совокупности с поддержкой со стороны государства в виде открытия филиалов Русско-Китайского банка к началу 1910-х гг. российско-монгольские торгово-экономические отношения стали крепнуть и расширяться.

Источники

ГА ИО — Государственный архив Иркутской области.
ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

Sources

State Archive of Irkutsk Oblast.
State Archive of the Republic of Buryatia.

Литература

- Боголепов, Соболев 1911 — *Боголепов М. И., Соболев М. Н.* Очерки русско-монгольской торговли: экспедиция в Монголию 1910 г. Томск: Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1911. 498 с.
- Гливиц 1911 — *Гливиц И. Б.* Железная промышленность в России: Экономико-статистический очерк с 35 статистическими таблицами, 1 картограммой, 8 диаграммами и справочными данными о некоторых заводах. СПб.: Тип. т-ва п. / ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой», 1911. 104 с., IX л. картогр. прил.
- Головачев 1914 — *Головачев П. М.* Экономическая география Сибири. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. 183 с.
- Грегори 2003 — *Грегори П. Р.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / пер. с англ. И. Кузнецова, А. и Н. Тихоновых. М.: РОССПЭН, 2003. 255 с.
- Даревская 1994 — *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: очерки истории русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1994. 401 с.
- Договор 1889 — Договор, заключенный в Санкт-Петербурге 12 февраля 1881 г. // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб.: М-во ин. дел, 1889. С. 225–237.
- Дополнительный 1889 — Дополнительный договор, заключенный 2 ноября 1860 г. в Пекине // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб.: М-во ин. дел, 1889. С. 159–172.
- Загорский 1917 — *Загорский С. О.* Война после мира: (по поводу Парижской экономической конференции союзников). Петербург: Жизнь и знание, 1917. 393 с.
- Карпенко, Гармаева 2020 — *Карпенко Е. В., Гармаева Т. И.* Организация торговли купцов провинции Шаньси в Монголии и Сибири // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2020. № 2. С. 18–24.
- Краткая 1914 — Краткая записка по вопросу о проведении Кяхтинской железной дороги. Иркутск: Электро-тип. И. А. Белоголового, 1914. 16 с.

References

- Bogolepov M. I., Sobolev M. N. Essays on Russia-Mongolia Trade: The 1910 Expedition to Mongolia. Tomsk: Siberia Printing Association, 1911. 498 p. (In Russ.)
- Gliwitz I. B. The Iron Industry in Russia: An Essay in Economics and Statistics. St. Petersburg: N. Stoikova, 1911. X, 148, 101, [3] p. (In Russ.)
- Golovachev P. M. Economic Geography of Siberia. Moscow: I. Sytin, 1914. 183 p. (In Russ.)
- Gregory P. R. Russian National Income, Late Nineteenth – Early Twentieth Century: New Calculations and Assessments. Moscow: ROSSPEN, 2003. 255 p. (In Russ.)
- Darevskaya E. M. Siberia and Mongolia: Essays in the History of Russian-Mongolian Relations, Late Nineteenth – Early Twentieth Century. Irkutsk: Irkutsk State University, 1994. 401 p. (In Russ.)
- Treaty of St. Petersburg (12 February 1881). In: Collected Russia-China Treaties, 1689–1881. St. Petersburg: Ministry of Foreign Affairs, 1889. Pp. 225–237. (In Russ.)
- Additional Treaty of Beijing (2 November 1860). In: Collected Russia-China Treaties, 1689–1881. St. Petersburg: Ministry of Foreign Affairs, 1889. Pp. 159–172. (In Russ.)
- Zagorsky S. O. War after Peace: On the Paris Economic Conference of the Allied Powers. Petersburg: Zhizn' i Znanie, 1917. 393 p. (In Russ.)
- Karpenko E. V., Garmayeva T. I. Organization of trade of Shanxi Province merchants in Mongolia and Siberia. *BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia*. 2020. No. 2. Pp. 18–24. (In Russ.)
- Construction of Kyakhta Railway: A Brief Note. Irkutsk: I. Belogolovy, 1914. 16 p. (In Russ.)

- Краткая 1994 — Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 тт. Т. 1. А–Е. Кн. 1. Новосибирск: [б. и.], 1994. 170 с.
- Майский 1959 — *Майский И. М.* Монголия накануне революции. М.: Вост. лит., 1959. 310 с.
- Материалы 1959 — Материалы по истории СССР. Т. VI: Документы по истории монополистического капитализма в России / отв. ред. А. А. Новосельский, А. Л. Сидоров; отв. сост. В. А. Емец. М.: АН СССР, 1959. 800 с.
- Миронов 2023 — *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 томах. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2023. 892 с.
- Михайловская 1927 — *Михайловская А. И.* Из истории русско-китайских отношений XIX века: (Айгунский трактат 1858 г.) Верхнеудинск: [б. и.], 1927. 11 с.
- Московская 1912 — Московская торговая экспедиция в Монголию 1912 года. Сборник. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912. 424 с.
- Муравьева 2002 — *Муравьева Л. А.* Экономика и финансы России в годы промышленного подъема (1909–1913) // Финансы и кредит. 2002. № 5(95). С. 29–37.
- Никитина 2021 — *Никитина Д. А.* Российское торгово-промышленное предпринимательство в Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. // Administrative Consulting. 2021. Т. 7. № 4. С. 44–50.
- Об изменении 1905 — Об изменении и дополнении действующих узаконений о сахарной промышленности // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Отдел. I. Т. XXIII. 1903 г. № 22951. СПб.: Гос. тип., 1905. С. 511–513.
- Обзор 1885 — Обзор Забайкальской области за 1884 год. Чита: Тип. Забайкал. обл. правления, 1885. 64 [51] с.
- Обзор 1899 — Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1897 год. СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1899. 852 с.
- Осокин 1906 — *Осокин Г. М.* На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 304 с.
- Отчет 1902 — Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1901 г. СПб., 1902. 53 с.
- History of Merchantry and Commerce in Siberia: A Brief Encyclopedia. In 4 vols. Vol. 1. A–E. Book 1. Novosibirsk, 1994. 170 p. (In Russ.)
- Maisky I. M. Mongolia on the Eve of the Revolution. Moscow: Oriental Literature Press, 1959. 310 p. (In Russ.)
- Emets V. A. (comp.) Monopolistic Capitalism in Russia: Historical Documents (Soviet History Materials 6). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. 800 p. (In Russ.)
- Mironov B. N. Imperial Russia: From Tradition to Modernity. In 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg: D. Bulanin, 2023. 892 p. (In Russ.)
- Mikhailovskaya A. I. Russia-China Relations in the Nineteenth Century: The 1858 Treaty of Aigun. Verkhneudinsk, 1927. 11 p. (In Russ.)
- Moscow Trade Expedition to Mongolia, 1912. Collected [documents]. Moscow: P. Ryabushinsky, 1912. 424 p. (In Russ.)
- Muravyova L. A. Russia's economy and finance during the years of industrial growth, 1909–1913. *Finance & Credit*. 2002. No. 5(95). Pp. 29–37. (In Russ.)
- Nikitina D. A. Trade and commercial entrepreneurship of Russians in Manchuria in the late 19th – early 20th centuries. *Novelty. Experiment. Traditions (Administrative Consulting)*. 2021. Vol. 7. No. 4. Pp. 44–50. (In Russ.)
- On Amendments and Supplements to Current Legal Acts Dealing with Sugar Industry. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 3. Section 1. Vol. 23. 1903. No. 22951. St. Petersburg: State Publ. House, 1905. Pp. 511–513. (In Russ.)
- Transbaikal Oblast: A 1884 Review. Chita: Transbaikal Oblast Governorate (Executive Office), 1885. 64 [51] p. (In Russ.)
- Russia's Foreign Trade along the European and Asian Borders: A 1897 Review. St. Petersburg: M. Frolova, 1899. 852 p. (In Russ.)
- Osokin G. M. Along Mongolia's Border: Essays and Materials in the Ethnography of Southwest Transbaikalia. St. Petersburg: A. Suvorin, 1906. 304 p. (In Russ.)
- Russo-Chinese Bank: A 1901 Operational Report. St. Petersburg, 1902. 53 p. (In Russ.)

- Пасвольский, Моультон 1925 — *Пасвольский Л. М., Моультон Г. Г.* Русские долги и восстановление России. М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1925. 254 с.
- Плеханова, Ширапов 2019 — *Плеханова А. М., Ширапов А. А.* Верхнеудинское отделение русско-китайского банка: направления, специфика и результаты деятельности в условиях трансграничья // *Власть*. 2019. Т. 27. № 3. С. 206–211.
- Плеханова, Ширапов 2020 — *Плеханова А. М., Ширапов А. А.* Ургинское отделение Русско-Китайского банка (1900–1910 гг.): недлинная история // *Вопросы истории*. 2020. № 10–2. С. 115–125. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi30
- Правила 1889 — *Правила для сухопутной торговли с Китаем, заключенные в Пекине 20 февраля 1862 г. // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг.* СПб.: М-во ин. дел, 1889. С. 192–195.
- Старцев 2013 — *Старцев А. В.* Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2013. 411 с.
- Статистический 1914 — *Статистический ежегодник России 1913 г. Год десятый.* СПб.: Издание Центр. стат. ком-та МВД, 1914. X отдел. 661 с.
- Царская 1929 — *Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг.* С предисловием А. Попова // *Красный архив. Исторический журнал*. Т. 6(37). М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 3–68.
- Чимитдоржиев 1987 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 240 с.
- Ширапов 2020 — *Ширапов А. А.* Специфика деятельности Кяхтинского отделения русско-китайского банка в начале XX вв. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. № 3. С. 33–38.
- Эвентов 1931 — *Эвентов Л. Я.* Иностранные капиталы в русской промышленности. М., Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1931. 103 с.
- Энциклопедический 2013 — *Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 тт. Т. 2: М–Я.* Новосибирск: Гео, 2013. 464 с.
- Maddison 2005 — *Maddison A.* Growth and Interaction in the World Economy: The Roots of Modernity. Washington: AEI Press, 2005. 93 p.
- Pozvolsky L. M., Moulton H. G. Russian Debts and Russian Reconstruction. Moscow: USSR People's Commissariat for Finance, 1925. 254 p. (In Russ.)
- Plekhanova A. M., Shirapov A. A. Verkhneudinsk branch of the Russo-Chinese Bank: Directions, specificity and results of activities in conditions of transboundary area. *Vlast' (The Authority)*. 2019. Vol. 27. No. 3. Pp. 206–211. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6446
- Plekhanova A. M., Shirapov A. A. The Urginsky Branch of the Russo-Chinese Bank (1900–1910): Short story. *Voprosy Istorii (Questions of History)*. 2020. No. 10–2. Pp. 115–125. (In Russ.). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi30
- Regulations for Land Trade with China (Beijing, 20 February 1862). In: *Collected Russia-China Treaties, 1689–1881*. St. Petersburg: Ministry of Foreign Affairs, 1889. Pp. 192–195. (In Russ.)
- Startsev A. V. Russia-Mongolia Trade and Economic Relations, Mid-Nineteenth to Early Twentieth Century. Barnaul: Altai State University, 2013. 411 p. (In Russ.)
- Russian Statistical Yearbook — 1913: Year Ten. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs (Central Statistical Committee), 1914. Pt. 10. 661 p. (In Russ.)
- Tsarist Russia and Mongolia in 1913–1914. A. Popov (foreword). *Krasnyi arkhiv (historical journal)*. 1929. Vol. 6(37). Pp. 3–68. (In Russ.)
- Chimitdorzhiev Sh. B. Russia and Mongolia. Moscow: Nauka, 1987. 240 p. (In Russ.)
- Shirapov A. A. Specifics of the Kyakhta Branch of the Russian-Chinese Bank in the beginning of the XX century. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Humanities*. 2020. No. 3. Pp. 33–38. (In Russ.)
- Eventov L. Ya. Foreign Capital in Russian Industry. Moscow, Leningrad: Sotsekgiz, 1931. 103 p. (In Russ.)
- History of Merchantry and Commerce in Siberia: An Encyclopedic Dictionary. In 2 vols. Vol. 2. М–Я. Novosibirsk: Geo, 2013. 464 p. (In Russ.)
- Maddison A. Growth and Interaction in the World Economy: The Roots of Modernity. Washington, D.C.: AEI Press, 2005. 93 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 849–861, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 39.396,395

Корам в башкирской культуре: традиции лоскутной мозаики и аппликации

*Розалия Рафкатовна Баязитова¹,
 Айгузель Ильшатовна Баязитова²,
 Резеда Харисовна Исламова³*

Korama in Bashkir Culture: Traditions of Patchwork Mosaics and Appliqués

*Rozaliia R. Baiazitova¹,
 Aiguzel I. Baiazitova²,
 Rezeda Kh. Islamova³*

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, лит. У, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация) Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave, 450054 Ufa, Russian Federation)

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Cand. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate

 0000-0002-5731-2019. E-mail: rosali8@mail.ru

² Независимый исследователь (10/2, ул. Дагестанская, 450050 Уфа, Российская Федерация) Independent researcher (10/2, Dagestanskaya St., 450050 Ufa, Russian Federation)

 0009-0004-7095-9054. E-mail: aiguzel081100@gmail.com

³ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, лит. У, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация) Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave, 450054 Ufa, Russian Federation)

младший научный сотрудник Junior Research Associate

 0009-0001-6936-924X. E-mail: isrezeda@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© Баязитова Р. Р., Баязитова А. И.,
 Исламова Р. Х., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Baiazitova R. R., Baiazitova A. I.,
 Islamova R. Kh., 2025

Аннотация. *Введение.* В современном мире возрастает интерес к традиционным женским ремеслам, актуальны вопросы их возрождения и развития. *Целью* исследования явилось рассмотрение технологии создания, практического применения и символического значения башкирских лоскутных изделий в исторической ретроспективе и современном контексте. *Материалы и методы.* В основу исследования легли неопубликованные материалы авторов, полученные

в ходе полевых исследований в рамках выполнения гранта РНФ «Женский мир Урало-Поволжья (на примере историко-этнографического изучения традиционных башкирских ремесел)», а также труды исследователей материальной, семейно-бытовой культуры башкир. Для реализации поставленной цели были применены сравнительно-исторический, структурно-семантический, описательный методы исследования. *Хронологические рамки* исследования охватывают период со второй половины XX в. и до наших дней. *Результаты.* Лоскутная мозаика и аппликация, являясь традиционными техниками с глубокими историческими корнями, нашли широкое применение в быту башкир, наделялись сакральными и символическими значениями. Практическое значение заключалось в бережном отношении к тканым материалам и в создании необходимых в повседневной жизни предметов материальной культуры: одеял, подстилок, занавесок, элементов одежды. Сакральное значение выражалось в использовании лоскутов от одежды пожилых людей для передачи их жизненных сил, энергии, благополучия, долголетия, а символическое значение проявлялось в применении лоскутных изделий в обрядах и этикете. Сакрально-символическими свойствами наделялись форма лоскута (треугольник), материал изделия (лоскуты, полученные от одежды здоровых, успешных, пожилых людей), количество лоскутов. В Республике Башкортостан многое делается для развития различных женских ремесел, в том числе техник лоскутной мозаики и аппликации. Лоскутное шитье сегодня переживает возрождение и становится частью современного текстильного творчества. Этот вид декоративно-прикладного искусства успешно адаптировался к современным условиям, мастерицы в своих изделиях умело сочетают традиционные способы и современные технологии. Лоскутные изделия отражают общее культурное наследие, особенности мировосприятия конкретного этноса, индивидуальность мастера и демонстрируются на фестивалях и конкурсах.

Ключевые слова: башкиры, лоскутная мозаика, аппликация, лоскутные изделия, треугольник-амулет, корама

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Женский мир Урало-Поволжья (на примере историко-этнографического изучения традиционных башкирских ремесел)» (№ 24-28-01650, <https://rscf.ru/project/24-28-01650>).

Для цитирования: Баязитова Р. Р., Баязитова А. И., Исламова Р. Х. *Корама* в башкирской культуре: традиции лоскутной мозаики и аппликации // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 4. С. 849–861. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-849-861

Abstract. Introduction. The present days witness an increased interest in traditional female crafts worldwide, which makes issues of their revival and development relevant enough. *Goals.* The study seeks to consider the manufacturing techniques, practical use, and symbolic significance of Bashkir patchwork products in a historical perspective and in contemporary contexts. *Materials and methods.* The work focuses on the authors' unpublished materials obtained during grant-supported field studies ('Women's World of the Ural-Volga Region: Historical and Ethnographic Studies of Traditional Bashkir Crafts', Russian Science Foundation) and scholarly writings on material, family and household cultures of the Bashkir. To facilitate this, the comparative historical, structural semantic, and descriptive methods have been employed. Chronologically, the study covers a period from the mid-twentieth century to the present day. *Results.* As traditional techniques with deep historical roots, patchwork mosaics and appliqués have been widely used in Bashkir household life and endowed with sacred, symbolic meanings. The practical significance was the latter would secure careful attitudes to woven fabrics, and the crafts as such would provide people with objects of material culture necessary in everyday life, such as blankets, beddings, curtains, clothing elements. Sacred meanings were manifested in the use of scraps from garments of the elderly believed to secure protection against evil forces and transmit their vitality, energy, well-being, and longevity. Meanwhile, symbolic meanings were manifested in the use of such scraps in rites and etiquette. The shape of a cloth scrap (triangle), its origin (ones to be obtained from healthy and successful long-livers), the number of such scraps have been endowed with sacral/symbolic properties. In Bashkortostan, much is being done for the development of various female crafts, including patchwork mosaic and appliqué techniques. Nowadays, patchwork is enjoying a revival to become part of contemporary textile arts. This applied art has successfully adapted to current conditions, craftswomen skillfully combine both traditional means and modern tools in their products. Patchwork pieces reflect cultural heritage at large, particular ethnic worldviews, and the creator's individuality. Those are often exhibited at festivals and competitions.

Keywords: Bashkirs, patchwork mosaics, appliqué, patchwork, amulet triangle, korama

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 24-28-01650 ‘Women’s World of the Ural-Volga Region: Historical and Ethnographic Studies of Traditional Bashkir Crafts’. Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-01650>.

For citation: Baiazitova R. R., Baiazitova A. I., Islamova R. Kh. *Korama* in Bashkir Culture: Traditions of Patchwork Mosaics and Appliqués. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 849–861. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-849-861

1. Введение

В современном мире актуальными являются вопросы сохранения и популяризации отдельных аспектов традиционной культуры. Забытые изделия ручного труда вновь обретают ценность благодаря сочетанию традиций и инноваций. В Республике Башкортостан многое делается для развития различных женских ремесел, в том числе техник лоскутной мозаики и аппликации. Лоскутное шитье сегодня переживает возрождение и становится частью современного текстильного искусства. Лоскутные изделия отражают общее культурное наследие, особенности мировосприятия конкретного этноса, индивидуальность мастера и демонстрируются на фестивалях и конкурсах.

В данной статье мы рассмотрим создание и применение, а также функции и значение некоторых изделий, изготовленных в технике лоскутной мозаики и аппликации.

2. Материалы и методы

В основу исследования легли материалы авторов, полученные в ходе полевых исследований в рамках выполнения гранта Российского научного фонда «Женский мир Урало-Поволжья (на примере историко-этнографического изучения традиционных башкирских ремесел)», а также труды исследователей материальной, семейно-бытовой культуры башкир. Методологическую основу составил комплексный подход с принципами аналитического и ретроспективного анализа источников. В работе применены сравнительно-исторический, типологический, структурно-семантический и описательный методы, дополненные полевыми исследованиями (включенное наблюдение, опрос).

3. Степень изученности

Краткие сведения о некоторых видах декоративно-прикладного искусства башкир нашли отражение в трудах российских ученых XVIII–XIX вв. [Лепехин 1772; Небольсин 1854; Черемшанский 1859]. Наиболее ценные материалы о видах текстильных изделий содержатся в работе С. И. Руденко [Руденко 2006]. Целенаправленное научное изучение декоративно-прикладного искусства башкир берет начало с 1960-х гг. В своих исследованиях С. А. Авижанская, Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова обратили внимание на художественные, технические характеристики различных изделий, выявили их культурно-исторические корни [Народное искусство башкир 1968; Кузеев и др. 1979]. Лоскутной мозаике посвящен раздел монографии С. Н. Шитовой [Шитова 2006]. Применение лоскутных изделий в обрядовой сфере нашло отражение в исследованиях Н. В. Бикбулатова и Ф. Ф. Фатыховой [Бикбулатов, Фатыхова 1991]. А. Г. Янбухтина раскрыла декоративные характеристики некоторых изделий, сшитых из лоскутов [Янбухтина 1993; Янбухтина 2006]. Несмотря на значительные успехи в исследовании декоративно-прикладного искусства башкир, многие аспекты рассматриваемой нами темы требуют дальнейшего изучения, особенно в контексте сохранения традиционных ремесел в современных условиях.

4. Традиции башкирского лоскутного шитья

Применение лоскутов *корам* в декоративно-прикладном искусстве башкир предполагает создание целого изделия из отрезков ткани по принципу мозаики, кроме того, куски ткани применялись для декори-

рования изделия (аппликация). Лоскутное шитье и полученные из них изделия у башкир известны как *корама*, *корак*, *корама корау* ‘сшивать лоскутья’, а детали для изготовления изделия называются *корамалык*, *корамыш*, *кыйык*, *кыркынды*, *йыртыш* ‘лоскуты’. Например, название *корама* встречается в фольклоре, в назиданиях старших своячениц невестке:

*Ярауһыз яткан кораманы
Муксаңа тыкма, киленсәк!*

‘Не складывай в сумку, невестушка,
Те лоскуты, что без дела лежат’.

[БНТ 1995: 479].

Отметим, что лоскуты ткани, оставшиеся после шитья более крупных изделий, называются *корамалык*, *кыйык*, *кыркынды* и т. д., а лоскуты, применяемые в различных семейно-бытовых обрядах башкир, — *йыртыш*. Похожие названия встречаются и у других тюркских народов, например, у казахов — *қурақ*, каракалпаков — *курак*, кесинди, татар — *кисәкләр*, *корама* и т. п.

Анализируя истоки происхождения лоскутного творчества у башкир, С. Н. Шитова отмечает, что «несмотря на существование тюркских терминов в обозначении лоскутной мозаики, вряд ли этот вид творчества изобрели тюрки. Вероятно, он более древний. Многообразие подобных изделий указывает на иранские истоки явления» [Шитова 2006: 188]. Бытование данной техники у башкир, возможно, связано с древними воззрениями, уходит в обрядовую сферу, показывает бережное отношение народа к предметам материального мира, таит в себе разновременные отпечатки культурных контактов народа с другими этническими общностями.

5. Лоскутные изделия в традиционной и современной культуре

Как известно, выращивание технических культур и обработка сырья — длительный и трудоемкий процесс. По данным И. И. Лепехина [Лепехин 1772: 24–25], для изготовления тканей башкиры использовали крапиву, коноплю. Домотканые материалы получались шириной примерно 30–40 см, что соответствовало крою рубахи или полотенца, и при шитье изделий практически не

оставалось отходов. Покупные ситцевые полотна были шире домотканых, поэтому после раскроя одежды у мастериц оставалось много обрезков ткани. Ввиду дороговизны тканей и ограниченности их приобретения рукодельницы бережно использовали остатки покупных тканей. Кроме того, части старой одежды, не потерявшие вид, также применялись для изготовления лоскутных одеял, подстилок, различных декоративных элементов.

При изготовлении изделий ткани распределяли по толщине, плотности, расцветке. Для создания лоскутных полотен сначала делали заготовки из прямоугольников, квадратов и равнобедренных треугольников, которые, гармонично сочетаясь, выкладывались в определенные узоры. Рамочное окаймление из однотонных прямоугольников более темных тонов завершало создание лоскутного изделия, придавая ему законченность и аккуратность. По исследованиям С. Н. Шитовой, во многих мозаичных орнаментах присутствует красный цвет. На втором месте по степени распространенности стоит зеленый цвет. По ее же мнению, синий цвет относительно поздно стал включаться в башкирские орнаменты. В узорах встречаются также светло-желтый и горчичный цвета. Черные лоскутки чаще соединяются с красными, а также с более светлыми цветами. Белый цвет встречался редко, применялся только в паре с черным. Искусные мастерицы создавали нарядную вещь, используя всего 3–4 цвета [Шитова 2006: 181–182]. В прошлом многие женщины шили ручную, а сейчас работают на швейных машинках.

Наиболее популярными текстильными изделиями, изготавливаемыми в данной технике и применяемыми в быту, были *корама юрган* ‘одеяло для укрывания’; *түр юрган*, *буй юрган*, *аркыры юрган*, *түшәк юрган* — варианты расстилочных одеял, тюфяки; *ултырғыс түшәге* ‘подстилка для стула’. В ходе полевой работы информанты объяснили значение названий подстилок: *түр юрган* расстилали на почетном месте, *буй юрган* — вдоль, а *аркыры юрган* — поперек нар [ПМ 2024: (2)]. Так, красиво расстеленные по краям нар тюфяки обозначали почетное место,

а подкладывание лоскутных подстилок показывало особенное отношение к старшим по статусу.

Оригинальные текстильные конструкции, составленные из лоскутков, умело соотносились между собой, объединяясь в одно целое, дополняя интерьерное пространство традиционного башкирского жилища, выполняя эстетическую и символическую функции. Яркие, красочные текстильные изделия добавляли красоты повседневному быту, показывали умение хозяйки, служили символом достатка. А. Г. Янбухтина писала: «В праздничной или будничной жизни башкирской семьи нары, убранные множеством мягких подстилок, тюфяков, подушек, играли большую роль, являясь местом сна, отдыха, обеда, домашнего молебна. Соответственно преобразуя убранство нар в праздники, его пространство становится местом для приема гостей» [Янбухтина 1993: 79].

Традиции украшения интерьера текстильными изделиями сохранились до наших

дней. В ходе полевых исследований удалось зафиксировать красиво разложенные, а также сложенные на нарах тюфяки, перетянутые вышитой лентой — *тушэк тартма* ‘лента для перетягивания постели, сшитая на подкладе из плотной ткани’. Лоскутные изделия гармонично вписываются и в современный интерьер, придавая дому уют, индивидуальность (фото 1) [ПМ 2024: 1]. Изделия, созданные в технике лоскутного шитья, включаются в *бирнэ* (приданое невесты).

У башкир встречаются текстильные изделия, изготовленные путем сочетания способов лоскутного шитья и аппликации. Смешанная техника позволяла создавать сложные композиции, наделенные определенным смыслом. Использование аппликации, наиболее древнего вида прикладного искусства башкир, связано с культурой тюрко-монгольских кочевников, о чем свидетельствует широкое распространение ее в декоративном искусстве современных народов Южной Сибири, Алтая, Средней Азии

Фото 1. Интерьер современного деревенского дома, украшенный лоскутными изделиями. Альшеевский район Республики Башкортостан. Фото А. И. Баязитовой, 2024 г.
[Photo 1. Present-day rural home interior with patchwork decorations. Photo by A. Baiazitova. 2024]

и Казахстана [Авижанская и др. 1964: 125]. По данным исследователей, аппликацией «украшались предметы, связанные с традициями кочевого быта, а также народная (главным образом женская) одежда. Это чепраки к женским седлам (*серге, сергетыши*), кожаная обувь с суконными голенищами (*сарык, ката*), чулки из домотканого сукна (*тула ойок*), платья и передники. Аппликация была распространена только в восточной Башкирии и то далеко не во всех районах» [Авижанская и др. 1964: 117]. Рассмотрим некоторые изделия, украшенные аппликацией, например, *сергетыши* ‘накидка на лошадь’ — многослойное изделие, нижний слой которого изготавливался из войлока, а верхний украшался красивой тканевой композицией. З. Ф. Хасанова, анализируя этнографические материалы, полученные в Абзелиловском, Бурзянском, Баймакском, Белорецком и Учалинском районах Республики Башкортостан, пишет, что в юго-восточной части республики были распространены чепраки, выполненные в сложной технике — аппликации, лоскутной мозаики и вышивки, которые имеют глубокие исторические корни и тесно связаны с

традициями древнего кочевого быта. В чепраках применялась простая аппликация в виде нашивки на красную основу полос синего и черного цветов [Хасанова 2023: 76]. В ходе полевых исследований в Баймакском районе Республики Башкортостан Р. Р. Баязитовой, А. И. Баязитовой был проведен ряд глубинных интервью с мастерицами, сохраняющими традиционные способы изготовления лоскутных изделий. Так, по рассказам З. Н. Абайдуллиной при изготовлении *сергетыши* применялась особая техника, при которой из цельного полотна вырезался узор для создания парных изделий с внешним и внутренним орнаментом. Внутренний орнамент символизировал женский мир, а внешний — мужской. По ее словам, идея парности также передавалась парными ромбами, которые нашивались на узкие светлые полосы, расположенные вдоль изделия (фото 2).

Сергетыши был атрибутом свадебной обрядности башкир. Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. Фатыхова, описывая проводы невесты на сторону жениха, отмечали, что «под седло клали цветной потник, сверху накрывали красный чепрак (*сергетыши, серге*), орнаментированный аппликацией или

Фото 2. Мужской и женский варианты «сергетыш», изготовленные З. Н. Абайдуллиной. Баймакский район Республики Башкортостан. Фото А. И. Баязитовой, 2024 г.

[Photo 2. Male and female versions of a *sergetysh* (saddle cloth) made by Z. Abaydullina (Baymasksy District, Republic of Bashkortostan, Russia). Photo by A. Baiazitova. 2024]

вышивкой» [Бикбулатов, Фатыхова 1991: 74]. Важно отметить, что, несмотря на то, что *сергетыш* со временем утратил прежнюю функцию, традиции по его изготовлению сохранялись до 1990-х гг. Информант М. М. Яхина из Баймакского района Республики Башкортостан показала *сергетыш*, изготовленный к ее свадьбе и бережно хранящийся вместе с остальными свадебными подарками ручной работы (фото 3).

В ходе полевых исследований также выявлено, что узорная композиция, характерная для *сергетыш* применяется для изготовления домашнего текстиля. Так, в народе различают *ат сергетышы* — накидка на лошадь, а также *каралды сергетышы* — постельная принадлежность. Верхняя часть *каралды сергетышы* создается по типу традиционной накидки для лошади, оформляется традиционными узорами. Далее изделие шьется как обычный тюфяк: верхняя узорная и нижняя части вместе сшиваются по периметру и полученный чехол равномерно заполняется наполнителем [ПМ 2024: 2]. Сейчас ремесло изготовления *сергетыш* переживает период возрождения. Мастерицы делают совместные проекты, а значимым событием стал конкурс «Лучший

мастер-изготовитель традиционной накидки для лошади — попоны „Сергетыш“, который проводится в рамках Международного фестиваля лошадей башкирской породы «Башкорт аты» (с 2022 г.).

Лоскутья применялись при шитье и декорировании одежды. В прошлом, например, башкирки под платьем носили нагрудную повязку (*түшелдерек*, *түшлек*, *күкрәкә*), которую изготавливали из прямоугольного куска ткани с загнутыми верхними углами. К углам изделия пришивались завязки, которые фиксировались на шее и спине, обеспечивая удобную посадку изделия. Центральная часть повязки украшалась лоскутными полосками, которые заранее сшивались между собой в единое целое, а затем эта композиция нашивалась на основное полотно. Встречаются также изделия, украшенные вышивкой. По данным информантов, некоторые рукодельницы с правой стороны изделия делали карман для хранения денег. Этот предмет одежды служил подарком во время свадебной обрядности. Информанты отмечают, что к свадебному торжеству некоторые невесты готовили более десяти *түшелдерек* для женщин семьи жениха. О значении данного элемента одеж-

Фото 3. Сергетыш, изготовленный к свадьбе (1990-е гг.). Баймакский район Республики Башкортостан. Фото А. И. Баязитовой, 2024 г.

[Photo 3. Wedding *sergetysh*, 1990s (Baymaksky District, Republic of Bashkortostan, Russia). Photo by A. Baiazitova. 2024]

ды А. С. Камалиева пишет следующее: «В башкирском платье большое значение придавалось защите верхней части. С этой целью первоначально нагрудный вырез прикрывался повязкой тушелдерек (*тушелдерек*), богато украшенной вышивкой и аппликацией. Со временем появляется нашивка нагрудного выреза *изеу* (*изеу*), которая уже в наши дни трансформировалась в вышивку по планке и застежке» [Камалиева 2012: 40–41].

Лоскутная аппликация применялась в декорировании одежды. Исследователями подмечено: «Оригинальной была аппликация на платьях пожилых женщин курганского Зауралья. На цветное, предпочтительно однотонное, платье нашивали контрастный по цвету узор в виде одной-двух волнистых или зигзагообразных с глубокой проработкой линий. В их углублениях рас-

полагались крупные розетки в виде цветов, звезд, кругов, полуovalов. Названия фигур отражали старинную семантику узоров: бабочка (*кубалак*), яблоко (*алма*), след волка (*буре табан*). Это является свидетельством древнего происхождения не только узоров, но и описанной разновидности орнаментального искусства» [Кузеев и др. 1979: 81]. Кроме того, лоскутная мозаика и аппликация нашли широкое применение в изготовлении различных аксессуаров, среди которых: сумки, кисеты и т. п. (фото 4) [ПМ 2025: 2].

6. Магическая сила лоскутных узоров

В традиционной культуре многих народов лоскуты выступали в качестве подарков-подношений для задабривания духов-хозяев, высших сил, служили важным атрибутом при общении с невидимым ми-

Фото 4. Мукса – сумка, сшитая в технике лоскутного шитья, украшенная вышивкой. Экспонат Курмановского музея-кабинета Аргаяшского района Челябинской области. Фото Р. Р. Баязитовой, 2025 г.

[Photo 4. Muxsa patchwork bag with embroidery. Kurmanovo Memorial Classroom (Argayashsky District, Chelyabinsk Oblast, Russia). Photo by R. Baiazitova. 2025]

ром. Например, Н. П. Дыренкова пишет, что алтайско-саянские племена для задабривания хозяев природных объектов привязывают к дереву лоскутки: «Алтайцы и сагайцы при переезде через реку вешали на деревья около переправы лоскуты. У алтайцев такие гирлянды тряпочек перетягиваются иногда через маленькие речки от одного дерева к другому» [Дыренкова 2012: 137]. Подобные практики наблюдались и у казахов: «Дерево, одиноко растущее в степи, или уродливое растение с необыкновенно кривыми ветвями служит предметом поклонения и ночевки. Проезжая мимо, каждый привязывает на это дерево кусочки материи...» [Жанайдаров 2006: 195]. У башкир также, по данным полевых материалов, бытовал обычай привязывания к веткам деревьев лоскутков. Подобные ритуальные действия, отражая глубокую связь человека с окружающим миром, были неотъемлемой частью традиционной духовной культуры — подносимые дары, лоскутки ткани наделялись символическим значением.

Магическая сила лоскутов применялась и в охранительных целях. По расска-

зам информантов, изделия, сделанные из различных лоскутов ткани, защищают своих владельцев от злых сил. По Ф. Г. Хисамитдиновой, *корама* — это мифологизированный предмет, обладающий обережной силой. Считалось, что если ребенок носил рубашку, сшитую из лоскутов, или был укрыт одеялом из сорока лоскутков во время кашля, то это защитит его от смерти и поможет прожить долгую жизнь [Хисамитдинова 2010: 190]. В ходе полевых исследований в Салаватском районе Республики Башкортостан на празднике «Салауат йыйыны — 2025» был зафиксирован мастер-класс по изготовлению одеяла из сорока лоскутов (фото 5). Это мероприятие было организовано с целью популяризации данного вида декоративно-прикладного искусства и ритуальных практик, бытовавших у башкир в прошлом [ПМ 2025: 1].

Башкиры использовали особые способы и обряды привлечения благополучия с помощью лоскутков ткани. «Для этого повитуха, первенец или самый младший в семье собирали в разных домах лоскутки, из которых затем шились детские рубашки.

Фото 5. Одеяло из сорока лоскутов, изготовленное З. М. Минигуловой. Салаватский район Республики Башкортостан. Фото Р. Р. Баязитовой, 2025 г.

[Photo. 5. Forty-patch blanket made by Z. Minigulova (Salavatsky District, Republic of Bashkortostan, Russia). Photo by R. Baiazitova. 2025]

В Хайбуллинском районе существовал обычай, когда шили не одну, а три рубашки из определенного количества лоскутков: 5, 7, или 9; сначала из 5, затем из 7 и 9, — эти 3 платья поочередно носили в течение срока дней. В Белорецком районе мать шила своему ребенку две лоскутные рубашки: сначала из 7, потом из 12 лоскутков» [Бикбулатов, Фатыхова 1991: 102]. Как явствует из примера, при создании изделия-оберега большое значение придавали количеству лоскутков — символике чисел. Известно, что у башкир отдельные числа наделялись магическим смыслом. По данным языковеда Р. Т. Муратовой: «Числительным *ете* ‘семь’ выражаются космологические представления башкир о пространственном строении мира. По поверьям, земля и небо состоят из семи слоев. Небесное мифологическое пространство, где обитают ангелы, высшие силы, обозначается выражением *ете кат кук* ‘семислойное небо’» [Муратова 2011: 62]. Для изготовления защитной рубашки в некоторых случаях лоскуты брали из старой одежды пожилых людей, чтобы передать ребенку часть жизненной силы ее обладателя и защитить от злых сил [ПМ 2000].

Важно отметить, что защитная сила лоскута зависела от его формы, часто у башкир защитными свойствами наделялись треугольные лоскуты (*бетеу*). По поверьям башкир, *бетеу* приносит хозяину долголетие, здоровье, удачу и охраняет его от сглаза и влияния злых духов. В прошлом бытовали разные варианты *бетеу*, используемые в различных целях. Например, С. И. Руденко писал, что для избавления от болезни уральские башкиры вместе с изречениями из Корана вешали на шею больных (особенно детей) амулеты (*бетеу*), медвежьи когти (*айыу тырнагы*) и клыки (*айыу теши*), так как болезнь, боясь их, как самого медведя, оставляла больного [Руденко 2006: 274–275].

Многочисленные этнографические материалы свидетельствуют о том, что обереги часто имели треугольную форму. Исследователями подмечено: «Треугольники и V-образные фигуры всюду обозначаются словом *бетеу* (амулет)» [Авижанская и др. 1964: 121]. Подобный оберег использовался уже с первых дней рождения ребенка. Например,

повитуха, принимавшая роды, высушивала «рубашку» (околоплодную оболочку — *бөр-кәнсек*), затем складывала ее треугольником и оборачивала тряпкой. После этого тряпку с «рубашкой» пришивала к одежде ребенка как оберег [Минибаева 2011: 17]. Лоскуты в виде треугольников нашивались по краю женского головного покрывала (*кушъяулык*), на планках воротников мужских рубашек, а арка из треугольников окаймляла голенище суконной обуви. С. Н. Шитова отмечает: «На мужских, а также на рабочих женских сарыках на голенище на месте мыска и по бокам нашивались язычки кожи, над ними помещался узор из треугольников-амулетов (*бетеу*)» [Шитова 1995: 147].

Треугольные амулеты, в которые вкладывались молитвы, обереги, были популярны и у народов Центральной Азии. У некоторых они изготавливались из металла, что, помимо защитной функции, придавало им декоративное значение, превращая их в изящные украшения. Например, Н. Г. Борзна отмечала, что у некоторых народов Средней Азии в комплекс украшений невесты должно было входить несколько тумаров, среди которых основными являлись треугольные и цилиндрические, генетически связанные с идеей плодородия [Борзна 1975: 291].

Треугольники в лоскутном шитье до наших дней сохранили свою символику. В прошлом и сейчас с защитной целью они нашиваются по краям изделия, например, платка, камзола и т. п. Кроме того, треугольники легко комбинировались в сложные узоры — ромбы, квадраты и т. п.

7. Современное состояние

В наши дни мы являемся свидетелями возрождения некоторых видов декоративно-прикладного искусства башкир, в том числе лоскутного шитья. Современные мастерицы, сохраняя традиции и художественную природу, придают своим изделиям современный вид, активно применяют их в качестве подарков и для украшения дома.

Важно отметить, что в последние годы благодаря целенаправленной работе республиканских и местных властей по сохранению традиционных промыслов и ремесел растет

интерес к лоскутной мозаике и аппликации. В районах республики проводятся мастер-классы, ежегодно проходит открытый республиканский фестиваль-конкурс лоскутного шитья «Корама туй». Эти меры являются важным стимулом для развития женского творчества, современного декоративно-прикладного искусства башкир.

В районах республики проводятся различные мероприятия, посвященные *корама*. Например, в 2019 г., согласно интернет источникам, в с. Байназарово Бурзянского района Республики Башкортостан прошел праздник «Серле бизэк корама — үткэндәрзән кот ала» («Таинственный лоскутный узор — проводник благополучия и счастья»). Основными целями праздника были активизация деятельности мастериц и обучение молодежи этому ремеслу. Так, самой младшей участнице праздника было 10 лет, а самой пожилой — 90¹.

В ходе полевых исследований выявлено, что немало женщин владеют этим ремеслом, во многих домах встречаются подстилки для стульев и другие изделия, изготовленные хозяйкой дома. Как показывают материалы исследования, составление орнаментов из лоскутов и применение аппликации сохра-

нились до наших дней, они популярны среди рукодельниц, которые обогащают это женское ремесло новыми способами и приемами.

8. Заключение

Лоскутное шитье и аппликация из ткани имеют глубокие исторические корни. В прошлом и сейчас они применяются для изготовления стеганых одеял, тюфяков, подстилок, наволочек, занавесок, а также для декорирования элементов одежды и предметов быта. Лоскутные изделия наделялись защитным, сакральным значениями, они также служили атрибутом обряда и этикета.

В последние годы расширяется сфера применения лоскутных изделий, заметно возрос спрос на товары женского рукоделия в связи с проведением в республике различных международных форумов, фестивалей, а также специальных праздников, посвященных тем или иным видам рукоделия. В то же время необходимо отметить, что различные республиканские программы, направленные на сохранение ремесел, могут быть успешны при опоре на традиционные ценности и опыт старшего поколения, поэтому на многих фестивалях главными участниками выступают пожилые, опытные рукодельницы. Женщины, увлеченные рукоделием, ведут активную работу в социальных сетях, делают совместные проекты. Работы башкирских мастериц выставляются на различных конкурсах, выставках, посвященных декоративно-прикладному искусству.

Полевые материалы

ПМ 2000 — Баязитова Р. Р. — Баймакский район Республики Башкортостан.

ПМ 2024: 1 — Баязитова Р. Р., Баязитова А. И., Альшеевский район Республики Башкортостан.

ПМ 2024: 2 — Баязитова Р. Р., Баязитова А. И., Баймакский район Республики Башкортостан.

ПМ 2025: 1 — Баязитова Р. Р. — Салаватский район Республики Башкортостан.

Authors' Field Data

Field data of R. Baiazitova from Baymaksky District (Republic of Bashkortostan, Russia), 2000. (In Bash. and Russ.)

Field data of R. Baiazitova and A. Baiazitova from Alsheyevsky District (Republic of Bashkortostan, Russia), 2024. (In Bash. and Russ.)

Field data of R. Baiazitova and A. Baiazitova from Baymaksky District (Republic of Bashkortostan, Russia), 2024. (In Bash. and Russ.)

Field data of R. Baiazitova from Salavatsky District (Republic of Bashkortostan, Russia), 2025. (In Bash. and Russ.)

ПМ 2025: 2 — Баязитова Р. Р., Исламова Р. Х.,
Аргаяшский район Челябинской области
Российской Федерации.

Field data of R. Baiazitova and R. Islamova from
Argayashsky District (Chelyabinsk Oblast,
Russia), 2025. (In Bash. and Russ.)

Источники

БНТ 1995 — Башкорт халык ижады. Йола фольклоры / Төз. Ә. М. Сөләймәнов, Р. Ә. Солтангәрәева. Өфө: Китап, 1995. 560 бит. (= Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / сост. А. М. Сулейманов, Р. А. Султангареева. Уфа: Китап, 1995. 560 с.)

Soures

Suleymanov A. M., Sultangareeva R. A. (comps.)
Bashkir Folk Arts: Ritual Folklore. Ufa: Kitap,
1995. 560 p. (In Bash.).

Литература

- Авижанская и др. 1964 — *Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г.* Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа: Полиграфкомбинат, 1964. 260 с. (На башк.)
- Бикбулатов, Фатыхова 1991 — *Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф.* Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
- Борозна 1975 — *Борозна Н. Г.* Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. С. 281–297.
- Дыренкова 2012 — *Дыренкова Н. П.* Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 408 с.
- Жанайдаров 2006 — *Жанайдаров О.* Мифы Древнего Казахстана. Детская энциклопедия Казахстана. Алматы: Аруна, 2006. 252 с.
- Камалиева 2012 — *Камалиева А. С.* Башкирский костюм. Технология. Конструкция. Декор. Уфа: Китап, 2012. 216 с.
- Кузеев и др. 1979 — *Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н.* Декоративное творчество башкирского народа. Уфа: БФАН СССР, 1979. 242 с.
- Лепехин 1772 — *Лепехин И. И.* Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб.: Имп. Академия наук, 1772. 359 с.
- Минибаяева 2011 — *Минибаяева З. И.* Народная медицина башкир Курганской области (конец XIX – начало XXI вв.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2011. 30 с.

References

- Avizhanskaya S. A., Bikbulatov N. V., Kuzeev R. G. Decorative and Applied Arts of the Bashkir. Ufa: Poligrafkombinat, 1964. 260 p. (In Bash.).
- Bikbulatov N. V., Fatykhova F. F. Bashkir Family Life, Nineteenth–Twentieth Centuries. Moscow: Nauka, 1991. 189 p. (In Russ.).
- Borozna N. G. More on decorative amulets of Central Asia. In: Pre-Muslim Beliefs and Rites in Central Asia. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 281–297. (In Russ.).
- Dyrenkova N. P. Turks of the Sayan-Altai. [Collected] articles and ethnographic materials. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2012. 408 p. (In Russ.).
- Zhanaidarov O. Myths of Ancient Kazakhstan: A Children's Encyclopedia. Almaty: Aruna, 2006. 252 p. (In Russ.).
- Kamaliev A. S. Bashkir Costume: Technology, Construction, Decor. Ufa: Kitap, 2012. 216 p. (In Russ.).
- Kuzeev R. G., Bikbulatov N. V., Shitova S. N. Bashkir Decorative Arts. Ufa: USSR Academy of Sciences (Bashkortostan Branch), 1979. 242 p. (In Russ.).
- Lepekhin I. I. Daily Notes Compiled by Academician and Medicine Doctor Ivan Lepekhin during His Travels to Various Parts of the Russian State in 1770: A Continuation. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1772. 359 p. (In Russ.).
- Minibayeva Z. I. Bashkirs of Kurgan Oblast, Late Nineteenth to Early Twenty First Centuries: Folk Medicine. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Ufa, 2011. 30 p. (In Russ.).

- Муратова 2011 — *Муратова Р. Т.* Этнокультурная символика чисел в башкирском языке // Урало-алтайские исследования. 2011. № 2(5). С. 53–70.
- Народное искусство башкир 1968 — Народное искусство башкир. Альбом / сост. С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Л.: Советский художник, 1968. 110 с.
- Небольсин 1854 — *Небольсин П. И.* Рассказы проезжего. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1854. 347 с.
- Руденко 2006 — *Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Хасанова 2023 — *Хасанова З. Ф.* Чепраки и потники для верховой лошади у башкир: традиции и новации // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2023. № 6(134) С. 73–80.
- Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
- Черемшанский 1859 — *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбург. губерн. правл., 1859. 472 с.
- Шитова 1995 — *Шитова С. Н.* Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995. 240 с.
- Шитова 2006 — *Шитова С. Н.* Народное искусство: войлоки, ковры и ткани у южных башкир (Этнографические очерки). Уфа: Китап, 2006. 200 с.
- Янбукhtина 1993 — *Янбукhtина А. Г.* Народные традиции в убранстве башкирского дома. Уфа: Китап, 1993. 136 с.
- Янбукhtина 2006 — *Янбукhtина А. Г.* Декоративное искусство Башкортостана. XX век: От тамги до авангарда. Уфа: Китап, 2006. 224 с.
- Muratova R. T. Ethnocultural symbolism of numbers in the Bashkir language. *Ural-Altaic Studies*. 2011. No. 2 (5). Pp. 53–70. (In Russ.).
- Avizhanskaya S. A., Bikbulatov N. V., Kuzeev R. G. (comps.) Bashkir Folk Arts: An Album. Leningrad: Sovetskiy Khudozhnik, 1968. 110 p. (In Russ.).
- Nebolsin P. I. Stories of a Traveler. St. Petersburg: Directorate of Military Educational Institutions, 1854. 347 p. (In Russ.).
- Rudenko S. I. The Bashkir: Essays in History and Ethnography. Ufa: Kitap, 2006. 376 p. (In Russ.).
- Khasanova Z. F. Chepraks and potniks for riding horses among the Bashkirs: Traditions and innovations. *Izvestiya of Altai State University*. 2023. No. 6(134). Pp. 73–80. (In Russ.).
- Khisamitdinova F. G. Mythological Dictionary of the Bashkir Language. Moscow: Nauka, 2010. 452 p. (In Russ.).
- Cheremshansky V. M. Orenburg Governorate: Economic, Statistical and Industrial Accounts. Ufa: Orenburg Governorate Executive Office, 1859. 472 p. (In Russ.).
- Shitova S. N. Bashkir Clothing. Ufa: Kitap, 1995. 240 p. (In Russ.).
- Shitova S. N. Folk Arts: Felts, Carpets and Fabrics of Southern Bashkirs. Ethnographic essays. Ufa: Kitap, 2006. 200 p. (In Russ.).
- Yanbukhtina A. G. Bashkir Dwellings and Folk Decorative Traditions. Ufa: Kitap, 1993. 136 p. (In Russ.).
- Yanbukhtina A. G. Decorative Arts of Twentieth-Century Bashkortostan: From Tamga to Avant-garde. Ufa: Kitap, 2006. 224 p. (In Russ.).

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 862–880, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 745/749(571.56)

Народные художественные промыслы Республики Саха (Якутия): история становления, опыт сохранения и популяризации

*Ирина Вячеславовна Октябрьская^{1,2},
 Маргарита Васильевна Красавина^{3,4},
 Екатерина Викторовна Самушкина^{5,6},
 Капитолина Максимовна Яковлева^{7,8}*

Folk Arts and Crafts of the Sakha Republic (Yakutia): A History of Their Formation, Experiences of Preservation and Popularization

*Irina V. Oktyabrskaya^{1,2},
 Margarita V. Krasavina^{3,4},
 Ekaterina V. Samushkina^{5,6},
 Kapitolina M. Yakovleva^{7,8}*

¹ Арктический государственный институт куль-
 туры и искусств (д. 4, ул. Орджоникидзе, 677027
 Якутск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, научный сотрудник

² Институт археологии и этнографии СО РАН
 (17, пр. акад. Лаврентьева, 630090 Новосибирск,
 Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий на-
 учный сотрудник

 0000-0002-4190-9478. E-mail: [siem405\[at\]yandex.ru](mailto:siem405[at]yandex.ru)

³ Арктический государственный институт куль-
 туры и искусств (д. 4, ул. Орджоникидзе, 677027
 Якутск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотруд-
 ник

⁴ Институт археологии и этнографии СО РАН
 (д. 17, пр. акад. Лаврентьева, 630090 Новоси-
 бирск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, инженер-исследо-
 ватель

 0000-0002-8940-5244. E-mail: [marg-moskvina\[at\]yandex.ru](mailto:marg-moskvina[at]yandex.ru)

⁵ Арктический государственный институт куль-
 туры и искусств (д. 4, ул. Орджоникидзе, 677027
 Якутск, Российская Федерация)

Arctic State Institute of Culture and Arts (4,
 Ordzhonikidze St., 677027 Yakutsk, Russian
 Federation)

Dr. Sc. (History), Research Associate

Institute of Archeology and Ethnography, Siberian
 Branch of the RAS (17, Acad. Lavrentiev Ave.,
 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading
 Research Associate

Arctic State Institute of Culture and Arts (4,
 Ordzhonikidze St., 677027 Yakutsk, Russian
 Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

Institute of Archeology and Ethnography, Siberian
 Branch of the RAS (17, Acad. Lavrentiev Ave.,
 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Engineer

кандидат исторических наук, научный сотрудник Cand. Sc. (History), Research Associate

⁶ Институт археологии и этнографии СО РАН Institute of Archeology and Ethnography, Siberian
(17, пр. акад. Лаврентьева, 630090 Новосибирск, Branch of the RAS (17, Acad. Lavrentiev Ave.,
Российская Федерация) 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

кандидат исторических наук, научный сотрудник Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0001-5481-3822. E-mail: Khakassie[at]yahoo.com

⁷ Арктический государственный институт культуры и искусств (4, ул. Орджоникидзе, 677027 Якутск, Российская Федерация) Arctic State Institute of Culture and Arts (4, Ordzhonikidze St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

кандидат исторических наук, научный сотрудник Cand. Sc. (History), Research Associate

⁸ Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация) Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

кандидат исторических наук, доцент Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-5381-8960. E-mail: kapa1985[at]list.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Октябрьская И. В., Красавина М. В.,
Самушкина Е. В., Яковлева К. М., 2025

© Oktyabrskaya I. V., Krasavina M. V.,
Samushkina E. V., Yakovleva K. M., 2025

Аннотация. Статья посвящена истории становления и развития якутского народного искусства, художественных ремесел и промыслов с конца XIX в. до начала XXI в. В ходе исследования выявлено, что в своих истоках этот процесс был связан с культурами средневековья Центральной и Северной Азии, с формированием якутского этноса и его культуры. С вхождением Якутии в состав Российского государства в XVII в. важными факторами развития художественных ремесел стало межкультурное взаимодействие, развитие городов и регионального рынка. К концу XIX в. этот процесс был связан с движением за преобразование окраин России. При поддержке региональных элит шли поиски национального стиля, ориентированные на сохранение культурного наследия. Эта тенденция оставалась актуальной до начала XX в., когда народное искусство стало символом советских преобразований Севера. Важную роль в этот период имела государственная поддержка художественных ремесел. На новый этап развитие народных художественных промыслов вышло к концу XX в. Основное внимание в работе было уделено анализу становления стратегий сохранения культурного наследия Республики Саха (Якутия) в их отношении к культурной политике России. В работе показано, как в рамках социокультурных преобразований, происходивших в Республике Саха (Якутия) в начале XXI в., художественные промыслы были признаны неотъемлемой частью ее культурного наследия, а их сохранение – важной государственной задачей. В этот период народное искусство стало рассматриваться как имиджевый ресурс и важная часть креативных индустрий региона. Стратегии его развития определили специфику социокультурного облика современной Якутии.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), народное искусство, художественные промыслы и ремесла, этнокультурное наследие, креативные индустрии

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Арктического государственного института культуры и искусств по Программе «Приоритет-2030. Дальний Восток» в рамках выполнения НИР «Искусство переживания холода» (договор №445/2025-02-ПР).

Для цитирования: Октябрьская И. В., Красавина М. В., Самушкина Е. В., Яковлева К. М. Народные художественные промыслы Республики Саха (Якутия): история становления, опыт со-

хранения и популяризации // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 4. С. 862–880. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-862-880

Abstract. *Goals.* The article deals with the history of formation and development of Yakut folk arts and crafts from the late nineteenth to early twenty-first centuries. *Results.* The study reveals the process is rooted in medieval cultures of Central and North Asia, and is closely associated with the Yakut ethnic and cultural genesis. The seventeenth-century Russian incorporation of Yakutia entailed that cross-cultural interaction, development of towns and regional markets became important factors in the evolution of arts and crafts. By the late nineteenth century, the process was connected with the movement for transformation of Russia's peripheries. Regional elites would support a search for ethnic styles aimed at preserving cultural heritage. The trend remained relevant until the early twentieth century when folk arts became a symbol of Soviet transformations in the North. Government support for artistic crafts played an important role during the specified period. The development of folk arts and crafts reached a new stage by the end of the twentieth century. The paper primarily analyzes the formation of strategies for the preservation of cultural heritage of the Republic of Sakha (Yakutia) — in their relation to the cultural policies of Russia. The work shows that — as part of the early twenty-first century sociocultural transformations in the Republic of Sakha (Yakutia) — arts and crafts have been recognized integral to indigenous cultural heritage, and their preservation proclaimed an important government objective. By the beginning of the twenty first century, folk arts have began to be considered as an image resource and an important part of the region's creative industries. Their development strategies have determined the specifics of contemporary Yakutia's sociocultural image. **Keywords:** Republic of Sakha (Yakutia), folk arts, arts and crafts, ethnocultural heritage, creative industries.

Acknowledgements. The reported study was funded by the Arctic State Institute of Culture and Arts (Program 'Priority-2030. Far East'), project no. 445/2025-02-ПП 'The Art of Surviving Cold'.

For citation: Oktyabrskaya I. V., Krasavina M. V., Samushkina E. V., Yakovleva K. M. Folk Arts and Crafts of the Sakha Republic (Yakutia): A History of Their Formation, Experiences of Preservation and Popularization. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 862–880. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-862-880

1. Введение

Начиная с 2000-х гг. одной из основ государственной культурной политики России является признание определяющей роли традиционных ценностей в формировании гражданского самосознания, что предполагает укрепление национального единства при сохранении этнокультурного многообразия на региональном уровне. Это делает актуальным изучение опыта тех российских регионов, где традиционные ценности и историко-культурное наследие используются в качестве важного ресурса развития их духовного, творческого и социально-экономического потенциала. К их числу относится и Республика Саха (Якутия) (далее — РС (Я)).

На протяжении последних десятилетий в республике активно разрабатываются стратегии и реализуются практики сохранения и популяризации культурного наследия, в том числе народных художественных про-

мыслов. Они опираются на опыт изучения их природы и истории.

Известно, что первые сведения о домашних ремеслах и традиционном искусстве якутов были записаны участниками Великой Северной экспедиции начала XVIII в. Позднее свод этнографических материалов продолжал расширяться усилиями чиновников, ученых, путешественников и ссыльных Якутии. Труды В. Л. Сорошевского [Сорошевский 1896], В. Ф. Трошанского [Трошанский 1902], Э. К. Пекарского и В. Н. Васильева [Пекарский, Васильев 1910], В. М. Ионова [Ионов 1918] и многих других обозначили феномен культурного наследия якутов. К концу XIX в. в исследовательский процесс включились лучшие представители национальной интеллигенции. Вслед за утверждением советского строя в уже социалистической Якутии была создана Комиссия Академии наук СССР по изучению

Якутской АССР; в 1935 г. организован Научно-исследовательский институт языка и культуры в Якутске, сотрудники которого развернули работу по сбору материалов по народному творчеству и ремеслам.

Планомерные исследования в этой сфере в Якутии начались с середины XX в. Были изданы фундаментальные труды выдающегося российского этнографа и искусствоведа С. В. Иванова, в которых впервые было дано системное описание традиционного искусства народов Сибири, в том числе якутов; прослежен генезис и типология орнаментов и основных сюжетных мотивов [Иванов 1954; Иванов 1963].

С опорой на достигнутые результаты в Якутии стало формироваться такое направление, как этноискусствоведение. Количество исследований по этой тематике поступательно увеличивалось. Традиции резьбы по дереву у якутов были подробно описаны в работах И. А. Потапова [Потапов 1972], В. В. Бобровой [Боброва 2020], В. А. Кисель [Кисель 2003] и др. Мастерство якутских кузнецов-ювелиров стало предметом анализа Ф. М. Зыкова [Зыков 1976], А. И. Саввинова [Саввинов 2001], Л. М. Кулеевой и В. Е. Шариной [Кулеева, Шарина 2016], К. М. Яковлевой и А. Н. Прокопьевой [Яковлева, Прокопьева 2020] и др.

Исчерпывающая характеристика традиционной керамики была дана в работах В. И. Подгорбунского [Подгорбунский 1928], И. В. Константинова [Константинов 1971], Р. И. Бравиной [Бравина 1996], Д. З. Гаврильева [Гаврильев 2021] и др.

Косторезное искусство Якутии стало предметом исследований В. Х. Иванова [Иванов 1979], М. М. Бронштейна и Ю. А. Широкова [Бронштейн, Широков 2014], З. И. Ивановой-Унаровой [Иванова-Унарова 2019], И. В. Октябрьской [Октябрьская 2024] и др. Благодаря обширным исследованиям с участием археологов, этнографов, искусствоведов к началу 2000-х гг. были заложены теоретические и практические основы для возрождения народных художественных промыслов Якутии.

Характеристика промыслов Якутии в процессе их становления была предпринята в работах Н. И. Бурнашевой [Бурнаше-

ва 1999; Бурнашева 2008]. Однако история собственно художественных промыслов не являлась предметом специальных исследований, так же как и оценка стратегий их развития в рамках сохранения культурного наследия. Хотя в работах ряда авторов подчеркивалась важность сохранения и развития народного искусства и промыслов как показателя национальной самобытности, вопросы культурной политики Якутии оставались за пределами их внимания [Докторов 1999; Тишина 2004; Покатилова 2018; Протопопов 2023]. Это определило новизну данного исследования. Цель работы заключается в том, чтобы на основе исторического подхода проследить становление художественных промыслов Якутии, показать их место в структуре культурного наследия и оценить культурную политику Республики Саха (Якутия) с позиций государственных приоритетов социокультурного развития региона.

2. Истоки становления народных художественных промыслов Якутии

Давая оценку современному состоянию народных художественных промыслов Якутии, подчеркнем, что они имеют глубокие истоки в истории освоения региона. Становление якутских ремесел исследователи возводят к культурам средневековья Центральной и Северной Азии: «раннеякутским» называют период XIV–XVIII вв., к которому относят кулун-атахскую археологическую культуру XIV–XVI вв. и якутскую культуру XVII–XVIII вв. С ними связывают происхождение и развитие якутского этноса и распространение скотоводческих технологий на территории Якутии [Гоголев 1993: 87; Прокопьева, Яковлева 2021: 1291].

В рамках этнической культуры прикладное искусство развивалось на основе домашних ремесел и имело утилитарный характер. Жилище и его убранство, одежда и украшения, конская упряжь и утварь воплощали эстетические каноны, которые воспроизводились на основе межпоколенной преемственности в контексте единой (устойчивой в рамках традиционной культуры) картины мира якутов. Подходы к художественному структурированию их пред-

метного окружения отвечали стихийно формирующимся принципам эргономичности и мифо-ритуальному контенту бытия, отличались конструктивной целесообразностью и символической выразительностью. Вхождение региона в состав России началось в XVII в. Принято считать, что в 1632 г. казак Петр Бекетов основал Ленский (впоследствии Якутский) острог. В 1638 г. он получил статус административного центра Якутского воеводства. Вскоре был перенесен в долину Туймаада. Якутск стал центром Якутского уезда, позднее преобразованного в Якутскую область Иркутской губернии [Поспелов 2002: 489].

В XVIII в. уже сложившиеся среди якутов ремесла по обработке металлов, глины, дерева и кожи, мамонтовой кости и рога получили дальнейшее развитие в ходе межкультурных контактов. С опорой на местные ресурсы в рамках системы традиционного жизнеобеспечения скотоводов и охотников Севера формировался репертуар изделий, сходный с инвентарем кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии. В то же время он отличался большим разнообразием.

В XIX в. становление городской сети и развитие ярмарочной торговли в регионе способствовали эволюции хозяйственно-культурных стандартов, стимулировали профессиональную специализацию. Под влиянием русской культуры и импорта расширялся ассортимент товаров, росло мастерство ремесленников. В мелкотоварное производство постепенно трансформировалось якутское ювелирное и косторезное ремесло и скорняжные производства. Все большая часть изделий выполнялась на заказ. В феврале 1832 г. при Якутской ратуше усилиями городской думы была сформирована комиссия для разработки проекта «устройства ремесленного дома» с участием плотников, столяров, каменщиков, седельников, шорников, кузнецов. В дальнейшем по округам были разосланы предписания о введении обучения различным ремеслам в приходских училищах [Бурнашева 2008: 47].

Традиционный характер вплоть до начала XX в. имело гончарное производство Якутии. «Как и кузнецы, — согласно материалам А. А. Саввина, — горшечники за-

нимались своим делом всю жизнь, можно сказать, что это было их призванием. У некоторых горшечников предки до 5–6 поколения были горшечниками. Работали горшечницы всегда в одиночку, не объединялись в артели и коммуны. Горшки изготавливали всегда у себя дома, и они не ходили по улусам и наслегам, как кузнецы. Если горшечница слыла хорошей мастерицей, и заказов у нее всегда было много, ей помогали члены семьи» [Саввин 2022: 40].

Согласно сведениям Якутского областного статистического комитета, в 1890 г. местную кустарную промышленность составляли такие отрасли, как выделка кож, производство металлических изделий и украшений, производство меховых мозаичных ковриков, а также ковров из шкур и конского волоса, циновок из камыша, домашней деревянной и глиняной утвари, гребней, шкатулок и других предметов из мамонтовой кости. По данным 1897 г., востребованными среди жителей Якутии были: производство по изготовлению дамских платьев (710 чел.), слесарное дело (445 чел.), выделка мехов (307 чел.) и гончарное производство (234 чел.) [Бурнашева 2008: 47].

К началу XX в. на Севере получила распространение привозная металлическая утварь фабричного производства, а посуда домашнего производства практически вышла из употребления. В то же время переживали подъем кузнечное, ювелирное и косторезное дело Якутии. Активно развивались промыслы в Якутском и Вилюйском округах. К 1913 г. 33 % мастеров работали для собственного хозяйства, 20 % — на вольную продажу, 47 % — на заказ. В структуре формирующихся промыслов Якутии соединялись домашнее и мелкотоварное производства, в их развитии проявлялись черты семейной кооперации [Летопись 2015: 83].

В целях совершенствования профессионального уровня кустарей и ремесленников в Якутии создавались показательные ремесленные мастерские. Складывалась система стажировок. В 1915 г. в Якутске была открыта женская ремесленная школа, в 1916 г. — скорняжная мастерская и т. д. [Бурнашева 2008: 48].

Процесс становления якутских народных промыслов в целом совпадал с обще-

российскими социокультурными трендами XIX в. Министерство имуществ России поддерживало экспедиции и исследования, направленные на развитие промысловых центров. Предпринимались усилия по организации местной промышленности, ориентированной на художественные традиции народов страны. Процесс ее развития был связан с движением за преобразование окраин России рубежа XIX–XX вв. При поддержке национальных элит в различных регионах империи шли поиски национальных стилей. Этот тренд сохранял свое значение и в первой четверти XX в., когда самобытное творчество народов Севера и Сибири, в том числе якутское, стало символом советских преобразований национальных окраин.

3. Развитие народных промыслов Якутии в XX в.

В ходе политических и социокультурных преобразований в России, последовавших за революцией 1917 г., художественные промыслы стали одной из форм презентации народной культуры и своеобразия новых советских автономий. Постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) «О мерах содействия кустарной промышленности» 1919 г., «О промысловой кооперации» и «О кустарной и мелкой промышленности» 1921 г. [Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 26.04.1919; Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 07.07.1921; Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 07.07.1921a] и прочие также способствовали развитию промыслов, в том числе художественных. В 1920 г. при Главном управлении по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации при Высшем совете народного хозяйства (далее — ВСНХ) РСФСР был создан отдел художественно-кустарной промышленности. Развитие в этой сфере продолжилось после образования СССР и выделения в его составе Якутской АССР в 1922 г. [Постановление Президиума ВЦИК от 27.04.1922]. Изделия народных промыслов стали рассматриваться в качестве визитной карточки народов советского государства [Октябрьская, Павлова 2010: 368].

Одним из факторов развития декоративно-прикладного искусства Якутии стали программы Торгово-промышленного музея кустарных изделий («Музея кустарных изделий»). Созданный в Москве в 1885 г., он неоднократно менял название и специализацию. В 1920-е гг. стал Центральным кустарным музеем ВСНХ [Горелов 1982: 6]. В 1932 г. на его базе был создан Научно-исследовательский институт художественной промышленности (далее — НИИХП) [Горелов 1982: 6]. При их методической поддержке происходило возрождение и реорганизация художественных промыслов всех регионов советского государства.

В Якутии в этот период существовали 2 государственных предприятия по обработке дерева и металлов, 10 кооперативов по изготовлению кожевенных и меховых изделий. Но основными в сфере кустарной промышленности оставались частные мастерские кустарей и ремесленников. По данным обследования 1925–1926 гг., в художественной и прикладной промышленности региона было занято 6 % сельского и 5 % городского населения [Бурнашева 1999: 40–46, 67–68].

В 1925 г. состоялся первый учредительный съезд кустарно-промысловой кооперации Якутии, где было принято решение об образовании Союза промысловой кооперации «Иделях» в составе 9 артелей, в том числе по шитью одежды из ткани и меха и по обработке мамонтовой кости. Первый косторезный цех в Якутии открылся при промартеле «Ширпотреб» в 1930-е гг. [Октябрьская 2024: 164].

По инициативе правительства Якутской АССР под руководством выдающегося общественного деятеля и основоположника якутской советской литературы П. А. Ойунского в 1925 г. начало работу научно-просветительское общество «Саха кэскилэ» («Будущее якутов»), ориентированное в том числе на изучение народного искусства. Его деятельность соответствовала общесибирским трендам.

Интерес к художественным традициям Сибири обозначил Первый сибирский съезд художников, который прошел в Новосибирске в 1927 г. Связь этнических культур и но-

вого искусства стала темой состоявшейся в 1931 г. VIII Якутской областной партийной конференции. В 1935 г. в созданном Институте языка и культуры был выделен сектор литературы и искусства [Иванов 2005: 3; Покатилова, Покатилова 2015: 137–138].

В 1937 г. в Якутске начал работу Дом народного творчества. Его деятельность была скоординирована с работой НИИХП. По результатам обследований 1938 г. экспертами института был выделен Якутский район с развитой кустарной промышленностью [Октябрьская, Павлова 2010: 374]. При этом специалисты отмечали отсутствие здесь собственно художественных центров и необходимость переработки народных традиций в соответствии с советскими реалиями.

В период социально-политических трансформаций 1930-х гг. и в годы Великой Отечественной войны, вопросы развития народных промыслов отодвинулись на второй план. Домашнее производство в этот период оставалось основной формой воспроизводства традиций. Одновременно происходило их освоение в рамках профессионального искусства.

В 1941 г. был создан Союз художников Якутии [Покатилова, Покатилова 2015: 138]. В его состав вошли и самодеятельные мастера. В сентябре 1943 г. Управление по делам искусств при Совнарком РСФСР приняло постановление о развитии всех видов творчества Якутии и об открытии художественного музея. Он был организован в 1946 г. Со временем самой значительной в собрании музея стала коллекция произведений народного искусства XVIII – начала XXI в. Составляя 70 % музейного фонда, она включала эталонные образцы художественной обработки металлов, резьбы по дереву, кости и бересте, бисерного шитья, плетения из конского волоса [Габышева 2007: 95]. Отталкиваясь от образов безымянных мастеров, используя узоры ритуальных предметов (например, деревянных кубков-чоронов) и ювелирных украшений, в своем творчестве художники Якутии переосмысливали каноны народного искусства. Рос интерес к изучению его аутентичных форм [Габышева 2007: 95].

В 1950-е гг. началось системное описание художественных традиций якутов. Ко-

личество академических исследований в этой сфере, выполненных учеными региона, увеличивалось год от года. Они заложили теоретические основы практик возрождения народных художественных ремесел. Новый этап в их развитии начался с вступлением СССР в череду юбилеев.

Важные даты в истории советского государства (50-летие Великой Октябрьской социалистической революции и 50-летие образования СССР) актуализировали тему сохранения его культурного многообразия. Художественные промыслы стали оцениваться как воплощение самобытности и поступательного развития народов страны. Интерес к ним принял организационные формы. В 1967 г. для определения перспектив народных ремесел и промыслов в рамках сотрудничества Правительства Якутской АССР и Министерства местной промышленности была организована очередная масштабная экспедиция НИИХП [Каплан, Барадулин 1969: 129]. Ее участники отметили высокую сохранность традиций Якутии, инициировали регистрацию мастеров народного искусства и рекомендовали оказать им поддержку в производстве предметов из дерева, кости, оленьего меха и камуса. Мастерские были организованы в городах Якутске и Олекминске, поселках Нюрба и Сунтар. На базе художественного училища в Якутске началось восстановление национальной вышивки, резьбы по дереву, кости и бересте. Возник проект специализированного магазина «Якутский сувенир» [Каплан, Барадулин 1969: 134].

В 1969 г. в Якутске появилась сувенирная фабрика «Сардаана», где были представлены все виды народного творчества [Тишина 2004: 98–99]. К 1974 г. здесь действовали цеха по художественной обработке дерева, кости, меха, рога и по вышивке. Ювелирная отрасль развивалась благодаря отделением «Рембыттехники», которые действовали в каждом районе Якутской АССР. В 1975 г. цех по выпуску серебряных изделий открылся в столице республики. Впоследствии он вошел в структуру завода «Золото Якутии» [Тишина 2004: 102].

Республиканские проекты развития промыслов отвечали союзным программам. В

1968 г. вышло Постановление Совета министров РСФСР (СМ) «О мерах по дальнейшему развитию народных художественных промыслов», затем было принято Постановление Центрального Комитета КПСС «О развитии народных художественных промыслов» 1975 г. и Постановление Совета Министров РСФСР «О дальнейшем развитии народных художественных промыслов в РСФСР» 1982 г. [[Постановление СМ СССР № 628](#); [Постановление СМ РСФСР № 570](#); [Постановление СМ РСФСР № 269](#)]. Эти документы оказали большое влияние на сохранение народных промыслов в российских регионах, в том числе и в Якутии.

В 1988 г. СССР ратифицировал Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО 1972 г. [[Указ Президиума ВС СССР № 8595-XI](#)]. К этому времени народную культуру стали определять как динамичное явление, соединяющее традиции и новации, а народные художественные промыслы — как проявление культурного многообразия страны. Практики их поддержка включалась в программы социокультурных преобразований российских регионов.

В 1982 г. Союзом художников Якутии была организована научно-практическая конференция по проблемам декоративно-прикладного искусства, которая подчеркнула необходимость освоения уникального опыта самостоятельных мастеров и музейных ресурсов. Происходило дальнейшее сближение народного и профессионального творчества [[Иванов 1984: 3–19](#); [Покатилова 2018: 161–162](#)].

4. Народные художественные промыслы и ремесла Якутии на рубеже XX–XXI вв.

Вслед за провозглашением в 1991 г. РС (Я) как субъекта Российской Федерации сложилась нормативно-правовая база, согласно которой народные художественные промыслы признавались неотъемлемой частью ее культурного наследия, а их сохранение и развитие — важной государственной задачей. С опорой на Федеральный закон «О народных художественных промыслах» 1999 г. разрабатывались проекты их разви-

тия. Согласно нормативному определению, под народными художественными промыслами понималась *«область культурной деятельности, одна из форм проявления традиций народного творчества, деятельность по созданию художественных изделий утилитарного и (или) декоративного назначения, осуществляемая на основе коллективного освоения и преемственного развития традиций народного искусства в определенной местности в процессе творческого ручного труда и (или) ручного труда с использованием средств механизации»* [[ФЗ № 7-ФЗ](#)].

В 1992 г. были организованы Музей косторезного искусства и Творческий союз мастеров «Уус», созданы Гильдия косторезов и Ассоциация народных мастеров, начали работу местные дома-музеи [[ФЗ № 7-ФЗ](#); [Тишина 2004: 100–102](#)]. При государственной поддержке в городах Алдане и Нерюнгри, в поселках Сунтары, Нюрба и Хатымы были организованы ювелирные и камнерезные мастерские. Центры резьбы по кости, дереву возникли в Усть-Алданском, Таттинском, Чурапчинском, Сунтарском улусах. Появились малые (семейные) предприятия, специализирующиеся на изделиях народного искусства [[Тишина 2004: 100–102](#)].

Одна за другой открывались ювелирные фирмы: «Драгоценности Якутии», «Уран Саха», «Киэргэ», «Оһуор Утум», «Айар Уус», «Саха Айдын» и др. [[Тишина 2004: 100–102](#)]. Именно они сохранили и продвинули на российский рынок традиционные изделия и их современные версии. На протяжении 1990–2000-х гг. ювелирный промысел Якутии превратился в развитую индустрию. Большую роль в развитии художественных промыслов играл Фонд народных промыслов «Кудай Бахсыы» (1996–2009) [[Тишина 2004: 102](#)].

В 2001 г. вышло Распоряжение Правительства РС (Я) «Об установлении мест традиционного бытования народных художественных промыслов и ремесел» [[Распоряжение Правительства РС \(Я\) № 994-р](#)]. Большое значение для их сохранения имел закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» 2002 г. [[ФЗ РФ № 73-ФЗ](#)].

В 2009 г. был принят закон «О государственной поддержке народных художественных промыслов в Республике Саха (Якутия)» [Закон РС(Я) 695-3 № 325-IV]. Художественные промыслы были охарактеризованы в нем в качестве одной из форм проявления народного творчества, а также как процесс создания объектов утилитарного и / или неутилитарного свойства на основе традиционных технологий, сложившихся в границах определенной территории. Их основу составлял ручной труд. При характеристике промыслов подчеркивалась историческая преемственность знаний и технологий, их самобытность, наличие социальной инфраструктуры и сырьевых ресурсов [Закон РС (Я) 695-3 № 325-IV].

Дальнейшее развитие положения этого документа получили в Республиканском законе «О культуре», принятом в 2013 г. (с изменениями 2025 г.). Согласно закону, культурное наследие республики включало *«материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности многонационального народа РС (Я), его вклада в мировую цивилизацию»* [Закон РС (Я) 1222-3 № 1335-IV]. Культурное наследие признавалось фактором устойчивого развития республики [Закон РС (Я) 1222-3 № 1335-IV].

Особая роль в этом процессе отводилась «креативному классу» — мастерам региона. В 2012 г. 5 Марта был объявлен в Якутии Днем народного мастера; в 2013 г. учреждена республиканская награда — знак «Удьур Уус» («Потомственный мастер») [Указ Главы РС (Я) № 1227; Указ Главы РС (Я) № 2230]. В 2018 г. было принято Положение о звании «Народный мастер Республики Саха (Якутия)». По данным на 2023 г., это звание было присвоено 275 мастерам. Звания «Мастер народного художественного промысла» удостоились 606 человек [Концепция 2023].

Методическая поддержка деятельности мастеров была возложена на объединение «Симэх», за которым в 2017 г. закрепили статус Национального центра народного прикладного искусства и промыслов Якутии. В

этом же году при Министерстве культуры и духовного развития республики начал работу Художественно-экспертный совет по промыслам, перечень которых был утвержден в 2018 г. В него вошли: кузнечное дело, резьба по дереву, изготовление изделий из бересты, плетение из конского волоса, национальное шитье, национальный костюм, резьба по кости, ювелирное дело и керамика.

С целью развития творческого потенциала республики были организованы Дома ремесел вблизи Якутска, а также в селах Чурапчинского, Усть-Алданского, Мегино-Кангаласского, Вилуйского улусов [Концепция 2023]. В Якутии были зарегистрированы 112 объединений художественных промыслов, 63 индивидуальных предпринимателя и 34 самозанятых мастера [Концепция 2023]. В регионе развернули работу: фабрика художественных промыслов «Сардаана», национальный концерн «Сахабулт», ювелирные компании «Драгоценности Якутии», «Уран Саха», «Кизэргэ», «Оһуор Утум», «Айар Уус», «Саха Айдын» и др., кузнечно-косторезно-ювелирный цех «Khatan knives» («Хатанские ножи»), мастерская якутских ножей «Хатан Уус», компании национальной посуды «Камелек» и «Чорон XXI век», мастерская кожгалантерейных изделий «Марал» и др. Они достойно представляли Якутию на всероссийских, международных экспозиционных площадках.

Регулярными стали: Форум народных мастеров, выставки работ из конского волоса «Дьөһөгөй бэлэбэ» («Дары божества-покровителя коневодства Джесегей») и «Дьөһөгөй симэбэ» («Украшение Джесегея — покровителя коневодства»), выставка-конкурс «Чорон тойуга» («Песня чорона»), смотр работ по бересте «Туос туһулгэтэ» («Праздник бересты»), выставки «Вышитая картина», «Лоскутная мозаика Якутии», «Мир кукол Якутии» и «Бисер Севера» и др. [Концепция 2023].

Знаковый характер для Якутии приобрели организованные Союзом кузнецов РС(Я) ежегодные выставки-ярмарки «Дархан Уус» и республиканские форумы кузнечного ремесла. В последние годы они объединяли несколько десятков мастеров из Якутска, Намского, Хангаласского, Мегино-Кангалас-

ского, Таттинского, Чурапчинского, Усть-Алданского, Кобяйского, Нюрбинского, Верхневильского, Сунтарского, Оленекского, Момского улусов [Концепция 2023].

В 2016 г. Распоряжением Главы республики была утверждена «Концепция культурной политики в Республике Саха (Якутия) до 2030 г.» [Распоряжение Главы РС (Я) № 46-Рг]. Тогда же в структуре Министерства культуры и духовного развития был создан Департамент, а в 2022 г. — Управление по охране объектов культурного наследия. Начиная с 2017 г. Правительством республики совместно с Торгово-промышленной палатой осуществляется проект «Сделано в Якутии», направленный на создание единой системы национального брендинга, в том числе на основе традиционных культурных ценностей [Сделано в Якутии].

С 2018 г. в Якутии действовала государственная программа «Развитие культуры в Республике Саха (Якутия) на 2018–2022 годы и на плановый период до 2026 года» [Указ Главы РС (Я) № 2263], среди задач которой было обозначено сохранение культурного и исторического наследия, возрождение и развитие народных художественных промыслов. Для защиты местного бизнеса, работающего на основе историко-культурного наследия и формирующего образ северного края, была зарегистрирована Ассоциация предпринимателей, открыты фирменные торговые площадки и интернет-портал «СДЕЛАНОВЯКУТИИ. РФ», сформирован каталог по таким направлениям, как этническая одежда, обувь, ювелирные изделия, якутские ножи, хомусы и сувениры [Сделано в Якутии].

В рамках формирования национальных брендов началась разработка программ производства якутских ножей и керамики. Возрождение гончарного ремесла Якутии взяла на себя торгово-производственная компания «Камелек» совместно с Ассоциацией «Сделано в Якутии». При ее поддержке в 2024 г. была создана общественная организация «Союз керамистов РС (Я)» и инициирован проект «Якутская керамика: от забвения до возрождения», который объединил мастеров, предпринимателей, сотрудников музеев и

ученых [В Якутии 2023; К выставке]. Соединение общественных инициатив, производственных и культурных практик отвечало стратегиям развития РС (Я).

С перспективами интеграции народного искусства в сферу экономики и социальную сферу была связана программа развития Якутии на ближайшие десятилетия. Ее ориентиром обозначило Распоряжение Правительства республики 2019 г. об утверждении «Концепции развития креативной экономики Республики Саха (Якутия) до 2025 года» [Распоряжение Правительства РС (Я) № 1736-р]. Она была построена на тех же принципах, что и принятая Правительством России в 2021 г. «Концепция развития творческих (креативных) индустрий» [Распоряжение Правительства РФ № 2613-р]. Народные художественные промыслы и ремесла в этих документах были охарактеризованы как производства, основанные на использовании историко-культурного наследия.

Итоги развития в этой сфере в Якутии были подведены в 2022 г. — по завершении Года культурного наследия народов России, который совпал со 100-летием республики. Он начался 5 марта в Якутске масштабным шествием народных мастеров, а завершился в Москве премьерой первой национальной оперы «Нюргун Боотур» [В Якутии 2022]. Всего же в этом году было проведено более 80 республиканских и 600 муниципальных мероприятий, которые прошли при поддержке Республиканского дома народного творчества и социокультурных технологий и Национального центра народного прикладного искусства и художественных промыслов «Симэх». Культурное наследие народов Якутии было ярко представлено на IV Международном фестивале «Встреча шедевров ЮНЕСКО на земле Олонхо», на III Международном конкурсе «Хомусист — виртуоз мира», на Конгрессе Ассоциации национальных театров России, на XXXII выставке-ярмарке народных художественных промыслов России «Ладья. Зимняя сказка-2022», на VIII Фестивале косторезного искусства России «Сказ на бивне мамонта», на VI Международном Фестивале «Руками женщины», на XIII Московской международной выставке «Искусство кукол», в ходе презентации федерального про-

екта «Вышитая карта России», на выставке «Народное искусство Якутии. Якутская невеста» в Государственном музее «Царицыно» и т. д. [В Якутии 2022].

Эти мероприятия обозначили масштабы креативных индустрий современной Якутии. Стимулом для ее развития стал принятый в октябре 2022 г. закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», который акцентировал значение передаваемых из поколения в поколение обычаев, представлений, знаний и навыков, в том числе ремесленных художественных технологий. Согласно закону, они формируют у общества чувство самобытности и преемственности, содействуют развитию творчества и социальному благополучию, вносят вклад в управление окружающей средой и ростом благосостояния [ФЗ № 402-ФЗ].

В настоящее время, по оценкам экспертов, креативные индустрии имеют значительный вес в экономике Якутии, обеспечивая занятость около 2,5 тыс. чел. в статусе индивидуальных предпринимателей [Концепция 2023]. Развитие креативных индустрий опирается на ресурсы культурного наследия и отвечает стратегиям этнокультурного самоопределения республики. На это направлена «Концепция государственной поддержки народных художественных промыслов в Республике Саха (Якутия) на период до 2033 года», утвержденная в 2023 г. [Концепция 2023]. Ее цель состоит в создании благоприятных условий для защиты традиционных духовно-нравственных ценностей путем вовлеченности населения в сферу художественных промыслов и социального творчества [Концепция 2023].

Источники

В Якутии 2022 — В Якутии подвели итоги Года культурного наследия народов России. 20.12.2022 [электронный ресурс] // Сайт 100-летия образования Якутской АССР. URL: <https://100yakutia.ru/novosti/3186-v-yakutii-podveli-itogi-goda-kulturnogo-naslediya-narodov-rossii?ysclid=megml90kxw683545616> (дата обращения: 25.07.2025).

В Якутии 2023 — В Якутии зарегистрирован первый республиканский Союз керамистов

Актуализируя значение народных художественных промыслов, Концепция определяет специфику социокультурного облика современной Якутии. В ее развитие 2025 г. в республике объявлен Годом исторической памяти. Защита традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти формирует долгосрочную перспективу РС (Я) и шире — северных территорий России.

5. Заключение

Анализ социокультурных реалий современной РС (Я) убедительно демонстрирует, как традиционная культура превращается в стратегический ресурс развития. Живая память народа рассматривается как культурное наследие. В регионе осуществляется широкомасштабная деятельность по его сохранению и трансляции. Она включает развитие народных промыслов и ремесел. Их актуализация опирается на широкую государственную поддержку и общественные инициативы. Народные художественные промыслы рассматриваются как один из символов культурной самобытности и как имиджевый ресурс, используются в практиках брендинга и являются важной частью креативных индустрий региона. Стратегии их развития определяют специфику социокультурного облика современной Якутии. Эффективная реализация проектов, ориентированных на сохранение культурного наследия, и процессы его интеграции в российское и мировое культурное пространство определяют феномен идентичности РС (Я) начала XXI в. Освоение этого опыта представляет большой интерес для всех российских регионов.

Sources

Year of Cultural Heritage of Russia's Peoples in Yakutia: Summing up outcomes. On: Centenary of the Yakut ASSR (memorial website). Posted on 20 December 2022. Available at: <https://100yakutia.ru/novosti/3186-v-yakutii-podveli-itogi-goda-kulturnogo-naslediya-narodov-rossii?ysclid=megml90kxw683545616> (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)

First republican ceramist association registered in Yakutia. On: Yakutia-Sakha News Agency.

- (08.11.2023) [электронный ресурс] // Сетевое издание «Якутское-Саха Информационное Агентство (ЯСИА)». URL: <https://ysia.ru/v-yakutii-zaregistrirovan-pervyj-respublikanskij-soyuz-keramistov/> (дата обращения: 25.07.2025).
- Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 07.07.1921 — Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 07.07.1921 «О кустарной и мелкой промышленности» [электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1008.htm (дата обращения: 29.08.2025).
- Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 07.07.1921a — Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 07.07.1921 «О промысловой кооперации» [электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1007.htm (дата обращения: 29.08.2025).
- Закон РС (Я) 1222-3 № 1335-IV — Закон Республики Саха (Якутия) 1222-3 № 1335-IV «О культуре» от 24.06.2013 (с изменениями на 14 мая 2025 г.) [электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/460156492> (дата обращения: 25.07.2025).
- Закон РС (Я) 695-3 № 325-IV — Закон Республики Саха (Якутия) 695-3 № 325-IV «О государственной поддержке народных художественных промыслов в Республике Саха (Якутия)» от 18.06.2009 [электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/423845492> (дата обращения: 25.07.2025).
- К выставке — К выставке «Якутская керамика: от забвения до возрождения» (25.04.2024) [электронный ресурс] // Сетевое издание «SAKHALIFE.RU». URL: https://sakhalife.ru/k-vystavke-yakutskaya-keramika-ot-zabveniya-do-vozrozhdeniya/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 25.07.2025).
- Концепция 2023 — Концепция государственной поддержки народных художественных промыслов в Республике Саха (Якутия) на период до 2033 года (распоряжение Правительства Якутии № 573-р от 11.07.2023) [электронный ресурс] // Симэх. Националь-
- Posted on 8 November 2023. Available at: <https://ysia.ru/v-yakutii-zaregistrirovan-pervyj-respublikanskij-soyuz-keramistov/> (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)
- Decree of the Central Executive Committee of the RSFSR Council of People's Commissars of 7 July 1921 on Handicraft and Small Industries. On: Library of Soviet Legal Acts and Regulations. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1008.htm (accessed: 29 August 2025). (In Russ.)
- Decree of the Central Executive Committee of the RSFSR Council of People's Commissars of 7 July 1921 on Nonagricultural Producers' Cooperatives. On: Library of Soviet Legal Acts and Regulations. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1007.htm (accessed: 29 August 2025). (In Russ.)
- Law of the Republic of Sakha (Yakutia) 1222-3 no. 1335-IV 'On Culture' of 24 June 2013 (as amended on 14 May 2025). On: KODEKS Consortium (online technical and legislative database). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/460156492> (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)
- Law of the Republic of Sakha (Yakutia) 695-3 no. 325-IV 'On State Support of Folk Arts and Crafts in the Republic of Sakha (Yakutia)' of 18 June 2009. On: KODEKS Consortium (online technical and legislative database). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/423845492> (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)
- In anticipation of exhibition 'Yakut Ceramics: from Oblivion to Revival'. On: SAKHALIFE.RU. Posted on 25 April 2025. Available at: https://sakhalife.ru/k-vystavke-yakutskaya-keramika-ot-zabveniya-do-vozrozhdeniya/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)
- Vision Statement for State Support of Folk Arts and Crafts in the Republic of Sakha (Yakutia) for the Period up to 2033 (Decree of the Government of Yakutia no. 573-p of 11 July 2023). On: Simekh — National Center of Folk Applied Arts and Crafts (website). Available

- ный центр народного прикладного искусства и художественных промыслов. URL: <https://simekh-sakha.com/concepciya/> (дата обращения: 25.07.2025).
- Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 26.04.1919 — Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 26.04.1919 «О мерах содействия кустарной промышленности» [электронный ресурс] // Е-Досье. Независимая информация о российских организациях, база нормативных документов и законодательных актов. URL: https://e-ecolog.ru/docs/32IHNP6A5gKWKnd8lpkB?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 29.08.2025).
- Постановление Президиума ВЦИК от 27.04.1922 — Постановление Президиума ВЦИК «Об Автономной Якутской Социалистической Советской Республике» от 27.04.1922 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. Отдел I. № 30. Ст. 370.
- Постановление СМ РСФСР № 269 — Постановление Совета Министров РСФСР «О дальнейшем развитии народных художественных промыслов в РСФСР» № 269 от 4.05.1982 [электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_11128.htm (дата обращения: 29.08.2025).
- Постановление СМ РСФСР № 570 — Постановление Совета Министров РСФСР «О развитии народных художественных промыслов в РСФСР» № 570 от 22.10.1975 [электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_8745.htm (дата обращения: 29.08.2025).
- Постановление СМ СССР № 628 — Постановление Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию народных художественных промыслов» № 628 от 14.08.1968 [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711042> (дата обращения: 29.08.2025).
- Распоряжение Главы РС (Я) № 46-Рг — Распоряжение Главы Республики Саха (Якутия) № 46-Рг «О Концепции культурной политики в Республике Саха (Якутия) до 2030 г.» от 25.01.2016 [электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-техниче-
- at: <https://simekh-sakha.com/concepciya/> (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)
- Resolution of the Central Executive Committee of the RSFSR Council of People's Commissars of 26 April 1919 on Measures Aimed at Promoting Handicraft Industries. On: E-Dossier. Independent database of Russian organizations, regulations and legislative acts. Available at: https://e-ecolog.ru/docs/32IHNP6A5gKWKnd8lpkB?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed: 29 August 2025). (In Russ.)
- Resolution of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee of 27 April 1922 on the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. In: Collected Laws and Decisions of the Workers' and Peasants' Government. Coll. 1. Vol. 30. Article no. 370. (In Russ.)
- Resolution of the RSFSR Council of Ministers no. 269 of 4 April 1982 on Further Development of Folk Artistic Crafts in the RSFSR. On: Library of Soviet Legal Acts and Regulations. Available at: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_11128.htm (accessed: 29 August 2025). (In Russ.)
- Resolution of the RSFSR Council of Ministers no. 570 of 22 October 1975 on Development of Folk Artistic Crafts in the RSFSR. On: Library of Soviet Legal Acts and Regulations. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_8745.htm (accessed: 29 August 2025). (In Russ.)
- Resolution of the USSR Council of Ministers no. 628 of 14 August 1968 on Measures for Further Development of Folk Artistic Crafts. On: KODEKS Consortium. Database of legal and technical regulations. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/765711042> (accessed: 29 August 2025). (In Russ.)
- Decree of the Head of the Sakha Republic (Yakutia) no. 46-Pr of 25 January 2016 on the Cultural Policy Concept for the Sakha Republic (Yakutia) up to 2030. On: KODEKS Consortium. Database of legal and technical regulations. Available at: <https://docs.cntd.ru>

- ской и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/432867519> (дата обращения: 25.07.2025).
- Распоряжение Правительства РС (Я) № 994-р — Распоряжение Правительства РС (Я) «Об установлении мест традиционного бытования народных художественных промыслов и ремесел Республики Саха (Якутия)» № 994-р от 12.07.2001 [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/445040136> (дата обращения: 29.08.2025).
- Распоряжение Правительства РС (Я) № 1736-р — Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) № 1736-р «Об утверждении Концепции развития креативной экономики Республики Саха (Якутия) до 2025 года» от 27.12.2019 [электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/561716583> (дата обращения: 25.07.2025).
- Распоряжение Правительства РФ № 2613-р — Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2613-р «О Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года» от 20.09.2021 (с изменениями на 21.10.2024) [электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/608746222> (дата обращения: 25.07.2025).
- Сделано в Якутии — «Сделано в Якутии»: «Бизнес поможет защитить наследие нашего края» [электронный ресурс] // Центр «Мой бизнес». Портал малого и среднего предпринимательства Республики Саха (Якутия). 06.02.2020. URL: <https://мойбизнес14.рф/news/sdelano-v-yakutii-biznes-pomozhet-zashhitit-nasledie-nashego-kraya> (дата обращения: 25.07.2025).
- Указ Главы РС (Я) № 1227 — Указ Главы Саха (Якутия) «Об учреждении дня народного мастера в Республике Саха (Якутия)» № 1227 от 21.02.2012 [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: [ru/document/432867519](https://docs.cntd.ru/document/432867519) (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Sakha Republic (Yakutia) no. 994-p of 12 July 2001 on the Identification of Traditional Territories for Folk Arts and Crafts in the Sakha Republic (Yakutia). On: KODEKS Consortium. Database of legal and technical regulations. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/445040136> (accessed: 29 August 2025). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Sakha Republic (Yakutia) no. 1736-p of 27 December 2019 on Approval of the Creative Economy Development Concept for the Sakha Republic (Yakutia) up to 2025. On: KODEKS Consortium. Database of legal and technical regulations. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/561716583> (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Russian Federation no. 2613-p of 20 September 2021 (as amended on 21 October 2024) on the Concept of Developing Creative (Artistic) Industries and Related State Support Tools up to 2030. On: KODEKS Consortium. Database of legal and technical regulations. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/608746222> (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)
- ‘Made in Yakutia’: Business to help protect our region’s heritage. On: My Business — web-portal for small and medium-sized enterprises of the Republic of Sakha (Yakutia). Posted on 6 February 2020. Available at: <https://мойбизнес14.рф/news/sdelano-v-yakutii-biznes-pomozhet-zashhitit-nasledie-nashego-kraya> (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)
- Executive Order of the Head of the Sakha Republic (Yakutia) no. 1227 of 21 February 2012 on the Establishment of the National Master’s Day in the Sakha Republic (Yakutia). On: KODEKS Consortium. Database of legal and technical regulations. Available at: <https://docs.cntd.ru/>

- <https://docs.cntd.ru/document/445032421> (дата обращения: 29.08.2025).
- Указ Главы РС (Я) № 2230 — Указ Главы Саха (Якутия) «О знаке Республики Саха (Якутия) «Удьуор Уус» («Потомственный Мастер»») № 2230 от 05.09.2013 [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460183745> (дата обращения: 29.08.2025).
- Указ Главы РС (Я) № 2263 — Указ Главы Республики Саха (Якутия) № 2263 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие культуры в Республике Саха (Якутия) на 2018–2022 годы и на плановый период до 2026 года» от 04.12.2017 [электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/446605734> (дата обращения: 25.07.2025).
- Указ Президиума ВС СССР № 8595-XI — Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ратификации Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» № 8595-XI от 09.03.1988 [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901871120> (дата обращения: 29.08.2025).
- ФЗ № 402-ФЗ — Федеральный закон № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» от 20 октября 2022 г. [электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/352037392> (дата обращения: 25.07.2025).
- ФЗ № 7-ФЗ — Федеральный закон № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» от 6 января 1999 г. (в редакции от 12 декабря 2023 г.) [электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901723815> (дата обращения: 25.07.2025).
- ФЗ РФ № 73-ФЗ — Федеральный Закон Российской Федерации «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [document/445032421](https://docs.cntd.ru/document/445032421) (accessed: 29 August 2025). (In Russ.)
- Executive Order of the Head of the Sakha Republic (Yakutia) no. 2230 of 5 September 2013 on the Merit Badge of the Sakha Republic (Yakutia) ‘Uduor Uus’ (‘Hereditary Master’). On: KODEKS Consortium. Database of legal and technical regulations. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/460183745> (accessed: 29 August 2025). (In Russ.)
- Executive Order of the Head of the Sakha Republic (Yakutia) no. 2263 of 4 December 2017 on the Regional Program ‘Development of Culture in the Sakha Republic (Yakutia) for 2018-2022 and up to 2026’. On: KODEKS Consortium. Database of legal and technical regulations. Available at : <https://docs.cntd.ru/document/446605734> (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)
- Decree of the Presidium of the USSR Supreme Soviet no. 8595-XI of 9 March 1988 on the Ratification of the World Heritage Convention. On: KODEKS Consortium. Database of legal and technical regulations. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901871120> (accessed: 29 August 2025). (In Russ.)
- Federal Law no. 402-ФЗ ‘On Intangible Ethnocultural Heritage of the Russian Federation’ of 20 October 2022. On: KODEKS Consortium (online technical and legislative database). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/352037392> (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)
- Federal Law no. 7-ФЗ ‘On Folk Arts and Crafts’ of 6 January 1999 (as amended on 12 December 2023). On: KODEKS Consortium (online technical and legislative database). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901723815> (accessed: 25 July 2025). (In Russ.)
- Federal Law of the Russian Federation no. 73-ФЗ 25 June 2002 (as amended on 15 October 2025) on Cultural Heritage Sites (Monuments of History and Culture) of Russia’s Peoples.

№ 73-ФЗ от 25.06.2002 (с изменениями на 15.10.2025) [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901820936> (дата обращения: 29.08.2025).

On: KODEKS Consortium. Database of legal and technical regulations. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901820936> (accessed: 29 August 2025). (In Russ.)

Литература

- Боброва 2020 — *Боброва В. В.* Якутская кумысная посуда в собраниях МАЭ РАН // Кунсткамера. 2020. № 1. С. 60–66.
- Бравина 1996 — *Бравина Р. И.* Погребальный обряд якутов XVII-XIX вв. Якутск: Якут. ун-т, 1996. 230 с.
- Бронштейн, Широков 2014 — *Бронштейн М. М., Широков Ю. А.* Резная кость Якутии и Таймыра из собрания Государственного музея Востока. М.: Гос. музей Востока. 2014. 92 с.
- Бурнашева 1999 — *Бурнашева Н. И.* Кооперация кустарных промыслов Якутии (1919 – июнь 1941 гг.). Якутск: ЯГУ, 1999. 125 с.
- Бурнашева 2008 — *Бурнашева Н. И.* Формирование условий для становления местной промышленности Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2008. № 1. С. 46–50.
- Габышева 2007 — *Габышева А. Л.* Национальный художественный музей Республики Саха (Якутия) // Наука и техника в Якутии. 2007. № 1(12). С. 93–96.
- Гаврильев 2021 — *Гаврильев Д. З.* Сравнительно-типологический анализ якутской керамики с XIV по XX вв. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 4. С. 23–34.
- Гоголев 1993 — *Гоголев А. И.* Якуты: проблемы этногенеза и формирование культуры. Якутск: Илин, 1993. 136 с.
- Горелов 1982 — *Горелов В. И.* К 50-летию Научно-исследовательского института художественной промышленности // Народные художественные промыслы. Теория и практика. Сб. науч. трудов к 50-летию Научно-исследовательского института художественной промышленности. М.: Научно-исследовательский институт художественной промышленности, 1982. С. 5–14.

References

- Bobrova V. V. Yakut koumiss ware in the collections of the Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS. *Kunstkamera*. 2020. No. 1(7). Pp. 60–66. (In Russ.). DOI: 10.31250/2618-8619-2020-1(7)-60-66
- Bravina R. I. Yakut Funeral Rites, Seventeenth-Nineteenth Centuries. Yakutsk: Yakutsk State University, 1996. 230 p. (In Russ.)
- Bronshtein M. M., Shirokov Yu. A. State Museum of Oriental Art: Bone Carvings from Yakutia and Taymyr. Moscow: State Museum of Oriental Art, 2014. 92 p. (In Russ.)
- Burnasheva N. I. Handicraft Cooperation in Yakutia, 1919 to June 1941. Yakutsk: Yakutsk State University, 1999. 125 p. (In Russ.)
- Burnasheva N. I. Formation of conditions for development of industry in Yakutia. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2008. No. 1. Pp. 46–50. (In Russ.)
- Gabysheva A. L. National Arts Museum of the Republic of Sakha (Yakutia). *Nauka i tekhnika v Yakutii*. 2007. No. 1 (12). Pp. 93–96. (In Russ.)
- Gavriliev D. Z. Comparative typological analysis of Yakut ceramics from the XIV to XX centuries. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2021. No. 4. Pp. 23–34. (In Russ.). DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.003
- Gogolev A. I. The Yakut: Issues of Ethnic and Cultural Genesis. Yakutsk: Ilin, 1993. 136 p. (In Russ.)
- Gorelov V. I. Research Institute of Artistic Industries: Celebrating the 50th anniversary. In: Cherkasov N. V. (ed.) *Folk Artistic Crafts: Theory and Practice*. Collected scholarly papers. Moscow: Research Institute of Artistic Industries, 1982. Pp. 5–14. (In Russ.)

- Докторов 1999 — Докторов П. И. Ремесло и кустарное производство якутов. История и современность. Якутск: ЯГУ, 1999. 163 с.
- Зыков 1976 — Зыков Ф. М. Ювелирные изделия якутов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1976. 64 с.
- Иванов 1954 — Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.; Л.: АН СССР, 1954. 838 с.
- Иванов 1963 — Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л.: АН СССР, 1963. 500 с.
- Иванов 1979 — Иванов В. Х. Якутская резьба по кости. М.: Наука, 1979. 111 с.
- Иванов 1984 — Иванов В. Х. Народное прикладное искусство Якутии: тенденции и проблемы // Проблемы народного прикладного искусства Якутии. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1984. С. 3–19.
- Иванов 2005 — Иванов В. Н. Первому научному институту Якутии — 70 лет // Наука и техника в Якутии. 2005. № 2(9). С. 3–8.
- Иванова-Унарова 2019 — Иванова-Унарова З. И. Косторезное искусство Якутии тенденции развития // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 122–133.
- Ионов 1918 — Ионов В. М. К вопросу об изучении дохристианских верований якутов // Сборник МАЭ. СПб: [б. и.], 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 155–164.
- Каплан, Барадулин 1969 — Каплан Н. И., Барадулин В. А. Якутские народные художественные промыслы (по материалам экспедиции в Якутскую АССР в 1967 году) // Советская этнография. 1969. № 1. С. 129–134.
- Кисель 2003 — Кисель В. А. Якутские чороны и их происхождение // Этнографическое обозрение. 2003. № 6. С. 70–77.
- Константинов 1971 — Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 212 с.
- Кулеева, Шарина 2016 — Кулеева Л. М. Шарина В. Е. Традиционные женские украшения из металла в Якутии // Символ науки. 2016. № 1–4. С. 133–138.
- Doktorov P. I. Crafts and Home Industry in Yakutia: Past and Present. Yakutsk: Yakutsk State University, 1999. 163 p. (In Russ.)
- Zykov F. M. Yakut Jewelry. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1976. 64 p. (In Russ.)
- Ivanov S. V. Materials on Siberia's Fine Arts, Nineteenth – Early Twentieth Centuries: Narrative Drawings and Other Types of 2D Depictions. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1954. 838 p. (In Russ.)
- Ivanov S. V. Ethnic Ornamental Patterns of Siberia as a Historical Source, Nineteenth – Early Twentieth Centuries: Peoples of the North and the Far East. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1963. 500 p. (In Russ.)
- Ivanov V. Kh. Yakut Bone Carving. Moscow: Nauka, 1979. 111 p. (In Russ.)
- Ivanov V. Kh. Applied folk arts and crafts of Yakutia: Trends and problems. In: Issues of Yakutia's Applied Folk Arts and Crafts. Yakutsk: USSR Academy of Sciences (Sib. Branch, Yakutsk Dept.), 1984. Pp. 3–19. (In Russ.)
- Ivanov V. N. Celebrating the 70th anniversary of Yakutia's first scientific institute. *Nauka i tekhnika v Yakutii*. 2005. No. 2 (9). Pp. 3–8. (In Russ.)
- Ivanova-Unarova Z. I. Bone carving art of Yakutia: Tendencies of development. *Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka*. 2019. No. 1. Pp. 122–133. (In Russ.)
- Ionov V. M. More on the study of Yakut pre-Christian beliefs. In: Collected Papers of the Anthropology and Ethnography Museum. St. Petersburg, 1918. Vol. 5. No. 1. Pp. 155–164. (In Russ.)
- Kaplan N. I., Baradulin V. A. Yakut folk arts and crafts: Analyzing materials of the 1967 expedition to the Yakut ASSR. *Sovetskaya etnografiya*. 1969. No. 1. Pp. 129–134. (In Russ.)
- Kisel V. A. The Yakutian chorons and their origin. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2003. No. 6. Pp. 70–77. (In Russ.)
- Konstantinov I. V. Nineteenth-Century Yakut Material Culture: Analyzing Finds from Investigated Grave Fields. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1971. 212 p. (In Russ.)
- Kuleeva L. M. Sharina V. E. Traditional metal jewelry for women in Yakutia. *Symbol of Science*. 2016. No. 11–4. Pp. 133–138. (In Russ.)

- Летопись 2015 — Летопись якутского предпринимательства XVII–XXI века. Новосибирск: Наука, 2015. 243 с.
- Октябрьская 2024 — *Октябрьская И. В.* Добыча кости и косторезные промыслы России. История становления и развития региональных центров // *Кунсткамера*. 2024. № 1(23). С. 158–174. DOI: 10.31250/2618-8619-2024-1(23)-158-174
- Октябрьская, Павлова 2010 — *Октябрьская И. В., Павлова Е. Ю.* Из истории художественных промыслов Сибири начала XX в. // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2010. № 4. С. 362–376.
- Пекарский, Васильев 1910 — *Пекарский Э. К., Васильев В. Н.* Плащ и бубен якутского шамана. СПб: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. 29 с.
- Подгорбунский 1928 — *Подгорбунский В. И.* Заметки о гончарстве у якутов // *Сибирская живая старина*. 1928. Вып. 7. С. 127–145.
- Покатилова 2018 — *Покатилова И. В.* К проблеме формирования системы искусств в Якутии // *Культура и цивилизация*. 2018. Т. 8. № 2А. С. 159–165.
- Покатилова, Покатилова 2015 — *Покатилова И. В., Покатилова Н. В.* Культурологические аспекты «перехода» от устной традиции к письменной, от народного искусства к профессиональному в якутской культуре XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 5–2. С. 135–141.
- Поспелов 2002 — *Поспелов Е. М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2002. 512 с.
- Потапов 1972 — *Потапов И. А.* Якутская народная резьба по дереву. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1972. 150 с.
- Прокопьева, Яковлева 2021 — *Прокопьева А. Н., Яковлева К. М.* История изучения якутских украшений XIV–XVIII вв. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1290–1303.
- Протопопов 2023 — *Протопопов С. С.* Арктика: культурное наследие коренных народов Республики Саха (Якутия). Якутск: Нац. библ. РС (Я), 2023. 92 с.
- Petrov P. P. et al. (comps.) Yakut Entrepreneurship, Seventeenth to Twenty First Centuries: A Chronicle. Novosibirsk: Nauka, 2015. 243 p. (In Russ.)
- Oktiabrskaya I. V. Bone mining and bone-carving industries in Russia. History of the formation and development of regional centers. *Kunstkamera*. 2024. No. 1(23). Pp. 158–174. (In Russ.). DOI: 10.31250/2618-8619-2024-1(23)-158-174
- Oktjabrskaya I. V., Pavlova Ye. Yu. The early 20th c. history of handicrafts in Siberia. *Problems of History, Philology and Culture*. 2010. No. 4. Pp. 362–376. (In Russ.)
- Pekarsky E. K., Vasiliev V. N. Gown and Tambourine of the Yakut Shaman. St. Petersburg: R. Golike & A. Vilborg, 1910. 29 p. (In Russ.)
- Podgorbunsky V. I. Notes on Yakut pottery. *Sibirskaya zhivaya starina*. 1928. No. 7. Pp. 127–145. (In Russ.)
- Pokatilova I. V. To the problem of the formation of the system of arts in Yakutia. *Culture and Civilization*. 2018. Vol. 8. No. 2A. Pp. 159–165. (In Russ.)
- Pokatilova I. V., Pokatilova N. V. Culturological aspects of “transition” from oral tradition to written one, from folk to professional art in the Yakut culture of the XX century. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Theory & Practice*. 2015. No. 5–2. Pp. 135–141. (In Russ.)
- Pospelov E. M. Geographical Names of the World: A Toponymic Dictionary. Moscow: Russkie Slovarei; Astrel; AST, 2002. 512 p. (In Russ.)
- Potapov I. A. Yakut Wood Carving. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1972. 150 p. (In Russ.)
- Prokopieva A. N., Yakovleva K. M. 14th–18th century Sakha jewelry: History of research reviewed. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1290–1303. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1290-1303
- Protopopov S. S. The Arctic: Cultural Heritage of Indigenous Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia). Yakutsk: National Library of Sakha (Yakutia), 2023. 92 p. (In Russ.)

- Саввин 2022 — *Саввин А. А.* Гончарное ремесло у якутов. Якутск: Нац. библ. РС(Я), 2022. 128 с.
- Саввинов 2001 — *Саввинов А. И.* Традиционные металлические украшения якутов XIX – начало XX века: историко-этнографическое исследование. Новосибирск: Наука, 2001. 188 с.
- Серошевский 1896 — *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1896. 720 с.
- Тишина 2004 — *Тишина Т. П.* Народное искусство Якутии – традиции и современность // Наука и техника в Якутии. 2004. № 2. С. 98–105.
- Трошчанский 1902 — *Трошчанский В. Ф.* Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типолиитография Императорского ун-та, 1902. 208 с.
- Яковлева, Прокопьева 2020 — *Яковлева К. М., Прокопьева А. Н.* Архаика: украшения якутов XIV–XVIII вв. Якутск: ИД СВФУ, 2020. 80 с.
- Savvin A. A. Yakut Pottery. Yakutsk: Yakutia National Library of Sakha (Yakutia), 2022. 128 p. (In Russ.)
- Savvinov A. I. Yakut Traditional Metal Jewelry, Nineteenth – Early Twentieth Centuries: A Study in History and Ethnography. Novosibirsk: Nauka, 2001. 188 p. (In Russ.)
- Seroshevsky V. L. The Yakut: An Ethnographic Study. St. Petersburg: Chief Department of Appanages, 1896. 720 p. (In Russ.)
- Tishina T. P. Folk arts of Yakutia – traditions and modernity. *Nauka i tekhnika v Yakutii*. 2004. No. 2. Pp. 98–105. (In Russ.)
- Troshchansky V. F. The Evolution of the Black Faith (Shamanism) among the Yakut. Kazan: Imperial Kazan University, 1902. 208 p. (In Russ.)
- Yakovleva K. M., Prokopyeva A. N. The Archaic Styles: Fourteenth to Eighteenth Century Yakut Jewelry. Yakutsk: Ammosov North-Eastern Federal University, 2020. 80 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 881–896, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 323.11

Этнический фактор в межкультурном диалоге России и Монголии на примере Республики Бурятия (на материалах экспертных интервью)

Татьяна Николаевна Литвинова¹,
 Александр Сергеевич Железняков^{2, 3, 4},
 Святослав Вадимович Никифоров^{5, 6, 7}

The Ethnic Factor in Russia-Mongolia Cross-Civilizational Dialogue with Evidence from Buryatia: Analyzing Expert Interviews

Tatiana N. Litvinova¹,
 Alexander S. Zheleznyakov^{2, 3, 4},
 Svyatoslav V. Nikiforov^{5, 6, 7}

¹ Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)

доктор политических наук, профессор

0000-0002-5382-3751. E-mail: tantin[at]mail.ru

MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Science), Professor

² Институт социологии федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, (д. 24/35, к. 5, ул. Кржижановского, 117218 Москва, Российская Федерация)

доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель центра

³ Институт Китая и современной Азии РАН (д. 32, Нахимовский пр., 117997 Москва, Российская Федерация)

доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора

⁴ Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)

доктор политических наук, исследователь

0000-0002-6477-6161. E-mail: zhelezniakovas[at]yahoo.com

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Bldg. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Science), Chief Research Associate, Head of the Center

Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (32, Nakhimovsky Ave., 117997 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Science), Chief Research Associate, Head of the Department

MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Science), Professor

- ⁵ Институт социологии федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, (д. 24/35, к. 5, ул. Кржижановского, 117218 Москва, Российская Федерация) Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Bldg. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation)
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Cand. Sc. (Law), Cand. Sc. (Pedagogy), Senior Research Associate
- ⁶ Институт Китая и современной Азии РАН (д. 32, Нахимовский пр., 117997 Москва, Российская Федерация) Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (32, Nakhimovsky Ave., 117997 Moscow, Russian Federation)
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Cand. Sc. (Law), Cand. Sc. (Pedagogy), Senior Research Associate
- ⁷ Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация) MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, исследователь Cand. Sc. (Law), Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor

 0000-0003-3842-4848. E-mail: ursus-arktos[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Литвинова Т. Н., Железняков А. С., Никифоров С. В., 2025

© Litvinova T. N., Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется роль этнического фактора в межкультурном диалоге России и Монголии на примере Республики Бурятия. Республика Бурятия выступает примером пограничного региона, находящегося в зоне «перехлеста» российской и монгольской цивилизаций, своеобразным форпостом двух цивилизаций. В связи с этим встает вопрос о конкуренции (сочетании) у проживающих в республике бурят этнической, гражданской и цивилизационной идентичности. *Материалы и методы.* В качестве методологических оснований используется сочетание социального конструктивизма и цивилизационной политологии. В 2024 г. был проведен экспертный опрос (структурированные глубинные интервью) среди представителей науки и образования Республики Бурятия (N=13). *Результаты.* В результате опроса выяснено, что, по мнению экспертов, Республика Бурятия выступает мостом межкультурного сотрудничества России и Монголии, которое развивается преимущественно в сфере науки, культуры и образования. Эксперты не преувеличивают значение этнической и религиозной близости бурят с монголами, заявляя о сформированности у бурят в большей мере российской гражданской идентичности, что особенно проявилось в период проведения Специальной военной операции России на Украине (СВО). Многие эксперты особо выделили значение региональной идентичности не только для бурят, но и для всех народов, проживающих в Бурятии. *Выводы.* Говоря о практическом использовании категорий цивилизационной политологии, эксперты позитивно оценили перспективу их внедрения в разработку программных документов по национальной политике. Вместе с тем необходимо провести научную работу по уточнению ключевых понятий и внедрению их в систему образования, чтобы использование категории «российская цивилизация» способствовало как защите культурного многообразия нашей страны, так и консолидации общества.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Республика Бурятия, этническая идентичность, гражданская идентичность, цивилизационная политология, цивилизационная идентичность, межкультурное взаимодействие

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Монголии (MES) в рамках проекта «Этнический фактор в развитии межкультурного диалога России и Монголии на современном этапе» (№ 24-48-03030, <https://rscf.ru/project/24-48-03030/>).

Для цитирования: Литвинова Т. Н., Железняков А. С., Никифоров С. В. Этнический фактор в межкультурном диалоге России и Монголии на примере Республики Бурятия (на материалах экспертных интервью) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 4. С. 881–896. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-881-896

Abstract. Introduction. The article examines the role of the ethnic factor in the cross-civilizational dialogue between Russia and Mongolia with evidence from the Republic of Buryatia. The latter federal subject is a border region located in the ‘overlapping’ zone of Russian and Mongolian civilizations, i.e. serves as somewhat an outpost of both the latter. This may actualize the question of competition (combination) between ethnic, civil and civilizational identities for Buryat residents of the Republic. **Materials and methods.** The methodological research basis is compiled from elements of social constructivism and civilizational political science. In 2024, an expert survey (structured in-depth interviews) was conducted among representatives of science and education of the Republic of Buryatia (N=13). **Results.** The survey reveals that experts tend to perceive the Republic of Buryatia as a bridge for cross-civilizational cooperation between Russia and Mongolia — given that such cooperation mainly covers the fields of science, culture and education. Experts are not inclined to exaggerate the importance of ethnic and religious affinities between Buryats and Mongolians. Russian civil identity is reported to have taken complete shape among the Buryat, and to date they belong — to a greater extent — to the Russian civilization, which, in particular, has manifested itself during the Special Military Operation. Quite a share of the experts also confirmed the importance of regional identity for representatives of all ethnic groups inhabiting Buryatia. **Conclusions.** As for practical use of categories inherent in civilizational political science, the experts positively assessed the prospect of their implementation in program documents on national (ethnic) policies. Meanwhile, it is necessary to undertake research efforts to clarify key concepts and integrate them into the education system so that the use of the category ‘Russian civilization’ should contribute to both the protection of our country’s cultural diversity and the consolidation of society.

Keywords: Russia, Mongolia, Republic of Buryatia, ethnic identity, civil identity, civilizational political science, civilizational identity, cross-civilizational interaction.

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation and the Ministry of Education and Science of Mongolia (MES), project no. 24-48-03030 ‘The Ethnic Factor in the Development of Russia-Mongolia Cross-Civilizational Dialogue at the Present Stage’. Available at: <https://rscf.ru/project/24-48-03030>.

For citation: Litvinova T. N., Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V. The Ethnic Factor in Russia-Mongolia Cross-Civilizational Dialogue with Evidence from Buryatia: Analyzing Expert Interviews. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 881–896. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-881-896

1. Введение

Социальные, политические, экономические и культурные процессы в России и Монголии в начале XXI в. существенно повлияли на развитие двустороннего диалога. При этом на взаимодействие России и Монголии, особенно в приграничной зоне, значительно воздействует этнический фактор. Близкие монголам по своим этнокультурным характеристикам (языку, религии, способам ведения хозяйства) буряты, тувинцы, калмыки и проживающие бок о бок с ними другие народы России находятся в пересекающихся в Центральной Евразии орбитах

русской и монгольской цивилизаций. В этих регионах вполне закономерно происходит своя специфическая реакция на внешние и внутренние вызовы. Здесь может произойти смещение шкалы ценностных ориентиров, иначе здесь может выглядеть иерархия приоритетов, пути решения единых для всего российского общества задач социально-экономического развития. В этой плоскости межкультурного взаимодействия более отчетливо просматривается межгосударственное сотрудничество наших народов в сфере торгово-экономических отношений, инфраструктурных проектов, куль-

турно-информационного обмена, туризма, науки и образования. Все это делает актуальным применение методологии цивилизационной политологии и этносоциального подхода к исследованию современного российско-монгольского диалога.

Российская Федерация как государство полиэтническое и поликонфессиональное стремится сохранять свое культурное многообразие и этноконфессиональную специфику регионов. В силу своей особой этнической, языковой, религиозной содержания пограничные регионы зачастую *«находятся полностью или частично в „перехлестывающихся“ орбитах различных центров мирового политического и экономического влияния»* [Железняков, Литвинова 2014: 15]. Например, развитие монголоязычных народов России (бурят и калмыков) ведет начало от общемонгольских историко-культурных корней, в той или иной мере связывающих монгольскую цивилизацию. Языковая, культурная и религиозная близость отчасти роднит жителей Монголии с жителями Республики Бурятия, Республики Калмыкия и Республики Тыва (в последнем случае — культурная и религиозная) в составе Российской Федерации, с монголами Внутренней Монголии и Синьцзяна в составе КНР. По мнению В. И. Антонова, в процессе взаимодействия традиционной кочевой монгольской цивилизации и российской культуры буряты являются носителями двуединой идентичности: исконно монгольской (культурно-исторической) и новой, российской [Антонов 2024: 81].

Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2020 г., численность бурят в общей численности населения Республики Бурятия составила 295,3 тыс. человек (32 %), из них владеющих бурятским языком 261,7 тыс. чел. (89 %). Всего из числа лиц, проживающих в Республике Бурятия, указавших родной язык в переписных листах, бурятским языком владеют 29 % [Всероссийская перепись 2020].

Цель статьи — исследовать сочетание этнического и цивилизационного факторов в приграничном взаимодействии России и Монголии на примере Республики Бурятия. Для достижения поставленной цели в августе

те 2024 г. была проведена серия интервью с представителями учреждений науки и образования и другими жителями Республики Бурятия.

В качестве рабочей гипотезы авторы выдвинули следующее предположение: *«у находящихся в зоне перехлеста двух цивилизаций жителей Республики Бурятия этническая идентичность сочетается с гражданской и цивилизационной, но гражданская доминирует над цивилизационной»*.

2. Методология, материалы и методы

Понятие этнической идентичности в современной науке изучается с позиций двух основных подходов: примордиализма [Smith 1983: 180], где акцент делается на природной (родовой) заданности этничности, и конструктивизма [Smith 2002: 6; Brass 1991: 8], рассматривающего этничность как производное от динамики социальных отношений, своеобразный мысленный конструкт. Примиряющим эти два подхода стал инструментализм, сосредоточивающий внимание на моменте субъективного выбора индивидом своей этнической принадлежности [Четвертакова 2023: 65]. В России получил распространение синтезированный полипарадигмальный подход к понятию этничности, который исходит как из природных предпосылок этнической идентичности, так и из понимания, что в современном мире этничность может быть социальным конструктом или индивидуальным выбором людей [Дробижева 2013]. По мнению В. А. Тишкова, конструктивизм не отвергает примордиализма, а помогает понять, как *«вызываются к жизни и проявляют себя примордиальные чувства и лояльности»*, как создаются и меняются этнические идентичности в результате политического воздействия [Тишков 2023: 6].

В 2021 г. исследователи из Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова опубликовали результаты социологического опроса, посвященные соотношению этнической и гражданской идентичностей (N=200). На вопрос, что является главным при определении этнической идентичности, респонденты отвечали: «национальность отца» — 56 %, «родной язык» — 47 %,

«культура» — 37 %, «национальность матери» — 36 %. При этом ответ на вопрос о степени важности для респондентов региональной идентичности продемонстрировал, что для значительной части населения республики (76 %) региональная идентичность превалирует над гражданской. На вопрос «Как правильно называть людей, представителей всех народов, живущих в России?» было получено следующее распределение ответов: «россияне» — 65 %, «российский народ» — 20 %, «русские» — 8 % [Комбаев и др. 2021: 86–87]. Таким образом, мы можем обратить внимание на преимущественно примордиальное понимание этнической принадлежности (от отца, от матери) и конструктивистское в осознании гражданской идентичности (все граждане России — россияне) среди респондентов.

Полипарадигмальный подход характерен и для цивилизационной политологии, сконцентрированной на изучении объемной «стереоскопической» картины устройства общества, получающейся при совмещении цивилизационного и политического пространств, которые в научном дискурсе представлены в разных исследовательских парадигмах. Формирование цивилизационного подхода пришлось на рубеж XIX–XX вв., что нашло отражение в работах классиков — Н. Я. Данилевского [Данилевский 2002], О. Шпенглера [Шпенглер 2010] и А. Тойнби [Тойнби 2010]; в отечественных исследованиях он приобрел особую популярность гораздо позже, после распада СССР. К достоинствам цивилизационного подхода, безусловно, можно отнести нелинейное видение истории, понимание, что у каждого общества своя скорость культурного и технического прогресса. Однако отсутствие четкости в критериях выделения той или иной цивилизации делает подход уязвимым. На эту особенность обратил внимание еще Питирим Сорокин, который систематизировал работы классиков, определив направление их работ в качестве цивилизационного подхода [Sorokin 1963]. С. Хантингтон не преодолел уязвимость подхода, выделив нечеткое число цивилизаций: 7 или 8 основных и некоторое число второстепенных [Хантингтон 2003: 17].

Попытки сочетания этнического и цивилизационного подходов в гуманитарных исследованиях уже предпринимались ранее, хотя не получили академического признания. Так, известный основатель пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилев акцентировал внимание на объективном характере этноса, его связи с природной средой, прежде всего с территорией проживания (ландшафтом), а также на существовании у этноса особого свойства комплиментарности — «подсознательного ощущения» своей общности [Гумилев 1994: 12].

Л. Н. Гумилев по праву считается наследником идей евразийцев, которые не делали акцент на факторе этничности, однако внесли существенный вклад в определение самобытности российской цивилизации. Н. С. Трубецкой [Трубецкой 2014], П. Н. Савицкий [Савицкий 1997], Г. В. Вернадский [Вернадский 2000] и др. видели своеобразие российской цивилизации в сложном сопряжении культур Европы и Азии, которое исторически произошло на территории нашей страны, а истоком этого культурного и политического сопряжения считали не Древнюю Русь со столицей в Киеве, а империю Чингисхана. Г. В. Вернадский в своей работе «Начертание русской истории» отмечал, что вся история русского народа — это постепенное освоение «своего месторазвития — Евразии», куда, помимо русских, входят и другие этносы. Такое уникальное объединение дает нашим краям и народам экономические и культурные преимущества. «*Российское государство есть государство Евразийское, и все остальные народности Евразии должны чувствовать, что это есть их государство*» [Вернадский 2000: 282].

С началом Специальной военной операции пришло время уточнения места России в современном цивилизационном мироустройстве как государства-цивилизации. Это требует развития нового научного направления — цивилизационной политологии. По словам Д. В. Тренина, русские исторически держали себя на одном уровне с другими народами, были открыты внешнему миру, сохраняя при этом внутреннюю целостность. «*Ядром российской цивилиза-*

ции-державы являются русские люди», но этнический аспект не главный. «Русское общество открыто, свободно и на равных принимает в свой состав другие этносы, а традиции веротерпимости позволяют мирно сосуществовать представителям разных религий» [Тренин 2022: 35].

В русле цивилизационной политологии просматривается и проблема места монгольской цивилизации в современном мироустройстве. Само это научное направление возникло на анализе, проведенном исследователями из России, Монголии и ряда других стран, привязки истории Монголии к ее положению в системе современных международных отношений [Железняков 2024: 207].

В момент распада социалистического блока стало очевидным, что какие-либо привычные штампы для позиционирования Монголии в формирующемся современном многополярном мире не работают: парадоксально, но о Монголии с населением в три с половиной миллиона человек, не имеющей выхода к морю, невозможно говорить как о цивилизационной периферии или полупериферии и как о лимитрофе. В первом случае исследователи не находят за пределами Монголии ядра цивилизации, даже к отдаленной части которой можно было бы ее отнести. Во втором случае нынешняя Монголия не проявляет стремления присоединиться к какому-либо внешнему геополитическому центру. В ее приоритете — многовекторная политика.

Сочетание социального конструктивизма и методологии цивилизационной политологии позволяет нам поднять вопрос о возможности категоризации понятия «цивилизационная идентичность» как ощущения народом и / или его представителями принадлежности к самому высокому уровню историко-культурной идентичности (выше этнической, религиозной или гражданской). Республика Бурятия, как регион, находящийся на стыке российской и монгольской цивилизаций, является интересным объектом для проверки и операционализации этого понятия.

В рамках исследования было проведено 13 структурированных глубинных интер-

вью с экспертами (представителями системы науки и образования), жителями Республики Бурятия.

Характеристика выборки. Выборка неслучайная, целевая: среди экспертов 11 кандидатов и докторов наук, 2 аспиранта (см. табл. 1). Все эксперты имеют опыт работы в сфере науки и образования свыше 15 лет, публикации, посвященные социально-политическим и культурным аспектам развития Республики Бурятия, российско-монгольским отношениям, все эксперты были участниками различных международных научных мероприятий (конференций, круглых столов, научных семинаров), проводившихся в России и Монголии за последние 15 лет. Более половины экспертов участвовали в российско-монгольских исследовательских проектах (грантах, полевых исследованиях, подготовке и публикации совместных статей с монгольскими учеными).

Гайд интервью содержал 10 вопросов и предполагал развернутые ответы и комментарии ученых и исследователей по таким ключевым категориям и проблемам, как: российская цивилизация, монгольская цивилизация, цивилизационный подход, сочетание этнической и гражданской идентичности у жителей Республики Бурятия, цивилизационная идентичность, роль Республики Бурятия в российско-монгольском диалоге. Поскольку цивилизационная политология это сравнительно новое направление, не известное широкому кругу, в интервью сделан упор на использовании вполне привычных категорий цивилизационного подхода.

3. Результаты исследования

Первый вопрос предлагал экспертам дать свое определение понятию «монгольская цивилизация». Судя по ответам, определение «монгольской цивилизации» устоялось среди научного сообщества Бурятии. Большинство (7 экспертов) она трактуется как совокупность народов, имеющих общие социокультурные корни, язык, в прошлом объединенных кочевым образом жизни, связывающих свою историю с личностью

Таблица 1. Основные характеристики участников интервью
[Table 1. Basic characteristics of interviewees]

Код	Пол	Возраст	Ученая степень	Место работы
Э 1	М	43	канд. пед. наук, Ph.D.	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Э 2	М	44	д-р социол. наук	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Э 3	М	45	д-р социол. наук	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 4	Ж	45	канд. ист. наук.	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 5	М	48	канд. социол. наук	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 6	Ж	43	д-р филос. наук	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 7	М	37	канд. ист. наук	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Э 8	Ж	52	канд. филос. наук	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 9	Ж	47	канд. социол. наук	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 10	Ж	50	канд. социол. наук	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Э 11	М	44	д-р полит. наук	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 12	М	44	аспирант	Государственное автономное профессиональное образо- вательное учреждение Республики Бурятия «Республи- канский многоуровневый колледж»
Э 13	М	47	аспирант	Правительство Республики Бурятия

Составлено авторами на основе: [ПМА 2024].

Чингисхана, проживающих в Монголии, КНР и России. Несколько (3) интервьюируемых обратили внимание на то, что в классической европейской цивилизации кочевым цивилизациям уделялось недостаточно внимания, не учитывалось их богатство и своеобразие.

Приведем наиболее яркие высказывания:

«К монгольской цивилизации можно отнести основателя монгольской империи Чингисхана, признанного одним из величайших людей тысячелетия. Те основы, которые он заложил в Монгольской империи, они до сих пор во многом существуют и в Российском государстве. То есть <...> достаточно много параллелей можно провести между Монгольской империей и Российской империей» [ПМА 2024: Э 5].

«Если в современности рассматривать, монгольская цивилизация — это пространство, разделенное между тремя странами — Монголия, Россия и Внутренняя Монголия Китая, —

имеющее какие-то общие культурные основы: традиции, обычаи, язык» [ПМА 2024: Э 6].

Второй вопрос предлагал респондентам дать определение понятию «российская цивилизация». Интересно, что часто (в 7 интервью) эксперты связывали российскую цивилизацию с историей российской государственности, включавшей в сферу своих интересов соседние народы и объединявшей их не только политическими элементами, но и языком, культурой, при этом они отмечали, что все народы России являются частью этой цивилизации. Некоторые эксперты (2 интервьюируемых) подчеркивали значение других народов, оказавшихся в орбите политического и культурного влияния России и в настоящее время проживающих не только в нашей стране, но и на постсоветском пространстве (концепт «Русский мир»). Также в нескольких интервью (4) прозвучали суждения близкие евразийст-

ву, рассматривающие российскую цивилизацию как географическое пространство между Европой и Азией и как уникальную евразийскую цивилизацию, не схожую с Западом.

Несколько участников исследования подчеркнули, что наиболее благоприятным для освоения общего культурного кода был советский период:

«Свой окончательный контур, в моем понимании, российская цивилизация получила в период советской власти, когда светское образование пришло на окраины и очень многие народы получали образование в общегосударственном формате. Мы [буряты. — Т. Л., А. Ж., С. Н.] вошли в орбиту советской государственности и вобрали идеи и ценности российской цивилизации» [ПМА 2024: Э 10].

Кроме того, эксперты отметили важность осмысления понятия «российская цивилизация» в текущей политической ситуации:

«У российской цивилизации как у категории больше ресурсов, возможностей для продвижения [чем у монгольской. — Т. Л., А. Ж., С. Н.]. Тем более, что сейчас это видение пересобирается во многом под влиянием политического процесса. В. В. Путин, например, публично проявляет свою приверженность этому видению России как специфической, особой цивилизации, государства-цивилизации» [ПМА 2024: Э 3];

«Так как мы сейчас являемся частью этого большого мира, естественно, для нас общие те проблемы, те традиции, которые свойственны жителям всей России. Сейчас все, что происходит в мире, я как часть российской цивилизации понимаю, что надо Родину защищать» [ПМА 2024: Э 4].

Третий вопрос предлагал экспертам размышлять: *«Каким образом этнический фактор (этнокультурная и этноязыковая близость бурят с монголами) влияет на российско-монгольский диалог на современном этапе?»*

Здесь мнения респондентов разделились. Только четверо респондентов трактовали этнокультурную и этноязыковую близость как явление однозначно положительное, выдвигающее Республику Бурятию на позицию проводника для двустороннего диалога.

«Здесь надо сказать, что монголы практически всегда, на протяжении всей истории, счи-

тают бурят очень близкими, родными людьми. И, соответственно, зная эти родственные связи, они относятся к России, к бурятам, которые проживают на территории России, очень дружелюбно, очень миролюбиво, практически как к родным. То есть те же монголы, только обрусевшие монголы. Мне кажется, этот фактор достаточно хорошо используется во внешней политике обоих государств, и Бурятия является таким транзитным регионом именно для взаимодействия Монголии и России» [ПМА 2024: Э 5].

Часть респондентов (также четверо) посоветовали на то, что диалог ведется исключительно в научной, образовательной и культурной сферах, другие (3 эксперта) заявили, что сотрудничество идет не без проблем и связь во многом «воображаемая».

Особый интерес вызвали высказывания о бурятах, проживающих в России, Монголии и Китае:

«Мы, буряты, едины, несмотря на то что живем в трех странах и отличаемся. Мы обрусели, мы практически утратили свой язык, говорим в основном по-русски. Китайские буряты более законсервированные. Буквально недавно моя коллега записала в экспедиционной поездке в Китае сказки и устные рассказы бурят. Это то, что мы утратили, а там оно сохранилось. И благодаря ее книге наши потомки могут знать, какие сказки рассказывали. „Алтаргана“ [международный фестиваль бурят. — Т. Л., А. Ж., С. Н.] обладает потенциалом, она сближает. Мне не хотелось бы, чтобы кто-то углядел в этом национализм. Это и есть сближение — гуманитарный потенциал этого фестиваля. Но опять же его мало используют в практике политической. Исторически так сложилось: ряд монголов очень ревностно относятся к бурятам российским, подозревая их в разных не очень лояльных именно с точки зрения Монголии вещах. Некоторые откровенно называли и называют [бурят. — Т. Л., А. Ж., С. Н.] проводниками именно российской политики в Монголии» [ПМА 2024: Э 10];

«Конечно, влияет. Здесь роль Бурятии позитивная, потому что близость языка, близость менталитета, она имеет место быть. Хотя, конечно, и проблемы есть этнических бурят в Монголии, и мы знаем об этом. Мы также осознаем, что Монголия сейчас смотрит в разные стороны, есть определенные отношения с Китаем, определенные отношения с западными странами. И мы осознаем, что есть много проблем» [ПМА 2024: Э 6].

Четвертый вопрос был направлен на выяснение влияния религиозного фактора на российско-монгольский диалог. Почти половина экспертов (6) заявила о несомненной важности религиозного фактора для сближения бурят и монголов, так как буддизм проник в Бурятию через Монголию, проводятся буддийские форумы, осуществляется паломничество. Остальные респонденты сочли неочевидным значение религиозного фактора для такой близости. Несколько экспертов (4) отметили, что религиозность бурят носит поверхностный характер в силу смешения элементов буддизма, шаманизма и христианства в повседневной жизни.

Кроме того, эксперты озвучили влияние политического фактора на буддистов Республики Бурятия:

«Близость проявляется в том, что это доктринально одна школа, хотя разные организации. Сейчас, естественно, они дружеские и взаимодействуют, но вот есть некоторые нюансы, например, связанные с Богдо-гэгэном, с тибетским вопросом. Нынешнее старшее поколение лам обучались преимущественно в Гандантэгченлин [буддийская академия в Монголии. — Т. Л., А. Ж., С. Н.]. Например, хамбо лама Дамба Аюшеев там учился. Сейчас в последнее время он все больше начал говорить о том, что нужно развивать не только бурятский язык, но и монгольский язык. Начали преподавать монгольский язык в Буддийском университете для студентов. Монголы приезжают в Бурятию, и у них обязательный пункт — это посещение Иволгинского дацана и поклонение Хамбо-ламе Итигэлову» [ПМА 2024: Э 3];

«На мой взгляд, вовлеченность больших слоев населения по обе стороны границы в религию, она не такая большая. Если речь идет об институте перерожденцев: Богдо-гэгэн X, не так давно найденный и признанный, используя свой авторитет, именно религиозный, вполне может оказать влияние на какие-то мировоззренческие установки людей, буддистов России. Плюс есть такой фактор, который давно играет серьезную роль, это Далай-лама 14-й. Для части населения как в России, так и в Монголии вопрос о визите Далай-ламы это вопрос политический. То есть люди считают, что Россия и Монголия как государства идут на поводу у Китая, тем самым нарушая религиозные права верующих своих стран, когда они не впускают Далай-ламу 14-го к себе» [ПМА 2024: Э 11].

Пятый вопрос был направлен на выяснение мнения экспертов по поводу сочетания у жителей Бурятии этнической, языковой, религиозной идентичностей с гражданской. При получении ответа интервьюеры уточняли: какая идентичность доминирует или можно говорить о гармоничном сочетании идентичностей?

В ответах экспертов наиболее часто встречалось мнение о важности региональной идентичности для жителей Республики Бурятия независимо от этнической принадлежности:

«Чувство укорененности, сопричастности с историей Бурятии оно есть не только у бурят, но и у многих тысяч русских, которые здесь живут и приехали сюда в дореволюционный или по большей части в советский период» [ПМА 2024: Э 7].

Также нередко было утверждение о гармоничном сочетании этнической и гражданской идентичностей и высокой степени сформированности гражданской идентичности у жителей Республики Бурятия:

«Большинство, я буду говорить за большинство бурятского населения, видят себя в составе российского государства, являются патриотами России, служат России. Мы видим яркие примеры на СВО, когда жители Бурятии, причем независимо от национальности, они все равно считаются бурятами. И даже русские, татары, какие-то другие национальности. Если ты из Бурятии, значит ты бурят. И вот все вместе бок о бок воюют за нашу Родину, против общего врага. И также нет никаких различий в религиозных отношениях, то есть, например, бурят, придерживающийся буддизма, может зайти в православный храм, поставить свечку, или, например, русский, который живет в Бурятии, он может прийти в дацан, заказать молебен. Поэтому я считаю, здесь именно гармоничное сочетание» [ПМА 2024: Э 5];

«Для бурят значимость этнической идентичности очень важна. При этом у бурят в целом высокий уровень патриотических установок. Гражданская их идентичность очень четко сформулирована именно на уровне общероссийской. То есть понятие „я — россиянин“ для них тоже значимо. Тут каких-то конфликтов между этими двумя идентичностями абсолютно не прослеживается. Наоборот, СВО подкрепляет тезис о том, что буряты — одна из наиболее патриотических этнических групп» [ПМА 2024: Э 3].

Несколько респондентов (3) обратили внимание на размывание этноязыковой идентичности из-за незнания языка.

«Вот язык утратили, но при этом ценность своего языка мы все прекрасно понимаем и все хотим знать свой язык, вернее, мы гордимся тем, что у нас свой бурятский язык. Это, наверное, плохо, что мы не прилагаем усилий к его изучению» [ПМА 2024: Э 10].

Только два эксперта отметили, что для бурят важнее этническая идентичность, а для русских — гражданская.

Также один из экспертов высказал интересное суждение о бурятских субэтнических группах:

«У бурят есть крупные образования внутри бурятского народа, которые тоже конструируют собственные группы: бурхунские буряты, агинские буряты, ну и по территориям, допустим, по районам. Вот эта субэтническая идентичность, она как раз конфликтна по отношению к общей бурятской. Потому что политические элиты, они тоже очень активно это конструируют. Сейчас, правда, доминирование главы региона настолько мощное, что он как бы гасит эти противоречия» [ПМА 2024: Э 3].

Важным для целей исследования был шестой вопрос, направленный на выяснение отношения регионального научного сообщества к категории «цивилизационная идентичность». Вопрос: *Можно ли вообще в научном дискурсе вести речь о цивилизационной идентичности? И если да, то как она соотносится с этнической, культурной и религиозной? И какая, в таком случае, цивилизационная идентичность у бурят?*

Многие эксперты (8) обратили внимание на то, что термин еще не устоялся, потому его использование в академической среде пока проблематично.

«Мне кажется, это довольно трудно операционализировать, потому что для человека очень трудно себя идентифицировать как носителя цивилизации» [ПМА 2024: Э 3].

Трое экспертов заявили, что термин можно использовать, так как любой человек ощущает свою принадлежность к какой-то цивилизации.

Относительно цивилизационной идентичности бурят более половины экспертов заявили о принадлежности российских бурят к российской цивилизации или о доминировании российской цивилизационной идентичности над монгольской.

«Цивилизационная идентичность бурят все-таки развивалась последние столетия в русле российской цивилизации, если мы принимаем такую терминологию, и в гораздо меньшей степени, наверное, уже монгольской» [ПМА 2024: Э 7];

«Я думаю, можно разговор вести вообще о любых идентичностях. Цивилизационная идентичность тоже имеет место быть. Я думаю, чем больше будет интересных парадигм, тем лучше, это то, что украшает науку. Это ее обогащает. Какая цивилизационная идентичность бурят? Для меня, наверное, в первую очередь, это российская. А потом уже монгольская» [ПМА 2024: Э 8].

Также один из экспертов отметил такую проблему, как возможное смешение понятий цивилизационной идентичности и принадлежности к государству-нации:

«Для молодежи, как мне кажется, цивилизация выступает синонимом государственности, государства-нации. И поэтому, я думаю, что можно говорить о том, что есть цивилизационная идентичность именно с точки зрения соотношения с государственностью. Цивилизационная идентичность довольно сложная, как мне кажется, модель. И на этот вопрос, наверное, нельзя однозначно дать ответ. А также то, как этническое, культурное и религиозное с ней связано» [ПМА 2024: Э 1].

Седьмой вопрос предлагал экспертам поразмышлять о роли Республики Бурятия как форпоста и узла межцивилизационного сотрудничества России и Монголии. Большинство (9 из 13) экспертов однозначно заявили, что такую роль Бурятия выполняет, однако ответы остальных содержали ряд оговорок: у бурят доминирует и должна доминировать принадлежность именно к российской цивилизации, внешняя и внешнеэкономическая политики прерогатива центра, а не региона, отсюда и слабость приграничных экономических связей и узость сфер сотрудничества Республики Бурятия с Монголией.

Были получены развернутые и интересные комментарии экспертов об уникальной роли Бурятии в межцивилизационном диалоге:

«Республика Бурятия — это как раз тот регион, который каким-то образом смягчает отношения с соседними государствами. Или, наоборот, может усложнить, допустим, „панмонголизм“, с которым очень рьяно советская

власть боролась. Уделять нашей республике внимание нужно. И сейчас в Республике Бурятия проводятся крупные мероприятия. Например, буддийский форум» [ПМА 2024: Э 4];

«Бурятский народ, он воплотил в себе многие черты и того, и другого, и я считаю, это абсолютно и объективно, и для самого бурятского этноса позитивно, он впитал в себя самые лучшие элементы и того, и другого» [ПМА 2024: Э 11].

Наибольший интерес представляет экспертное мнение о значении различных пограничных регионов для межкультурного диалога России и Монголии в связи с историческим контекстом развития этих территорий:

«Специфика разных пограничных регионов отличается. Например, Республика Алтай или Тува. На мой взгляд, ближе к монгольской цивилизации именно Бурятия и рядом находящийся Забайкальский край, который граничит и с Монголией, и с Китаем. Это связано с тем, что в соседних с Забайкальским краем двух монгольских аймаках, это Дорнодский и Хэнтийский, очень много бурят, которые сто лет назад откочевали, а там цифры были достаточно большие, 30 и даже более тысяч человек. Естественно, по тем меркам это было огромное население, которое откочевало на территорию Монголии. А по тувинцам, здесь надо сказать, что Тыва была в составе Халха-Монголии, Халха-Монголия была в составе Цинской империи. Идентичность у них тоже интересная. В 1944 году они официально вошли в состав Советского Союза. Здесь как раз специфика заключается в том, что они в культурном плане очень много переняли от монголов, а вот в плане языка они к другой группе относятся, тюркоязычной. То есть даже национальные виды спорта, например борьба. У них абсолютно одинаковая одежда, так же, как у халха-монголов, конные скачки и т. д. Поэтому я считаю, в целом у бурят, которые проживают в большей степени в Республике Бурятия, в Забайкальском крае, цивилизационная идентичность намного ближе к монгольской» [ПМА 2024: Э 2].

Восьмой вопрос был связан с участием жителей Республики Бурятия в политической жизни страны. В то время как наши новостные каналы описывают существенный вклад Бурятии в общую победу в СВО, зарубежные СМИ обошли мемы про «боевых бурят», Папа Римский Франциск заявил об особой «жестокости» бурят в ходе СВО [Папа Римский 2022]. Мы спросили у экс-

пертов, что они думают о таких проявлениях информационной войны и как на них реагируют жители Республики Бурятия, и получили довольно развернутые комментарии не только по заданному вопросу.

Большинство экспертов заявили, что буряты, действительно, сильный духом народ, доблестные воины (7), вместе с тем они понимают, что очевидной целью «мема» является желание расколоть российское общество, разыграв «этническую карту» (на этом факте заострили внимание 4 эксперта).

«Буквально пары видео было достаточно, чтобы завирусилось, хотя на самом деле разные этносы на СВО представлены: тувинцы, якуты, калмыки, чеченцы, дагестанцы. Но получилось так, что именно буряты оказались в центре внимания. Мы, безусловно, очень отважный и смелый народ. Но, на самом деле, в этой спецоперации не менее отважно ведут себя люди самых разных национальностей» [ПМА 2024: Э 11].

Большую популярность в Республике Бурятия в период СВО обрело высказывание «буряты не бегут», о чем упомянули три эксперта, подчеркивая, что фраза относится ко всем жителям республики независимо от этнической принадлежности:

«У нас теперь говорят: „Буряты не бегут“. И это как раз русский воин сказал, выходец из Республики Бурятия. То есть он своей региональной идентичностью гордится. Это проявлялось еще во времена советские, в армии. Когда все выходцы из Бурятии старались держаться вместе, ближе друг к другу, несмотря на свое этническое происхождение: русский, бурят, татарин» [ПМА 2024: Э 10].

Эксперты обратили внимание и на существующие цивилизационные разрывы между народами России и Западом, что также обусловило разыгрывание «этнической карты» в современной информационной войне.

«Это связано, прежде всего, с расизмом украинцев. Они для того, чтобы подчеркнуть азиатчину, дикость, варварство, это раскрутили. И вот насчет Папы Римского, это же отражение глубинных представлений, как бы оговорка, буряты и чеченцы, они отражение таких варварских орд. Опять-таки гунны, Чингис-хан — это такая позиция цивилизации — дикие варвары. И он же [Папа Римский. — Т. Л., А. Ж., С. Н.] не стеснялся, он же искренне сказал то, что думал. У нас уважение к воинскому делу традиционно в культуре. У наших военнослужащих порядок, по-

тому что Забайкальский военный округ, он очень крупный. Когда-то самым крупным был вообще в системе вооруженных сил Советского Союза. И определенная доля бурят там тоже служила, не только на срочной службе, но и профессиональных военных, а потом, позже, и контрактников» [ПМА 2024: Э 3];

«Папа Римский тут кажется заложником, просто жертвой пропаганды. Буряты показывают такими символами всего азиатского, в плохом смысле слова. Орда, которая идет и безжалостно уничтожает несчастных европейцев, „из европейцев“. Мы понимаем, что это не имеет никакого отношения к действительности» [ПМА 2024: Э 11];

«Запад, как и всегда, думал, что такими действиями расколет российское общество, прежде всего, по национальному признаку. Тут наоборот. Буряты выступили яркими защитниками „русского мира“, страны. Вот я вам говорил про имперское сознание. Вот оно где, мне кажется, сработало» [ПМА 2024: Э 12].

После объявления частичной мобилизации в сентябре 2022 г. в Монголию выехало 6,2 тысячи россиян, жителей восточной части России [Власти Монголии 2022]. Девятый вопрос предлагал экспертам описать социальный портрет лиц, покинувших страну. Большинство респондентов оценили релокацию как результат страха и паники среди преимущественно молодых мужчин (8), помимо этого, экспертами (7) отмечалось, что некоторая часть людей уехала, будучи несогласной с политическим курсом страны. Некоторые эксперты (5) также отметили, что убегали люди молодые, и это является недостатком в патриотическом воспитании.

Приведем высказывания, ярко демонстрирующие наиболее частые суждения:

«Я думаю, он не сильно отличается от общероссийского социального портрета, тех, кого мы называем релоканты. Были те, которые убежали по убеждениям, и они, как правило, не вернулись. Более того, некоторые из них сейчас активно занимаются пропагандой антироссийской, находясь и в Монголии, и в других странах. Но другая категория, более массовая, это люди, которые опять же стали жертвами истерии в период мобилизации. И вот из таких людей многие, может быть, даже большинство вернулись уже» [ПМА 2024: Э 11];

«Молодых много. Это дети двухтысячных от 20–25 до 35–40 — вот этот возраст. Это

результат той безграмотной государственной политики, бессистемной, которая привела к тому, что это поколение у нас потеряно. Это импульс для органов государственной власти, как нужно воспитывать молодое поколение» [ПМА 2024: Э 4].

Особый интерес вызывает высказывание эксперта, проведшего параллель между нынешними релокантами и бурятами, убежавшими в период Гражданской войны в Китай (Шэнхэнь). В 2011 г. в рамках программы по репатриации соотечественников в Россию приехало около 500 шэнхэнских бурят из КНР.

«То же самое было сто лет назад, самые состоятельные, самые мобильные группы, которым действительно было что терять, сто лет назад убежали в Монголию и во Внутреннюю Монголию в Китае. Как они смогли сохранить свою идентичность... Буряты в Китае через сто лет вернулись сюда и полностью восстановили одежду, кухню, традиции, обычаи, свадебные обряды, похоронные обряды. То, что было утрачено в советские годы, они много чего вернули. Поэтому портрет такой. Состоятельные люди, думающие о том, что сейчас происходит и что их ожидает. С патриотизмом, видимо, проблемы какие-то у них были. Я предполагаю, что процентов, наверное, 70–80 вернулись уже обратно в Россию» [ПМА 2024: Э 2].

Завершающий вопрос интервью ставил своей целью выяснить перспективы использования методологии цивилизационной политологии для совершенствования государственной национальной политики в целях укрепления внутренней стабильности и государственного суверенитета России. Почти половина экспертов (6) отметила, что цивилизационный подход (в интервью методология цивилизационной политологии была обозначена в привычной терминологии — как цивилизационный подход) уже появился в ряде нормативно-правовых актов, но нужно быть очень аккуратным в его использовании.

«Будет зависеть от того, насколько эти положения будут конструктивны по своему характеру и способствовать межкультурной и международной консолидации, учету интересов разных этнических групп в национальной политике, поскольку мы хорошо представляем то, что цивилизационное направление может быть прописано совершенно по-разному — и

конструктивно, и деструктивно. Все зависит от конечной реализации» [ПМА 2024: Э 7].

Несколько экспертов (3) также отметили, что одного включения цивилизационного подхода в нормативные документы мало, за этим должна последовать конкретная работа, практическая реализация, особенно в сфере патриотического воспитания молодежи. Большое практическое значение в этом плане играет новая дисциплина «Основы российской государственности», внедренная в обучение во все вузы страны.

«В этой дисциплине есть большая такая тема „Россия как многонациональное, полиэтническое пространство“. Мы там много чего объясняем. Смотрите, у нас в стране живет столько людей, мы все россияне. Это такие простые вещи, и они во многом замыкаются на цивилизационном подходе. Россия — это государство-цивилизация, которая исторически играет важнейшую роль в развитии человечества в современном мире. То, что Россия утратила свой суверенитет над частью территории исторической, нужно на самом деле исправлять» [ПМА 2024: Э 3].

Проблемы традиционного (классического) цивилизационного подхода, в отличие от методологии цивилизационной политологии, связаны с множественностью интерпретаций понятия «цивилизация», а также с неясностью его сопряжения с другими, более устоявшимися категориями и понятиями.

«Нужно очень четко разобраться в разнице между, допустим, идеями „русского мира“, русской цивилизации, российской нации и так далее. То есть эти вещи мы должны достаточно четко наполнить содержанием. И они должны очень четко друг от друга отличаться. Здесь, мне кажется, нам нужно очень большую работу системную провести, я имею в виду в образовании, в науке» [ПМА 2024: Э 1].

В целом ученые из Республики Бурятия позитивно оценили перспективы использования цивилизационного подхода в нормативных документах.

«Очень хорошая идея, поскольку наш законодатель признает, что Россия является государством-цивилизацией, и, соответственно, цивилизационное направление необходимо. Раз мы признаем, что Россия — это отдельная цивилизация, то надо идти дальше. Говорить о том, что наша цивилизация взаимодействует с другими цивилизациями, в том числе и с мон-

гольской цивилизацией, причем взаимодействует мирно» [ПМА 2024: Э 5];

«Для России, естественно, важно, как для большой страны, многонациональной, использовать [цивилизационную идентичность. — Т. Л., А. Ж., С. Н.] для того, чтобы укреплять наше внутреннее единство, чтобы, грубо говоря, не развалиться, не пропасть по одиночке» [ПМА 2024: Э 11].

4. Заключение

Результаты экспертного опроса в целом подтвердили гипотезу о доминировании российской гражданской идентичности и ощущение большей принадлежности к российской цивилизации у жителей Республики Бурятия. Вместе с тем высказывания экспертов позволяют нам пойти дальше и оценить перспективы использования методологии цивилизационной политологии в российской науке и политической практике с учетом необходимости тщательного исследования зон пересечения (форпостов) разных цивилизаций.

Понятие «монгольская цивилизация» устоялось в региональной научной среде и большинством экспертов из Бурятии определяется как локальная общность, охватывающая родственные народы, проживающие в России, Монголии и Китае, связанная кочевой культурой и исторической личностью Чингисхана. Понятие «российская цивилизация» также оформилось в научном сообществе Республики Бурятия как общность людей, сложившаяся в результате развития российской государственности, объединившей соседние народы не только политически, но и русским языком и культурой. Большинство экспертов (8 из 13) позитивно отнеслись к использованию в научном дискурсе категории «цивилизационная идентичность», однако ряд экспертов (4) выразили аргументированные сомнения в связи с масштабностью и трудностями операционализации данной категории.

По мнению экспертов, этническая и религиозная близость бурят к монголам позитивно влияет на развитие российско-монгольского диалога, прежде всего, в сфере науки, культуры и образования. Однако в сложившихся политических условиях такую близость и ее влияние на российско-мон-

гольские отношения преувеличивать не стоит. Большинство экспертов (9 из 13) выразили уверенность в том, что Республика Бурятия является форпостом и узлом межкультурного взаимодействия России и Монголии на современном этапе.

У жителей Республики Бурятия российская гражданская идентичность гармонично сочетается с этнической, треть экспертов отметили, что даже у этнических бурят она доминирует. Этот тренд наметился в период СВО. Ряд экспертов (5 из 13) заявили о значении региональной идентичности для жителей Республики Бурятия.

Участие жителей республики в Специальной военной операции выступило значимым маркером принадлежности к «русскому миру». Большинство экспертов с гордостью высказались о героизме выходцев из Республики Бурятия — участниках СВО. Использование «мема» о «боевых бурятах» эксперты оценили как информационную провокацию, попытку расколоть российское общество по этническому признаку,

неграмотность и стереотипы западных и украинских СМИ. Бегство молодых мужчин в период частичной военной мобилизации эксперты объясняли сиюминутным страхом, по мнению экспертов, уезжали люди молодые, обеспеченные, не согласные с официальным курсом страны, что свидетельствует о недостатках в патриотическом воспитании в начале 2000-х гг.

Говоря о практическом использовании цивилизационного подхода, эксперты позитивно оценили перспективу внедрения понятий цивилизационной политологии в программные документы по национальной политике. Однако 6 из 13 экспертов заявили, что необходимо детально разобраться с ключевыми терминами, чтобы грамотно донести их до граждан, чтобы использование категории «российская цивилизация» способствовало как защите культурного многообразия нашей страны, так и консолидации общества. Большую роль в этом в этом плане должно играть патриотическое воспитание молодежи.

Полевые материалы авторов

ПМА 2024 — Экспертные интервью с жителями Республики Бурятия, представителями сферы науки и образования (N=13) (2024).

Authors' Field Data

Expert interviews with Buryatia-based representatives of scholarly and educational communities. N=13. 2024. (In Russ.)

Источники

Всероссийская перепись 2020 — Всероссийская перепись населения 2020 года. 19.01.2023 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [электронный ресурс]. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 12.12.2024).

Sources

2020 Russian Census. On: Federal State Statistics Service of Russia, Buryatia Office (website). Posted on 19 January 2023. Available at: <https://03.rosstat.gov.ru/vpn2020> (accessed: 12 December 2024). (In Russ.)

Литература

Антонов 2024 — Антонов В. И. Особенности идентичности монгольских этносов России в контексте истории и современности (на примере бурят) // Международный журнал исследований культуры. 2024. № 3(56). С. 81–94. DOI: 10.52173/2079-1100_2024_3_81

Вернадский 2000 — Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000. 320 с.

References

Antonov V. I. Features of identity of Mongolian ethnic groups of Russia in the context of history and modernity (On the example of the Buryats). *International Journal of Cultural Research*. 2024. No. 3(56). Pp. 81–94. (In Russ.). DOI: 10.52173/2079-1100_2024_3_81

Vernadsky G. V. Outlining Russian History. St. Petersburg: Lan', 2000. 320 p. (In Russ.)

- Власти Монголии 2022 — Власти Монголии пообещали выдавать россиянам виды на жительство. 01.10.2022 [электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2022/6337be319a7947208f0e9afd> (дата обращения: 25.05.2025).
- Гумилев 1994 — Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ – ДИК, 1994. 544 с.
- Данилевский 2002 — Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Древнее и современное, 2002. 548 с.
- Дробизева 2013 — Дробизева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
- Железняков 2024 — Железняков А. С. Цивилизационная политология как научное направление // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Мат-лы X Всеросс. конгресса политологов РАПН с международным участием (г. Москва, 05–07 декабря 2024 г.) / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной и др. М.: Аспект Пресс, 2024. С. 207–208.
- Железняков, Литвинова 2014 — Железняков А. С., Литвинова Т. Н. Цивилизационные и социокультурные аспекты модернизации полиэтничных регионов Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 14–21.
- Комбаев и др. 2021 — Комбаев А. В., Борисова А. С., Суманеев Е. В. Этническая идентичность в Байкальской Азии // Социология. 2021. № 6. С. 84–92.
- Папа Римский 2022 — Папа Римский назвал чеченцев и бурят самыми жестокими в российской армии. 28.11.2022 [электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5693530> (дата обращения: 25.05.2025).
- Савицкий 1997 — Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
- Тишков 2023 — Тишков В. А. О примирении конструктивизма и примордиализма (омаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) // Этнография. 2023. № 1(19). С. 6–25. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25
- Тойнби 2010 — Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис Пресс, 2010. 640 с.
- Mongolian authorities promise to issue residence permits for Russian citizens. On: RBC. Posted on 1 October 2022. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2022/6337be319a7947208f0e9afd> (accessed: 25 May 2025). (In Russ.)
- Gumilyov L. N. Ethnogenesis and the Biosphere. Moscow: Tanais DI – DIK, 1994. 544 p. (In Russ.)
- Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. Moscow: Drevnee i Sovremennoe, 2002. 548 p. (In Russ.)
- Drobizheva L. M. Ethnicity in Russia's Sociopolitical Space: Twenty-Year Experiences. Moscow: Novyi Khronograf, 2013. 336 p. (In Russ.)
- Zheleznyakov A. S. Civilizational political science as a scientific direction. In: Gaman-Golutvina O. V. et al. (eds.) Russia in a Polycentric World Order: Challenges and New Paradigms of Development. Jubilee congress proceedings (Moscow, 5–7 December 2024). Moscow: Aspect Press. 2024. Pp. 207–208. (In Russ.)
- Zheleznyakov A. S., Litvinova T. N. Civilizational and sociocultural aspects of multiethnic regions' modernization in the Russian Federation. *Theory and Practice of Social Development*. 2014. No. 17. Pp. 14–21. (In Russ.)
- Kombaev A. V., Borisova A. S., Sumaneev E. V. Ethnic identity in Baikal Asia. *Sociology*. 2021. No. 6. Pp. 84–92. (In Russ.)
- Pope characterizes Chechens and Buryats as most brutal in Russian army. On: Kommersant. Posted on 28 November 2022. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5693530> (accessed: 25 May 2025). (In Russ.)
- Savitsky P. N. The Eurasian Continent. Moscow: Agraf, 1997. 464 p. (In Russ.)
- Tishkov V. A. On reconciling constructivism and primordialism: Tribute to Andrei Vladimirovich Golovnev. *Etnografiya*. 2023. No. 1 (19). Pp. 6–25. (In Russ.). DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25
- Toynbee A. J. A Study of History. Moscow: Airis Press, 2010. 640 p. (In Russ.).

- Тренин 2022 — *Тренин Д. В.* Кто мы, где мы, за что мы — и почему // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 3. С. 32–42. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-32-42.
- Трубецкой 2014 — *Трубецкой Н. С.* Общеευразийский национализм // Русское зарубежье: История и современность: Сб. статей / ред. кол.: Мухачёв Ю. В. (гл. ред.) и др. Вып. 3. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 198–206.
- Хантингтон 2003 — *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- Четвертакова 2023 — *Четвертакова Ж. В.* Социокультурный подход к определению понятия «этнос» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 1(47). С. 61–67.
- Шпенглер 2010 — *Шпенглер О.* Закат Западного мира. М.: Альфа-книга, 2010. 1085 с.
- Brass 1991 — *Brass P. R.* Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. Newbury Park, California: Sage Publications, 1991. 358 p.
- Smith 1983 — *Smith A. D.* Theories of Nationalism. New York: Holmes and Meier, 1983. 350 p.
- Smith 2002 — *Smith A. D.* When is a Nation // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7. No. 2. Pp. 5–32. DOI: 10.1080/714000928
- Sorokin 1963 — *Sorokin P. A.* Reply to My Critics // Pitirim A. Sorokin in review / Ed. by Philip J. Allen. Durham: Duke University Press, 1963. Pp. 371–496.
- Trenin D. V. What we are, where we are, what we stand for – and why. *Russia in Global Affairs*. 2022. Vol. 20. No. 3. Pp. 32–42. (In Russ.). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-32-42
- Trubetskoy N. S. Paneurasian nationalism. In: Mukhachev Yu. V. (ed.) *Russian Émigré Community: Past and Present. Collected articles*. Vol. 3. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences (RAS), 2014. Pp. 198–206. (In Russ.)
- Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Moscow: AST, 2003. 603 p. (In Russ.)
- Chetvertakova Zh. V. Socio-cultural approach to the definition of the concept «ethnos». *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 2023. No. 1(47). Pp. 61–67. (In Russ.)
- Spengler O. The Decline of the West. Moscow: Alpha-Kniga, 2010. 1085 p. (In Russ.)
- Brass P. R. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. Newbury Park, California: Sage Publications, 1991. 358 p. (In Eng.)
- Smith A. D. Theories of Nationalism. New York: Holmes & Meier, 1983. 350 p. (In Eng.)
- Smith A. D. When is a nation. *Geopolitics*. 2002. Vol. 7. No. 2. Pp. 5–32. (In Eng.) DOI: 10.1080/714000928
- Sorokin P. A. Reply to my critics. In: Allen Ph. J. (ed.) Pitirim A. Sorokin in Review. Durham: Duke University Press, 1963. Pp. 371–496. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 897–912, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930 (575.2)

Калмаки в «Маджму ат-таварих»: к характеристике термина и образа Kalmaks in the Majmu al-Tawarikh: Characterizing the Term and Image

Дархан Аманжолович Джумагалиев¹,
 Жаксылык Муратович Сабитов²

Darkhan A. Jumagaliyev¹,
 Zhaxylyk M. Sabitov²

¹ Научный институт изучения Улуса Джучи (д. 2, блок 1, оф. 8, ул. Туркестан, 010016 Астана, Республика Казахстан) Jochi Ulus Research Institute (Room 8, 2/1, Turkestan St., 010016 Astana, Republic of Kazakhstan)

магистр гуманитарных наук, научный сотрудник MA (History), Research Associate

0000-0002-3578-6467. E-mail: [darhanbai\[at\]mail.ru](mailto:darhanbai[at]mail.ru)

² Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова (д. 1, пр. Студенческий, 060000 Атырау, Республика Казахстан) Kh. Dosmukhamedov Atyrau University (1, Student Ave., 060000 Atyrau, Republic of Kazakhstan)

PhD, профессор

PhD (History), Professor

0000-0001-7186-156X. E-mail: [babasan\[at\]yandex.kz](mailto:babasan[at]yandex.kz)

© КалмНИЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Джумагалиев Д. А., Сабитов Ж. М., 2025

© Jumagaliyev D. A., Sabitov Z. M., 2025

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено анализу значения и употребления термина «калмак» в сочинении XVI в. «Маджму ат-таварих». *Целью* исследования является выявление семантических, идеологических и историко-культурных функций данного термина. В качестве *задач* исследования определены: выявление контекстов употребления термина «калмак» в «Маджму ат-таварих»; определение его значения как маркера религиозной инаковости; анализ религиозно-политического противопоставления мусульман и «калмаков» в рамках Улусов Джучи и Чагатай. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования являются опубликованные переводы «Маджму ат-таварих» на кыргызский и русский языки. Помимо этого, для сравнения достоверности выявленных данных в исследовании также использовались такие источники, как «Кара таварих», «Тарих-и Хамиди», «Тарих-и Рашиди», «Зафар-наме», «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», «История Казахстана в персидских источниках», а также ногойская поэма «Эдиге», казахские героические эпосы «Едиге», «Сорок батыров Крыма», казахские предания. Исследование базируется на принципах историзма и системности, а также на применении сравнительно-исторического и семантического анализа. *Результаты.* В результате проведенного исследования установлено, что термин «калмак» в сочинении «Маджму ат-таварих» носит преимущественно идеологизированный характер и

используется для обозначения образа «неверного» и «врага», противопоставленного мусульманам, вне зависимости от этнической или религиозной самоидентификации обозначаемых групп. На основании анализа источниковых данных представляется возможным утверждать, что формирование термина «калмак» происходило в пределах Золотой Орды в период правления Узбек-хана и первоначально обозначало кочевые группы, сохранившие верность традиционным верованиям и отказавшиеся от принятия ислама. В этом контексте особенно важно разграничивать понятие «калмак» как религиозно-идеологическую категорию и его последующее использование в качестве этнонима ойратов, с которыми данный термин начал соотноситься значительно позднее. В конце XIV в. термин «калмак» получил широкое распространение и вышел за пределы Золотой Орды, что, в частности, подтверждается его употреблением в сочинении «Зафар-наме». **Выводы.** В указанном источнике термин «калмак» не имел строго этнического значения, а отражал религиозную и политическую поляризацию, сложившуюся в регионе в XIV–XVI вв.

Ключевые слова: «Маджму ат-таварих», Золотая Орда, Улус Чагатай, «Тарих-и Рашиди», калмаки, ойраты, Узбек-хан, эпос, ислам

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках проекта «Улус Джучи в XIII–XV веках: исследования по этнополитической и социально-экономической истории» (№ BR24992878).

Для цитирования: Джумагалиев Д. А., Сабитов Ж. М. Калмаки в «Маджму ат-таварих»: к характеристике термина и образа // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 4. С. 897–912. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-897-912

Abstract. Introduction. The study analyzes the meaning and use of the term ‘*Kalmak*’ in the sixteenth-century *Majmu al-Tawarikh*. **Goals.** The paper seeks to identify the semantic, ideological, and historical-cultural functions of the term. To facilitate this, the work shall spot certain contexts in which the term appears in the *Majmu al-Tawarikh*, determine its meaning as a marker of religious otherness, and analyze the religious-political dichotomy between Muslims and ‘*Kalmaks*’ within the Uluses of Jochi and Chagatai. **Materials and methods.** The article focuses on published Kyrgyz and Russian translations of the chronicle. In addition, the reliability of identified messages has been verified through comparative insights into a number of writings, such as the *Qara Tawarikh*, *Tarikh-i Hamidi*, *Tarikh-i Rashidi*, *Zafarnama*, *Materials in the History of the Golden Horde* (Collections from Persian Writings), *History of Kazakhstan from Persian Sources*, as well as the Nogai and Kazakh heroic epics ‘*Edige*’, ‘*Forty Batyrs of Crimea*’, and Kazakh legends. The study is based on the principles of historicism and systemic analysis, and employs the comparative historical and semantic methods. **Results.** It has been established that the term ‘*Kalmak*’ in the *Majmu al-Tawarikh* bears a predominantly ideological connotation, and is used to designate the image of ‘*infidels*’ and ‘*enemies*’ — in opposition to Muslims — regardless of ethnic or religious self-identities of designated groups. The analysis of sources makes it possible to assert that the term ‘*Kalmak*’ was taking shape within the Golden Horde under Özbek Khan, and initially was used to nominate nomadic groups who retained traditional beliefs and rejected Islam. In this context, it is particularly important to distinguish between the concept of ‘*Kalmak*’ as religious-ideological category — and its later use as ethnonym for the Oirat that would be associated with the term in much later periods. In the late fourteenth century, the term ‘*Kalmak*’ had already become widespread enough to move beyond the Golden Horde’s borders as is evidenced, in particular, by its use in the *Zafarnama*. **Conclusions.** In the examined chronicle, the term ‘*Kalmak*’ had no strictly ethnic connotation but rather reflected the religious and political polarization that had developed in the region throughout the fourteenth to sixteenth centuries.

Keywords: *Majmu al-Tawarikh*, Golden Horde, Ulus of Chagatai, *Tarikh-i Rashidi*, *Kalmaks*, Oirats, Özbek Khan, epic tradition, Islam.

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. BR24992878 ‘Ulus of Jochi in the Thirteenth to Fifteenth Centuries: Studies in Ethnopolitical and Socioeconomic History’.

For citation: Jumagaliyev D. A., Sabitov Z. M. *Kalmaks in the Majmu al-Tawarikh: Characterizing the Term and Image. Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 897–912. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-897-912

1. Введение

Термин *калмак* представляет собой сложное и многозначное понятие, прочно вошедшее в мусульманскую и европейскую письменные традиции Средневековья и Раннего Нового времени. Его происхождение, семантическая трансформация и закрепление за определенными этническими группами Центральной Азии на протяжении XIV–XVI вв. остаются предметом научных дискуссий. В особенности это касается соотнесения этнонима *калмак* с ойратами, а также с более широкой группой тюрко- и монголоязычного населения, находившегося вне исламского вероисповедания и потому называвшегося термином, отражающим религиозную и культурную инаковость.

Считается, что этноним *калмык*, заимствованный русскими у тюркоязычных народов, первоначально использовался ими для обозначения западных монголов — ойратов [История Калмыкии 2009: 12]. Научное осмысление термина восходит к работам В. В. Бартольда, впервые указавшего на возможность народной этимологизации слова *калмак*, происходящего от тюркского глагола *калмак* — ‘оставаться’. По его мнению, это название обозначало «оставшихся» в язычестве ойратов в противоположность дунганам, которые, напротив, «вернулись» к исповедованию ислама [Бартольд 1968: 538]. Однако позднейшие исследования И. Я. Златкина [Очерки 1967: 53–63], И. И. Дремова [Дремов 2012: 104–117] Ж. М. Сабитова [Сабитов 2014: 134–143] и других существенно углубили и переосмыслили этот подход, предложив интерпретацию термина *калмак* как собирательного обозначения немусульманского кочевого населения Золотой Орды и сопредельных территорий. Изначально это касалось немусульманского кочевого населения Золотой Орды, отказавшихся принять ислам в период правления хана Узбека и «оставшихся в вере отцов», а затем этот термин распространился за пределы Улуса Джучи, охватив кочевников как Улуса Чагатай, Могулистана, так и ойратов. Особое внимание в рам-

ках настоящего исследования уделяется сведениям, содержащимся в сочинении XVI в. «Маджму ат-таварих», авторство которого приписывается Сайфу ад-Дину Ахсикенди и его сыну Нур-Мухаммаду [Материалы 1973: 200]. В «Маджму ат-таварих» содержится значительный объем сведений и преданий, касающихся происхождения кыргызских, а также других тюркских и монгольских племен. В данном источнике термин *калмак* неоднократно фиксируется в контексте различных форм взаимодействия с мусульманским населением. Употребление этого термина охватывает широкий круг сюжетов, отражающих военно-политические и социально-культурные связи между калмаками и представителями мусульманской среды.

Таким образом, использование термина *калмак* в «Маджму ат-таварих» и других источниках требует интерпретации в контексте его исторической семантики и идеологической функции. На протяжении XIV–XVI вв. «калмаками» обозначали не столько конкретную этническую группу, сколько совокупность этнических подразделений, не принявших ислам и противопоставленных по признаку религиозной и культурной идентичности. Настоящее исследование направлено на систематизацию и уточнение значения термина *калмак* на основе сравнительного анализа письменных и устных источников.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы настоящего исследования составили средневековые исторические сочинения, в которых встречается термин *калмак* в различных контекстах. Среди них ключевое место занимает труд «Маджму ат-таварих» в кыргызском переводе («Тарыхтардын жыйнагы»), а также русскоязычный перевод и комментарии, подготовленные Т. А. Акеровым. Кроме того, в работе использованы сведения из таких сочинений, как «Кара таварих» Утемиша-хаджи, «Тарих-и Хамиди» Мусы Сайрамы, «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара Дуглата, «Зафар-наме» Шараф ад-дина Али

Йазди, а также эпических и этнографических источников, включая ногайскую поэму «Эдиге», казахские героические эпосы («Едиге», «Сорок батыров Крыма» и т. д.) и данные казахских шежире. Для верификации и сопоставления терминов, а также историко-культурных реалий, использованы сведения из «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» (далее — СМИЗО) [СМИЗО 1941], «История Казахстана в персидских источниках» (далее — ИКПИ) [ИКПИ 2007]. Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и системности. Принцип историзма позволил рассматривать значение и использование этнонима *калмак* в конкретных социально-политических и религиозных условиях XIV–XVI вв., а также в рамках процессов исламизации и трансформации этнической идентичности в Центральной Азии. Принцип системности обеспечил анализ комплекса источников как взаимосвязанной информационной структуры, позволяющей реконструировать динамику восприятия и трансформации термина *калмак* в различных исторических и географических контекстах.

Основными методами, использованными в ходе исследования, стали сравнительно-исторический и семантический анализ. Сравнительно-исторический метод использовался для сопоставления сведений из различных источников с целью выявления устойчивых признаков, связанных с употреблением этнонима *калмак* и определения его возможной этимологии и исторических функций. Семантический анализ позволил проследить трансформацию значения термина в зависимости от эпохи, региона и авторской позиции. Также применялись элементы идеографического подхода при реконструкции конкретных исторических ситуаций, в которых употребляется рассматриваемый термин.

3. Историография термина *калмак*

Несмотря на то, что этноним *калмак* достаточно широко представлен в исторических источниках, его интерпретация в научной литературе остается предметом дискуссий. В «Маджму ат-таварих» сведения о

калмаках занимают особое место, и их анализ позволяет выявить как представления автора о политических противниках, так и элементы народной классификации этнических и религиозных групп.

Впервые идею о религиозной природе этнонима *калмак* в контексте исламизации Золотой Орды высказал И. Я. Златкин [Очерки 1967: 53–63]. В своем исследовании он опирался на текст хроники «Шаджарат аль-атрак» («Родословие тюрков»), где утверждается, что после принятия ислама ханом Узбеком те, кто принял новую веру, стали называться «узбеками», а отказавшиеся — «калмаками», т. е. «обреченными оставаться» [СМИЗО 1941: 206–207]. Аналогичное суждение содержится и в «Тарих-и арба' улус» («История четырех улусов») Мирзы Улугбека [ИКПИ 2007: 99]. Тем самым термин *калмак* трактуется как религиозное, а не этническое обозначение, применявшееся к тем, кто остался в языческой вере.

Данная концепция получила развитие в трудах И. И. Дремова, который на основе источников XIV–XVI вв. пришел к выводу, что вначале калмаками обобщенно именовали различные монголоязычные и тюркоязычные группы, отказавшиеся от принятия ислама [Дремов 2012: 104–117; Дремов 2013а: 119–129; Дремов 2013б: 317–329; Дремов 2014а: 96–101; Дремов 2014б: 129–137; Дремов 2015: 62–81]. И. И. Дремов выделил два ключевых аспекта: территориальный — калмаки расселялись в пограничных, труднодоступных районах Улуса Джучи, Мавераннахра и Могулистана [Дремов 2014а: 100] — и социально-религиозный — термин *калмак* отражал противопоставление мусульманам [Дремов 2014б: 135]. По мнению исследователя, лишь позже это нарицательное наименование приобрело этнический статус и стало ассоциироваться с ойратами [Дремов 2013б: 328; Дремов 2015: 76].

Особый вклад в изучение религиозно-этнической составляющей термина *калмак* внес Б. У. Китинов, рассматривающий его как изначально географическое обозначение, позднее приобретшее религиозно-культурный смысл и использовавшееся

для обозначения немусульманских кочевников Центральной Азии, в том числе ойратов и других монгольских и тюркских групп [Китинов 2018: 277].

Интересный подход предложил Ж. М. Сабитов, выдвинувший гипотезу, согласно которой упоминаемые И. Шильтбергером «*кайтаки*» — это искаженное название калмаков [Сабитов 2014: 138]. В этой работе исследователь отметил, что в XIV–XVI вв. калмаки представляли собой особую группу золотоордынских кочевников, не принявших ислам и впоследствии разделившихся на «чёрных» (каракалпаков) и «белых» (теленгутов и алтайцев). При этом каракалпаки, согласно Ж. М. Сабитову, переселились в Среднюю Азию, а теленгуты оказались в составе ойратских союзов, позднее тоже получивших название калмыков [Сабитов 2014: 141–142]. А. К. Алексеев, анализируя статус калмаков при дворе Аштарханидов, подчеркивает их отличия от калмыков (джунгаров). В источниках калмаки упоминаются как часть узбекских кочевых племен *илатийа*, в то время как джунгары чаще поступали ко двору в статусе гуламов и использовались как гвардейцы [Алексеев 2006: 168].

В. М. Жирмунский, изучавший казахские эпические сказания, отмечал, что образ калмаков в этих произведениях носит анахронический характер, в позднейших эпических сказаниях они становятся типичными, стереотипизированными противниками [Жирмунский 1974: 396–397], что указывает на их сравнительно позднее внедрение в эпическую традицию [Жирмунский 1974: 500].

При этом мы считаем, что использование терминов Ногай (Ногайлы) и Калмак касательно предков Едиге (Аншибай, Парпария) в тюркском героическом эпосе отражает противостояние «мусульманской партии» Ногай и «буддийской партии» Сальджидай гургена и Муртад-Токты (Тама-Токты) в 1290-х гг. в Улусе Джучи.

Отдельные аспекты, связанные с употреблением термина *калмак* в эпической традиции, также находят отражение в работах, посвященных анализу эпоса «Манас» [Reichl 2020: 188]. В эпической традиции

кыргызов, как показывает К. Райхль, калмаки устойчиво соотносятся с ойратами, что отражает более поздний пласт исторической памяти, связанный с реальными военными столкновениями конца XVI – начала XVII вв.

Анализируя текст «Маджму ат-таварих» Т. А. Тагирджанов отмечает, что сведения о борьбе с калмаками, вероятно, основаны на реальных исторических событиях, связанных с проникновением ойратов в Семиречье и Могулистан [Тагирджанов 1960: 38]. В. А. Ромодин в свою очередь допускал, что термин *калмак* в данном сочинении использовался как анахроничное обозначение различных немусульманских враждебных племен и народностей [Материалы 1973: 203].

В качестве основных результатов настоящего исследования предлагается авторская интерпретация употребления термина *калмак*, основанная на данных, которые выявлены в процессе анализа источника «Маджму ат-таварих» в кыргызском и русском переводах. Для проведения сопоставительного анализа были привлечены материалы ряда предшествующих исследований, в том числе работы А. Т. Тагирджанова [Тагирджанов 1960] и В. А. Ромодина [Ромодин 1963].

4. Мусульмане и калмаки в политической борьбе Улуса Чагатайя

Одним из важнейших факторов, повлиявших на политическую эволюцию Улуса Чагатайя в XIV в., стала религиозная трансформация, связанная с распространением ислама среди чингисидской элиты. Одним из первых чагатайских правителей, принявших ислам, был Тармаширин-хан, принявший после обращения имя Ала ад-дин [Бартольд 1963: 76]. Однако его переход в мусульманство вызвал недовольство среди монгольской знати, сохранявшей приверженность шаманистским традициям, что в условиях противостояния оседлой мусульманской и кочевой партий привело к восстанию под предводительством Бузана, спровоцированному, в частности, нарушением Ясы и пренебрежением кочевыми обычаями со стороны хана [Карасев 1995: 41].

Судя по имеющимся данным, Бузан, несмотря на приверженность исламу, продолжал придерживаться традиционных народных обычаев. В сочинении «Мунтахаб ат-таварих» упоминается о его *«безумии»*, истреблении своих родичей [ИКПИ 2007: 59], а также о враждебности к мусульманам [Бартольд 1963: 76]. После его устранения власть перешла к Джанкши, который выступал противником ислама и *«во всех делах, в большом и малом советовался с буддийскими монахами»* [ИКПИ 2007: 58]. Этот правитель отождествляется с Чонгчи-калмаком, фигурирующим в «Маджму ат-таварих» [Ромодин 1963: 37]. Его преемник, брат Есун-Тимур, вскоре был убит Али-султаном, который, согласно источникам, проводил репрессии как против христиан, так и мусульман [Бартольд 1963: 76].

Внутренняя борьба между сторонниками исламизации и ее противниками в Улусе Чагатая существенно ослабила центральную власть, что впоследствии привело к политическому расколу: мусульманская партия укрепилась в Мавераннахре, тогда как противники сосредоточились в Могулистане. Эти события свидетельствуют о наличии устойчивого конфликта между мусульманами и «калмаками» также и в пределах Улуса Чагатая.

5. Термин *калмак* в тимуридской и постордынской традиции

Термин *калмак* впервые фиксируется в источниках в сочинении «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди, где он упоминается в контексте прибытия в 1398 г. ко двору эмира Тимура Тайзи-оглана, бежавшего от калмаков в Великом Юрте¹ [Йазди 2008: 221]. Впервые на это обратил внимание В. В. Бартольд, подчеркивая, что в данном случае речь идет не об этнографическом, а о географическом термине [Бартольд 1968: 538]. Согласно одной из версий, Тайзи-оглан отождествляется с Дельбек-ханом — представителем линии потомков Ариг-Буги [Сабитов 2016: 111–113]. Другая группа исследователей отождествляла Тайзи-оглана, упомяну-

того в «Зафар-наме», с Ульдзей-Тимуром, бежавшим от Угэчи Хашаги [Петров 1961: 158]. Согласно мнению К. И. Петрова, под правителем калмаков, о котором говорится в данном источнике, следует понимать именно Угэчи, стремившегося установить власть над калмаками (ойратами) [Петров 1961: 158]. Если данное мнение верно, то это позволяет заключить, что в «Зафар-наме» термин *калмак* использовался как экзоэтноним для обозначения ойратского этнополитического объединения. Во второй раз в «Зафар-наме» «калмаки», названные как «неверные», появляются в контексте описания похода в Китай после смерти Тимура [Йазди 2008: 346]. Представляется обоснованным полагать, что под калмаками в данном случае следует понимать ойратов и, возможно, монголов [Lee 2016: 164] в контексте их религиозной принадлежности, т. е. как язычников, а не как этноним в узком смысле. Поскольку в данном фрагменте в отношении калмаков используется религиозная характеристика — «неверные», это, по нашему мнению, отражает устоявшуюся в Улусах Джучи и Чагатая терминологию применявшуюся к кочевому населению «оставшихся в вере отцов». Иными словами, такая терминология служила средством противопоставления мусульманских и немусульманских сообществ в рамках религиозно-идеологического нарратива, характерного для того времени. В другом фрагменте того же сочинения «Калмак» упоминается как географическая область наряду с такими регионами, как Дашт-и Кипчак, Рум, Рус, Черкас и Булгар [Йазди 2008: 356], что позволяет интерпретировать его как наименование территории, населенной калмаками, под которой, по-видимому, подразумевается собственно Монголия. В связи с этим некоторые исследователи пришли к выводу о том, что уже в эпоху Чингис-хана под названием «Калмак» подразумевались территории Западной и Юго-Западной Монголии [Китинов 2018: 277]. Однако прямые указания на это в средневековых источниках отсутствуют. Таким образом, употребление термина *калмак* в «Зафар-наме» свидетельствует о сформировавшейся традиции использовать данный термин для описания кочевых сообществ,

¹ Под Великим Юртом следует понимать собственно территорию Монголии, находившуюся под властью потомков Толуя и Угедая.

сохранявших приверженность доисламским и неисламским религиозным верованиям. В этом контексте термин *калмак* представлял собой не столько этническое или географическое обозначение, сколько религиозно-идеологическую категорию, применявшуюся в отношении немусульман («неверных»). В сочинении «Тарих-и Хамиди» муллы Мусы Сайрами, представляющем собой поздний источник, автор называет Алан-Гоа и ее народ калмаками, отмечая их поклонение солнцу и луне [Sayrami 2023: 20, 31]. В тексте также прослеживается различие между калмаками и монголами [Sayrami 2023: 20, 30, 31], однако эти термины иногда употребляются как взаимозаменяемые. Более того, территория Монголии в ряде эпизодов обозначается как страна калмаков [Sayrami 2023: 25], что, вероятно, может говорить о переносном или условно-обобщающем характере употребления этнонима *калмак* в данном источнике. Вместе с тем, учитывая, что сочинение было создано в начале XX в., содержащиеся в нем сведения, включая анахроничные утверждения, следует воспринимать скорее как отражение исторических представлений мусульманской среды Восточного Туркестана того периода, чем как достоверные данные о реалиях более раннего времени.

В «Кара Таварих» термин *калмак* используется в отношении эмира Ток-Буги и его окружения — противников Узбек-хана, узурпировавших золотоордынский трон [Утемиш-хаджи 2017: 42]. Учитывая, что Ток-Буга и его сторонники не исповедовали ислам, употребление данного термина служило для обозначения их как представителей немусульманской группы. Это позволяет предположить, что термин *калмак* первоначально носил религиозно-мировоззренческую окраску и применялся к представителям тюрко-монгольских групп, не принявших ислам. Следовательно, с определенной долей вероятности можно утверждать, что широкое употребление термина *калмак* начинается лишь после исламизации Золотой Орды, в частности, после правления Узбек-хана, при котором ислам был провозглашен государственной религией. Таким образом, возникновение и распространение

термина *калмак*, скорее всего, связано с формированием мусульманской идентичности и необходимостью выделения немусульман.

6. Термин *калмак* в «Маджму ат-таварих»

В «Маджму ат-таварих» важное место занимает племя *калмак*. Впервые они упоминаются в разделе, посвященном горцам, где калмаки представлены как потомки одного из девяносто двух человек, принявших ислам и ставших последователями Пророка Мухаммада [Акерев 2017: 26; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 30]. Согласно тексту, духовным наставником *пиром* этих людей по завещанию Пророка становится Шаймардан¹. В данном фрагменте прослеживается намерение автора подчеркнуть, что данное племя издавна находилось под духовным покровительством касанских шейхов, выступая в роли их мюридов.

Особое внимание заслуживает указание на происхождение 92 «племен илатийа» от тех самых девяноста двух горцев. Такая структура родословной представляет собой характерный прием исламизированной этногенетической традиции, направленной на легитимацию родоплеменного происхождения через связь с ранними сподвижниками ислама. Это также может быть интерпретировано как попытка обосновать духовную и политическую иерархию племен через систему мюридизма, связанного с авторитетом суфийских наставников.

Как было отмечено в ряде исследований, наиболее ранняя фиксация списка 92 племен илатийа, также известных как 92 «узбекских» племени, содержится именно в «Маджму ат-таварих» [Материалы 1973: 202; Султанов 1982: 45]. Сам автор сочинения отмечает, что данный список он заимствовал из труда «Тарихи Зубдат ал-Башар» [Акерев 2017: 26; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 30]. В «Маджму ат-таварих» нарративная структура выстроена таким образом, чтобы подчеркнуть и утвердить мусульманскую идентичность, ассоциируемую с термином *узбек* [Holzwarth 2006: 121]. Ха-

¹ Либо Шах-и Мардан, «Предводитель храбрых» одно из прозвищ четвертого праведного халифа Али, зятя Пророка Мухаммеда.

рактарно, что автор сочинения сознательно начинает изложение с перечня «узбекских» племен, в который включается и племя *калмак*. Такое включение, по-видимому, носит неслучайный характер и отражает историческую память о периоде подчинения этих племен, в том числе «калмаков», власти Узбек-хана. В данном перечне племя *калмак* указано под номером 11 [Акерев 2017: 26; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 30; Султанов 1982: 29, 40, 42–43], тогда как племя *кыргыз* — лишь под номером 13. Как уже отмечалось, порядок перечисления племен в данном списке, по-видимому, отражал их политическое значение в регионе составления [Султанов 1982: 47]. Далее в сочинении указывается, что часть этих племен переселилась в Рум, другие обосновались в Фергане и Мавераннахре, а племена *казак* и *калмак* ушли в Дашт-и Кипчак [Акерев 2017: 26; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 32; Ромодин 1963: 5]. Похожий сюжет содержится и в казахских преданиях и шежире, в которых говорится, что Казах и Калмак были родными братьями, однако между ними произошла ссора из-за того, что они не смогли поделить молоко пегой кобылы [Артыкбаев 2012: 222]. В одном из преданий, зафиксированных М. Ж. Копеевым, соседями казахов в междуречье Есиля и Нуры упоминаются ногаи, а также каракалмаки, обитавшие в горных районах Улытау и Кичитау [Бабалар 2012: 33–35]. В этом предании правителем кара калмаков назван Катсыбан-хан, в котором исследователи усматривают представителя династии Шибанидов [Кузембайулы, Абиля 2024: 811]. Представляется допустимым предположение о том, что отдельные представители шибанидской династии могли занимать правящие позиции среди групп, обозначаемых в источниках как каракалмаки.

Вышеуказанные казахские предания находят подтверждение и в письменных источниках. Так, в донесении русского посланника в Ногайской Орде Данилы Губина, датированном 1534–1535 гг., сообщается о том, что казахи совместно с покоренными ими калмаками представляли угрозу для восточных владений ногаев [Атыгаев 2023: 451]. На наш взгляд, упомянутые в источни-

ке калмаки представляют собой не отдельные «*группы ойратов, откочевавших далеко на запад*» [Атыгаев 2023: 451], а местных кочевников Восточного Дашт-и Кипчака [Дремов 2014а: 96, 99], сохранивших приверженность традиционным верованиям и не принявших ислам [Дремов 2014а: 98; Lee 2016: 164]. Примечательно, что в списках В 667 и № 963 «Маджму ат-таварих» племена *казак* и *каракалп(ф)ак* отсутствуют, они упоминаются лишь в Бишкекском (Фрунзенском) списке под номерами 90 и 92 соответственно [Акерев 2017: 26; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 32; Султанов 1982: 33]. Такая вариативность может свидетельствовать либо о более поздней редакционной вставке в Бишкекский список, либо о наличии альтернативной традиции составления перечня племен. Особенно показательно в этом контексте упоминание каракалпаков, первое достоверное фиксирование которых в письменных источниках датируется только 1598 г. [Материалы 1935: 34]. По нашему мнению, это может указывать на более позднюю датировку Бишкекского списка либо на отражение в нем этнополитических реалий, характерных для позднего исторического периода по сравнению с остальными списками. В то же время племя *калмак* упоминается во всех известных списках, что свидетельствует о его устойчивом присутствии в этнополитической картине региона, зафиксированной в «Маджму ат-таварих». Данный факт может указывать как на относительно раннее включение этнонима *калмак* в текст, так и на его более значимую политическую роль по сравнению с упомянутыми выше группами, чье появление в источнике, вероятно, связано с изменениями этнического состава и политических реалий на момент составления или переработки конкретной версии списка. Согласно тексту «Маджму ат-таварих», калмаки изначально были последователями ислама, однако с течением времени перешли к идолопоклонству [Акерев 2017: 26–27; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 33–34]. Этот сюжетный фрагмент представляет собой своего рода введение в последующую историческую судьбу калмаков, где отступление от веры подается как ключевой переломный момент

в их этноконфессиональной идентичности. Подобная интерпретация свидетельствует о попытке автора сочинения осмыслить историю калмаков в парадигме исламской историографии, где отступление от ислама рассматривается как величайший грех. Тем самым формируется основа для интерпретации особого статуса калмаков в последующем историческом контексте, включая характер их взаимодействия с мусульманскими народами, которое нередко приобретало напряженность или конфликтные черты в более поздние периоды.

Во многих эпических произведениях тюркских народов калмаки, как правило, выступают в качестве основных противников главных героев. В этих произведениях термин *калмак* употребляется в значении «враг» и зачастую применяется по отношению к противникам, которые фактически не являлись ойратами, но при этом описывались и именовались калмаками [Somfai Kara 2010: 171]. Как известно, в «Маджму ат-таварих» представлена одна из самых ранних версий эпоса «Манас» [Тагирджанов 1960: 26–27]. Калмаки в «Маджму ат-таварих» также предстают в качестве главных противников богатыря Манаса. Как и в эпосе, между образом Манаса в «Маджму ат-таварих» и сведениями из устной традиции наблюдаются определенные параллели. Образ Манаса и его сорока сподвижников в «Маджму ат-таварих» находит отражение и в казахской эпической традиции, в частности в поэме «Ер Кокше», где Манас представлен как близкий соратник и верный друг главного героя [Бабалар 2007: 87–88]. В свою очередь в кыргызском эпосе «Манас» фигурирует персонаж по имени Кокче, дядя Манаса по материнской линии [Hatto 1969: 225–226]. Наличие таких перекрестных персонажей и сюжетных мотивов свидетельствует о тесной взаимосвязи эпических традиций казахов и кыргызов, а также о взаимном культурном заимствовании и переосмыслении героических образов в рамках общего тюркского эпического пространства.

В «Маджму ат-таварих» сообщается, что Манас родился в местности Каркара, а его отцом назван Жакып-бек. При этом, если в

эпосе не указывается принадлежность Манаса к какому-либо племени, то в «Маджму ат-таварих» и он, и его отец Жакып-бек — выходцы из племени кипчаков [Абдуманов 2015: 46]. Одним из главных противников Манаса в «Маджму ат-таварих», так же как в эпосе, выступают Жолой и его сын Камар ад-дин, которые являются правителями калмаков. При этом известно, что Камар ад-дин принадлежал к племени *дуглат* [Хафиз-и Таныш 1983: 93] и в течение некоторого времени занимал положение одного из правителей Могулистана [ИКПИ 2007: 62; Хафиз-и Таныш 1983: 94]. Как известно из сочинения «Тарих-и Рашиди», в период обращения хана Тоглук-Тимура в ислам, мусульманство приняли около 160 тысяч человек из числа его подданных [Дулати 1999: 42]. Представляется вероятным, что среди них находились и представители дуглатской аристократии, игравшие важную роль в политической жизни Могулистана. Не исключено, что имя Жолой представляет собой «языческое» имя Камар ад-дина [Сабитов, Камбарбекова 2018: 73], зафиксированное в источнике до его обращения в ислам. Подобная двойственность имен и статусов характерна для повествований, находящихся на стыке исторической хроники и эпической поэтики, где религиозная трансформация персонажа может служить важным идеологическим маркером.

В рассматриваемом тексте в отношении Камар ад-дина первоначально употребляется термин *калмак*, что, вероятно, отражает его религиозную принадлежность на раннем этапе — до принятия ислама. Позднее в повествовании он уже предстает мусульманином [Акерев 2017: 65; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 81], что подчеркивает переходный характер его статуса в рамках нарратива. Употребление этнонима *калмак* в данном контексте, таким образом, не столько указывает на конкретную этническую принадлежность, сколько выполняет функцию религиозно-идеологической маркировки, противопоставляющей героя и его противников. Этот же подход прослеживается и в одном из вариантов эпоса «Едиге», где Камар ад-дин также упоминается с эпитетом «*калму*к» [Эдиге 2016: 118–120], что подтверждает устойчи-

вость традиции использования термина в значении «враг» или «неверный» по отношению к противной стороне.

Следует отметить, что практически у каждого тюркского племени существовала своя эпическая традиция, выраженная в форме героических песен, передававшихся устно из поколения в поколение. Например, «Шора-батыр» у таминцев, «Ер Кокше» и «Ер Косай» у уаков, «Алпамыс» у коньратов, «Кобланды-батыр» у кипчаков. В этом контексте представляется допустимым предположение, что первоначальная версия эпоса о Манасе могла возникнуть в среде кыргызских кипчаков и отражать память об их борьбе с представителями племени *дуглат* в политическом пространстве Могулистана.

Другой эпический противник Манаса — китайский хан Алооке — в «Маджму ат-таварих» упоминается под именем Халаку-хан (Алооке), у которого, согласно тексту, рождается сын по имени Абкахан [Акерев 2017: 44; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 54]. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что за этими именами скрываются фигуры Хулагу-хана и его сына Абага-хана, представителей ильханидской династии.

Примечательно, что в «Маджму ат-таварих» противники и враги Тохтамыш-хана, союзника Манаса, такие как Пулат-хан, мангыты Жамгырчи и Кийикбат, не обозначаются термином *калмак*. Это позволяет предположить, что использование данного термина в источнике носит избирательный характер: автор рукописи называет «*калмаками*» преимущественно тех, которые выступают противниками Манаса и его союзников в Могулистане. Таким образом, термин приобретает не столько этническую, сколько идеологическую или политико-религиозную нагрузку, отражая позицию автора в оценке событий и действующих лиц.

Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в сочинении «Тарих-и Рашиди», где прослеживается четкое религиозное разграничение между различными этнополитическими группами. В частности Мухаммад Хайдар подчеркивает контраст между могилами и кыргызами, отмечая, что «*моголы приняли ислам и слились с мусульманами, а кыргызы так и остались в неверии и по этой*

причине отмежевались от моголов» [Дулати 1999: 178]. Это противопоставление, как нам представляется, отражает идеологическую установку автора и служит средством маркировки религиозной границы между исламизированными и сохраняющими языческие (или иные немусульманские) верования сообществами.

Другим объяснением неупотребления термина *калмак* относительно Пулата и его соратников может выступать объяснение согласно которому разные части «Маджму ат-таварих» были заимствованы из разных сочинений. Одно из них, послуживших источником для «Маджму ат-таварих» (в частности «Тарихи Зубдат ал-Башар» или «Тарихи Могулия»), содержало широкое употребление термина *калмак*, тогда как повествование о походе хана Пулата было заимствовано из иного источника или основано на устном рассказе очевидца событий вероятно, того же информатора, который сообщил сведения о биографии Манаса, Кара-Ходжи, Коку-мурзы и других персонажей. Интересно, что в «Маджму ат-таварих» отец Чингис-хана, Есугей-бахадур (по прозвищу Тугдар-хан), представлен как мюрид суфийского тариката [Акерев 2017: 35; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 43], который, по словам автора, даже выдал свою дочь замуж за имама Али Зарбагыша [Акерев 2017: 22; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 25]. Очевидно, что представленная в «Маджму ат-таварих» мусульманская биография Есугей-бахадра является результатом сознательной идеологической конструкции, направленной на исламизацию родословной Чингисидов и придание их власти религиозной легитимации. Включив Есугея в контекст суфийской традиции, автор стремится показать, что династическая власть потомков Чингис-хана основывалась не только на праве завоевания, но и обладала духовной санкцией, исходящей от признанных мусульманских авторитетов. Тем самым создается образ правящей династии, органично вписанной в исламскую культурно-религиозную систему.

Такие произведения, как «Маджму ат-таварих», имели выраженную политическую направленность и были ориентированы на

прославление суфийских шейхов Ферганы, что в свою очередь способствовало укреплению их авторитета и влияния среди кочевых племен [Hatto 1997: 99]. Можно предположить, что в рассматриваемом случае речь идёт прежде всего о стремлении утвердить свое влияние среди кыргызских племен. Отражением этой идеологической установки может служить и образ врага, противопоставленного мусульманскому герою Манасу. В эпической традиции кыргызов калмаки представлены как собирательный образ внешнего врага, при этом их идентичность на протяжении столетий неоднократно менялась — от захватчиков, вторгавшихся из Улусов Джучи и Чагатай, до ойратских племен и маньчжуров [Somfai Kara 2025: 121].

Анализ содержания «Маджму ат-таварих» позволяет выдвинуть возможное объяснение относительно использования термина *калмак* в данном источнике. Вполне вероятно, что группы, обозначенные как «калмаки» и представленные противниками Манаса, на самом деле идентифицировали себя как мусульмане, однако автор рукописи, руководствуясь собственными религиозно-идеологическими установками, не признавал их таковыми [Сабитов, Камбарбекова 2018: 75]. Такое употребление термина могло отражать не столько фактическую религиозную принадлежность, сколько восприятие и интерпретацию автора, основанную на критериях «свой» – «чужой». Подобная практика была характерна для исламских государств, где обвинения в неверии (куфре) в отношении мусульман или людей, считающих себя мусульманами, часто использовались как идеологическое оружие различными группами во всей истории ислама. То, что Мухаммед Шейбани пытался представить казахов немусульманами и объявить против них священную войну [Рузбихан 1976: 103], абсолютно не отражает степень распространённости ислама среди казахов. Подобные действия свидетельствуют, прежде всего, о стремлении Мухаммеда Шейбани получить идеологическое обоснование для войн с противниками. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении моголов. Согласно дуглатской точке зрения, отраженной в «Тарих-и Рашиди», дуглаты представлены «хо-

рошими мусульманами», а кыргызы (одно из могульских племен) описываются «плохими мусульманами». В «Маджму ат-таварих» мы видим противоположную картину. Кыргызы и их родоначальники изображаются мусульманами и мюридами суфийского тариката «Ишкийа», в то время как один из лидеров дуглатов с мусульманским именем Камар ад-дин назван калмаком, т. е. немусульманином. Термин *калмак*, по всей видимости, сформировался в пределах Золотой Орды при Узбек-хане и первоначально применялся для обозначения кочевых групп, сохранивших приверженность традиционным верованиям и отказавшихся от принятия ислама. На раннем этапе его употребления это обозначение носило скорее религиозно-мировоззренческий, а не географический и этнический характер и служило маркером идеологического разграничения между мусульманским и немусульманским кочевым населением. В этом контексте представляется важным разграничивать понятие *калмак* в его идеологически-религиозной функции и наименование ойратов, к которым данный термин был отнесен значительно позже. Уже к концу XIV в. термин *калмак* получил широкое распространение и начал использоваться за пределами Золотой Орды, что, в частности, подтверждается его упоминанием в историческом сочинении Шараф ад-Дина Али Йазди «Зафар-наме».

7. Заключение

Анализ содержания «Маджму ат-таварих» позволяет предположить, что употребление в тексте термина *калмак* имело, прежде всего, идеологическую нагрузку. Он применялся для обозначения образа «неверного» и «врага» по отношению к герою или его племени, что соответствует распространённой в мусульманской историографической традиции бинарной оппозиции между «правоверными» и «неверными». Следует отметить, что значительная часть лиц, обозначенных в «Маджму ат-таварих» термином *калмак*, вполне возможно, воспринимала себя как мусульмане или, по крайней мере, не отождествляла себя с «неверными». Однако в силу идейной и религиозной направленности автора сочинения они были

представлены в источнике как противники ислама и охарактеризованы термином, маркирующим их как «неверных».

Таким образом, материалы «Маджму ат-таварих» отражают сложную картину восприятия и репрезентации калмаков как символа религиозного и культурного иного. Употребление этого термина автором сочинения соотносится с широкой средневековой традицией разграничения «своих» и «чужих» по религиозному признаку, что в дальнейшем трансформировалось в этническую классификацию.

При этом «Маджму ат-таварих» представляет собой ценный источник не только по истории Улуса Чагатай, но и по истории

Улуса Джучи. Особый интерес вызывает альтернативный взгляд, представленный в сочинении, на процессы формирования и трансформации государственных образований: разделение проводится не столько по династическим линиям (чагатайдов и джучидов), сколько по религиозному признаку — между мусульманами и немусульманами. Таким образом, источник отражает специфическую историческую картину мира, характерную для интеллектуальной и духовной среды региона, и раскрывает восприятие истории улусов сквозь призму религиозной идентичности и идеологических предпочтений автора.

Литература

- Абдуманапов 2015 — *Абдуманапов Р. А.* Кипчаки в этногенезе кыргызов. Бишкек: Из-Басма, 2015. 200 с.
- Акеров 2017 — *Акеров Т. А.* Маджму ат-Таварих как исторический источник. Перевод, анализ и коммент. Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2017. 348 с.
- Алексеев 2006 — *Алексеев А. К.* Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2006. 229 с.
- Артыкбаев 2012 — *Артыкбаев Ж. О.* Казахское шежире: источник и концепция истории Великой степи. Астана: Алтын Кітап, 2012. 495 с.
- Бабалар 2007 — *Бабалар сөзі: Жүзтомдық (= Слова предков).* Т. 44: Батырлар жыры. Астана: Фолиант, 2007. 496 б.
- Бабалар 2012 — *Бабалар сөзі: Жүзтомдық (= Слова предков).* Т. 83: Шежірелік аңыздар. Астана: Фолиант, 2012. 448 б.
- Бартольд 1963 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1963. 1020 с.
- Бартольд 1968 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. 757 с.
- Дулати 1999 — *Дулати Мухаммед Хайдар.* Тарих-и Рашиди (= Рашидова история) / пер. с перс. яз. 2-е изд. доп. Алматы: Санат, 1999. 656 с.

References

- Abdumanapov R. A. Kipchaks in Kyrgyz Ethnogenesis. Bishkek: Iz-Basma, 2015. 200 p. (In Russ.)
- Akerov T. A. Majmu al-Tawarikh as a Historical Source: A Complete Translation, Analysis, and Comments. Bishkek: Balasagyn Kyrgyz National University, 2017. 348 p. (In Russ.)
- Alekseev A. K. Political History of the Tuqa-Timurids: Evidence from The Sea of Secrets (Bahr al-Asrar). St. Petersburg: St. Petersburg University, 2006. 229 p. (In Russ.)
- Artykbayev Zh. O. Kazakh Shezhire: A Source and Historical Concept of the Great Steppe. Astana: Altyn Kitap, 2012. 495 p. (In Russ.)
- The Words of Ancestors. In 100 vols. Vol. 44: Heroic Poems. Astana: Foliant, 2007. 496 p. (In Kaz.)
- The Words of Ancestors. In 100 vols. Vol. 83: Genealogical Legends. Astana: Foliant, 2012. 448 p. (In Kaz.)
- Bartold V. V. Writings. Vol. 2. Pt. 1: General Studies in Central Asian History. Moscow: Nauka – GRVL, 1963. 1020 p. (In Russ.)
- Bartold V. V. Writings. Vol. 5: Studies in the History and Philology of Turks and Mongols. Moscow: Nauka – GRVL, 1968. 757 p. (In Russ.)
- Mirza Muhammad Haidar Dughlat. Tarikh-i Rashidi (The History of Rashid). Second edition, suppl. Almaty: Sanat. 1999. 656 p. (In Russ.)

- Дремов 2012 — Дремов И. И. Калмаки Средней Азии XIV–XVI веков // Вестник Прикаспия. Археология. История. Этнология. Вып. 3. Элиста: КалмГУ, 2012. С. 104–117.
- Дремов 2013а — Дремов И. И. Золотая Орда и возникновение этнонима «Калмак» // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 119–129.
- Дремов 2013б — Дремов И. И. Калмаки XIV–XVI веков между Волгой и Иртышом и калмыцкий эпос «Джангар» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 1(39). С. 317–329.
- Дремов 2014а — Дремов И. И. Калмаки Дешт-и-Кыпчака (к проблеме тюркизации и исламизации монголов в Золотой Орде) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 96–101.
- Дремов 2014б — Дремов И. И. Калмаки Дешт-и-Кыпчака XV–XVI вв. и средневековая Русь // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3(57). С. 129–137.
- Дремов 2015 — Дремов И. И. Происхождение и распространение этнонима «калмак» // Primus inter pares (к 175-летию со дня рождения В. В. Радлова). СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 62–81.
- Жирмунский 1974 — Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.
- ИКПИ 2007 — История Казахстана в персидских источниках. Т. 5 / сост. М. Х. Абусеитова. Извлечения из сочинений XIII–XIX веков. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 476 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Йазди 2008 — Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме (Книга побед амира Тимура) / предисл., пер. со староузб., коммент., указатели и карта А. Ахмедова; ред. Б. И. Кнопов. Ташкент: San'at, 2008. 486 с.
- Караев 1995 — Караев О. К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 160 с.
- Dryomov I. I. Qalmaq of Central Asia in the fourteenth to sixteenth centuries. *Vestnik Prikaspiya. Arkheologiya. Istoriya. Etnologiya*. 2012. No. 3. Pp. 104–117. (In Russ.)
- Dryomov I. I. Qalmaq: Golden Horde and emergence of the ethnonym. *Voprosy Istorii (Questions of History)*. 2013. No. 3. Pp. 119–129. (In Russ.)
- Dryomov I. I. Kalmaks of 14th–16th centuries of the Volga-Irtysh area and Kalmyk Epic of Jangar. *Problems of History, Philology, and Culture*. 2013. No. 1(39). Pp. 317–329. (In Russ.)
- Dryomov I. I. Kalmaks of Desht-i-Kipchak (To the problem of Turkization and the Islamization of Mongolians in the Gold Horde). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2014. Vol. 14. No. 4. Pp. 96–101. (In Russ.)
- Dryomov I. I. Kalmaks of East Desht-i-Kipchak of the 15th–16th centuries and medieval Russia. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2014. No. 3(57). Pp. 129–137. (In Russ.)
- Dryomov I. I. Qalmaq: Origin and dissemination of the ethnonym. In: Matveeva P. A., Rezvan E. A. (comps.) *Primus inter pares: Celebrating the 175th Birth Anniversary of Vasily V. Radlov*. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, 2015. Pp. 62–81. (In Russ.)
- Zhirimunsky V. M. *Turkic Heroic Epic*. Leningrad: Nauka, 1974. 726 p. (In Russ.)
- Abuseitova M. Kh. (comp.) *History of Kazakhstan from Persian Sources. Vol. 5: Collections from Thirteenth-Nineteenth Century Writings*. Almaty: Daik-Press, 2007. 476 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)
- Sharaf al-Din Ali Yazdi. *Zafarnama (Book of Victories [of Amir Timur])*. A. Akhmedov (foreword, transl., etc.), B. Knopov (ed.). Tashkent: San'at, 2008. 486 p. (In Russ.)
- Karaev O. K. *Chagatai Ulus. State of Qaidu. Moghulistan. The Shaping of the Kyrgyz*. Bishkek: Kyrgyzstan. 1995. 160 p. (In Russ.)

- Китинов 2018 — Китинов Б. У. Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 270–281.
- Кузембайулы, Абиль 2024 — Кузембайулы А., Абиль Е. Шибан в исторических преданиях казахов // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2024. Т. 11. № 4. С. 796–813.
- Материалы 1935 — Материалы по истории каракалпаков. Сборник. Труды института востоковедения / ред. изд. А. Н. Самойлович. Т. VII. М.; Л.: АН СССР, 1935. 299 с.
- Материалы 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии / отв. ред. В. А. Ромодин. Вып. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 280 с.
- Очерки 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Петров 1961 — Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII–XV вв. / отв. ред. Б. К. Пашков. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1961. 212 с.
- Ромодин 1963 — Извлечения из «Маджму ат-Таварих» / пер. с перс., введ. и коммент. В. А. Ромодина. Л., Июль–ноябрь, 1963. 110 с.
- Рузбихан 1976 — Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / пер., предисл. и прим. Р. П. Джалиловой; под ред. А. К. Арендса. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. 197 с.
- Сабитов 2014 — Сабитов Ж. М. Калмаки Восточного Дашт-и Кыпчака в XIV–XVI веках // Global Turk. № 3/4. 2014. С. 134–143.
- Сабитов 2016 — Сабитов Ж. М. «Шаджарат ал-Атрак» (Родословие тюрок) и «Улус-и арба-йи Чингизи» как источники по истории государства Толуя (1300–1430-е годы) // Мемлекет тарихы. 2016. № 4. С. 109–117.
- Сабитов, Камбарбекова 2018 — Сабитов Ж. М., Камбарбекова Г. А. Сведения о Токтамыш-хане из «Маджму ат-таварих» // Тюркологические исследования. Серия: История и археология. 2018. Т. 1. № 4. С. 67–82.
- Kitinov B. U. Kalmak and Oirats: Toponym in the religious history of the peoples of Central Asia. *RUDN Journal of World History*. 2018. Vol. 10. No. 3. Pp. 270–281. (In Russ.). DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-270-281
- Kuzembaiuly A., Abil Ye. Shibani in the historical legends of the Kazakhs. *Asian Journal «Steppe Panorama»*. 2024. Vol. 11. No. 4. Pp. 796–813. (In Russ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2024_11_4_796-813
- Samoylovich A. N. (ed.) Materials on Karakalpak History. Collected papers (Proceedings of the Institute of Oriental Studies 7). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 299 p. (In Russ.)
- Romodina V. A. (ed.) The Kirghiz and Kirghizia: Historical Materials. Vol. 1. Moscow: Nauka – GRVL, 1973. 280 p. (In Russ.)
- Ustyugov N. V. et al. (eds.) Essays in the History of the Kalmyk ASSR: The Pre-October Period. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)
- Petrov K. I. Kirghizes on the Way to the Tian Shan, and Their Relations with Oirats: Thirteenth to Fifteenth Centuries. B. Pashkov (ed.). Frunze: Kirghiz SSR Academy of Sciences, 1961. 212 p. (In Russ.)
- Majmu al-Tawarikh: Collections. V. Romodina (transl., foreword, etc.). Leningrad, 1963. 110 p. (In Russ.)
- Fazlallah b. Ruzbihan Isfahani. Mihman-Nama-i Bukhara (Notes of a Guest from Bukhara). R. Dzhalilova (transl., foreword, etc.), A. Arends (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1976. 197 p. (In Russ.)
- Sabitov Zh. M. The Kalmaks of Eastern Dasht-i Qipchaq in the 14th–16th centuries. *Global Turk*. 2014. No. 3/4. Pp. 134–143. (In Russ.)
- Sabitov Zh. M. Shajarat al-Atrak (Genealogy of the Turks) and Ulus-i arba-yi Chingizi as sources on the history of the state of Tolui (1300–1430s). *Memleket tarihi*. 2016. No. 4. Pp. 109–117. (In Russ.)
- Sabitov Zh. M., Kambarbekova G. A. Information about Toktamyskh Khan from Majmu al-Tavarih. *Turkological Studies. Series: History and Archaeology*. 2018. Vol. 1. No. 4. Pp. 67–82. (In Russ.)

- СМИЗО 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. Т. 2. М., Л.: АН СССР, 1941. 307 с.
- Султанов 1982 — Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, ГРВЛ, 1982. 134 с.
- Тагирджанов 1960 — «Собрание истории» Маджму Ат-Таварих. Фотографическая репродукция, отрывок текста, введение, указатели / подгот. А. Т. Тагирджанов. Л.: Ленингр. ун-т, 1960. 200 с.
- Тарыхтардын жыйнагы 2016 — Тарыхтардын жыйнагы («Мажму ат-таварих») / котор. М. Досболов, О. Сооронов. Бишкек: Салам, 2016. 160 б.
- Утемиш-хаджи 2017 — Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой, З. Т. Хафизова; пер. на русс. яз. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой; общ. и науч. ред. И. М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
- Хафиз-и Таныш 1983 — Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-нама-йи-шахи (Книга шахской славы). Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 536 с.
- Эдиге 2016 — Эдиге: ногайская эпическая поэма / под. ред. Н. Х. Суюновой. М.: Наука, 2016. 512 с.
- Atygayev 2023 — Atygayev N. A. Qazaq-Qalmaq Relations in the 16th Century // Qazaq Historical Review. 2023. Т. 1. № 4. Pp. 446–457.
- Hatto 1969 — Hatto A. T. The birth of Manas // Asia Major: A British Journal of Far Eastern Studies. 1969. Vol. XIV. Part 2. Pp. 217–241.
- Hatto 1997 — Hatto A. T. Tradition and Change in the Kirghiz Manas. In: S. Akiner & N. Sims-Williams (eds.), Languages and Scripts of Central Asia. London: School of Oriental and African Studies. 1997. Pp. 99–105.
- Holzwarth 2006 — Holzwarth W. The Uzbek State as Reflected in Eighteenth Century Bukharan Sources // Asiatische Studien / Études asiatiques. 2006. LX. 2. Pp. 93–129.
- Tiesenhausen V. G. (comp.) Materials in the History of the Golden Horde: Collections from Persian Writings. A. Romaskevich, S. Volin (eds.). Vol. 2. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 307 p. (In Russ.)
- Sultanov T. I. Nomadic tribes of the Aral Sea Region, Fifteenth to Seventeenth Centuries: Issues of Ethnic and Social History. Moscow: Nauka – GRVL, 1982. 134 p. (In Russ.)
- Tagirdzhanov A. T. (comp.) Majmu al-Tawarikh (Collected Histories): Photographic Reproductions of Manuscript Excerpts, Introduction, Indices. Leningrad: Leningrad University, 1960. 200 p. (In Russ.)
- Collected Histories (Majmu al-Tawarikh). M. Dosbolov, O. Sooronov (transl.). Bishkek: Salam, 2016. 160 p. (In Kyrg.)
- Utemish Hajji. Qara Tawarikh. I. Mirgaleev, E. Saifetdinova, Z. Khafizova (transcr.), etc. Kazan: Märçani Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2017. 312 p. (In Russ.)
- Hafiz-i Tanish Bukhari. Sharaf-nama-yi Shahi (The Book of Shah's Glory). Pt. 1. Moscow: Nauka, GRVL, 1983. 536 p. (In Russ.)
- Edige: A Nogai Epic Poem. N. Suyunova (ed.). Moscow: Nauka, 2016. 512 p. (In Russ.)
- Atygayev N. A. Qazaq-Qalmaq relations in the 16th century. *Qazaq Historical Review*. 2023. Vol. 1. No. 4. Pp. 446–457. (In Eng.)
- Hatto A. T. The birth of Manas: A confrontation of two branches of heroic epic poetry in Kirgiz. *Asia Major*. 1969. Vol. XIV. Pt. 2. Pp. 217–241. (In Eng.)
- Hatto A. T. Tradition and change in the Kirghiz Manas. In: Akiner S., Sims-Williams N. (eds.) Languages and Scripts of Central Asia. London: School of Oriental and African Studies, 1997. Pp. 99–105. (In Eng.)
- Holzwarth W. The Uzbek state as reflected in eighteenth century Bukharan sources. *Asiatische Studien / Études asiatiques*. 2006. Vol. 60. No. 2. Pp. 93–129. (In Eng.)

- Lee 2016 — Lee J. Y. Were the historical Oirats “Western Mongols”? An examination of their uniqueness in relation to the Mongols. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 2016. 47. Pp. 157–181.
- Reichl 2020 — Reichl K. “The true nature of the aoidos”: the kirghiz singer of tales and the epic of Manas // Amodio Mark C., ed. John Miles Foley’s World of Oralities: Text, Tradition, and Contemporary Oral Theory. Leeds: Arc Humanities Press, 2020. Pp. 185–206.
- Sayrami 2023 — Sayrami Musa. The Tarikh-i Hamidi: A Late-Qing Uyghur History. Translated by Eric Schluessel. New York: Columbia University Press, 2023. 520 p.
- Somfai Kara 2010 — Somfai Kara David. Kalmak: the enemy in the kazak and kirghiz epic songs // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2010. Vol. 63 (2). Pp. 167–178.
- Somfai Kara 2025 — Somfai Kara David. The Majmū at al-tavārīkh and the Kyrgyz Epic Tradition. Chapter 6 // Csirkes F., Péri B. (eds.) *Mongols, Tatars, and Turks in the Persianate World: Essays in Honor of István Vásáry* (Studies in Persian Cultural History 21). Leiden, Boston: Brill, 2025. Pp. 112–123.
- Lee J. Y. Were the historical Oirats “Western Mongols”? An examination of their uniqueness in relation to the Mongols. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 2016. Vol. 47. Pp. 157–181. (In Eng.)
- Reichl K. “The true nature of the aoidos”: The Kirghiz singer of tales and the epic of Manas. In: Amodio M. C. (ed.) *John Miles Foley’s World of Oralities: Text, Tradition, and Contemporary Oral Theory*. Leeds: Arc Humanities Press, 2020. Pp. 185–206. (In Eng.)
- Sayrami M. The Tarikh-i Hamidi: A Late-Qing Uyghur History. E. Schluessel (transl.). New York: Columbia University Press, 2023. 520 p. (In Eng.)
- Kara D. S. Kalmak: The enemy in the Kazak and Kirghiz epic songs. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2010. Vol. 63. No. 2. Pp. 167–178. (In Eng.)
- Kara D. S. The Majmū at al-tavārīkh and the Kyrgyz epic tradition (Chapter 6). In: Csirkes F., Péri B. (eds.) *Mongols, Tatars, and Turks in the Persianate World: Essays in Honor of István Vásáry* (Studies in Persian Cultural History 21). Leiden, Boston: Brill, 2025. Pp. 112–123. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 913–926, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC / УДК 94

The Significance of Mark H. Ward's Diary in the Context of Christian Deportations across the Ottoman Empire

*Seda K. Gasparyan¹,
 Ashot A. Melkonyan^{2,3},
 Lusine S. Sahakyan⁴*

Ценность дневника Марка Уорда в контексте депортаций христиан в Османской империи

*Седя Керобовна Гаспарян¹,
 Ашот Агасиевич Мелконян^{2,3},
 Лусине Суреновна Саакян⁴*

¹ Yerevan State University (1, Alex Manoogian St.,
 0025 Yerevan, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Corresponding Mem-
 ber of the NAS RA, Head of Department

0000-0003-1170-4989. E-mail: sedagasparyan@ysu.am

² Institute of History, National Academy of Sciences
 of Armenia (24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0019
 Yerevan, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (History), Professor, Academician, Director

³ Yerevan State University (1, Alex Manoogian St.,
 0025 Yerevan, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (History), Professor

0000-0002-2579-0286. E-mail: asamelik@yahoo.com

⁴ Yerevan State University (1, Alex Manoogian St.,
 0025 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of
 Department

0009-0001-2057-1324. E-mail: lsahakyan@ysu.am

Ереванский государственный университет (д. 1,
 ул. Алека Манукяна, 0025 Ереван, Республика
 Армения)

доктор филологических наук, профессор, член
 корреспондент НАН РА, заведующий кафедрой

Институт истории Национальной академии наук
 (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван,
 Республика Армения)

доктор исторических наук, профессор, академик,
 директор

Ереванский государственный университет (д. 1,
 ул. Алека Манукяна, 0025 Ереван, Республика
 Армения)

доктор исторических наук, профессор

Ереванский государственный университет (д. 1,
 ул. Алека Манукяна, 0025 Ереван, Республика
 Армения)

кандидат филологических наук, доцент,
 заведующий кафедрой

© Gasparyan S. K., Melkonyan A. A., Sahakyan L. S., 2025 © Гаспарян С. К., Мелконян А. А., Саакян Л. С., 2025

Abstract. Goals. This article aims to comprehensively analyze the diary-memoir of Mark Ward, a member of the American Committee for Near East Relief, which carried out inestimable humanitarian activities in Asia Minor under the cruel conditions of the first decades of the twentieth century, when the Ottoman Empire's genocidal policy was at its peak. **Materials.** The diary contains day-by-day accounts of the events that shed light on the process of the forced deportations of Christians in Asia Minor. **Results.** This topic remains highly relevant in today's dramatically changing and sensitive world, particularly considering the desire for a more balanced life and increased mutual understanding. Moreover, the tendencies and actual actions of genocide are a primary concern for all humanity, and scientific research cannot avoid discussing the issue. Reevaluating Mark Ward's activity and the information contained in his diary is crucial for the reconstruction of past events and achieving historical justice. A thorough study of the diary and a series of significant archival documents put into scientific circulation for the first time, will help clarify the deportations that were occurring in several regions of the Ottoman Empire and identify numerous atrocities committed by the state-adopted genocidal policy.

Keywords: Mark Ward, Ottoman Empire, Asia Minor, genocide, diary, eyewitness accounts, forced relocation

For citation: Gasparyan S. K., Melkonyan A. A., Sahakyan L. S. The Significance of Mark H. Ward's Diary in the Context of Christian Deportations across the Ottoman Empire. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 913–926. (In Eng.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-913-926

Аннотация. Целью данной статьи является комплексный анализ дневника-мемуара Марка Уорда, члена «Американского комитета помощи Ближнему Востоку», который осуществлял неоценимую гуманитарную деятельность в Малой Азии в жестоких условиях первых десятилетий XX в., когда геноцидная политика Османской империи достигла своего пика. **Материалы.** Дневник содержит повседневные отчеты о событиях, проливающих свет на процесс насильственных депортаций христиан в Малой Азии. **Результаты.** Эта тема остается весьма актуальной в современном резко меняющемся и чувствительном мире, особенно учитывая стремление к более сбалансированной жизни и большему взаимопониманию. Более того, тенденции и реальные действия геноцида являются первостепенной заботой всего человечества, и научные исследования не могут обойти стороной этот вопрос. Переоценка деятельности Марка Уорда и информации, содержащейся в его дневнике, важна для всестороннего понимания событий прошлого и достижения исторической справедливости. Тщательное исследование дневника, а также ряда важных архивных документов, которые впервые вводятся в научный оборот, поможет прояснить депортации, происходившие в ряде регионов Османской империи, и выявить многочисленные зверства, имевшие место в ходе проведения государственной политики геноцида. **Ключевые слова:** Марк Уорд, Османская империя, Малая Азия, геноцид, дневник, показания очевидцев, насильственное перемещение

Для цитирования: Гаспарян С. К., Мелконян А. А., Саакян Л. С. Ценность дневника Марка Уорда в контексте депортаций христиан в Османской империи // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 4. С. 913–926. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-913-926

1. Introduction

The problem of genocides and the question of forced deportations within the frame of genocidal policies practiced by various rulers have been discussed in many books and scholarly articles. However, the investigation of documented atrocities conveyed through first-hand accounts has not lost its relevance. Although

Mark H. Ward's diary has only been referred to in some works, it introduces details about the historical picture of the time, the humiliation and suffering that prominent Christian intellectuals underwent during the 1921–1922 deportations in Asia Minor.

It is well known that after the Armistice of Mudros, under the pressure of the Allied po-

wers, particularly Great Britain, the defeated Ottoman Empire was compelled to take some legal actions to prosecute the organizers and perpetrators of the Armenian Genocide, Young Turk criminals, former Ottoman authorities, and those responsible for the involvement of the Ottoman Empire in World War I.

Court hearings began [Dadrian 1995b: 5–6; Dadrian, Akçam 2011: 222; Dadrian 1995a: 321–343], and on 13 July 1919, with Sultan Mehmed VI Vahideddin's ratification, the sentences of the Ottoman Court-Martial became effective: the Young Turk criminal ringleaders were sentenced to death in absentia, and several criminals were imprisoned [The Genocide 1988: 13–19; Anumyan 2011: 13, 24–15; Dadrian, Akçam 2008: 44–45]. In this sentence, the Ottoman Extraordinary Court-Martial de facto recognized the Armenian Genocide. Yet, even that circumstance did not prevent the Kemalists from carrying on and completing the Genocide of Armenians and other Christians [Dadrian 1991: 89–90].

2. Materials and methods

Mark H. Ward's diary, is the main target of our research as it provides valuable information and data regarding the 1921–1922 deportation of Christians in Asia Minor. We have also studied papers written by other missionaries and many documents stored in the Armenian Question and Armenian Genocide Archive in Jerusalem. This sheds additional light on the empirical data presented in Mark H. Ward's diary and helps shape the readers' understanding of the ideological, political, and social intentions behind the genocidal project of the Ottoman authorities and the Kemalists. This research employs a new methodological approach to studying humanitarian testimonies by applying historical-philological, comparative, and deductive methods, which reveal multiple facts related to the matter under consideration. This has provided an opportunity to restore an accurate picture of the reality of the time, thus adding to the accuracy of historiographic knowledge. The implementation of the comparative method has also been useful in the study of the original English text and its French and Armenian translations that highlight inconsistencies in the numerical data and toponyms

in the translated versions, which are critical for the adequate understanding and interpretation of the Ottoman rulers' genocidal policy.

3. Actions of the Kemalists after the Armistice of Mudros

Soon after regaining their lost territories from the Allied powers, the Kemalists not only acquitted Young Turk criminals but also admitted quite a few of them to their ranks. The Kemalists continued to commit mass murders and deport Greeks, Armenians, and other non-Turks, expelling them to various destinations, thereby emptying Asia Minor and Western Armenia of their native inhabitants for good.

Taking advantage of the opportunity provided by the Armistice of Mudros, a small number of Armenian and Greek deportees could return to their homes. However, they found their houses ruined and their property confiscated. Moreover, the settlements were inhabited by *muhajirs* (Muslim exiles who penetrated the Ottoman Empire from the Balkans and Russia) [Turkish-Russian Dictionary 1977: 636; Information Register 2024: 988], who, along with local Turkish authorities, showed an apparently hostile attitude toward the returnees. Yet, to the amazement of those around them, it did not take the homecomers a long time to arrange their household and everyday life [AQA-GA. Box 1. Folder M201. Doc. no. dz 273–dz 288, k 705–k 710, k 714; Information Register 2024: 850–850, 914–916]. Many Armenian and Greek deportees settled in Cilicia.

However, despite having suffered defeat in World War I, as a result of the triumphal march of the Kemalists' "Milli" movement in Cilicia and nearly all across the empire from 1919 through 1922, the Ottoman Empire brought the total extermination of the Christians to an end. The Kemalists, whose ranks were replenished by numerous former Young Turk criminal officials and ordinaries [Melkonyan 2018: 152–165], formed groups of *chetes* (irregular armed groups) [Khasapetian 2015: 41] and accomplished their nationalistic plan of Turkification. Ruben Melkonyan notes that "in 1923, the majority of the founders, leading staff, and the state bureaucracy of the Republic of Turkey were Young Turks, who continued the traditional genocidal xenophobic

policy” [Melkonyan 2018: 152]. The Kemalist movement was facilitated by the uninvolved attitudes of the Allied powers and the retreat of their armed forces. After the declaration of the Republic of Turkey, the activity of courts-martial was suspended, the sentences of the Extraordinary Courts-Martial were abolished, and the criminals were acquitted.

It should be noted that during World War I, the Ottoman authorities exterminated hundreds of thousands of Greeks, along with Armenians through either forced displacement or slaughter [Vardanyan 2012: 68–87]. Some hold the opinion that the deportations of Greeks served as a precedent for the Genocide of Armenians, because after the deportations of Greeks, which took place before the very eyes of the Greek government, the Ottoman authorities remained unpunished, and this fact untied them in perpetrating the Genocide of Armenians [Vardanyan 2012: 42; Vardanyan 2014: 39–47]. This is how the American Ambassador to the Ottoman Empire at that time, Henry Morgenthau, commented on the detached stance of the global community toward the deportation of Greeks during some three–four months before and after the onset of World War I: “*That was the reason why Turks decided to apply the same method to a larger scale to not only Greeks but also Armenians, Syrians, Nestorians, and other subject peoples*” [Morgenthau 1918: 323–324].

4. Archival evidence

Numerous official documents from the archive of the “Information Bureau” (in particular, letters, reports and notifications, Patriarch’s personal *taqrirs* [statements] to grand vizier Mahmud Shevket pasha, sent from Armenian primacies in reply to Patriarch Hovhannes Arsharuni’s circulars), certify that, concurrent with deportations of Greeks, in 1911–1913, as an aftermath of the 1909 massacre in Adana, killings, kidnappings, confiscation of land and property, forced Islamization, and unlawful detention of Christians were mass phenomena, culminating in the Armenian Genocide of 1915.

It is worthwhile mentioning that the activities aimed at creating the “Information Bureau” were initiated by Archbishop Zaven Der Yeghiayan — the Armenian Patriarch of Con-

stantinople, who, back in 1916, had been exiled to Mosul by the Young Turks [Der Yeghiayan 1947: 185]. In parallel with the mass extermination of most Armenians in the Armenian provinces and Armenian-inhabited areas of the Ottoman Empire, the Young Turkish government strived to destroy the Armenian structures and erase their every possible trace. In August 1916, Talaat’s decision cancelled the Armenian National Constitution of 1863 and closed the Armenian Patriarchate in Constantinople. Soon after, state bodies accused the patriarchate of being under the influence of Armenian revolutionaries [Griker 1980: 69–70; Yeghiayan 1975: 57–66].

However, in 1918, after the Armistice of Mudros, the deleted Armenian Constitution was reaffirmed on 11 November. On 19 February 1919, Patriarch Zaven reassumed his position as Patriarch and invested all his efforts in saving the last survivors of the Armenian Genocide [Der Yeghiayan 1947: 277; Griker 1980: 70]. He focused on the pursuit of the Armenian Question in Versailles and Sèvres, along with gathering orphans and taking care of them. Under the direct auspices of the Patriarch, many different organizations were established, which, in addition to various other activities, were supposed to collect facts about the demographic situation of Armenians, their persecutions, massacres, deportations, and confiscated property. These organizations were also tasked with preparing documents about Turkish massacres to be used as evidence in the trials opened or to be opened against the perpetrators of those genocidal acts. To prepare letters addressed to the embassies to provide them with the required information and perform the secretarial duties of the Hamazgayin Council (Pan-national Council), Patriarch Zaven deemed it necessary to create a new bureau under the title of “Information Bureau,” which would spare no time and effort to collect reliable information about what the Christian population was forced to undergo.

In 1919–1922, thanks to the hard work of the dedicated staff of the “Information Bureau” and other individuals, documents related to criminals and data and testimonies about them were collected, documented and translated into French, English and Ottoman for submission

to the relevant courts [Der Yeghiayian 1947: 302]. About 300 reports were prepared by the “Information Bureau” and submitted to the High Commissioners of the Allied states, and 292 other bulletins obtained the necessary factual documents about the deportations and the “political evils” committed by the perpetrators whom the Turks sought to justify and liberate from responsibility [AQAGA. Box 1. Folder M360. Doc. no. b 900ab–b 902ab].

The Armenian side was hopeful that the Ottoman Military Emergency Tribunal established after the 1918 Armistice of Mudros, and the courts of the League of Nations would hold the organizers and perpetrators of the Armenian Genocide and the Genocide of other Christian nations legally responsible. However, the capture of Smyrna by the armed forces of the Kemalists and their approach to Constantinople made Patriarch Zaven realize that he should secretly organize the removal of the multi-thousand-page archive created by the “Information Bureau”. Patriarch Zaven was a wise and far-sighted person. He understood that he had only a short time left in office, so he first sent the archive from Constantinople to Manchester, which was then moved to Marseille, and since 1938, its last resort has been the Armenian Patriarchate of Jerusalem [Sahakyan 2022: 3–32].

Focusing on the events of 1919–1922, this large-scale archive covers the complex geopolitical confrontations of the historical period fateful for the Armenian and other Christian peoples in the Ottoman Empire. Including a great variety of documents in Armenian, French, English, German, Russian, Ottoman, and Armenian-script Turkish, this little-studied multilingual depository of important documents is extremely valuable from the viewpoint of revealing the details of the historical-political events of the time in general and the Genocide accomplished by the Ottoman and Kemalist authorities, in particular. Numerous documents include several reports obtained by the Patriarchate that present the 1919–1922 situation in the Greek and Armenian settlements under the control of the Kemalists after the retreat of Greek troops. Many facts about the murders, deportations, kidnappings, and robberies of the Greeks and Armenians by the regular Kemalist army and chetes are available in these reports.

Pages of reports stored in the “Information Bureau” archive present in detail the statistics on the dead and survivors, material losses suffered, and destroyed settlements of the Greek and Armenian population before the Armistice and after their return to their homes [AQAGA. Box 1. Folder 201. Doc. no. dz 257 - dz 261, № dz 273 - dz 288; Information Register 2024: 912–913, 914–915; The Black Book 1920].

We have studied this archive of eleven boxes and found many documents relevant to our research. These reports were prepared based on information obtained by the Greek Ecumenical Patriarchate and Armenian Patriarchate in Constantinople. They provide researchers with new details on the history of this issue, describing, among other things, how conscripted Christian youths, aged from twenty to twenty-five, were sent to labour battalions, where the same extermination measures as during World War I were applied [AQAGA. Box 1. Folder M201. Doc. no. dz 354–dz 382].

In May 1919, weapons were distributed to the Muslims of Ordu town and its villages to form gangs to exterminate the Greeks and Armenians [AQAGA. Box 1. Folder M201. Doc. no. dz 354–dz 382]. Authorities used to reward the perpetrators of the crimes and give them titles. The report mentions the names of the perpetrators and the types of barbarities they committed. In August 1921, according to the latest information obtained by the Greek Patriarchate, about 7,000 Christians aged from sixteen to fifty were displaced from Samsun to be included in labour battalions; 6,500 of these were massacred by Turkish soldiers accompanied by gendarmes on the road from Samsun to Kavak. Having escaped the massacres, 500 Christians were in an extremely pitiful state. However, the Kemalists forced them to migrate to Malatya. Only women and children of the Greek population remained in Samsun, and they were saved only thanks to the official intervention of the United States. Moreover, gendarmes accompanying the caravans of women and children passing through Sebastia to the Pontic coast put them for sale [AQAGA. Box 1. Folder M201. Doc. no. dz 374].

The report entitled “The Armenian Children – Victims of World War 1. The Question of Salvation, the Present Situation, the Needs”

testifies to the kidnapping of many Christian women and children (around 100,000), blocking them in harems and forcefully converting them to Islam. This report was presented to the League of Nations on 12 July 1920 by the “Union Internationale de Secours aux Enfants. Genève. Section Arménienne” (“Geneva Armenian Section of the International Union for the Aid of Children”) [AQAGA. Box 1. Folder i. Doc. no. i 285–i 363].

In the document of the “Information Bureau” archive, we also encounter the report “About the Blocking of Armenian Women and Children” by Zaven Der Yeghiayan, Armenian Patriarch of Constantinople. It presents statistical data obtained by the Patriarchate, from 1915 to 1920 [AQAGA. Box 1. Folder i. Doc. no. i 311–i 328]. This report also provides information on the actions of the famous bandit Topal Osman of Trabzon against Greeks and Armenians. Assuming the task of stopping the Greek self-defense movements in Giresun, according to different sources, Topal Osman destroyed 300 Greek villages in the area, from Bafra and Inebolu to Trabzon [Haykuni 1924; Şener 2005]. Part of the population managed to take shelter in the mountains, and the rest were ordered to be burnt in their houses [AQAGA. Box 1. Folder i. Doc. no. dz 382].

As mentioned in the document, the Armenian population of the once-blooming province of Trapizon, which was spared from the 1915–1918 massacres, consisted of women and children concentrated mainly in two cities: Trapizon and Samsun. The dates and descriptions of robberies, confiscation of property, deportations, rapes, and murders by Turkish gangs and former Young Turks against Armenians from January 1919 to August and September 1920 in Unye, Samsun, Trapizon, Charshamba, Giresun, are also certified in this document. It is noted that the Allies’ passive stance encouraged the Turkish destroyers.

The above-mentioned document states that the information obtained at that moment could possibly be incomplete because, due to the Kemalist control and the lack of free communication, it was extremely difficult to gather information quickly. However, according to even this incomplete information, as a result of armed attacks and rapes against Greeks and Ar-

menians, 37,160 people were massacred in the province of Trapizon in 1919–1921 [AQAGA. Box 1. Folder i. Doc. no. dz 382].

The fate of the surviving and exiled Christian population on the southeastern shore of the Black Sea is revealed in Mark H. Ward’s diary, which presents impressive evidence of this tragic panorama.

5. Mark H. Ward’s mission in the Near East

The first question we need to clarify is: Who was Mark H. Ward, and what was his role in Asia Minor in the first decades of the twentieth century? Born in 1884 in Massachusetts to parents who were not indifferent to human fate and actively engaged in missionary activities, he graduated from Amherst College in 1906 and had a great desire to contribute to missionary work. Thus, in 1915, he arrived in Constantinople and worked for two years at the American Red Cross. Later, he joined the US army, but after the Armistice of Mudros (1918), he returned to Asia Minor and was stationed in the province of Kharberd to participate in the activities of the “American Committee for Near East Relief” [Harpoote’s large family 1920], assuming the position of the Acting Director of the organization. Because he was a physician by profession, he was also entrusted with the management of the hospital of the “American Committee” in the settlement of Mezre (Mezire, Mezereh), a rural town in Kharberd Vilayet.

During his stay in Asia Minor, Mark H. Ward witnessed and described in his diary with thorough details the horrifying conditions, deaths from diseases, and deprivations suffered on the road by the masses of deported Greeks, Armenians, and Assyrians between May 1921 and late February 1922.

Before long, the Turkish government expelled him and other relief workers for collecting information and keeping notes on the forced displacement of the Christian population. In June 1922, upon his immediate arrival in Great Britain following his expulsion, he reported the situation in Asia Minor to the British Foreign Office [Kostos 2010: 170]. The *Voice of Armenia* weekly, published in Paris, reported on that occasion:

*“One of these days, in London, the Anglo-Hellenic League and Anglo-Armenian Committee published in a separate brochure Dr Mark Ward’s diary titled *The Deportations in Asia Minor: 1921–1922*. This evidence of Dr Mark Ward is part of the documents that will be investigated by the newly established Commission of Inquiry. The Commission will be sent to Anatolia [Asia Minor] by the governments of England, France, Italy, and America to check on the spot and investigate the barbarities committed against the Christian population”* [The Deportations 1922: 6].

Subsequently, Mark H. Ward headed to Washington, where he reported on the deplorable situation in Asia Minor and called for an independent commission to inquire about the extermination of Christians. While still in Constantinople, in an interview with Herbert Adams Gibbons, special correspondent for the *Christian Science Monitor* in Asia Minor, Mark Ward said,

“If the people of America only knew how their Christian brethren are being slain in Asia Minor to satisfy the fanatical Kemalists’ political aspirations, they would quickly answer the call of humanity, just as they did in the World War. The horrible facts are only now reaching the outside world; the Turks have censored all outbound dispatches. Under the threat of dire punishment, they have forced the American Committee workers to sign statements that no crimes are being committed. I fear the next move of the Kemalists will be to expel all American Committee workers, as they did to me and several others. I see dispatches today from Constantinople to the effect that the Turkish Nationalist Government will not permit a commission of inquiry of Americans and representatives of the Allied powers to go into Asia Minor. If they do, this will be a positive admission of guilt” [Nations of world 1922].

On the other hand, he was convinced that the commission of inquiry would not find all the horrible facts, because the Kemalists would have covered them up. One way or another, the known sources were enough to convict the Turks. The United States and the rest of the civilized world should go further than inquiry. To prevent the merciless Kemalists from taking action, he proposed outlawing Turkey and

quitting any kind of relations with that country. Great Britain, France, and Italy seemed to have political and business reasons for not adopting a firm stance. However, Mark Ward believed that Great Britain would rise to her place if the United States took the lead, and together they would erase that blot on civilization [Nations of world 1922; The Martyrdom 1922: 36–37].

6. Mark H. Ward’s diary-memoir: *The Deportations in Asia Minor, 1921–1922*

Memoirs and diaries are written confirmations of eyewitness testimonies. Studying them enables not only learning about the facts and events of a given period but also reveals the causal link between them. It is also known that eyewitness testimonies are subjective. Notwithstanding this, by juxtaposing and comparing major or minor facts from various historical documents, especially those from archive records, it is possible to arrive at the objective truth and generalize insights about the historical period under consideration.

Mark H. Ward’s diary, *The Deportations in Asia Minor: 1921–1922* [Ward 1922] attests to the displacement, genocide, and exile of Christians, including Greeks, Armenians, and Assyrians, by the Kemalists in 1921–1922. Working as a physician at the “American Committee for Near East Relief” hospital in Kharberd, Mark Ward witnessed numerous horrifying scenes and entered in his diary truthful notes about mass slaughters and deportations of Greeks in 1921–1922, as well as about the banishments, torments, and losses that Greeks and Armenians suffered in the same period. In the introductory summary of the diary, Mark Ward provides empirical data about the deportees, who reached Kharberd from Konya, Caesarea, Amasya, Bilejik, Eskishehir, Bursa and the vicinities under the Kemalist military forces, as well as from Eregli, Afium Karahisar [Afion Karahisar], Alishar, Kutahia [Kyotahia], Sivrihisar, Akshehir, Keroman [Karaman], Haymans [Haymana], Ordu, Kerasun, Samsun [Samson], Khanga, Marsivan [Marzvan], Tobejuk [Tepejik], Kopy [Kop], Vozir-Kupru [Vezir-Kyopru], Sparta, and Burdur, Endemosh [Odemish].

According to the data obtained, from May 1921 to January 1922, the number of deportees from the mentioned settlements totalled 30,000,

but only 20,348 reached Kharberd and passed through it. Around 18,000 of them were Greeks, and 2,000 were Armenians. Turkish rulers sent them through Sebastia (Sivas) to Kharberd, and from there they were herded in different directions. Around 5,000 managed to escape on that road [Ward 1922: 3]. In the fall and winter months, around 4,000 of the deportees settled in Malatia, where the “American Committee for Near East Relief” organized care for over 600 children in an orphanage and provided food for around 400 people. Nonetheless, Americans were not able to rescue everyone: around 2,000 deportees died in winter from typhoid and famine [Ward 1922: 3–4]. Mark Ward certifies that most deportees dropped on the roadside and froze to death in winter. In December 1921, on his way from Sebastia to Kharberd, an American saw 1,500 dead bodies on both sides of the road. Another American heading to Kharberd from Malatia at the beginning of the same month counted 150 corpses of children and women [Ward 1922]. By adding to this number the mentioned 5,000 who managed to escape, he informed that only 20,378 were able to reach Kharberd. Mark Ward stated that in seven months, the American hospital in Kharberd received over 1,300 exiles. Despite proper care, almost twenty-five per cent of them died. Across the province of Kharberd, the number of deaths among deportees reached 2,000. They received no other care except that provided by Americans. From Mark Ward’s diary, we also learn that out of 15,000 people who were to pass through the high mountainous terrain southward to Diyarbakir, only 12,000 reached the destination [Ward 1922: 4].

Thus, of the 30,000 forcibly displaced people who reached Sebastia and then were forced to leave the place, only 10,000 managed to cross the bridge over the Tigris River, reach Diyarbakir, and travel from there to the province of Baghesh (Bitlis). No further information regarding their destiny or whereabouts is available. The only known facts are that of the 30,000 deportees, 2,000 stayed in Malatia, 3,000 in Kharberd, and 1,000 in Diyarbakir [Ward 1922: 4]. The first group consisted mainly of young men registered for roadwork in Kharberd and Diyarbakir. The conditions in which they were kept were inhumane: no compensation, barely 200 grams of bread, and a bowl of weak soup, and none

of these if they fell ill. Deprived of any medical care, they died. There were cases in which a deportee, in exchange for money, stayed and worked in a large city. This gave them an opportunity to find relatives and obtain monetary aid for sustenance through a bank. The majority in other groups were women and children; old men, let alone the young, were a rare exception. In some cases, they were allowed to set out on a journey on their carts or donkeys, but most had to walk. Since mothers carried food and bedding on their backs, small children had to cover the cruel road afoot. Some of them were unable to continue and died, as did those who were born on the road. Even in the American hospital, only 13 of 33 babies born of deportee women survived [Ward 1922: 5]. According to Mark Ward, patients could only be admitted to the American hospital after being thoroughly examined or bribing local physicians. Even when clothing was to be handed out to those half-naked people, negotiations with the Turks were far from smooth. None of the deportees doubted that they were sent to death. Neither did the Turkish officials [Ward 1922: 5; *The Deportations* 1922: 9].

Further on, Mark Ward provides a daily account of the number of deportees who reached Kharberd, their woeful conditions, and the medical assistance they received, adding that in a day or two, they were driven in another direction. Specifically, his 20 June note states that ten people were brought from Konya and sent to the American hospital to be cleaned of lice: the deportees with typhoid were treated particularly terribly by Turks, as the latter feared that the Turkish populace might catch the infection. This small group of 10 included highly respectable people: a Greek priest, a well-to-do Greek engineer, a rich merchant couple, and the President of the American College at Konya, Professor Armenak Haigazian.

Esteemed Armenak Haigazian (1870–1921), a Hadjin native, was an outstanding Armenian intellectual who left an indelible trace in the history of Armenian education and pedagogy. After receiving his elementary education in his hometown in 1884, he graduated from the Kedronakan Turqioy College (Central Turkey College) in 1889 and then from the Marash Seminary, where, in 1889–1892, he studied theology. In 1894, he taught at Saint Paul’s Col-

lege in Tarsus, then continued his studies in the field of archaeology at the University of Chicago. At Harvard Divinity Seminary, he studied and majored in Assyrian and Babylonian and could read cuneiform inscriptions. Interestingly, in the Library at Harvard Seminary, under some decipherments of cuneiform inscriptions, one can still read his initials (A. H. H.). He was the only Armenian who had received the degree of Doctor of Philosophy at Yale University. In 1898–1899, he took music classes in Toronto for six months. In Chicago, the Adventist Congregational Church ordained him a priest. With this multidisciplinary education, Haigazian could have stayed abroad to live a safe and prosperous life; however, he accepted the invitation of Reverend Jenanyan and, in 1899, assumed the position of Education Inspector at the Apostolic Institute of Asia Minor, a higher educational institution founded in Konya by Reverend Jenanyan himself. Haigazian decided to return and engage in teaching his people, which he did for two years. Subsequently, he applied all his knowledge and skills as President of the College.¹

Detained by the authorities of Konya, he was expelled on 31 May 1921. While accompanying the group of exiles from Sebastia to Kharberd, missionary Mary Grafham, who had voluntarily joined the exiles [Barton 1930: 67–68], exerted huge efforts to set Haigazian free, yet in vain. Unable to withstand the harsh road conditions, Haigazian fell ill and, upon reaching Kharberd, stayed with his fellow exiles in the courtyard of the Protestant Church in Mezre. The Americans, Reverend Yeghoyan, and others did the impossible to admit Haigazian into the American hospital, yet the Turkish doctors intervened, claiming that he was not sick. Eventually, he was taken to the hospital, but too late; Haigazian passed away a few days later. In his notes, Mark Ward admired Professor Haigazian's high intellectual level and vast knowledge, describing his death with great pain and the barriers he had to overcome to lay Haigazian's body to rest.²

¹ Details about A. Haigazian's life and activities can be found in many different works [Lapjinjian 1985: 479; Galustian 1934: 529; Poghosian 1942: 407–409; Ashchean 1950: 238–241].

² In honour of this talented and venerable Armenian intellectual, the university, founded in Beirut in

Mark Ward's diary was deservedly considered a trustworthy source describing that period, and as such, was translated not only into Armenian but also into French. The French translation is stored in the unique Armenian Question and Armenian Genocide Archive of the "Information Bureau" at the Armenian Patriarchate in Jerusalem [AQAGA. Box 1. Folder M201. Doc. no. e 365–e 374; Information Register 2024: 816–828]. It is important to keep in mind that this archive was compiled as a lawsuit file with the intention to judicially convict the perpetrators of the Armenian Genocide. Grigor Kerkerian, who had a chance to study copies in the archive of the "Information Bureau," noted: *"During the trials conducted by the Turkish War Office in 1919–1921, Armenians were legal parties before the Office and due to this circumstance, they had the right to have officially certified copies and examples of Turkish documents"* [Griker 1980: 71].

Many facts recorded in Mark Ward's diary are confirmed in other memoirs [Künzler 2011; Sakayan 1997, etc.]. As an eyewitness, Swiss doctor Jacob Künzler also testified to the oppression of the Greek and Armenian population in 1920–1921. Since 1899, he worked as physician at a hospital attached to the Urfa Orphanage for approximately 20 years. Künzler directly participated in the liberation of Armenian women and orphans during the Armenian Genocide. In 1922, together with his wife, he continued his activities in Urfa as an employee of Near East Relief [Künzler 2011: 1–3]. In his memoirs, he vividly recounts the long processions of deported Greeks passing through Urfa in 1920–1921: *"Since Turkey was at war with the Greeks, the Turkish Parliament decided to expel the Greek Orthodox population from the country as well, and endless convoys set off from Marzvan, Sebastia, and Konya to Kharberd, Diyarbekir, and Bitlis. Winter arrived, and about ninety per cent died on the way. During my first visit to Kharberd, I saw the discolored bones of those thousands of victims in the Taurus Mountains..."* [Künzler 2011: 135–136].

Our thorough study of Mark Ward's diary and its French [AQAGA. Box 1. Folder M201.

1955, was named after him as the Haigazian University of Beirut.

[Doc. no. e 365 – e 374](#)] and Armenian translations¹ has provided a considerable number of distorted facts in the translated versions. We recognize the importance of the renowned missionaries' evidence and present some of the differences between the original and translated texts of Mark Ward's diary in the subsequent section of the present article.

7. On some differences between the original and translated versions of Mark H. Ward's diary

Comparing the English original of Mark Ward's diary with the above-mentioned French and Armenian translations, we notice several differences in the dates and statistics of refugees in the French version. First, it should be mentioned that, for some reason, the introductory part, which is one of the important sections of this document, is excluded from the French translation. Differences in the numerical data are also evident. Here is an example:

June 3. – 312 men from Eskishehir and Kutahia arrived to-day. On the way from Sivri-Hissar to Mamuret-ul-Aziz ... 20 of them were admitted to our hospital with typhus or relapsing fever. Later. – This convoy was kept in quarantine 25 days. Native Christians were permitted to send food to them, but the Government did not issue any rations; 125 Greeks, 187 Armenians... [[Ward 1922: 6–7](#)]

Both the original English and the Armenian translation state that twenty migrants were hospitalized (*Twenty of them were admitted to our hospital with typhus or relapsing fever*) [[Ward 1922: 6](#); [The Deportations 1922: 6](#)], whereas according to the French version, the number of hospitalized people is twenty-four instead of twenty. The number of expatriate Greeks was reduced to 121 instead of 125. The French translation reads as follows:

Juin 3. – 312 hommes d'Eski-Chéhir et de Kutahia, dont 187 Arméniens, 120 Grecs (312) furent amenés, aujourd'hui. Pendant leur voyage de Sivri-Hissar à Mamouret-ul-Aziz Nous en recueillâmes, dans notre hôpital 24 d'entre-eux qui étaient atteints du typhus et de la fièvre récurrente ... [[AQAGA. Box 1. Folder M201. Doc. no. e 365](#)]

¹ The Armenian translation was published in Paris in 1922, in *Voice of Armenia*, N° 1, 20 July 6–9; N° 2, 29 July 6–8; N° 4, 12 August 6–7.

Distortion of numbers is also evident in the French translation of the passage, which follows the original below.

June 13. – 574 men from Eskishehir, Bilejik, Sivri-Hissar, Kutahia, and Afium Karahissar came in to-day. Most of them penniless, as they have been robbed on the way; 200 Greeks, 374 Armenians ... [[Ward 1922: 7](#)]

In the French translation, the number of migrants who reached Afion Karahisar is again incorrectly reflected: instead of 200 Greek migrants, 300 are mentioned, and instead of 374 Armenian migrants, 274.

Juin 13. – 574 hommes d'Eski-Chehir, Bilédjik, Sivri-Hissar, Kutahia, Afion-Karahissar dont 300 Grecs, 274 Arméniens (574) furent amenés aujourd'hui. [[AQAGA. Box 1. Folder M201. Doc. no. e 365](#)]

The passages mentioned above clearly show the inconsistency of statistical data in the translated version compared with the original text.

In another part of the diary, Mark Ward provides information about a group of migrants from the village of Tepejik in Samsun Province.

Aug. 27. – 80 persons from the village of Tebejik, near Samsun, drifted in to-day. They had been robbed in their village, and also on the way. Later. – Although these people were really starving, they remained one night only, and were forced on south. [[Ward 1922: 10](#)]

In the French translation, the incorrect spelling of the toponym Tepejik (*Tebejik*) is even more distorted (*Topédjik*):

Août 27. – 80 personnes du village de Topédjik, près Samsoun, arrivèrent aujourd'hui en se traînant dans notre ville ... [[AQAGA. Box 1. Folder M201. Doc. no. e 369](#)]

As seen in the original passages, the name **Tepejik**, a village in the Samsun province of present-day Turkey, is specified incorrectly (*Tebejik*). However, in the French version, we encounter the double distortion *Topédjik*, while in the Armenian translation, it is mentioned as Bilejik, which, we believe, is the result of a misreading [[The Deportations 1922: 7](#)]. It is not difficult to notice that the sentence in the original text ... *and were forced on south* was not translated in the French version of the document [[AQAGA. Box 1. Folder M201. Doc. no. e 369](#)]; the direction of their forced deportation (*south*) is left out.

In another passage noted on the same day (27 Aug.), some toponyms are distorted by Mark Ward himself. These misinterpreted toponyms deviate from their original forms.

Aug. 27. – 1230 persons, mostly women and children, passed through Mezereh at night, having camped out on the road some five miles away the day before. They came from Amasia, Khanza, Iledig, Marsivan, Torpojuk and near-by villages of Samsun. They were nearly starved, and in a pitiable condition, having been made to travel very fast ... [Ward 1922: 10].

The garbled versions of the toponyms (Khanza, Iledig, Marsivan, Torpojuk) are double garbled in the French translation, as in the passage below:

Août 27. – 1230 personnes, la plupart des femmes et des enfants, sont passés cette nuit de Menzéré. On les avait fait camper à 5 milles de là un jour auparavant. Elles venaient d'Amassia de Hafza, Ilodig, Marsivan, Topéjîk et des villages voisins de Samsoun, et se trouvaient dans un état pitoyable de famine et d'épuisement, car on les avait fait voyager très rapidement. [AQAGA. Box 1. Folder M201. Doc. no. e 370].

The exact versions of the given place names are Havza, Ladik, Marzvan, and Tepejik. The erroneous registration of the toponym Havza in the form of Khanza is also found in the Armenian translation [The Deportations 1922: 7].

In the following paragraph from the English original, Mark Ward describes the plight of another immigrant group: Greek women, children, and the elderly.

Aug. 30. – 1650 Greeks, women and children, with a few old men, passed through Mezereh during the night. They were crying in the streets they passed through; "We are dying from thirst!" "Find us some water!" [Ward 1922: 10].

In the French translation introduced below, both the distortion of the toponym and the change of sentences are noticeable.

Août 30. – 1650 Grecs, femmes et enfants avec quelques vieillards passèrent par Menzéré pendant la nuit. Ils pleuraient dans les rues pendant leur passage et criaient "Nous mourons de faim ..." [AQAGA. Box 1. Folder M201. Doc. no. e 370].

The name Mezre (Mezereh) is distorted, and the sentences "we are dying from thirst!"

and "Find us some water!" are changed to "we are starving" in the French version.

Misread toponyms can also be found in the following passages of both the original and French translation. Below is another incorrect presentation of a toponym in the original diary text.

Oct. 3. – To-day was Sunday. The police here went out and gathered about 250 of the deportees who had been permitted to stay in Mezereh from previous convoys...

These men were collected and sent out by Government to work on the road between Aghavni and Di[y]arbekir. [Ward 1922: 12].

The toponym Aghavni mentioned here is not accurate because the situation refers to road construction work stretching from Ankara to Diyarbakır. The wrong version of Aghavni was also chosen by the Armenian translator while in the French translation, the mistake was corrected, and the place name Angora (Ankara) is referred to: *Ces hommes furent ramassés par le Gouvernement pour être employés aux travaux de la route entre Angora et Di[y]arbekir* [The Deportations 1922: 6; AQAGA. Box 1. Folder M201. Doc. no. e 371].

The errors in the French and Armenian translations can probably be explained by the circumstance that the "Information Bureau" established under the Armenian Patriarchate of Constantinople in 1919 had to organize the work hastily in difficult geopolitical conditions. Any testimony related to the Armenian Question and the Genocide of Armenians and Greeks was translated by the "Information Bureau" immediately upon obtaining the important information into different languages to bring it to the relevant courts with the desire of contributing to the just solution of the Armenian case. Mark H. Ward's diary, with its evidence, was so exceptional that it was translated into French and Armenian immediately after its publication. Hence, such omissions are natural in translation work performed under uneasy and overstressed conditions.

8. Conclusions

Mark H. Ward's diary, even though it documents the forced displacement of Greeks and Armenians from only a few regions of Asia Minor, contains important, irrefutable statis-

tical facts about deportations from other locations of the Ottoman Empire. This evidence provides insights into the incomprehensibly inhumane conditions that the exiles had experienced until their death. The information contained in the diary once again confirms that the ultimate deportation and extermination of Christians, Greeks and Armenians in particular, was a component of the Kemalists' genocidal policies. Most importantly, Mark Ward's diary shall be perceived as an official account submitted to the government by a representative of the American Near East Relief organization rather than merely evidence of a private eyewitness.

Thanks to Mark Ward's personal impressions, the diary acquires a peculiar value, adding unknown shades to the portraits of great individuals, intellectuals of vast knowledge,

and talents who selflessly served humanity. It also stimulates interest in the activities of other missionaries and helps recognize them as dedicated humanists.

The comparative analysis of the discrepancies between the original text of the diary and its French and Armenian translations underscores differences in dates, numerical data, and toponyms, demonstrating how even minor translation errors can alter the historical narrative and affect our understanding of events. As an eyewitness missionary, Mark Ward provides a comprehensive picture of human tragedies, deaths, and unknown fates that occurred during the deportations in several regions of the empire, thus exposing the genocidal policy of the Ottoman Empire practiced in Asia Minor in 1921–1922. The questions rethought in this study may help prevent new genocides.

Sources

AQAGA — The Armenian Question and Armenian Genocide Archive. At: Armenian Patriarchate of Jerusalem.

References

- Anumyan 2011 — *Anumyan M.* Documents of the Young Turks' Court Hearings of 1919–1921 according to the Ottoman Media. Yerevan: Edit Print Publ., 2011. 168 p. (In Arm.)
- Ashchean 1950 — *Ashchean H. Y.* Massacres of Adana and Memories of Gonia for History. New York: Kochnak, 1950. 308 p. (In Arm.)
- Barton 1930 — *Barton J. I.* Story of Near East Relief (1915–1930): An Interpretation. New York: The MacMillan Company, 1930. 567 p. (In Eng.)
- Dadrian 1991 — *Dadrian V. N.* Documentation of the Armenian genocide in Turkish sources. In: Charny I. W. (ed.) *Genocide: A Critical Bibliographic Review*. London: Mansell; New York: Facts on File, 1991. Pp. 86–141. (In Eng.)
- Dadrian 1995a — *Dadrian V. N.* The History of the Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus. Providence, R.I.: Berghahn Books, 1995. 480 p. (In Eng.)
- Dadrian 1995b — *Dadrian V. N.* The Treatment of the Armenian Genocide by the Ottoman Parliament and Its Historical Analysis. Boston: Baikar, 1995. 147 p. (In Arm.)
- Dadrian, Akçam 2008 — *Dadrian V. N., Akçam T.* Deportation and Massacre: Court Martial Records. The Trial of the Union and Progress Party, 1919–1922. Istanbul: Istanbul Bilgi University, 2008. 746 p. (In Turk.)
- Dadrian, Akçam 2011 — *Dadrian V. N., Akçam T.* Judgment at Istanbul: The Armenian Genocide Trials. New York: Berghahn Books, 2011. 376 p. (In Eng.)
- Der Yeghiayian 1947 — *Der Yeghiayian Z.* My Patriarchal Memoirs, Documents and Testimonies. Cairo: Nor Astgh, 1947. 424 p. (In Arm.)
- Galustian 1934 — *Galustian H. G.* (Kiliketsi). Marash or Germanic, and Heroic Zeytun. New York: Marash Patriotic Union Center, 1934. 959 p. (In Arm.)
- Griker 1980 — *Griker (Grigor Kerkerian).* The Documentary History of the Massacre of Yozgat Armenians. New York: Vosketar, 1980. 468 p. (In Arm.).

- Harpoot's large family 1920 — Harpoot's large family of Near East children. Dr. Mark H. Ward's story of the work 1920. *Near East Relief Weekly*. 1920. No. 43, II. On: Internet Archive. Available at https://archive.org/stream/ldpd_12070546_002/ldpd_12070546_002_djvu.txt (accessed: 6 May 2025). (In Eng.)
- Haykuni 1924 — *Haykuni P. A.* Topal Osman and Events after the Armistice in Marzuan. Athens: Nor Or Print, 1924. 40 p. (In Arm.)
- Information Register 2024 — Information Register of the Armenian Question and Armenian Genocide Archive. Armenian Patriarchate of Jerusalem 2024. L. Sahakyan (preface). Yerevan: Lusakn, 2024. 1040 p. (In Arm.)
- Khasapetian 2015 — *Khasapetian S.* English-Armenian, Armenian-English Dictionary. Yerevan: Yerevan State University, 2015. 408 p. (In Eng. and Arm.)
- Kostos 2010 — *Kostos S. K.* (ed.) Before the Silence: Archival News Reports of the Christian Holocaust That Began to Be Remembered. D. Papazian (preface). Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2010. 345 p. (In Eng.)
- Künzler 2011 — *Künzler J.* In the Land of Blood and Tears: Mesopotamia during the World War (1914–1918). A. Hayruni (preface). Yerevan: The Armenian Genocide Museum-Institute, 2011. 200 p. (In Arm.)
- Lapjinjian 1985 — *Lapjinjian T.* Golgotha of the Armenian Clergy and Their Parishes in the Disastrous Year of 1915. New York: Vardan Press, 1985. 571 p. (In Arm.)
- Melkonyan 2018 — *Melkonyan R.* Young Turks-Kemalists: Ideological and personnel continuance. In: Questions of Oriental Studies. Vol. 14. Yerevan: Yerevan State University, 2018. Pp. 152–165. (In Arm.)
- Morgenthau 1918 — *Morgenthau H.* Ambassador Morgenthau's Story. Garden City, NY: Doubleday, Page and Co., 1918. 478 p. (In Eng.)
- Nations of world 1922 — Nations of world urged to declare Turkey an outlaw. Christian Science Monitor. 1922, June 21. On: Greek Genocide Resource Center. Available at <https://www.greek-genocide.net/index.php/bibliography/newspapers/21-jun-1922-nations-of-world-urged-to-declare-turkey-an-outlaw-christian-science-monitor> (accessed: 31 May 2025). (In Eng.)
- Poghossian 1942 — *Poghossian H. P.* The History of Hadjin and the Surrounding Villages of Gozan-Tagh. Los Angeles: Compatriotic Union of Hadjin, 1942. 857 p. (In Arm.)
- Sakayan 1997 — *Sakayan D.* An Armenian Doctor in Turkey. Garabed Hatcherian: My Smyrna Ordeal of 1922. Montreal: Arod Books, 1997. 117 p. (In Eng.)
- Sahakyan 2022 — *Sahakyan L.* History and contents of the Armenian Question and Armenian Genocide Archive of the 'Information Bureau' kept at the Armenian Patriarchate of Jerusalem. Armenological Issues. 2022. No. 1 (25). Pp. 3–32. (In Arm.)
- Şener 2005 — *Şener C.* The Case of Topal Osman. Istanbul: Etik Yayınları, 2005. 208 p. (In Turk.)
- The Black Book 1920 — The Black Book of the Sufferings of the Greek People in Turkey from the Armistice to the End of 1920. Constantinople: Ecumenical Patriarchate, 1920. 174 p. (In Eng.)
- The Deportations 1922 — The Deportations in Asia Minor. *Voice of Armenia*. 1922, July 20 (no. 1), July 29 (no. 2), August 12 (no. 4). Paris. (In Arm.)
- The Genocide 1988 — The Genocide of Armenians according to the Documents of Court Hearings of the Young Turks — 1988. A. Papazian (preface, transl., etc.). Yerevan: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, 1988. 255 p. (In Arm.)
- The Martyrdom 1922 — The Martyrdom in Smyrna and Eastern Christendom. L. Oeconomus (comp., preface). London: George Allen & Unwin, 1922. 237 p. (In Eng.)
- Turkish-Russian Dictionary 1977 — Turkish-Russian Dictionary. A. Baskakov et al. (eds.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 966 p. (In Turk. and Russ.)
- Vardanyan 2012 — *Vardanyan G.* The Greek Population in the Ottoman Empire and the Asia Minor Disaster, 1914–1923. Yerevan: The Armenian Genocide Museum-Institute, 2012. 195 p. (In Arm.)

- Vardanyan 2014 — *Vardanyan G.* Parallels between the displacement and slaughter of Greeks and the Armenian genocide, 1913–1923. *Patma-Banasirakan Handes*. 2014. No. 1. Pp. 39–47 (In Arm.)
- Ward 1922 — *Ward M. H.* The Deportations in Asia Minor, 1921–1922. London: Vacher & Sons, 1922. 18 p. (In Eng.)
- Yeghiayian 1975 — *Yeghiayian B.* A Contemporary History of the Armenian Catholicosate of Cilicia, 1914–1972. Antelias, 1975. 946 p. (In Arm.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 927–936, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.33

Словообразование монгольских звукоподражательных глаголов Derivation Patterns of Mongolian Onomatopoeic Verbs

Анна Владимировна Мазарчук¹

Anna V. Mazarchuk¹

¹ Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (д. 3, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS (3, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russian Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0000-0003-3679-2858. E-mail: [anja_av\[at\]rambler.ru](mailto:anja_av[at]rambler.ru)

© КалмНИЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Мазарчук А. В., 2025

© Mazarchuk A. V., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются монгольские глаголы, образованные от звукоподражаний суффиксальным и аналитическим способами. *Цели и задачи исследования.* Выяснить, какие суффиксы используются при словообразовании рассматриваемых глаголов, с какими глаголами регулярно сочетаются монгольские звукоподражания и есть ли вариативность в выборе суффиксов (при суффиксальном способе) и глаголов (при аналитическом способе словообразования). *Материалы и методы.* Источниками материала послужили словари монгольского языка, указанные в статье. Материал получен методом сплошной выборки. *Результаты.* Было выяснено, что монгольские звукоподражательные глаголы (в границах круга, очерченного в статье) образуются тремя способами: 1) суффиксальным способом с помощью суффиксов *-ла-*, *-на-*, *-га-*, *-чи-*, *-хирА-*, *-жигна-*, *-чигна-*, *-ги-*, *-ши-* (причем от возгласов-команд, направленных на животных, глаголы образуются только с помощью суффикса *-ла-*); 2) с помощью конверсии (только один глагол — *бавна-* ‘блеять’ < *баван баван* (блеяние козла)); 3) аналитическим способом с помощью глаголов *хий-* ‘делать’, *гэ-* ‘говорить’, *дуугара-* ‘издавать звук, звучать’. Глаголы, образованные суффиксальным способом, нередко, кроме прямого, имеют и переносное значение, основанное на метафорическом переносе. Очевидного разграничения по семантике между звукоподражаниями, употребляемыми с глаголами *хий-* ‘делать’, *дуугара-* ‘издавать звук, звучать’ и *гэ-* ‘говорить’, обнаружено не было. Четыре звукоподражания употребляются и с глаголом *хий-* ‘делать’, и с глаголом *дуугара-* ‘издавать звук, звучать’, при этом значения словосочетаний либо совпадают, либо отличаются незначительно. Однако совпадений звукоподражательных корней в сочетаниях с *гэ-* ‘говорить’ и *дуугара-* ‘издавать звук, звучать’ в словарях не зафиксировано. *Выводы.* Словообразование монгольских звукоподражательных глаголов характеризуется регулярностью (имеется ограниченное количество присоединяемых суффиксов и глаголов, используемых в аналитических конструкциях, при образовании глаголов от возгласов-команд для животных используется только суффикс *-ла-*). Процесс грамматикализации и семантического выцветания (*semantic bleaching*) глаголов, ис-

пользуемых в аналитических конструкциях, не завершен, чем объясняется их неполная взаимозаменяемость.

Ключевые слова: звукоподражательные глаголы, имитативы, монгольский язык

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии» (№ 23-18-00659, <https://rscf.ru/project/23-18-00659/>).

Для цитирования: Мазарчук А. В. Словообразование монгольских звукоподражательных глаголов // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 4. С. 927–936. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-927-936

Abstract. Introduction. The article deals with Mongolian verbs derived from onomatopoeias by means of suffixes and specific verbs (using the analytical method). *Goals.* The study seeks to list up the suffixes and verbs in question, and find out whether there can be any kind of variability in their choice. *Materials and methods.* The research material was collected from Mongolian language dictionaries using the continuous sampling method. *Results.* It has been found that Mongolian onomatopoeic verbs (within the outlined boundaries) can be formed following one of the three patterns: 1) with the use of the suffixes -ла-, -на-, -за-, -чи-, -хирла-, -жигна-, -чигна-, -зи-, -ши- (moreover, verbs derived from command cries directed at animals are formed only with the suffix -ла-); 2) as a result of conversion (the only verb registered is бавна- ‘to bleat’ < баван баван ‘bleating of a goat’); 3) through the analytical method, i.e. with the use of the verbs хий- ‘to do’, ээ- ‘to speak’, дуугара- ‘to make a sound, to resound’. Verbs formed by means of suffixation often, in addition to the direct meaning, also have a figurative meaning based on metaphorical transfer. No obvious semantic distinction has been found between the onomatopoeias used with the verbs хий- ‘to do’, дуугара- ‘to make a sound, to resound’, and ээ- ‘to speak’. Four onomatopoeias are used with both the verb хий- ‘to do’ and the verb дуугара- ‘to make a sound, to resound’, and the meanings of the phrases either coincide or differ slightly. However, no coincidences of onomatopoeic roots in combinations with ээ- ‘to speak’ and дуугара- ‘to make a sound, to resound’ have been registered in the dictionaries. *Conclusions.* Derivation of Mongolian onomatopoeic verbs is characterized by regularity (there is a limited number of the possible suffixes and verbs used in analytical constructions; verbs from exclamation commands for animals are formed only with the suffix -ла-). The process of grammaticalization and semantic bleaching of verbs used in analytical constructions has not completed yet, which explains why they cannot be fully interchangeable.

Keywords: Mongolian onomatopoeic verbs, imitatives, Mongolian.

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00659 ‘The World of Central Asian Turko-Mongols: Linguistic, Historical, Ethnocultural Processes in Synchrony and Diachrony’. Available at: <https://rscf.ru/en/project/23-18-00659>.

For citation: Mazarchuk A. V. Derivation Patterns of Mongolian Onomatopoeic Verbs. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 927–936. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-927-936

1. Введение

Звукоподражательные глаголы монгольского языка в основной своей массе являются производными от звукоподражательных слов, составляющих древний, массивный пласт монгольской лексики — имитативы. Монгольские имитативы изображают не только звуки, но и форму, образ действия, качества объекта и т. д. Об имитативах в монгольских языках писали Г. Й. Рамстедт [Ramstedt 1951: 106–112], Ц. Б. Цыдендамбаев [Цыдендамбаев 1958: 136–151; Цыдендамбаев 1963: 412–417],

Л. Д. Шагдаров [Шагдаров 1962]. Кроме того, к классу звукоподражательных глаголов следует отнести глаголы, образованные от возгласов-команд, с помощью которых монголы подзывают, отгоняют или успокаивают скот, поскольку глаголы такого типа действительно изображают звуки, произносимые человеком, хотя возгласы-команды, по сути, не являются имитативами.

В данной статье мы сфокусируемся на звукоподражательных глаголах и их семантике. Звукоподражательные слова вроде вааг вааг ‘ква-ква’ для удобства будут име-

новаться звукоподражательными корнями, чтобы не смешивать их со звукоподражательными глаголами, которые образованы суффиксальным способом (например, *жиргэх* ‘щебетать’) и в результате конверсии (*баван баван* ‘ме-ме’ (блеяние козла) > *бавна* ‘блеять и трясти бородой (о козах)’). В рамки статьи не входит рассмотрение глаголов, обозначающих человеческую речь (*хашгара* ‘кричать’, *шивнэ* ‘шептать’), звуки, издаваемые животными (*майла* ‘блеять’, *хуца* ‘лаять’), и различные шумы (*аянгала* ‘греметь (о громе)’), которые напрямую не восходят к звукоподражательным корням, зафиксированным в словарях.

2. Материалы

Источниками материала послужили словари монгольского языка [БАМРС 1, 2001; БАМРС 2, 2001; БАМРС 3, 2001; БАМРС 2002; МХТТ 2011]. Материал получен методом сплошной выборки.

3. Монгольские звукоподражания и образованные от них глаголы

Список монгольских звукоподражательных корней обширен, но конечен. В БАМРС [БАМРС 1, 2001; БАМРС 2, 2001; БАМРС 3, 2001; БАМРС 2002] можно найти около 120 словарных статей с пометой *авиа*. *дуур*. (монг. *авиа дуурайх үгс* ‘звукоподражание’). Однако не все звукоподражательные корни продуктивны. В данном словаре нашлось около 20 самостоятельных глаголов, образованных от звукоподражательных корней.

Точно так же глаголы образуются суффиксальным способом далеко не от всех возгласов-команд, используемых для управления скотом. Из 30 возгласов, перечисленных в [Баттулга 2006: 35], глаголы образуются от 18.

Звукоподражательные глаголы, зафиксированные в [БАМРС 1, 2001; БАМРС 2, 2001; БАМРС 3, 2001; БАМРС 2002] и [МХТТ 2011], можно разделить на три семантические группы:

1) Звуки, издаваемые животными:

– *баван баван* ‘ме-ме’ (блеяние козла) > *бавна* ‘блеять и трясти бородой (о козах)’;
– *вааг вааг* ‘ква-ква (кваканье лягушки)’ > *ваагла* ‘квакать’;

– *гааг гaaг / гагааг гагааг* ‘кар-кар; куд-куда (карканье вороны; кудахтанье курицы)’ > *гаагала- / гагаагла-* ‘каркать; кудахтать’;

– *гогог гогог* ‘кар-кар (карканье вороны)’ > *гогогло-* ‘каркать’;

– *гуаг гуаг* ‘кар-кар (карканье вороны)’ > *гуагла-/гуагчи-* ‘каркать’;

– *гүг-гүү, гүг-гүү* ‘ку-ку (кукование кукушки; воркование голубя)’ > *гүгнэ-* ‘куковать, ворковать’;

– *жир жир* ‘чик-чирик (чириканье воробья, щебетание жаворонка)’ > *жиргэ-* ‘щебетать (о пташке)’;

– *цор цор* ‘га-га (гвалт, галдеж)’ > *цорхи-ро-* ‘кричать (о животных)’.

2) Человеческий голос и шум:

– *бар бар* — ‘гул множества голосов’ > *бархира-* ‘голосить, драть глотку’;

– *гон гон* ‘хнык-хнык (плач)’ > *гонги-но- / гонгоно-* ‘хныкать’;

– *жин жин* ‘дзынь-дзынь’ > *жингэнэ-* ‘звякать, звенеть’;

– *пар пар* ‘тук-тук (звук удара о твердый предмет)’; звук хриплого смеха > *паржигна-* ‘греметь, шуметь; издавать сильные глуховатые звуки’;

– *пор пор* ‘буль-буль’ > *порчигно-* ‘клокотать, бурлить (о воде)’;

– *пур пур* — ‘клокотание, бурление, а также изображение ситуации, когда клубами поднимается дым или пыль’ > *пурги- / бурги-* ‘клубиться (о пыли)’; *пурчигна-* ‘клубиться (о пыли); бурлить, клочкотать’;

– *сүн* — ‘вой, гудение, свист (стрелы, пули, ветра)’ > *сүнгэнэ-* ‘гудеть, выть, шуметь (о ветре, моторе и т. д.)’;

– *тарчиг тарчиг/тарчиг түрчиг* ‘бух-бух (стук многих телег, топот скота); шуршур (шелест бумаги)’ > *тарчигна-* ‘дребезжать, трещать, стучать; шелестеть (о бумаге)’ > *тарчигнан тэрчигнэн* (слитные деепричастия) — ‘шелест бумаги’;

– *тас няс* ‘бац, хлоп’ — ‘звукоподражание треску’ > *няслах* ‘щелкать пальцами; давать щелчок’;

– *тог тог* ‘тук-тук’ > *тогиши-* ‘стучать’;

– *тожиг тожиг* ‘тук-тук’ > *тожигно-* ‘стучать, шуметь’ (о чем-то маленьком)’;

– *тон тон* ‘динь-динь (о медном тазе)’ > *тониши-* ‘колотить’;

– *тор тор* ‘тук-тук; топ-топ; цок-цок’ > *торчигно* ‘раздаваться (о топоте, грохоте, треске, цокоте копыт)’;

– *түг түг* ‘тук-тук’ > *түгиши* ‘стучать, трепетать (о сердце)’;

– *түс* ‘тук’ — ‘звук легкого стука’ > *түсгээтэл* ‘со стуком (например, упасть)’ (в современном языке бытует только в форме предельного деепричастия);

– *хангир жингэр/хангир чингэр* ‘звяк-звяк, бряк-бряк (лязг, звон металла)’ > *хангира* ‘звенеть, бряцать, дребезжать’.

3) Возгласы-команды для скота и домашних животных:

– *гич гич* — ‘призыв щенка’ > *гичлэ* ‘звать щенка’;

– *гурий гурий / гуруй гуруй* — ‘возглас, которым подзывают лошадей’ > *гурийла-* / *гуруйла-* ‘1. подзывать лошадей, чтобы собрать их вместе, возгласом *гурий-гурий / гуруй-гуруй*; 2. говорить *гурий-гурий / гуруй-гуруй* во время доения кобылы, чтобы она дала пососать молока жеребенку’;

– *гүүргий гүүргий* — ‘слова, произносимые при отделении ягнят и козлят от маток’ > *гүүргийлэ* ‘подзывать ягнят и козлят возгласом *гурги-гурги*’;

– *дуур дуур* — ‘возглас, которым подзывают верблюдов’ > *дуурла-* ‘звать верблюда, произнося *дур-дур*’;

– *зуу зуу / цуу цуу* — ‘возглас, которым подзывают коз и козлят’ > *зуузуула-* / *цууцуула-* ‘подзывать коз и козлят возгласом *дзу-дзу*’;

– *өөв өөв* — ‘возглас, которым подзывают корову; ласкательное слово, которым уговаривают корову, не подпускающую теленка’ > *өөвлө-* ‘подзывать коров и телят возгласом *ов-ов*; уговаривать корову подпустить своего теленка, говоря *ов-ов*’;

– *сөг сөг* — ‘возглас, которым заставляют верблюда лечь на землю или остаться в лежачем положении’ > *сөглө-* ‘заставлять верблюда лечь или не подниматься, используя возглас *сөг-сөг*’;

– *сугай сугай* — ‘возглас, которым подзывают ячиху’ > *сугайла-* ‘подзывать ячиху возгласом *сугай-сугай*’;

– *тойг тойг* — ‘слова, произносимые напевно при уговаривании овцы, не подпускающей к себе ягненка’ > *тойгло-* ‘угова-

ривать овцу принять ягненка, не подпускаемого ею, произнося *тойг-тойг*’;

– *тоор тоор* — ‘возглас, которым уговаривают верблюдицу, не подпускающую к себе верблюжонка’ > *тоорлох* ‘говорить верблюдице *тор-тор*’;

– *хөөг хөөг* — ‘окрик на быков и верблюдов; возглас, которым понукают караван’ > *хөөглө-* ‘окрикнуть быков и верблюдов, произнося *хог-хог*’;

– *хөөр хөөр* — ‘окрик на яка’ > *хөөрлө-* ‘окрикнуть яка’;

– *хөөс хөөс* — ‘возглас, которым подзывают верблюдицу’ > *хөөслө-* ‘подзывать верблюдицу возгласом *хос-хос*’;

– *чайг чайг* — ‘возглас, которым подзывают или отгоняют коз’ > *чайгла-* ‘кричать козе *чайг-чайг*’;

– *чойг чойг* — ‘возглас, которым подзывают коз’ > *чойгло-* ‘подзывать коз возгласом *чойг-чойг*’;

– *чөх чөх* ‘Но!’ — ‘возглас, которым понукают лошадь’ > *чөхлө-* ‘говорить «Но!»’.

При образовании глаголов первой группы используются словообразовательные аффиксы:

- *-ла-* (*ваагла-* ‘квакать’, *гаагала-* / *гагаагла-* ‘каркать; кудахтать’),

- *-на-* (*гүгнэ-* ‘куковать’),

- *-га-* (*жиргэ-* ‘щебетать (о птичке); журчать (о ручье)’),

- *-чи-* (*гуагчи-* ‘каркать’),

- *-хирА-* (*цорхиро-* ‘кричать (о животных)’).

В глаголах второй группы выделяются те же аффиксы, а также:

- *-жигна-* (*паржигна-* ‘греметь, шуметь; издавать сильные глуховатые звуки’) и его вариант *-чигна-* (*порчигно-* ‘клокотать, бурлить (о воде)’),

- *-ги-* (*пурги-* / *бургин-* ‘клубиться (о пыли)’);

- *-ши-* (*тогши-* ‘стучать’)

Глаголы третьей группы образуются исключительно с помощью деривационного глагольного суффикса *-ла-* (*хөөрлө-* ‘окрикнуть яка’).

Семантический сдвиг относительно исходного значения звукоподражательных корней и возгласов-команд можно заметить в отдельных глаголах всех трех групп, осо-

бенно на следующих ступенях словообразования (после первичного присоединения глагольного деривационного суффикса к звукоподражательному корню или конверсии звукоподражательного корня) при присоединении аспектуальных и залоговых суффиксов и актантной деривации:

– *бавна*- ‘блеять и трясти бородой (о козле)’ > ‘тараторить, пустословить, трепать языком без умолку (о людях с бородой)’; *бавналда*- (реципрок¹) ‘блеять (о козлах)’ > ‘болтать, трепать языком’;

– *гаагала*- ‘каркать’ > ‘орать, кричать’;

– *гүгнэ*- ‘куковать, ворковать’ > ‘ворчать, бормотать’;

– *гүүргийлэ*- ‘подзывать, подманить ягнят, овец’ > ‘делать кого-л. полностью зависимым’;

– *жиргэ*- ‘щебетать (о пташке)’ > ‘сумасбродствовать’;

– *цорхиро*- ‘кричать (о животных)’ > *цорхиролз*- (итератив) ‘токовать, особым криком подзывать самку (о тетеревах, рябчиках)’;

– *жингэнэ*- ‘звякать, звенеть’ > ‘усиливаться, крепчать (о морозе); продрогнуть до мозга костей, чувствовать ломоту; ломить (о костях); ныть (о зубе)’;

– *тониши*- ‘колотить’ > ‘клевать (о птицах); плохо играть на музыкальном инструменте; делать строгий выговор’;

– *торчигно*- ‘раздаваться (о топоте, грохоте, треске, цокоте копыт)’ > *торчигнотол* (предельное деепричастие) ‘без умолку, громко’ (говорить);

– *түгииш*- ‘трепетать, биться, дрожать, замирать, зажиматься (о сердце)’ > ‘беспокоиться, тревожиться; бояться; задыхаться (о лошади)’.

Отдельно следует сказать о сочетаниях звукоподражательных корней с глаголами *хий*- ‘делать’ (иногда в орфографии глагол *хий*- пишется слитно со звукоподражательным корнем; часто встречаются сочетания с формой деепричастия предела *хийтэл*), *дуу*-

гара- ‘издавать звук’ и *гэ*- ‘говорить’. Такие сочетания в силу их распространенности можно рассматривать как аналитический способ образования звукоподражательных глаголов.

Приведем примеры употребления звукоподражательных корней с каждым из глаголов, чтобы выяснить ограничения на их употребление.

1) Сочетания с глаголом *хий*- ‘делать’:

• *бур бур хий*- , *бур хий*- ‘бурлить, булькать; клокотать, кипеть’;

• *вар вар хий*- ‘квакать (о лягушке)’;

• *ган ган хий*-, *ган хий*- ‘визжать; лаять беспрерывно (о собаке)’;

• *гангар гунгар хий*- ‘гоготать (звукоподражание крику перелетных птиц)’; в переносном значении — ‘разговаривать, беседовать’;

• *гон гон хий*- ‘каркать (о воронах)’; в переносном значении — ‘хныкать; говорить, произносить в нос; жаловаться, плакать’;

• *гүд хийтэл залги*- ‘заглотнуть, проглотить’;

• *дан дан хий*- / *дан дон хий*- / *дүн дан хий*- ‘скрежетать, лязгать’; *дан хийтэл* ‘с лязгом (например, замкнуть дверь, сундук и т. д.)’;

• *дон дон хий*- ‘издавать звуки гон-гон’; в переносном смысле — ‘молоть вздор, неугомонно болтать’;

• *дүн дан хий*- ‘гремять (звук от удара в бочку)’;

• *еп еп хий*-, *епхий*- ‘грохнуть, раздаваться (о глухом звуке)’; *епхийтэл* (деепричастие предела) ‘с грохотом, шлепанием, хлопанием’; есть форма *епхийлгэ*- (каузатив);

• *ён ён хий*- ‘брякать, брэнчать (о пустых емкостях)’; в переносном смысле — ‘не давать покоя, стоять над душой’;

• *хон ён хий*- ‘брякать, брэнчать (о пустых емкостях)’;

• *жар жур хий*- ‘щебетать, журчать’;

• *жингир жингир хий*- ‘звенеть, бряцать’ > *жингир жингир хийлгэ*- (каузатив) ‘бряцая цепью’;

• *жир жир хий*- ‘чирикать, журчать’;

• *тас няс хий*- ‘издавать треск (например, о ружейном выстреле)’; *тас няс хийтэл* (деепричастие предела) ‘с треском, со звуками удара (например, бича)’;

¹ Монгольский суффикс *-лд-* формально считается реципрокальным аффиксом, но часто обозначает совместные действия, а также частично или полностью теряет свое значение и превращается в деривационный суффикс, с помощью которого образуются глаголы с новым значением [Tserenpil, Kullmann 2008: 127–128].

- *пад пад хий-*, *падхий-* ‘грохотать, греметь (звукоподражание шуму, треску, грохоту)’;
- *пал хий-* ‘бултыхнуться’; в переносном значении — *палхий-*, *дотор пал хий-* ‘кровь стынет; сердце замирает’; *дотор пал хийлгэ-* (каузатив) ‘надорвать душу, сердце’;
- *пал пал хий-* / *шал пал хий-* ‘все уши прогудеть’;
- *пар пар хий-* ‘стукнуть (о звуке удара о твердый предмет)’;
- *пид хий-* / *пид пад хий-* ‘стукнуть (о звуке удара о твердый предмет, о звуке падения)’; *пидхийтэл* (предельное деепричастие) *инээ-* ‘прыснуть со смеху’;
- *пин хий-* ‘стукнуть (о звуке глухого удара)’;
- *пир пир хий-* ‘треснуть, хрустнуть’;
- *пис хий-*, *писхий-* ‘взорваться (о дудом, полом предмете)’; *пис хийж* (предельное деепричастие) ‘насквозь, совсем’; *пис хийж хагара-* ‘совсем разорваться’;
- *пор пор хий-* ‘клокотать’;
- *пул пул хий-*, *пулхий-* ‘бултыхаться; булькать’; *пул хийтэл* (предельное деепричастие) ‘бултых’ (в воду);
- *пур пур хий-* ‘клокотать, бурлить, подниматься клубами (о паре), клубиться (о дыме)’; *пур хий-*, *пурхий-* ‘подниматься (о пыли)’; есть формы *пурхийлгэ-* (каузатив), *пурхийчихэ-* (завершенное однократное действие);
- *пүд хий-* ‘треснуть (о резком звуке отрыва, разрыва)’;
- *пүл хий-*, *пүл пүл хий-* / *пүл пол хий-*, *пүлхий-* ‘бултыхнуться (о чем-то небольшим, упавшем в жидкость)’; *пүл хийтэл* ‘с плеском’; есть формы *пүлхийлгэ-* (каузатив) и *пүлхийчихэ-* (завершенное однократное действие);
- *пясхий-* ‘хлопнуть, шлепнуть’;
- *сар сар хий-*, *сархий-* ‘шаркать, шуршать, скрипеть, шелестеть’; *сархийтэл* (предельное деепричастие) ‘с плеском (вылить)’;
- *сүй сүй хий-* ‘порхать (о мотыльках); охать, испуская глубокий вздох’;
- *сүн хий-* ‘свистеть, выть (о стреле, пуле, ветре); нестись, мчаться (о самолете, машине, всаднике и т. д.)’;
- *сэр сэр хий-* ‘издавать шорох (о ветерке)’;
- *тав хий-* ‘захлопываться; издавать треск; лопаться, срываться; подойти, быть впору’; *тав хийтэл* (предельное деепричастие) ‘как раз, точно’;
- *тан хий-* ‘грохнуть, выстрелить (о ружье)’; *тан хийж* (соединительное деепричастие) ‘со звуком, издаваемым спущенной тетивой тугого лука’; *тан хийм¹ хатуу* ‘очень тугой (букв.: такой жесткий, что издаст звук спущенной тетивы тугого лука)’;
- *тар няр хий-* ‘издавать треск, греметь (звук треска при падении чего-л.)’; *тар түр хий-* ‘ссориться, перебраниться, повздорить’;
- *тов тов хий-* ‘стучать гулко, топать; идти чередой (напр. о мыслях)’;
- *тон тон хий-* ‘издавать звук дзынь-дзынь (о медном тазе и т.п.)’;
- *тордхий-* ‘треснуть, шмыгнуть’;
- *түг түг хий-* ‘стучать (о сердце)’;
- *түс хий-* ‘раздаться (о легком стуке)’ — однократное действие; *түс хийтэл* (предельное деепричастие) ‘с глухим стуком (например, шлепнуться)’; *түс тас хий-*, *түс түс хий-* ‘раздаваться (о глухом стуке)’ — многократное действие;
- *тэв хийж* (соединительное деепричастие) ‘галопом, топоча’; *тэв хийтэл* (предельное деепричастие) ‘рывком’;
- *хав хий-* ‘хапнуть, схватить зубами (о собаке)’;
- *хан хий-* ‘звенеть, бряцать (о чем-то железном)’;
- *хангир жингэр хий-* ‘издавать лязг; бряцать, бренчать’;
- *хар хий-* ‘издавать треск’; *хар хар хий-* ‘шуметь, издавать шум, топот, хруст, треск’;
- *хар хур хий-* ‘рычать, лаять (о собаке)’;
- *хэр хар хий-* ‘кашлять, харкать’ (многократное действие, выполняемое несколькими людьми);
- *хол хол хий-* ‘булькать (например, о воде при переливании из сосуда)’;
- *хон хон хий-* ‘звенеть (о колокольчиках, бубенчиках)’;
- *хор хор хий-* ‘хрипеть, храпеть, хрюкать; журчать’; *хор хийтэл* ‘с хрипением’;

¹ Суффикс -м- — деривационный аффикс со значением «способность или возможность совершения действия», с помощью которого от глаголов образуются прилагательные.

• *хуас хуас хий*- ‘громко смеяться, хохотать’;

• *хэрд хий*- ‘хрустеть, издавать звук при кусании и разжевывании твердого’; *хэрд хийж* (соединительное дееспричастие) ‘с треском, с хрустом (на зубах)’;

• *цар цар хий*- ‘стрекотать (о травяных кобылках); трещать, шуметь, свистеть (при сверлении)’;

• *цард хий*- ‘издать неожиданный шум’;

• *цов цов хий*- ‘кричать (о дерущихся детях)’;

• *цор цор хий*- ‘кричать, шуметь, галдеть (о толпе детей)’;

• *цул цул хий*- ‘хлопать, чавкать’;

• *цэр цэр хий*- ‘трещать, стрекотать (например, о кузнечиках)’;

• *чаг чаг хий*- ‘тикать’;

• *чингэр чингэр хий*- / *хангир чингэр хий*- ‘звенеть, бряцать’;

• *чирд хий*- ‘вспархивать (о птице); вспыхивать (об искре); журчать’;

• *шав хий*- ‘раздаваться (о звуке удара плетью, шлепке, свисте пущенной стрелы, шелканья языком)’; *шав хийлгэ*- (каузатив) ‘щелкнуть кнутом’; *шав хийтэл* (предельное дееспричастие) ‘со шлепком’;

• *шар шар хий*- ‘скрипеть (о снеге под ногами)’; *шар шир хийж* (соединительное дееспричастие) ‘с шумом, шумно’; *шар хийтэл* (предельное дееспричастие) ‘с шумом, шелестом; быстро, шумно, вдруг’; *шар шур хий*- ‘скрипеть (о сапогах)’;

• *шурд хий*-, *шурдхий*- ‘раздаваться (о звуке, характерном для ситуации, когда кто-то или что-то стремительно пролетает, проносится мимо, например, поезд)’;

• *яг хий*- ‘издавать треск; издавать резкий щелкающий звук’; *яг хийтэл* (предельное дееспричастие) ‘крепко, сильно (например, треснуться головой)’;

• *ян ян хийж* ‘докучливо, надоедливо (о жужжании насекомых или стуке топора)’;

• *яр хий*- ‘трескаться, лопаться, разбиваться (о падающем и разбивающемся предмете)’;

• *яс хий*- ‘хлопать, шлепать, хлестать (хлыстом)’; *яс хийтэл* ‘неожиданно (например, упасть)’.

2) Сочетания с глаголом *дуугара*- ‘издавать звук’:

• *бар бар дуугара*- ‘рычать, издавать грубые, прерывистые звуки’;

• *дун дан дуугара*- ‘издавать глухой звук, как от удара бревна’;

• *жив жив дуугара*- ‘чирикать (о птичках)’;

• *жин жин дуугара*- ‘звенеть, издавать звон’;

• *хангир жингэр дуугарга*- (каузатив) ‘бренчать ключами, звякать ключами’;

• *пар пар дуугара*- ‘стукнуть (о звуке удара о твердый предмет)’;

• *хав хав дуугара*- ‘лаять (о собаке)’;

• *шав шав дуугара*- ‘прищелкивать языком’.

3) Сочетания с глаголом *гэ*- ‘говорить’:

• *гий гай гэ*- ‘галдеть, шуметь; кричать, орать’;

• *гон гон гэ*- ‘хныкать’;

• *жаад гэ*- ‘вдруг вскрикнуть (о ребенке); вдруг сильно заблеять (о козленке)’;

• *над гэ*- ‘с треском лопаться’;

• *пор пор гэ*- ‘клокотать’;

• *пур пур гэ*- ‘клокотать, бурлить’;

• *пүл пал гэ*- ‘невнятно бормотать, проглатывая слова (когда язык заплетается, еле-еле ворочается)’;

• *тав гэ*- ‘захлопываться; издавать треск; лопаться, срываться; подойти, быть впору’;

• *тан гэ*- ‘раздаваться (о звоне гонга)’;

• *тар тар гэ*- ‘дребезжать, звякать’;

• *тов тов гэ*- ‘стучать гулко, топтать; идти чередой (напр. о мыслях)’;

• *тон тон гэ*- ‘издавать звук дзынь-дзынь (о медном тазе и т. п.)’;

• *торд гэ*- ‘треснуть; шмыгнуть’;

• *хээ хээ гэ*- ‘захихикать’;

• *цар цар гэ*- ‘стрекотать (о кузнечике); скрипеть (по снегу)’;

• *цар цир гэ*- ‘шипеть (на сковороде)’;

• *цар цур гэ*- ‘переругиваться; лаять (о щенке)’;

• *чаг чаг гэ*- ‘тикать’;

• *чар чар гэ*- ‘стрекотать’;

• *чирд гэ*- ‘вспархивать (о птице); вспыхивать (об искре); журчать’;

• *шаг шиг гэ*- ‘чирикать’; *шаг шуг гэлцэ*- (каузатив) ‘шепаться’;

• *шар шур гэ*- ‘шелестеть’.

Как видно, четкого разграничения по семантике между звукоподражательными корнями, употребляемыми с глаголами *хий-* ‘делать’, *дуугара-* ‘издавать звук, звучать’ и *гэ-* ‘говорить’, нет. Четыре корня употребляются и с глаголом *хий-* ‘делать’, и с глаголом *дуугара-* ‘издавать звук, звучать’, при этом значения словосочетаний либо совпадают, либо отличаются незначительно (см. табл. 1).

Совпадений в сочетаниях с глаголом *хий-* ‘делать’ и *гэ-* ‘говорить’ — 12 (см. табл. 2).

Совпадений звукоподражательных корней в сочетаниях с *гэ-* ‘говорить’ и *дуугара-* ‘издавать звук, звучать’ в словарях не зафиксировано.

Частные случаи употребления звукоподражательных корней с другими глаголами:

- *над над алгада-* ‘шлепать или ударять ладонью’ (например, по плечу);
- *гангар гунгар ярилца-* ‘говорить нараспев’ (как птицы гогочут);
- *гүд гүд залгила-* ‘заглатывать’;
- *жир жир хоржигно-* ‘журчать’ (о ручье);
- *жир жир салхила-* ‘слегка дуть’ (о ветре);
- *пар пар инээ-* ‘раскатило, хрипло смеяться’;
- *сар сэр салхила-/сэр сэр салхила-* ‘дуть потихоньку, понемножку, шелестеть, веять (о ветре)’;

– *тэв тэв алхла-* ‘грузно, ровно, твердо, уверенно шагать’;

– *хон хон хуца-* ‘звонко лаять, как колокольчик (о собаке)’;

– *чаг чаг цохи-* ‘тикать’;

– *шав шав исгэрэ-* ‘свистеть (о стреле)’;

– *шар шур ява-* ‘идти, поскрипывая (например, новой обувью)’.

Интересен пример избыточного, с точки зрения принципа стремления языка к экономии средств, словосочетания *жир жир жиргэ-* ‘свистеть, петь’ (о птицах).

4. Заключение

Обобщая сказанное, следует отметить, что монгольские звукоподражательные глаголы образуются тремя способами: 1) суффиксальным способом с помощью суффиксов *-ла-*, *-на-*, *-гА-*, *-чи-*, *-хирА-*, *-жигна-*, *-чигна-*, *-ги-*, *-ши-* (причем от возгласов-команд, направленных на животных, глаголы образуются только с помощью суффикса *-ла-*); 2) с помощью конверсии (редко); 3) налитическим способом с помощью глаголов *хий-* ‘делать’, *гэ-* ‘говорить’, *дуугара-* ‘издавать звук, звучать’. Глаголы, образованные суффиксальным способом, нередко, кроме прямого, имеют и переносное значение, основанное на метафорическом переносе.

Таблица 1. Совпадающие звукоподражательные слова в сочетаниях с *хий-* и *дуугара-*
[Table 1. Coinciding onomatopoeic words in combinations with *хий-* and *дуугара-*]

Сочетания с <i>хий-</i>	Значение	Сочетания с <i>дуугара-</i>	Значение
<i>дун дан хий-</i>	‘греметь (о звуке от удара в бочку)’	<i>дун дан дуугара-</i>	‘издавать глухой звук, как от удара бревна’
<i>пар пар хий-</i>	‘стукнуть (о звуке удара о твердый предмет)’	<i>пар пар дуугара-</i>	‘стукнуть (о звуке удара о твердый предмет)’
<i>хав хий-</i>	‘хапнуть, схватить зубами (о собаке)’	<i>хав хав дуугара-</i>	‘лаять (о собаке)’
<i>шав хий-</i>	‘раздаваться (о звуке удара плетью, шлепке, свисте пущенной стрелы, щелканья языком)’	<i>шав шав дуугара-</i>	‘прицеливать языком’

Таблица 2. Совпадающие звукоподражательные слова в сочетаниях с *хий-* и *гэ-*
[Table 2. Coinciding onomatopoeic words in combinations with *хий-* and *гэ-*]

Сочетания с <i>хий-</i>	Значение	Сочетания с <i>гэ-</i>	Значение
<i>гон гон хий-</i>	‘каркать’ (о воронах); в переносном значении — ‘хныкать; говорить, проносить в нос; жаловаться, плакать’	<i>гон гон гэ-</i>	‘хныкать’

<i>пад пад хий-</i> <i>падхий-</i>	‘грохотать, греметь (звукоподражание шуму, треску, грохоту)’	<i>пад гэ-</i>	‘с треском лопаться’
<i>пор пор хий-</i>	‘клокотать’	<i>пор пор гэ-</i>	‘клокотать’
<i>пур пур хий-</i>	‘клокотать, бурлить, подниматься клубами (о паре), клубиться (о дыме)’	<i>пур пур гэ-</i>	‘клокотать, бурлить’
<i>тав хий-</i>	‘захлопываться; издавать треск; лопаться, срываться; подойти, быть впору’	<i>тав гэ-</i>	‘захлопываться; издавать треск; лопаться, срываться; подойти, быть впору’
<i>тан хий-</i>	‘грохнуть, выстрелить (о ружье)’	<i>тан гэ-</i>	‘раздаваться’ (о звоне гонга)
<i>тов тов хий-</i>	‘стучать гулко, топать; идти чередой (например, о мыслях)’	<i>тов тов гэ-</i>	‘стучать гулко, топать; идти чередой (например, о мыслях)’
<i>тон тон хий-</i>	‘издавать звук дзынь-дзынь (о медном тазе и т. п.)’	<i>тон тон гэ-</i>	‘издавать звук дзынь-дзынь (о медном тазе и т. п.)’
<i>торд хий-</i>	‘треснуть, шмыгнуть’	<i>торд гэ-</i>	‘треснуть; шмыгнуть’
<i>цар цар хий-</i>	‘стрекотать (о травяных кобылках); трещать, шуметь, свистеть (при сверлении)’	<i>цар цар гэ-</i>	‘стрекотать (о кузнечике); скрипеть (по снегу)’
<i>чаг чаг хий-</i>	‘тикать’	<i>чаг чаг гэ-</i>	‘тикать’
<i>чирд хий-</i>	‘вспархивать (о птице); вспыхивать (об искре); журчать’	<i>чирд гэ-</i>	‘вспархивать (о птице); вспыхивать (об искре); журчать’

Источники

- БАМРС 1, 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с.
- БАМРС 3, 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 3. Ё–Ф. М.: Academia, 2001. 440 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Баттулга 2006 — *Баттулга Ч.* Амар байна уу? Монгол орон судлалын унших бичиг (= Как поживаете? Книга для чтения по монгольскому страноведению). Вып. IV. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2006. 125 с.
- МХТТ 2011 — Монгол хэлний тайлбар толь (= Толковый словарь монгольского языка) / ред. Х. Б. Баярсайхан, сост. О. А. Янжиндолгор. Улаанбаатар: Монсудар, 2011. 1890 с.

Sources

- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ё–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Battulga Ch. How Are You? A Reader in Mongolia' Regional Geography. Vol. 4. Ulaanbaatar: Mönkhiin Üseg, 2006. 125 p. (In Mong.)
- Yanzhindolgor O. A. (comp.) Explanatory Dictionary of the Mongolian Language. Kh. Bayarsaikhan (ed.). Ulaanbaatar: Monsudar, 2011. 1890 p. (In Mong.)

Литература

- Цыдендамбаев 1958 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Изобразительные слова в бурятском языке // Г. Д. Санжеев (ред.). Филология и история монгольских народов: Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М.: Вост. лит., 1958. С. 136–151.
- Цыдендамбаев 1963 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Изобразительные слова в монгольских языках // Б. Г. Гафуров (ред.). Труды XXV Международного конгресса востоковедов, Москва, 9-16 августа 1960. Т. 3. Заседания секций X, XI, XIII. М.: Вост. лит., 1963. С. 412–417.
- Шагдаров 1962 — *Шагдаров Л. Д.* Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1962.
- Ramstedt 1951 — *Ramstedt G. J.* Über onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1951. № 55. Pp. 106–112.
- Tserenpil, Kullmann 2008 — *Tserenpil D., Kullmann R.* Mongolian grammar. Ulaanbaatar: ADMON Co., 2008. 448 p.

References

- Tsydendambaev Ts. B. Imitatives in Buryat. In: Sanzheev G. D. (ed.) *Philology and History of the Mongolic Peoples*. In Memoriam Boris Ya. Vladimirtsov. Moscow: Oriental Literature Press, 1958. Pp. 136–151. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Imitatives in the Mongolic languages. In: Gafurov B. G. (ed.) *Twenty Fifth International Congress of Orientalists. Proceedings* (Moscow, 9–16 August 1960). Vol. 3. Sections 10, 11, 13. Moscow: Oriental Literature Press, 1963. Pp. 412–417. (In Russ.)
- Shagdarov L. D. Imitatives in Modern Buryat. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1962. 149 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. Über onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1951. Vol. 55. Pp. 106–112. (In Germ.)
- Tserenpil D., Kullmann R. *Mongolian Grammar*. Ulaanbaatar: Admon, 2008. 448 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 937–955, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3

Лексемы, обозначающие радугу, в монгольских языках. Часть 2

Rainbow Lexemes in Mongolian Languages. Part 2

Виктория Васильевна Куканова¹

Viktoria V. Kukanova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, директор

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate, Director

 0000-0002-7696-4151. E-mail: [vika.kukanova\[at\]gmail.com](mailto:vika.kukanova[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Куканова В. В., 2025

© Kukanova V. V. 2025

Аннотация. *Введение.* Данная статья является продолжением исследования лексем, обозначающих радугу, в монгольских языках. *Материалом* исследования послужили различные словари письменно-монгольского, средне-монгольского и современных монгольских языков, по диалектам монгольских языков. В результате анализа лексикографических источников выделено 10 наименований радуги, среди которых основными являются рефлексy от прамонгольского *solanga в современных монгольских языках. Некоторые из этих номинаций имеют образный характер, что свидетельствует, на наш взгляд, о табуированности названия радуги. Существуют среди них и такие наименования, которые сохранили рудименты архаичных верований добуддийского характера. В базах семантических переходов такие сдвиги в семантике не обнаружены. Наличие простого по своей структуре концепта в монгольских языках, отсутствие более расширенной коллокационной сетки свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что предки монгольских народов проживали на территории с сухим и теплым климатом, где редко возникали условия для появления радуги на небе. Возможно, в таком регионе они проживали какое-то время, поэтому в языке нет следов отражения более разветвленной структуры концепта. Если последние развили дополнительные значения путем переноса наименования на пограничные явления (например, в монгольских языках одни и те же слова могут обозначать ветер и воздух, ветер и дождь и т. д. или в тунгусо-маньчжурских языках грозу и гром, грозу и молнию, в других языках также отмечаются подобные семантические переходы), то у слова радуги в монгольских языках семантические переходы не отмечены, хотя некоторые ученые указывают на возможный переход радуга → животное.

Ключевые слова: монгольские языки, лексикология, метеорологическая лексика, номинации радуги, этимология, семантика, заимствования

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Разработка инструментария и комплексные исследования монгольских языков и их диалектов»

(с применением технологий анализа больших массивов данных словарных и корпусных материалов)» (№ 25-78-20008).

Для цитирования: Куканова В. В. Лексемы, обозначающие радугу, в монгольских языках. Часть 2 // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 4. С. 937–955. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-937-955

Abstract. Introduction. The article continues our research into lexemes denoting rainbow in Mongolic languages. *The material* of the study is the differences in various dictionaries of written Mongolian, Middle Mongolian and modern Mongolian languages, by dialects of Mongolian languages. As a result of the analysis of lexicographic sources, 10 names of the rainbow were identified, among the main ones are reflexes from the Proto-Mongolian *solanga in modern Mongolian languages. Some of these nominations are figurative in nature, which indicates, in our opinion, the taboo nature of naming the rainbow. Among them, there are also such names that retain the rudiments of archaic beliefs of a pre-Buddhist nature. In the bases of semantic transitions, such shifts in semantics were not found. The presence of a simple concept of its own in the Mongolian countries, the absence of a more extended collocation network shows, in our opinion, that the ancestors of the Mongolian peoples lived in a territory with a cold and cold climate, where conditions for showing rainbows in the sky rarely arose. Perhaps, they lived in such relations for some time, therefore, in communication there is no tracking of the reflection of a more branched structure of the concept. If the latter have developed additional meanings by transferring names to borderline phenomena (for example, in Mongolian languages the same words denote wind and air, wind and rain, etc., or in Tungus-Manchu languages thunderstorm and thunder, thunderstorm and lightning, in other languages similar semantic transitions are also denoted), then in the words of rainbow in Mongolian languages semantic transitions are not mentioned, although some of them indicate a possible transition rainbow → animal.

Keywords: Mongolian languages, lexicology, meteorological vocabulary, rainbow nominations, etymology, semantics, loanwords

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 25-78-20008 ‘Developing Research Tools and Conducting Comprehensive Studies of the Mongolic Languages and Their Languages: Applying Big Data Tools for the Analysis of Dictionaries and Corpora’.

For citation: Kukanova V. V. Rainbow Lexemes in Mongolian Languages. Part 2. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 937–955. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-937-955

Данная статья является продолжением исследования, начатого в части 1, опубликованной в предыдущем номере журнала, в которой были охарактеризованы материалы и методы исследования, рассмотрена лексема *solanga ‘радуга’ в монгольских языках.

5. Лексема *SĪRANGA (?) ‘РАДУГА’

1.1. дагур. *шāriңгi* ‘радуга’ [Поппе 1930: 101]; *шāрингi* ‘радуга’ [Тодаева 1961: 183]; *шееру* / *шеерууңг* ‘радуга’ [КДРС 2014: 215]; *je:ru:* ‘虹 = радуга’ [ДМС 1984: 232].

Употребления:

Процессы, связанные с радугой: *je:ru:* *tat-* ‘現虹 = радуга появилась’ [ДМС 1984: 232]; *шееру татгу* ‘взойти (о радуге)’ [КДРС 2014: 215].

В подкаменнотунгусском, непском говорах южного наречия, сахалинском, токкин-

ском, урмийском, учурском, чульманском, чумиканском говорах восточного наречия эвенкийского языка имеется лексема серун ‘переливать всеми цветами радуги’, в северо-байкальском говоре южного наречия — *шēру* ‘переливать всеми цветами радуги; сверкать (о молнии)’; в диалектах *сēрун*; в ербогоченском говоре северного наречия — *кēрунан* ‘радуга’; учурском и чульманском говорах восточного наречия — *сēру* ‘радуга’; в токкинском говоре восточного наречия — *сēрун* ‘радуга’; в дудинском говоре северного наречия — *hēлун* ‘радуга’; в ербогоченском и непском говорах северного наречия — *hēрун* ‘радуга’; в вилюйском говоре восточного наречия — *hēрунан* ‘радуга’; в сымском говоре южного наречия — *шēрун* ‘радуга’; северо-байкальском говоре южного наречия — *шēрун* ‘радуга; молния’; в

тимптонском говоре восточного наречия — *шэрун* ‘радуга’; в подкаменнотунгусском говоре южного наречия — *сёру́н*- и дудинском говоре северного наречия *һѣлун* ‘осветить радугой’; в ороческом языке — *сёрро* / *сүро* ‘радуга’ [ССТМЯ 19756: 72].

Н. Н. Поппе возводит лексему *шāрингй* к тунгусо-маньчжурскому слову *šaringya* ‘светлый’ [Поппе 1930: 101], хотя в [ССТМЯ 19756: 381] слово не зафиксировано с долгой *ā*: *шаринг* ‘а’ ‘светлый, полированный’. Возможно, что в дагурский язык слово было заимствовано из тунгусо-маньчжурских языков, так как монгольские племена жили в тесном контакте с тунгусо-маньчжурскими племенами [Рассадин 1984: 76], однако наличие долгой *ā* в одном источнике, а другом ее отсутствие ставит под сомнение эту гипотезу.

В монгольских языках было обнаружено слово письм.-монг. *sigereng* ‘[one] who urinates frequently = тот, кто часто мочится’ [Lessing 1960: 702]; ср.-монг. *ši’egu* ‘urinieren = мочиться’ [Haenisch 1939: 139]; халх. *шээрэн* ‘часто мочащийся, склонный к недержанию мочи, страдающий недержанием мочи’ [БАМРС 2002: 389]; орд. *šēreŋ* ‘qui souffre d’une incontinence d’urine = страдающий недержанием мочи’ [Mostaert 1968: 612]; бур. *шээрэн* ‘склонный к недержанию мочи’ [БРС 2008: 643]; ойр. *šēsü* ‘urine = мочиться’ [Krueger 1984: 440]; калм. *šērŋ* ‘писающий, который всегда писает’ [Ramstedt 1935: 355]; *шеерн* разг. ‘страдающий недержанием мочи’ [КРС 1977: 669]; дагур. *сээдгээр* ‘страдающий недержанием мочи; больной энурезом’ [КДРС 2014: 149]; шира-ю. *ʃi:sən alda-* ‘недержание’, *ʃi:rekəi* ‘с энурезом’ [ШЮПМКС 1984: 107]; монгор. *šēraqṭš’i* ‘pisseur = писающий’ [Smedt, Mostaert 1933: 377]; а также родственные слова в остальных монгольских языках хамн. *шээхү* ‘мочиться’ [ХРС 2015: 353]; *xiisi* / *shersi* ‘urine = моча’ [Языковые материалы 1996: 258]; баоан. *çesəŋ* ‘моча’ [БМКС 1986: 155]; дунс. *shesun anda* / *šəsun aŋda* ‘недержание мочи’ [ДКС 2012: 389].

Существует мнение, что дагур. *шāрйңгй* ‘радуга’ [Поппе 1930: 101]; *шāрингй* ‘радуга’ [Тодаева 1961: 183]; *шееру* / *шееруунг* ‘радуга’ [КДРС 2014: 215]; *ʃe:ru*: ‘虹 = ра-

дуга’ [ДМС 1984: 232] связано с вышеприведенным словом, так как можно предположить метафорическую связь между радугой и выделениями, ср. наименование радуги в бурятском языке *унэгэн-еги шээһэн* ‘моча матери-лисицы’ [Хангалов 2004: 469; Содномпилова 2009: 28] (см. об этом п. 8). Другими словами, радуга — это моча какого-то существа / божества, которое часто мочится. Такое возможно только в регионе, где очень влажно, рядом с большим водоемом (океаном / морем). Семантика этих слов весьма далека друг от друга, думается, что метафорический перенос в этом случае невозможен, больше напоминает народную этимологию. Кроме того, интервокальный согласный *g* в письм.-монг. *sigereng* ‘[one] who urinates frequently = тот, кто часто мочится’ [Lessing 1960: 702] выпадает, появляется долгий гласный, в результате дифтонг *ie* переходит в долгий *ē* [Тодаева 1986: 18], при этом долгий *ā* может восходить к **aṡa* или **iṡa* [Тодаева 1986: 17].

6. Лексема *LUI ‘ДРАКОН, РАДУГА’

1.1. письм.-монг. *lui* ‘дракон’ [Lessing 1960: 517]; в словаре О. М. Ковалевского приводится: *lui* ‘дракон; название пятого года в двенадцатилетнем цикле’ [Ковалевский 1846: 1965]; в словаре К. Ф. Голстунского — *lui* ‘дракон’ («описание наружного вида его следующее: рога как у оленя, уши как у коровы, голова как у верблюда, глаза круглые, шея длинная, брюхо как раковина, чешуя как у рыбы, лапы как у тигра, когти как у ястреба, спереди широкий, сзади узкий, может скрываться и делаться видимым, может делаться большим и малым, длинным и коротким, вообще превращения и изменения его бесчисленны») [Голстунский 1894: 199].

В доклассических памятниках письменного-монгольского языка ¹ (см. в [Tumurtogoo 2006]) данное слово употребляется в следующих значениях:

— название года (*lui jil*) — Khub. II The Edict of Khubilai Khan (1268), Aruṡ. The Mongolian Inscription of Prince Aruṡ (1340),

¹ Год создания текста приводится по: [Tumurtogoo 2006], однако не все памятники имеют данные сведения.

Qqor. I The Mongolian Inscription from Qara Qorum (1346), Turf. 22 The Letter of Tuyluytemür, Turf. 24 A Letter of Lawsuit и др.;

– наги¹ — Arj. The Wall Inscriptions from Arjai Grotto Arj. I Gučin Tabun Burqan-u Mörgül-ün Maytaya:l, BT. The Commentary of Bodhicaryāvatāra by Chos-kyi 'od-zer (1312), Bur. The Mongolian Version of the «Twelve Deeds of Buddha», Bod. The «Bodhicaryāvatāra» from Olon Süme и др.;

– как часть имени собственного — Chan. The Mongolian Inscription in Memory of Chang Ying-jüi (1335), Jig. The Mongolian Inscription in Memory of Jigün-tei (1338), Qqor. I The Mongolian Inscription from Qara Qorum (1346) и др.;

– в сочетании с *dun* ‘песня’ обозначает «гром» — Chan. The Mongolian Inscription in Memory of Chang Ying-jüi (1335), Jig. The Mongolian Inscription in Memory of Jigün-tei (1338). См. подробно индекс [Tumurtogoo 2006: 463].

1.2. ср.-монг. --- [Haenisch 1939; Поппе 1938]; *luu* ‘dragon = дракон’, *luus* ‘dragons, nagas = драконы, наги’ [Kara 2009: 170].

1.3. халх. луу(н) ‘дракон; название пятого года животного цикла; динозавр’ [БАМРС 20016: 305].

Диалектные формы: дариганга: *lūs* миф. ‘духи вод, духи местностей, водяной, леший’ (*lūsīn dagina* ‘богиня лусов’, *lūsīn qān* ‘хан лусов’) [Амаржаргал 1988: 231].

В диалектах монголов Внутренней Монголии лексема *лү* ‘дракон’ представлена в хорчинском, горлосском, арухорчинском, баринском, харчинском, тумутском, джалайтском, дурбетском, шилиголском, уланцабском, чахарском, ордосском, хешиктенском диалектах [Тодаева 1981: 165].

1.4. орд. *lu* ‘dragon = дракон’, *lu sara* ‘третья луна (по астрологическим календарям)’, *lu džil* ‘пятый год цикла двенадцати’, *lu ts’aq* ‘с 7 утра в 9 утра утром’ [Mostaert 1968: 447].

1.5. хамн. луу ‘дракон’ [ХПС 2015: 198].

¹ Нага (санскр. *na-ga*, тиб. *klu*, *лу* ‘змея’) — могущественное водное (иногда подземное) мифическое змееподобное существо, которое может принимать получеловеческий вид (змей с головой и руками человека) [Андросов 2011: 293].

1.6. бур. луу ‘дракон’ [БРС 2006: 520].

1.7. ойр. луу ‘гром, дракон’ [Тодаева 2001: 222]; [Галцан 2006: 979]. *luu* ‘dragon = дракон, nāga = нага’ [Krueger 1978: 584].

3.1.8. калм. лу ‘дракон; год дракона и месяц дракона’ [КРС 1977: 336]; *lū* ‘drache = дракон’, *lūgīn dūn* ‘donner = гром’, *D lūgīn sonn* ‘blitz = молния’, *lū džil* ‘das drachenjahr = год дракона’, *lū sar*^v ‘februar = февраль’, *lū tsaq* ‘die zeit von 6–8 uhr morgens = время с 6–8 утра’ [Ramstedt 1935: 253].

1.9. шира-ю. *ulə* ‘дракон’ [ШЮПМКС 1984: 21].

1.10. монгол. лу ‘дракон’ [Тодаева 1973: 343]; *luᠤ uanᠤ je* ‘龙王爷 = царь драконов’ [ММКС 1985: 115]; *lū* ‘dragon = дракон’, *lū yäse* ‘ossements fossiles = ископаемые кости’, *lū yäse arādžina* ‘le dragon change d’os = дракон меняет кости’, *lū donquordina* ‘il tonne = он гремит’, *lū nādi-* ‘jouer au dragon (le 15 de la première lune = играющий дракон (15 числа первой луны), *lū džir* ‘l’année du dragon, la cinquénne année du cycle = год дракона, пятый год цикла’, *lūni sara* ‘le mois du dragon, le troisième mois de l’année = месяц дракона, третий месяц года’, *lūni sar* ‘l’heure du dragon, de 7 á 9 h. du matin = час дракона, с 7 до 9 часов утром’ [Smedt, Mostaert 1933: 226–227].

1.11. баоан. *ləᠭ* ‘радуга’ [БМКС 1986: 104].

Употребления:

Процессы, связанные с радугой: *ləᠭ gi əl-* ‘рассеялась радуга’ [БМКС 1986: 104]; *ləᠭ şda-* ‘появилась радуга’ [БМКС 1986: 104].

1.12. дунс. лун ‘дракон’ [Тодаева 1961: 127], *lun* ‘дракон’ [ДКС 2012: 268].

Употребления:

Процессы, связанные с радугой: *lun sula* ‘вышла радуга’ [ДКС 2012: 268].

1.13. старомонгол. *lū* ‘dragon = дракон’ [Zirmi 1961].

Как видно, в южномонгольских языках не сохранилось этого значения, как и слово, обозначающее радугу, совсем иное, а именно: баоан.; дунс., которое совпадает с номинацией дракона в китайском языке 龍 *lóng* [КРС 1990: 579], в уйгурском языке улу ‘дракон’ [Тенишев, Тодаева 1966: 39], *lu* ‘drache = дракон’ [Räsänen 1969: 318], в

тибетском языке *klu* ‘дракон’ [Перих 1986а: 334]. Судя по примерам, заимствования являются сепаратными, то есть заимствования происходят из разных языков и относятся к более позднему этапу развития монгольских языков. В языках южно-монгольской группы заимствование, на наш взгляд, произошло из китайского языка, за исключением шира-югурского языка, где слово заимствовано из уйгурского, в остальные языки монгольской семьи — из тибетского языка через посредство уйгурского языка (см. подробнее [Неклюдов 2014; Неклюдов 2017]), хотя существует и другая точка зрения, согласно которой в тюркские языки слово было заимствовано из какого-то северо-западного диалекта I тысячелетия, где слово производилось без конечного *-ng* [Clauson 1972: 763], такое же возможно и для монгольских языков.

Дракон генетически связан со змеей: змея постепенно трансформировалась в дракона, оба животных, по представлениям китайцев, монгольских народов, повелевают дождем, грозой, водной стихией [Парникель 1982: 36–37; Символика культов 1980: 123; Miller 2000: 59; Неклюдов 2014; Неклюдов 2017]. Так, учеными обнаружены китайские орнаменты со змеиными изображениями, которые они связывают с моментом весеннего обновления природы, дождя и плодородия [Парникель 1982: 36–37].

7. Уникальные названия радуги в отдельных монгольских языках

Следующие названия радуги обнаружены только в отдельных монгольских языках или же в отдельном языке, некоторые из них носят образный характер и, скорее всего, являлись эвфемистическими названиями радуги в связи с тем, что прямое наименование радуги было табуировано.

1.1. халх. *далай уугч* ‘радуга’, букв. ‘выпивающая море / океан’ [БАМРС 2001б: 24].

1.2. бур. *далайе уугша* ‘радуга’, букв. ‘пьющий море’, являющееся калькой с тибетского [БРС 2006: 253].

В других языках не обнаружено данное название. Является калькой из тибетского языка, по мнению составителей [БРС 2006: 253], однако в словаре Ю. Н. Рериха такое

выражение не обнаружено, представлено только выражение *rgya mtsho* ‘thung букв. ‘пьющий океан’, которое обозначает вулкан, а не радугу [Перих 1984: 234]. Возможно, является рудиментом представлений о радуге как о мифическом существе, пьющем воду из водных источников, чтобы потом отдать ее в виде дождя на землю.

1.3. халх. *хийн унгарил* ‘радуга’, букв. ‘воздушные барашки’ [БАМРС 2001в: 333].

Наименование связано с представлениями о радуге как о воздушных барашках (пушинках) на небе. Скорее всего, заимствовано из тибетского языка: *rlung gi bal* ‘радуга’, букв. ‘хлопок ветра’ [Перих 1986б: 122].

1.4. бур. *хиин туг* старомонг. ‘радуга’ (букв.: воздушный флаг) [БРС 2008: 423].

Наименование имеет в своей структуре название артефакта, по этой причине считаем, что это более поздняя номинация. Но в то же время можно предположить, что, поскольку значение ветра у слова **kei* первично [Дыбо и др. 2022: 1344], то, возможно, имеется в виду «флаг ветра» (?) как божества (?). Здесь можно говорить и о связи ветра, дождя и радуги: ветер приносит дождь, а дождь — радугу. Номинация является калькой наименования в тибетском языке: поэт. *rlung gi rgyal mtshan* ‘радуга’ (букв.: штандарт ветра) [Перих 1986б: 121].

1.5. бур. *үнэгэн-еги шээхэн* ‘моча матери-лисицы’ [Хангалов 2004: 469; Содномпилова 2009: 28].

Диалекты:

юж.-бул. *үнгэн шииг* ‘радуга’ [Митрошкина, Семенова 2004: 31].

Исторические диалекты: Г. Ф. Миллер *үныген шегун* ‘радуга’; Г. Ф. Миллер *үны(г) ен шебо* ‘радуга’; Ф. П. Аделунг *үнүгени шегун* ‘радуга’ (по: [Будаев 1992: 151, 195]).

капс. И. А. Подгорбунский: *үнэгэн шэк-тэтэ* ‘радуга’ (букв.: с мочой лисы) [Подгорбунский 1909: 257].

Такое же наименование радуги встречается в якутском языке: *сасыл ҕа* букв. ‘лисы моча’ [Пекарский 1916: 165; Алексеев 1966: 29; Содномпилова 2009: 28], а также в эвенкийском (томмотский, учурский, чульманский говоры), где *сулакй чикэнин* ‘радуга’ [ССТМЯ 1975б: 124]. Еще М. Н. Хангалов указывал, что буряты связывали появле-

ние радуги с солнцем [Хангалов 2004: 263], а позже и Н. А. Алексеев присоединился к этой точке зрения, считая, что солнце есть лисица (или волк), а ее выделения есть радуга на небе [Алексеев 1966: 29]. Данная номинация в монгольских языках носит узуальный характер, то есть встречается только в языке бурятского народа, что обусловлено их контактами с якутами и эвенками.

1.6. халх. *эрхэсийн нум* ‘радуга’, букв. ‘лук могущественного’ [БАМРС 20016: 425]; *Хормуста-йин номо* ‘лук Хормусты’ (см. по: [Дугаров 2018: 93] со ссылкой на: [Sükhebayatur 1995: 56].

1.7. калм. *эрктин нумн* ‘радуга’ (букв.: лук могущественного) [Жижян 1995: 113].

Историческая форма: *erketüjin nūmin* ‘лук могущественного’, то есть Хормусты, — эпитет радуги [Позднеев 1911: 22], со ссылкой на книгу К. Ф. Голстунского «Монголо-ойратские законы 1640 года» [Монголо-ойратские 1880: 23] (*erketüjin nūmin metü maši yōroqči* ‘отличающийся чрезвычайною красотой, как радуга’ со ссылкой на [Монголо-ойратские 1880: 23]).

Образное наименование радуги связано с представлениями о радуге как о луке Хормусты — верховного божества в религиозно-мифологической традиции монгольских народов. Ранее ученые отмечали семантико-функциональную идентичность Индры и Хормусты [Дугаров 2018: 93]. Хормуста был очень важен для монгольских народов, основным занятием которых было скотоводство, так как он «управлял» дождями, очень важными для хорошего травостоя [Дугаров 2005: 103].

1.8. калм. *дохлң эмгн* детск. ‘радуга’ (букв.: хромая старуха) [Жижян 1995: 113]; *доγ°лң эмгн* ‘неполная радуга’ (*wenn er nicht vollständig ist, wird er doγ°lң эмгн genannt* = если она неполная, то называется *доγ°лң эмгн*) [Ramstedt 1935: 330]; *дохлң эмгн* прост. ‘неполная радуга’ [КРС 1977: 93, 203]. По сведениям информантов, такое наименование радуги распространено среди дербетов [ПМА: Инф. 1; ПМА: Инф. 2].

Данное наименование носит узуальный характер, не встречается в других монгольских языках, в ойратских и, шире, других монгольских лексикографических источ-

никах не обнаружена подобная номинация, хотя возможно, что данное наименование не отражено в словарях.

В тюркской мифологии представлены так называемые кампиры (кемпиры) — женские духи, персонифицирующие явления природы [Семби 2013: 122], которые уходят, как считают некоторые ученые, своими корнями в тюрко-монгольскую общность [Семби 2013: 116, 132]. Возможно, речь идет именно об этом небесном божестве, на которое, когда оно появляется на небе, нельзя указывать пальцем [ПМА: Инф. 2].

1.8. монг., бур. алар. (?) *сорго* ‘радуга’ [Содномпилова 2009: 274]. Монгольский завоеватель Сохор-нойн, добравшись до Аларской степи, увидел прекрасную гору, названную им впоследствии Сорготой, так как после дождя радуга всегда упиралась в эту гору (*сорго* ‘радуга’) [Содномпилова 2009: 274].

1.9. монгор. минхэ и хуцзу (диалекты) *gang* ‘rainbow = радуга’.

Процессы, связанные с радугой: *Yige teghershī yigua xiexingra saojiang tiangere aruerjiang, nara gherjiang, gang a gherjiang*. ‘Then everything became silent, the sky cleared, the sun and then a rainbow appeared’ [Языковые материалы 1996: 42].

В китайском языке 虹 *hóng* ‘радуга’ [КРС 1990: 362], 光 *guāng* ‘свет’ [КРС 1990: 326].

8. Концепт «радуга» в монгольских языках

Концепт «радуга» в монгольских языках имеет несложную структуру и включает в себя разные типы информации об этом атмосферном явлении (см. рис. 2): действия, признаки, местонахождение и мифологические представления. Последние реконструируются из наименований радуги в монгольских языках, причем некоторые из них носят табуированный характер. Кроме того, данные наименования имеют полистадиальный характер, т. е. возникли в разное время: моча лисицы и хромая старуха, на наш взгляд, самые древние, более поздние связаны с наименованиями, которые обозначают артефакты в своем прямом значении. Наименование «выпивающая море» древнее,

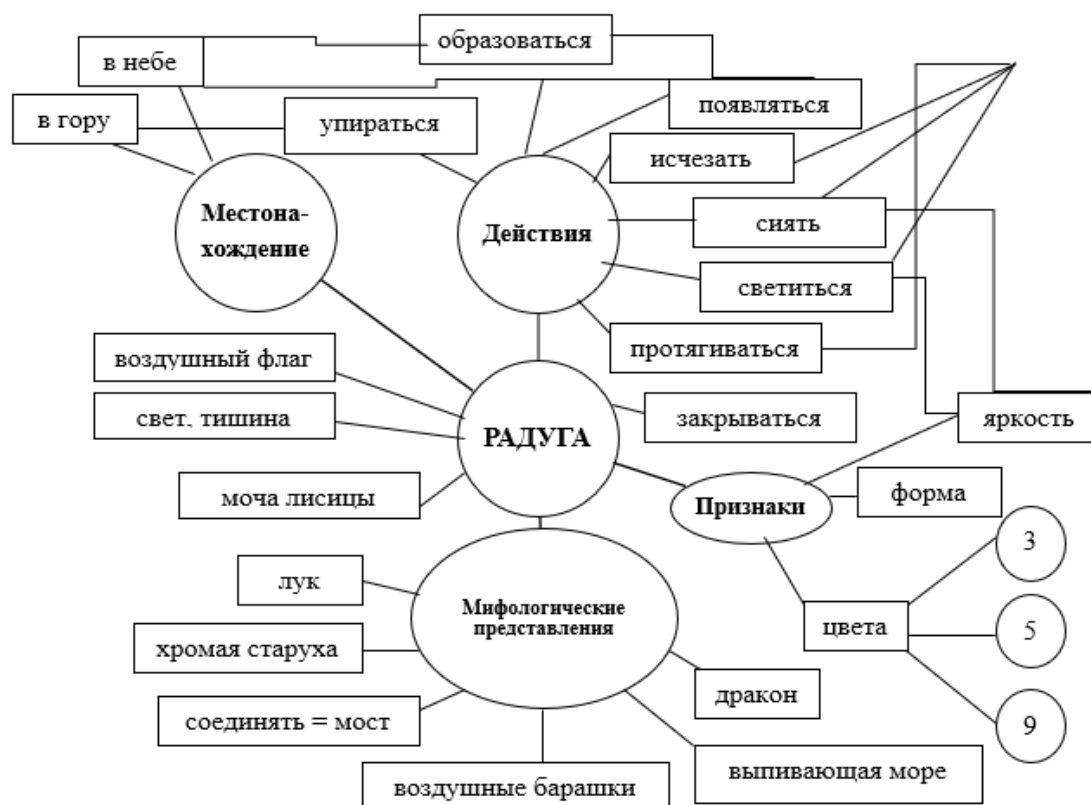

Рис. 1. Структура концепта «радуга» в монгольских языках
 [Fig. 2. Structure of the concept 'rainbow' in Mongolic languages]

чем наименование, связанное с драконом, так как думается, что данное название является перифразом, в котором заключена вера в то, что существует некое существо, которое выпивает воду из морей, а потом отдает эту воду в виде дождя на землю.

Радуга предстает как живое существо, поскольку может действовать самостоятельно: появиться, исчезнуть, протянуться, сиять, соединять. Облака закрывают ее, что также указывает на восприятие ее как самостоятельного субъекта. Что касается цветовой характеристики, то здесь имеет место обобщенная схема цвета, без названия каких-то конкретных цветов.

9. Выводы

В результате анализа лексикографических источников выделено 11 наименований радуги, среди которых основными являются рефлексy от прамонгольского *solanga в современных монгольских языках. Некоторые из этих номинаций имеют образный характер, что свидетельствует, на

наш взгляд, о табуированности названия радуги. Имеются среди них и такие наименования, которые сохранили рудименты архаичных верований добуддийского характера. В базах семантических переходов такие сдвиги в семантике не обнаружены.

Наличие простого по своей структуре концепта в монгольских языках, отсутствие более расширенной коллокационной сетки свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что предки монгольских народов проживали на территории с сухим и теплым климатом, где редко возникали условия для появления радуги на небе. Возможно, в таком регионе они проживали какое-то время, поэтому в языке нет следов отражения более разветвленной структуры концепта. Одновременно следует подчеркнуть, что наличие среди номинаций халх. *далай уугч*, бур. *далайу уугша* 'выпивающая море / океан' свидетельствует о том, что предки монголов были знакомы с океаном / морем, возможно, и проживали рядом с подобными природными объектами.

Если последние развили дополнительные значения путем переноса наименования на пограничные явления (например, в монгольских языках одни и те же слова могут обозначать ветер и воздух, ветер и дождь и т. д. [Дыбо и др. 2024] или в тунгусо-маньчжурских языках грозу и гром, грозу и мол-

нию [ССТМЯ 1975а: 12], в других языках также отмечаются подобные семантические переходы), то у слова радуги в монгольских языках семантические переходы не отмечены, хотя некоторые ученые указывают на возможный переход «радуга → животное».

Сокращения

алар. — аларский;
балаг. — балаганский;
баоан. — баоаньский;
бур. — бурятский;
дагур. — дагурский;
дерб. — дербетский;
дунс. — дунсянский;
калм. — калмыцкий;
капс. — капсальский;
лит. — литературный;
маньчж. — маньчжурский;
монг. — монгольский;
монгор. — монгорский;
нан. — нанайский;
ново-баргут. — новобаргутский;
ойр. — ойратский;
олет. — олетский;
орд. — ордосский;

ПА — праалтайский;
письм.-монг. — письменно-монгольский;
ПМонг. — прамонгольский;
разг. — разговорный;
ср.-монг. — среднемонгольский;
старо-баргут. — старо-баргутский;
старомонг. — старомонгольский;
сол. — солонский;
торг. — торгутский;
тунк. — тункинский;
уд. — удэицкий;
халх. — халхаский;
хамн. — хамниганский;
хорин. — хоринский;
шира-ю. — шира-югурский;
эхирит. — эхиритский;
юж.-бул. — южно-булагатский;
эвенк. — эвенкийский.

Полевые материалы автора

Инф. 1. М. А. К., 1952 г. р., торгут.

Инф. 2. Н. В. Э., 1938 г. р., дербет.

Author's field data

Informant 1: M. A. K., b. 1952, ethnic Torghut. (In Kalm. and Russ.)

Informant 2: N. V. E., b. 1938, ethnic Dorbet. (In Kalm. and Russ.)

Литература

- Clauson 1972 — Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: At the Clarendon Press, 1972. xlviii+988 p.
- CLICS3 2019 — Rzymiski Ch., Tresoldi T. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. 2019 [электронный ресурс] // Database of Cross-Linguistic Colexifications. URL: <https://clics.clld.org> (дата обращения: 15.06.2022). DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x
- EDAL 2003 — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 1556 p.

References

- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. XLVIII+988 p. (In Turk. and Eng.)
- Rzymiski Ch., Tresoldi T. The database of cross-linguistic colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. 2019. On: Database of Cross-Linguistic Colexifications. Available at: <https://clics.clld.org> (accessed: 15 June 2022). (In Eng.) DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 1556 p. (In Eng.)

- Faehndrich 2007 — *Faehndrich B. R. M. Sketch Grammar of the Karlong Variety of Mongghul, and Dialectal Survey of Mongghul*. Dissertation. Hawai, 2007. 385 p.
- Haenisch 1939 — *Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geshichte der Mongolen*. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1939. 190 p.
- Haspelmath, Tadmor 2009 — *Haspelmath M., Tadmor U. Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2009. 1081 p.
- Kara 2009 — *Kara G. Dictionary of Sonim Gara's Erdeni-yin Sang. A middle Mongol Version of the Tibetan Sa skya Laegs bshad. Mongol-English-Tibetan*. Boston; Leiden Brill, 2009. xlii+338 p.
- Krueger 1978 — *Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary*. Mongolian Society, 1978. 816 p.
- Lessing 1960 — *Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. xv + 1086 p.
- Miller 2000 — *Miller R. A. How to name a dragon in Altaic // Studia Etymologica Cracoviensia*. 2000. № 5. Pp. 57–78.
- Mostaert 1968 — *Mostaert A. Dictionnaire Ordos*. New York; London: Johnson Reprint Corporation, 1968. 964 p.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages*. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 591 p.
- Räsänen 1969 — *Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 s.
- Schwarz, Blažek 2013 — *Schwarz M., Blažek V. On Classification of Mongolian*. Folia Orientalia. 2013. Vol. 50. Pp. 177–214.
- Smedt, Mostaert 1933 — *Le dialecte monguor parlé par les mongols du kansou occidental. IIIe partie. Dictionnaire monguor-francais / par A. de Smedt, A. Mostaert*. Pei-p'ing: Imprimerie de l'Université Catholique, 1933. xiv+521 p.
- Faehndrich B. R. M. Sketch Grammar of the Karlong Variety of Mongghul, and Dialectal Survey of Mongghul. Dissertation. Hawai, 2007. 385 p. (In Eng.)
- Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geshichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1939. 190 p. (In Germ. and Mong.)
- Haspelmath M., Tadmor U. Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin: Mouton de Gruyter. 2009. 1081 p. (In Eng.)
- Kara G. Dictionary of Sonim Gara's Erdeni-yin Sang. A middle Mongol Version of the Tibetan Sa skya Laegs bshad. Mongol-English-Tibetan. Boston; Leiden: Brill, 2009. XLII+338 p. (In Eng.)
- Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Mongolian Society, 1978. 816 p. (In Oir. and Eng.)
- Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. XV + 1086 p. (In Mong. and Eng.)
- Miller R. A. How to name a dragon in Altaic. Studia Etymologica Cracoviensia. 2000. No. 5. Pp. 57–78. (In Eng.)
- Mostaert A. Dictionnaire Ordos. New York; London: Johnson Reprint Corporation, 1968. 964 p. (In Ordos Mong. and Eng.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 591 p. (Kalm. and Germ.)
- Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1969. 533 p. (In Turk. and Eng.)
- Schwarz M., Blažek V. On classification of Mongolian. Folia Orientalia. 2013. Vol. 50. Pp. 177–214. (In Eng.)
- Smedt de A., Mostaert A. Le dialecte monguor parlé par les mongols du kansou occidental. IIIe partie. Dictionnaire monguor-francais. Beijing: Catholic University, 1933. XIV+521 p. (In Mong. and Fr.)

- Strahlenberg 1965 — *Strahlenberg Ph. J. Vocabularium Calmucko-Mungalicum* // Doerfer G. *Altere Westeuropäische Quellen Zur Kalmuckischen Sprachgeschichte* (Witsen 1692 bis Zwick 1827) // *Asiatische Forschungen*. T. 18. Bonn-Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. S. 183–193.
- Tumurtogoo 2006 — *Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII–XVI centuries)*. Introduction, transcription and bibliography. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. 723 p.
- Zalizniak A. 2016–2022 — *Zalizniak A. et al. Database of Semantic Shifts in languages of the world. DatSemShift 3.0*. M.: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2016–2022 [электронный ресурс] // URL: <https://datsemshift.ru> (дата обращения: 15.06.2022).
- Zirni 1961 — *The Zirni Manuscript. A Persian-Mongolian Glossary and Grammar* by Shinobu Iwamura. Kyoto: Kyoto University, 1961. ix, [3], 160, [44] p.
- Алексеев 1966 — *Алексеев Н. А. Материалы о религиозных верованиях якутов как историко-этнографический источник* // *Советская этнография*. 1966. № 2. С. 22–33.
- Амаржаргал 1988 — *Амаржаргал Б. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг: халх аялгуу*. Улаанбаатар: БНМАУ-ын ШУА Хэл Зохиолын Хүрээлэн, 1988. 718 х.
- Андросов 2011 — *Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь*. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.
- Анонимный 2014 — *Русско-калмыцкий словарь анонимного автора, XVIII в. / транслит. Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч.; сост. Куканова В. В., Мулаева Н. М.; отв. ред. Бембеев Е. В., Куканова В. В. [электронное издание]*. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 570 с.
- АРС 2018 — *Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев*. Горно-Алтайск: [б. и.], 2018. 936 с.
- Афанасьева 2006 — *Афанасьева Э. В. Исторические связи бурятского и баргутского языков (на примере фонетики и грамматики) / отв. ред. В. И. Рассадин*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. 148 с.
- Strahlenberg Ph. J. *Vocabularium Calmucko-Mungalicum*. In: Doerfer G. *Altere Westeuropäische Quellen Zur Kalmuckischen Sprachgeschichte* (Witsen 1692 bis Zwick 1827). *Asiatische Forschungen* 18. Bonn-Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. Pp. 183–193. (In Lat., Kalm., etc.)
- Tumurtogoo D., Cecegdari G. (eds.) *Mongolian Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI centuries)*. Introduction, Transcription and Bibliography. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. 723 p. (In Eng. and Mong.)
- Zalizniak A. et al. *Database of Semantic Shifts in languages of the world. DatSemShift 3.0*. Moscow: Institute of Linguistics (RAS), 2016–2022. Available at: <https://datsemshift.ru> (accessed: 15 June 2022). (In Eng.)
- The Zirni Manuscript. A Persian-Mongolian Glossary and Grammar by Shinobu Iwamura. Kyoto: Kyoto University, 1961. IX, [3], 160, [44] p. (In Pers., Mong., etc.)
- Alekseev N. A. *Materials on Yakut religious beliefs as a source in history and ethnography*. *Sovetskaya etnografiya*. 1966. No. 2. Pp. 22–33. (In Russ.)
- Amarzhargal B. *Dictionary of Local Mongolic Dialects in the Mongolian People's Republic. Khalkha Mongolian*. Ulaanbaatar: Institute of Linguistics, 1988. 718 p. (In Mong.)
- Androsov V. P. *Indo-Tibetan Buddhism: An Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Orientalia, 2011. 448 p. (In Russ.)
- Anonymous *Eighteenth-Century Russian-Kalmyk Dictionary*. N. Mulaeva, N. Ochirova (translit.); V. Kukanova, N. Mulaeva (comps.), etc. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 570 p. (In Kalm. and Russ.)
- Chumakaev A. E. (ed.) *Altaiian-Russian Dictionary*. Gorno-Altaysk, 2018. 936 p. (In Alt. and Russ.)
- Afanasyeva E. V. *Buryat-Barga Linguo-Historical Ties: A Study in Phonetics and Grammar*. Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2006. 148 p. (In Russ.)

- Бадмаев 1899 — Краткий русско-калмыцкий словарь. Издание Управления калмыцким народом. 1898 г. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1899. 95 с.
- Бакаева 2022 — *Бакаева Э. П.* Нойон Галдама в письменной и устной традиции монгольских народов // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1271–1292. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1271-1292
- Баринаова 2024 — *Баринаова Б. В.* Природные явления и объекты в монгольских языках (лексико-семантический и лингвокультурологический аспекты): дисс. ... на соиск. канд. филол. наук. Элисте, 2024. 227 с.
- БАМРС 2001a — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 1: А–Г. М.: ACADEMIA, 2001. 488 с.
- БАМРС 2001б — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 2: Д–О. М.: ACADEMIA, 2001. 536 с.
- БАМРС 2001в — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 3: Ё–Ф. М.: ACADEMIA, 2001. 440 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 4: Х–Я. М.: ACADEMIA, 2002. 532 с.
- БМКС 1986 — Словарь баоаньского, письменного монгольского, китайского языков. Хух-Хото: Тип. Внутренней Монголии, 1986. 265 с.
- БРС 2006 — Бурятско-русский словарь: в 2-х тт. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. I: А–Н. Улан-Удэ: Республиканская тип., 2006. 635 с.
- БРС 2008 — Бурятско-русский словарь: в 2-х тт. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. II: О–Я. Улан-Удэ: Республиканская тип., 2008. 707 с.
- Будаев 1992 — *Будаев Ц. Б.* Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1992. 216 с.
- [Badmaev] A Brief Russian-Kalmyk Dictionary [of 1898]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1899. 95 p. (In Russ. and Kalm.)
- Bakaeva E. P. Noyon Galdama in written and oral traditions of Mongolic peoples. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp.1271–1292. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1271-1292
- Barinova B. V. Natural Phenomena as Objects in Mongolic Languages: A Perspective from Lexical Semantics and Linguistic Culturology. Cand. Sc. (philology) thesis. Elista, 2024. 227 p. (In Russ.)
- Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 488 p. (In Mong. and Russ.)
- Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ё–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2001. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Dictionary of Bonan, Classical Mongolian, and Chinese. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1986. 265 p. (In Bon., Mong. and Chin.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A–Н. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 635 p. (In Bur. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: О–Я. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 707 p. (In Bur. and Russ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialects: A Diachronic Study. Novosibirsk: Nauka, 1992. 216 p. (In Russ.)

- Галцан 2006 — Ойрат-монгольский словарь / сост. Адыан Галцан. В 4-х тт. Т. 4. Карамай: Культурно-техническая школа фермеров и скотоводов сомона Урхо, 2006. С. 1007–1199.
- Голстунский 1893 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Т. III. СПб.: лит. А. Иконникова, 1893. 291 с.
- Голстунский 1894 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Том II. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1894. 423 с.
- Грунтов, Мазо 2015 — *Грунтов И. А., Мазо О. А.* Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // Вопросы языкового родства. 2015. № 3. С. 205–255.
- ДМС 1984 — Дагурско-монгольский словарь. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 1984. 340 с.
- Дашибалов, Рассадин 2004 — *Дашибалов Б. Б., Рассадин В. И.* Откуда вышли предки монголов // Восточная коллекция. 2004. № 4. С. 34–41.
- Дилигенский — Словарь калмыцко-русский В. С. Дилигенского // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 7. Ед. хр. 20. 352 л.
- ДКС 2012 — Дунсянско-китайский словарь / 2-е изд. Ланьчжоу: Изд. дом национальностей Ганьсу, 2012. 548 с.
- Дмитриева 1984 — *Дмитриева Л. В.* Этимологии географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках // Алтайские этимологии. Л., 1984. С. 130–177.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 715 с.
- Дугаров 2005 — *Дугаров Б. С.* Культ горы Хормуста в Бурятии // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 103–110.
- Дугаров 2018 — *Дугаров Б. С.* Аспекты образа Хормусты в монгольской мифологии // Гуманитарный вектор. 2018. № 5. С. 92–97. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-92-97
- Дыбо, Норманская 2014 — *Дыбо А. В., Норманская Ю. В.* К исторической типологии названий оружия в уральских и алтайских языках // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 2. С. 84–100.
- Galtsan A. (comp.) Dictionary of Oirat Mongolian. In 4 vols. Vol. 4. Karamay: School of Culture and Technology for Farmers and Livestock Breeders, 2006. Pp. 1007–1199. (In Oir.)
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 3. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1893. 291 p. (In Mong. and Russ.)
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 2. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1894. 423 p. (In Mong. and Russ.)
- Gruntov. I. A., Mazo O. M. Lexicostatistical classification of the Mongolic languages. Journal of Language Relationship. 2015. Vol. 13. No. 3–4. Pp. 205–255. (In Russ.)
- Dagur-Mongolian Dictionary. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1984. 340 p. (In Dag. and Mong.)
- Dashibalov B. B., Rassadin V. I. Where proto-Mongols came from. Vostochnaya kollektsiya. 2004. No. 4. Pp. 34–41. (In Russ.)
- Diligensky V. S. Kalmyk-Russian Dictionary. At: State Archive of Tatarstan. Coll. 10. Cat. 7. File 20. 352 p. (In Kalm. and Russ.)
- Dongxiang-Chinese Dictionary. Second ed. Lanzhou: Gansu Nationalities Publishing House, 2012. 548 p. (In Dong. and Chin.)
- Dmitrieva L. V. Etymologies of geographic appellatives in Turkic and other Altaic languages. In: Altaic Etimologies. Leningrad, 1984. Pp. 130–177. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M. et al. Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 715 p. (In Old Turk. and Russ.)
- Dugarov B. S. Cult of Mount Khormusta in Buryatia. Etnograficheskoe obozrenie. 2005. No. 4. Pp. 103–110. (In Russ.)
- Dugarov B. S. Aspects of the Khormusta image in Mongolian mythology. Humanitarian Vector. 2018. No. 5. Pp. 92–97. (In Russ.). DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-92-97
- Dybo A. V., Normanskaya Yu. V. Towards a historical typology of weapon names in Uralic and Altaic languages. Vestnik Rossiyskogo humanitarnogo nauchnogo fonda. 2014. No. 2(75). Pp. 84–100. (In Russ.)

- Дыбо и др. 2022 — Дыбо А. В., Куканова В. В., Мирзаева С. В., Бембеев Е. В., Мухаев В. Н., Хонинов В. Н. Названия неба в монгольских языках: этимология и семантика // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1333–1351. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1333-1351.
- Дыбо и др. 2024 — Дыбо А. В., Куканова В. В., Лиджиева Л. А., Бембеев Е. В., Голубева Е. В. Названия ветра в монгольских языках: этимология и семантика // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1369–1399. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1369-1399
- Жилян 1995 — Жилян Э.-Б. Краткий русско-калмыцкий словарь. Элиста: [б. и.], 1995. 191 с.
- КДРС 2014 — Краткий дагурско-русский словарь / сост. Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков; отв. ред. Ж. Б. Бадагаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- Ковалевский 1837 — Ковалевский О. М. Буддийская космология. Казань: В Университетской тип., 1837. 167 с.
- Ковалевский 1844 — Ковалевский О. М. Монголо-русско-французский словарь. В 3 тт. Т. 1. Казань: В Университетской тип., 1844. 1–594 с.
- Ковалевский 1846 — Ковалевский О. М. Монголо-русско-французский словарь. В 3 тт. Т. 2. Казань: В Университетской тип., 1846. 595–1545 с.
- Ковалевский 1849 — Ковалевский О. М. Монголо-русско-французский словарь. В 3 тт. Т. 3. Казань: В Университетской тип., 1849. 1546–2690 с.
- Козин 1941 — Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol=un niγuča tobčiyān*. Юань чао би ши. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
- Коржева и др. 1916 — Краткий русско-калмыцкий словарь / сост. по поруч. Упр. калмыцким народом учительницами и учителями нач. шк. калмыцкой степи П. Коржевой [и др.]. Астрахань: Тип. Упр. калмыцким народом, 1916. 108 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / отв. ред. Б. Д. Муниев. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- КРС 1990 — Китайско-русский словарь / ред. Ся Чжунйи. Пекин: Шаньгу иньшугуань, 1990. 1250 с.
- Dybo A. V., Kukanova V. V., Mirzaeva S. V., Bembeev E. V., Mushaev V. N., Khoninov V. N. Words denoting the sky in Mongolic languages: Etymology and semantics. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1333–1351. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1333-1351
- Dybo A. V., Kukanova V. V., Lidzhieva L. A., Bembeev E. V., Golubeva E. V. Wind-related terms in Mongolic languages: Etymology and semantics. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 6. Pp. 1369–1399. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1369-1399
- Jijān E.-B. A Brief Russian-Kalmyk Dictionary. Elista, 1995. 191 p. (In Kalm. and Russ.)
- Tumurdey G., Tsybenov B. D. (comps.) A Brief Dagur-Russian Dictionary. Zh. Badagarov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2014. 236 p. (In Dag. and Russ.)
- Kowalewski O. M. Buddhist Cosmology. Kazan: Imperial Kazan University, 1837. 167 p. (In Russ.)
- Kowalewski O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. In 3 vols. Vol. 1. Kazan: Imperial Kazan University, 1844. Pp. 1–594. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kowalewski O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. In 3 vols. Vol. 2. Kazan: Imperial Kazan University, 1846. Pp. 595–1545. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kowalewski O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. In 3 vols. Vol. 3. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. Pp. 1546–2690. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kozin S. A. The Secret History [of the Mongols]: A Mongolian Chronicle of 1240 Titled ‘*Mongγolun niguča tobčiyān*. Yuan chao bi shi’. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russ. and Mong.)
- Korzheva P. et al. (comps.) A Brief Russian-Kalmyk Dictionary. Astrakhan: Kalmyk People’s Governance Dept., 1916. 108 p. (In Russ. and Kalm.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Xia Zhong Yi (ed.) Chinese-Russian Dictionary. Beijing: Commercial Press, 1990. 1250 p. (In Chin. and Russ.)

- Куканова 2021a — *Куканова В. В.* Архаические представления о ветре в калмыцком фольклоре: междисциплинарный подход // Новый филологический вестник. 2021. № 2. С. 371–391.
- Куканова 2021б — *Куканова В. В.* Представления о дожде у калмыков и их предков (на материале фольклорных источников) // Новый филологический вестник. 2021. № 3. С. 469–484.
- Львовский 1893 — *Львовский Н. В.* Калмыцко-русский словарь, составленный студентом Казанской духовной академии, бывшим противобуддийским миссионером среди калмыков Большедербетовского улуса, Ставропольской епархии и губернии иеромонахом Мефодием (Львовским) в 1893 г. // Книжный фонд библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Calm D 13, инв. № 2157.
- Манджикова 2007 — *Манджикова Б. Б.* Калмыцко-русский терминологический словарь (флора и фауна). Элиста: КИГИ РАН, 2007. 98 с.
- Мессершмидт 2022 — *Сизова А. А., Зорин А. В., Бондарь Л. Д.* Словарные материалы в документальном наследии Д. Г. Мессершмидта: монгольский и тибетский словники / при участии А. В. Смирнова, А. К. Сытина, А. В. Кургузовой (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Supplementum 10). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. 456 с. + 16 ил.
- Митрошкина, Семенова 2004 — *Митрошкина А. Г., Семенова В. И.* Языковые особенности эхиритских и булагатских бурят. Иркутск: Иркут. ун-т. 2004. 72 с.
- ММКС 1985 — Монгорско-монгольско-китайский словарь / сост. Хасбатор. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 1985. 268 с.
- Монголо-ойратские 1880 — Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хун тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Санкт-Петербург: Тип. Император. Акад. наук, 1880. 144 с.
- Музраева 2021 — *Музраева Д. Н.* О двуязычном тибетско-ойратском списке «Субхашиты» из архива КалмНЦ РАН // Новый филологический вестник. 2021. № 3(58). С. 504–513.
- Kukanova V. V. The archaic beliefs about wind in the Kalmyk folklore: An interdisciplinary approach. The New Philological Bulletin. 2021. No. 2. Pp. 371–391. (In Russ.)
- Kukanova V. V. Concepts of rain in the Kalmyks and their ancestors (Based on folklore sources). The New Philological Bulletin. 2021. No. 3. Pp. 469–484. (In Russ.)
- Lvovsky N. V. Kalmyk-Russian Dictionary Compiled by Hieromonk Methodius (Lvovsky) in 1893. At: St. Petersburg University, Faculty of African and Asian Studies, Library. Call no. Calm D 13. Inv. 2157. (In Kalm. and Russ.)
- Mandzhikova B. B. Kalmyk-Russian Terminological Dictionary: Flora and Fauna. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2007. 98 p. (In Kalm. and Russ.)
- Messersmidt D. G. Dictionary-Related Materials in D. G. Messersmidt's Document Legacy: Mongolian and Tibetan Wordlists. (Ad Fontes. Supplementum 10). A. Sizova, A. Zorin, L. Bondar (comps.) St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2022. 456 p. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G., Semenova V. I. Peculiarities of Ekhirit-Bulagat Buryat. Irkutsk: Irkutsk State University, 2004. 72 p. (In Russ.)
- Khasbator (comp.) Monguor-Mongolian-Chinese Dictionary. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1985. 268 p. (In Mong., Chin., etc.)
- Oirat-Mongol Laws of 1640 and Orders of Galdan Hong Tayiji Compiled for the Volga Kalmyks under Khan Donduk-Dashi. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 144 p. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. About the bilingual Tibetan-Oirat manuscript of "Subkhashita" from the archive of the KalmSC of the RAS. The New Philological Bulletin. 2021. No. 3(58). Pp. 504–513. (In Russ.)

- Неклюдов 2014 — Неклюдов С. Ю. Эти капризные и ленивые драконы: от паремии к мифу // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 152–165.
- Неклюдов 2017 — Неклюдов С. Ю. Многоликий дракон // In Umbra. Демонология как семиотическая система: альманах. Вып. 6. М.: Индрик, 2017. С. 157–202.
- Новикова 1972 — Новикова К. А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру // Проблемы сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, ЛО, 1972. С. 104–150.
- Омакаева 2024 — Омакаева Э. У. Метеорологические и астрономические знания монголоязычных кочевников в зеркале природно-ландшафтного лексикона в погодно-климатическом дискурсе: на материале фольклорных и художественных текстов // Nomadic civilization: historical research. 2024. Т. 4. № 2. С. 105–114. DOI: 10.53315/2782-3377-2024-4-2-105-114
- Орловская 2010 — Орловская М. Н. Очерки по грамматике языка древних монгольских текстов. М.: Вост. лит., 2010. 303 с.
- Парникель 1982 — Парникель Б. Б. О фольклорном родстве народов Юго-Восточной Азии // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1982. С. 36–37.
- Пекарский 1916 — Пекарский Э. К. Краткий русско-якутский словарь. 2-е изд., доп. и испр. Петроград: Тип. Императорской Академии наук, 1916. 242 с.
- Подгорбунский 1909 — Подгорбунский И. А. Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск: пар. типо-лит. П. Макушина и В. Посохина, 1909. vi, 340 с.
- Позднеев 1911 — Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1911. 306 с.
- Поппе 1930 — Поппе Н. Н. Дагурское наречие. Л.: АН СССР, 1930. 182 с.
- Поппе 1938 — Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Часть I–II. М.; Л.: Наука, 1938. 453 с.
- Neklyudov S. Yu. These capricious and lazy dragons: From proverb to myth. Forum for Anthropology and Culture. 2014. No. 21. Pp. 152–165. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. The many-faced Dragon. In: Umbra. Demonology as Semiotic System. Almanac. Vol. 6. Moscow: Indrik, 2017. Pp. 157–202. (In Russ.)
- Novikova K. A. Loanwords related to the animal world in Tungus-Manchu vocabulary. In: Issues of Comparative Altaic Lexicology. Leningrad: Nauka, 1972. Pp. 104–150. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. Meteorological and astronomical knowledge of Mongolian-speaking nomads in the mirror of the natural landscape lexicon in weather and climate discourse: based on folklore and artistic texts. Nomadic Civilization: Historical Research. 2024. Vol. 4. No. 2. Pp. 105–114. (In Russ.). DOI: 10.53315/2782-3377-2024-4-2-105-114
- Orlovskaya M. N. The Language of Old Mongolian Texts: Essays in Grammar. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. 303 p. (In Russ.)
- Parnikel B. B. More on folklore affinities between peoples of Southeast Asia. In: Traditions and Innovations in Literatures of Southeast Asia. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 36–37. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. A Brief Russian-Yakut Dictionary. Second ed., suppl. & rev. Petrograd: Imperial Academy of Sciences, 1916. 242 p. (In Russ. and Yak.)
- Podgorbunsky I. A. Russian-Mongolian-Buryat Language. Irkutsk: P. Makushin & V. Posokhin, 1909. VI, 340 p. (In Russ., Mong., etc.)
- Pozdneev A. Kalmyk-Russian Dictionary. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 306 p. (In Kalm. and Russ.)
- Poppe N. N. Dagur [Mongolian]. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1930. 182 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. Mongolian Vocabulary of Muqaddimat al-Adab. Pts. I–II. Moscow; Leningrad: Nauka, 1938. 453 p. (In Mong. and Russ.)

- Потанин 1893 — *Потанин Г. Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина 1884–1886. Т. 2. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893. 472 с.
- Потанин G. N. Tangut-Tibetan Peripheries of China and Central Mongolia: Travels of G. Potanin, 1884–1886. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: A. Suvorin, 1893. 472 p. (In Russ.)
- Рагагнин, Хабтагаева 2018 — *Рагагнин Э., Хабтагаева Б.* Некоторые заметки об «arc(h)olino» / «coccolino» в записях Марко Поло // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 129–136.
- Ragagnin E., Khabtagaeva B. Some notes about “arc(h)olino” / “coccolino” in the Book of the Marvels of the World by Marco Polo. Siberian Journal of Philology. 2018. No. 4. Pp. 129–136. (In Russ.)
- Рамстедт 1957 — *Рамстедт Г. Й.* Введение в алтайское языкознание. Морфология / обработ. и изд. Пентти Аалто; пер. с нем. Л. С. Слоним; под ред. и с предисл. Н. А. Баскакова; примеч. Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 254 с.
- Ramstedt G. J. An Introduction to Altaic Linguistics: Morphology. P. Aalto (text prep. and ed.); L. Slonim (transl.), etc. Moscow: Foreign Literature Press, 1957. 254 p. (In Russ.)
- Рассадин 1981 — *Рассадин В. И.* К сравнительному изучению анималистской лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск: Наука, СО, 1981. С. 97–119.
- Rassadin V. I. Buryat animal vocabulary. In: Languages and Folklore Traditions of the North. Novosibirsk: Nauka, 1981. Pp. 97–119. (In Russ.)
- Рассадин 1984 — *Рассадин В. И.* Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1984. С. 55–80.
- Rassadin V. I. Buryat livestock terms as a source in historical ethnography. In: Ethnic History and Household Cultural Traditions in Buryatia. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (SB, Buryatia Dept.), 1984. Pp. 55–80. (In Russ.)
- Рерих 1984 — *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь. Вып. 2. М.: Наука, 1984. 409 с.
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1984. 409 p. (In Tib., Russ. and Eng.)
- Рерих 1986а — *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь. Вып. 6. М.: Наука, 1986. 373 с.
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary. Vol. 6. Moscow: Nauka, 1986. 373 p. (In Tib., Russ. and Eng.)
- Рерих 1986б — *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь. Вып. 9. М.: Наука, 1986. 297 с.
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary. Vol. 9. Moscow: Nauka, 1986. 297 p. (In Tib., Russ. and Eng.)
- Санжеев и др. 2015 — *Этимологический словарь монгольских языков. В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. I: А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.*
- Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ya. D. (comps.) Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev (ed.). Vol. 1: A–E. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong. and Russ.)
- Санжеев и др. 2016 — *Этимологический словарь монгольских языков. В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. II: G–P. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.*
- Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ya. D. (comps.) Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev (ed.). Vol. 2: G–P. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong. and Russ.)

- Санжеев и др. 2018 — Этимологический словарь монгольских языков. В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. III. Q–Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
- Сводеш 1960 — *Сводеш М.* Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1960. С. 23–53.
- Семби 2013 — *Семби М. К.* Память земли тюрко-монгольской: истоки и символика топонимов (Тюркский меридиан). Алматы: КазНИИК, 2013. 296 с.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Символика культов 1980 — Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии: сб. ст. / отв. ред. Н. Л. Жуковская, Г. Г. Стратанович. М.: Наука, 1980. 207 с.
- Смирнов 1857 — Краткий русско-калмыцкий словарь, составленный священником Парменом Смирновым. Казань: В тип. Ун-та, 1857. 127 с.
- Содномпилова 2007 — *Содномпилова М. М.* Атмосферные явления в концептуальной и языковой версиях картины мира монгольских народов // В мире традиционной культуры бурят. Вып. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2007. С. 152–201.
- Содномпилова 2009 — *Содномпилова М. М.* Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
- ССТМЯ 1975а — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. В 2-х тт. Т. I / отв. ред. В. И. Цинциус; авт. предисл. О. П. Суник. Л.: Наука, ЛО, 1975. xxx + 672 с.
- ССТМЯ 1975б — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. В 2-х тт. Т. II / отв. ред. В. И. Цинциус; авт. предисл. О. П. Суник. Л.: Наука, ЛО, 1975. 992 с.
- Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ya. D. (comps.) Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev (ed.). Vol. 3: Q–Z. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong. and Russ.)
- Swadesh M. Lexicostatistic dating of prehistoric ethnic contacts. In: The New in Linguistics. Moscow: Progress, 1960. Pp. 23–53. (In Russ.)
- Sembi M. K. Memories of the Turco-Mongol Land: Sources and Symbols of Toponyms (The Turkic Meridian). Almaty: Kazakhstan Research Institute of Culture, 2013. 296 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Turkic Grammar: Vocabulary. Second ed., suppl. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L., Stratanovich G. G. (eds.) Foreign Asia: Symbols of Cults and Rituals. Collected articles. Moscow: Nauka, 1980. 207 p. (In Russ.)
- Smirnov P. (comp.) A Brief Russian-Kalmyk Dictionary. Kazan: Imperial Kazan University, 1857. 127 p. (In Russ. and Kalm.)
- Sodnompilova M. M. Atmospheric phenomena in conceptual and linguistic worldviews of Mongols. In: In the World of Buryat Traditional Culture. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2007. Pp. 152–201. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. The World in Traditional Views and Practical Activities of Mongols. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2009. 366 p. (In Russ.)
- Tsintsius V. I. (ed.) Comparative Tungus-Manchu Dictionary: Materials for an Etymological Dictionary. In 2 vols. Vol. 1. O. Sunik (foreword). Leningrad: Nauka, 1975. XXX + 672 p. (In Russ., Man., etc.)
- Tsintsius V. I. (ed.) Comparative Tungus-Manchu Dictionary: Materials for an Etymological Dictionary. In 2 vols. Vol. 2. O. Sunik (foreword). Leningrad: Nauka, 1975. 992 p. (In Russ., Man., etc.)

- Старостин 1989 — *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., Наука, 1989. С. 3–39.
- Тенишев, Тодаева 1966 — *Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х.* Язык желтых уйгуров. М.: Наука, 1966. 84 с.
- Тодаева 1961 — *Тодаева Б. Х.* Дунсянский язык. М.: Вост. лит., 1961. 151 с.
- Тодаева 1964 — *Тодаева Б. Х.* Баоаньский язык. М.: Наука, 1964. 158 с.
- Тодаева 1973 — *Тодаева Б. Х.* Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. М.: ГРВЛ, Наука, 1973. 392 с.
- Тодаева 1981 — *Тодаева Б. Х.* Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. М.: Наука, 1981. 273 с.
- Тодаева 1986 — *Тодаева Б. Х.* Дагурский язык. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. 190 с.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангар» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 497 с.
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энцикл., 1968. 647 с.
- Фасмер 1987 — *Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 833 с.
- Хангалов 2004 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3-х тт. Т. 1 / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. 508 с.
- ХРС 2015 — *Дамдинов Д. Г., Сундеева Е. В.* Хамниганско-русский словарь. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
- Цвик 1853 — *Zwick H. A.* Handbuch der Westmongolischen Sprache. Druck von Ferd. Forderer in Villingen Schwarzwald, 1853. 479 p.
- Цэндээ 2002 — *Цэндээ Ю.* Тод бичгийн толь. Улаанбаатар: [б. и.], 2002. 311 х.
- ШЮПМКС 1984 — *Шира-югурский письменно-монгольско-китайский словарь.* Hohhot: Inner Mongolian University, 1984. 180 с.
- Starostin S. A. Comparative historical linguistics and lexicostatistics. In: Linguistic Reconstructions and Ancient History of the East. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 3–39. (In Russ.)
- Tenishev E. R., Todaeva B. Kh. The Yugur Languages. Moscow: Nauka, 1966. 84 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dongxiang Language. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1961. 151 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Bonan Language. Moscow: Nauka, 1964. 158 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Monguor Language: Study, Texts, Vocabulary. Moscow: Nauka, GRVL, 1973. 392 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Mongolian of Inner Mongolia: Materials and Dictionary. Moscow: Nauka, 1981. 273 p. (In Russ. and Mong.)
- Todaeva B. Kh. Dagur Language. Moscow: Nauka — GRVL, 1986. 190 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat: Compiled from Jangar Epic Texts and Original Field Recordings. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 497 p. (In Oir. and Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Tuvan-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 647 p. (In Tuv. and Russ.)
- Fasmer M. R. Russian Etymological Dictionary. In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Progress, 1987. 833 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Writings. In 3 vols. Vol. 1. G. Rumyantsev (ed.). Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2004. 508 p. (In Russ.)
- Damdinov D. G., Sundueva E. V. Khamnigan-Russian Dictionary. Irkutsk: Ottisk, 2015. 364 p. (In Kham. and Russ.)
- Zwick H. A. Handbuch der Westmongolischen Sprache. Villingen-Schwenningen: Ferd, 1853. 479 p. (In Germ. and Mong.)
- Tsendee Yu. Dictionary of Written Oirat (Clear Script). Ulaanbaatar, 2002. 311 p. (In Oir.)
- Dictionary of Eastern Yugur, Classical Mongolian, and Chinese. Hohhot: Inner Mongolia University, 1984. 180 p. (In E. Yug., Mong. and Chin.)

- ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков (Общeturкские и междурекские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С»). М.: Наука, 2003. 480 с.
- Юдин 2022 — Юдин В. Г. Солонгой *Mustela (Gale) altaica* Pallas, 1811 на Дальнем Востоке России // Биота и среда природных территорий. 2022. Т. 10. № 3. С. 5–16.
- Языковые материалы 1996 — Language Materials of China's Monguor Minority: Huzhu Mongghul and Minhe Mangghuer by Dpal-ldan-bkra-shis, Keith Slater, et al. // Sino-Platonic Papers. 1996. January. No. 69. 275 p.
- Sevortyan E. V. Turkic Etymological Dictionary: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with 'L', 'M', 'N', 'P', 'S'. Moscow: Nauka, 2003. 480 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Yudin V. G. Mountain weasel *Mustela (Gale) altaica* Pallas, 1811 in the Russian Far East. Biota and Environment of Natural Areas. 2022. Vol. 10. No. 3. Pp. 5–16. (In Russ.)
- Dpal-ldan-bkra-shis, Slater K. et al. Language Materials of China's Monguor Minority: Huzhu Mongghul and Minhe Mangghuer Sino-Platonic Papers. 1996, January. No. 69. 275 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 4, Pp. 956–965, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.321+930.253+821.51

**Калмыцкие деловые письма
XVII–XVIII вв. и синхро-
нические русские переводы
в аспекте взаимодействия
письменных традиций (на
примере деловых писем тай-
ши (хана) Аюки и их русских
переводов)**

Галина Михайловна Ярмаркина¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им.
И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская
Федерация)

кандидат филологических наук, старший на-
учный сотрудник

 0000-0002-3701-9157. E-mail: dzalina8@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Ярмаркина Г. М., 2025

**Seventeenth–Eighteenth Century
Official Kalmyk Letters and Their
Synchronic Russian Translations
as Interaction of Writing Tradi-
tions: Analyzing Letters of Ayuka
Tayiji (Khan) and Their Russian
Translations**

Galina M. Yarmarkina¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin
St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

© KalmSC RAS, 2025

© Yarmarkina G. M., 2025

Аннотация. Введение. Деловая переписка представляет собой одну из форм диалогического взаимодействия, и в тексте неизбежно находят отражение результаты взаимовлияния разных письменных традиций. Калмыцко-русская и русско-калмыцкая деловая переписка в аспекте взаимодействия письменных традиций привлекает внимание лингвистов, однако в настоящее время этот вопрос изучен фрагментарно: исследователи в основном касаются вопросов лексического заимствования. Актуальным представляется анализ функционирования конкретных элементов лексической системы в оригинале и переводе, характеризующих влияние одного языка на другой. *Цель* статьи — выявить в частно-деловых письмах тайши (хана) Аюки и их синхронических русских переводах лексико-грамматические особенности, характеризующие сложившиеся к XVIII в. письменные традиции оформления деловых текстов и являющиеся результатом практики межкультурного взаимодействия. *Материалы и методы.* Источником материала для исследования послужили письма тайши (хана) Аюки, написанные с 1685 г.

по 1724 г. и направленные в адрес представителей центральной и региональной российской власти, а также сохранившиеся синхронические переводы деловых писем на русский язык. Указанные источники отложились в фондах Российского государственного архива древних актов и Национального архива Республики Калмыкия. В работе выполнен анализ употребления антропонимов и кальки с русской стандартной формулы рукоприкладства в оригинальном и переводном тексте. Используются описательный, сравнительно-сопоставительный методы, необходимые для анализа калмыцких и русских текстов. В ходе анализа учитывается культурная и языковая специфика функционирования указанных лексико-грамматических средств. *Результаты.* В ходе анализа писем тайши (хана) Аюки и их синхронических русских переводов как образца калмыцко-русской деловой переписки выявлены особенности функционирования антропонимов, характерные для разных традиций письма. Значимым оказывается количество употреблений личного имени адресанта: однократное употребление имени адресанта в оригинале калмыцкого делового письма и многократный повтор антропонима в синхроническом переводе являются характерными чертами разных традиций оформления делового текста конца XVII – начала XVIII в. Влияние практики русского делопроизводства XVII–XVIII вв. на калмыцкие частно-деловые документы обнаруживается в особенностях функционирования двухкомпонентных и трехкомпонентных моделей официальных личных имен лиц, которым адресованы письма тайши (хана) Аюки, а также в использовании кальки с русского языка — формулы *yar talbi ba:* ‘Приложил руку’, — выполняющей удостоверяющую функцию наряду с оттиском печати. Функционирование антропонимов адресатов соответствует практике именования официальных лиц, широко распространенной в конце XVII в. Формула рукоприкладства активно используется в калмыцких деловых письмах в период с 1698 г. по 1704 г. и обнаруживает определенную зависимость от адресата.

Ключевые слова: калмыцкие деловые письма XVIII в., русский перевод, письменная традиция, антропонимы, личные имена, формула рукоприкладства, адресант, адресат

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ярмаркина Г. М. Калмыцкие деловые письма XVII–XVIII вв. и синхронические русские переводы в аспекте взаимодействия письменных традиций (на примере деловых писем тайши (хана) Аюки и их русских переводов) // *Oriental Studies*. Т. 18. № 4. С. 956–965. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-956-965

Abstract. Introduction. Official correspondence is a form of dialogical interaction, and the text inevitably reflects some results of the mutual influence of different writing traditions. The Kalmyk-Russian and Russian-Kalmyk official correspondence in the aspect of interacting writing traditions has attracted the attention of linguists but the issue has remained somewhat understudied. Researchers have primarily focused on lexical borrowings. Still, it is as relevant to analyze the functioning of specific elements of the lexical system in original and translated narratives, which would characterize the influence of one language on another. *Goals.* The article seeks to identify lexical and grammatical features in private and official letters of Tayiji (Khan) Ayuka and their synchronistic Russian translations, which would characterize the writing traditions of official texts that had developed by the eighteenth century and resulted from cross-cultural contacts. *Materials and methods.* The study focuses on letters of Tayiji (Khan) Ayuka written from 1685 to 1724 and addressed to representatives of central and regional Russian authorities, as well as on the surviving synchronistic Russian translations of those official letters. The specified sources are stored at the Russian State Archive of Ancient Acts and Kalmykia's National Archive. The paper analyzes the use of anthroponyms and calques from the Russian standard signature formula in the original and translated texts. The analysis is secured through the use of the descriptive and comparative methods. The undertaken insights take into account some cultural and linguistic specifics of the functioning of the mentioned lexical and grammatical means. *Results.* The analysis into Tayiji (Khan) Ayuka's letters and their synchronistic Russian translations reveals certain features inherent to the functioning of anthroponyms characteristic of different writing traditions. The number of uses of the addressee's personal name proves significant enough: the single use of the addressee's name in the original Kalmyk official letter — and its multiple repetition in the synchronic translation are characteristic features of different official text design traditions in the late

seventeenth and early eighteenth centuries. The influence of seventeenth-eighteenth century Russian records keeping practices on Kalmyk private and official documents can be traced in the functioning particulars of two- and three-component patterns of official personal names of Tayiji (Khan) Ayuka's addressees, as well as in the use of one Russian-language calque — the formula *yar talbiba* ('Have put my hand onto this') which serves as a certifying element together with a seal impression. The functioning of addressees' anthroponyms corresponds to the practice of naming officials which was widespread in the late seventeenth century. The identified signature formula was actively used in Kalmyk official letters from 1698 to 1704, and shows a certain dependence on the addressee.

Keywords: eighteenth-century official Kalmyk letters, Russian translation, writing tradition, anthroponyms, personal names, signature formula, addresser, addressee

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Yarmarkina G. M. Seventeenth–Eighteenth Century Official Kalmyk Letters and Their Synchronic Russian Translations as Interaction of Writing Traditions: Analyzing Letters of Ayuka Tayiji (Khan) and Their Russian Translations. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 956–965. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-956-965

1. Введение

Деловая переписка представляет собой одну из форм диалогического взаимодействия, а в случае межъязыковых и межкультурных письменных деловых контактов, к которым относятся и русско-калмыцкие, в деловом тексте неизбежно находят отражение результаты взаимовлияния разных письменных традиций. К концу XVII – началу XVIII в. русское деловое письмо характеризуется в определенной степени сформированной жанровой системой деловых текстов, устоявшимися правилами оформления, устойчивыми выражениями, характерными для официальной сферы письменной коммуникации [Винокур 1959: 111; Коркина 2015: 100].

Анализ калмыцкой деловой письменности, в частности писем хана Аюки и их переводов на русский язык, обнаруживает этнолингвистические особенности оригинальных и переводных текстов [Гедеева 2019; Ярмаркина 2021]. Калмыцко-русская и русско-калмыцкая деловая переписка в аспекте взаимодействия письменных традиций привлекает внимание лингвистов [Сусеева 2001], однако в настоящее время этот вопрос изучен фрагментарно: исследователи в основном касаются вопросов лексического заимствования [Сусеева 2006; Сусеева, Горбань 2025; Хараева 2014]. Так, русиз-

мам в письмах калмыцких ханов XVIII в. и их современников посвящена монография А. Т. Хараевой [Хараева 2014], где рассматриваются 11 групп лексических заимствований из русского языка. В указанной работе обращает на себя внимание упоминание о кальках с русского языка, вошедших в тексты калмыцко-русской деловой переписки в XVIII в., и иных результатов влияния русской деловой переписки на калмыцкие деловые письма [Хараева 2014: 94–95, 102–103].

Проблемы взаимодействия русского и калмыцкого языков в сфере деловой коммуникации требуют дальнейшей детальной разработки, в связи с этим актуальным представляется анализ функционирования конкретных элементов лексической системы в оригинале и переводе, характеризующих влияние одного языка на другой.

Цель статьи — выявить в частно-деловых письмах тайши (хана) Аюки и их синхронических русских переводах лексико-грамматические особенности, характеризующие сложившиеся к XVIII в. письменные традиции оформления деловых текстов и являющиеся результатом практики межкультурного взаимодействия.

2. Материалы и методы

Источником материала для исследования послужили письма тайши (хана) Аюки,

написанные с 1685 г. по 1724 г. и направленные в адрес представителей центральной и региональной российской власти, а также сохранившиеся синхронические переводы деловых писем на русский язык. Указанные источники хранятся в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА) и Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК).

Тексты писем тайши (хана) Аюки насыщены личными именами, и анализ функционирования антропонимов в аспекте взаимодействия практики русского и калмыцкого делового письма позволит ответить на вопрос, сохраняются ли в калмыцких деловых письмах правила использования личных имен, принятые в русском делопроизводстве того времени¹.

Влияние одного языка на другой в процессе их взаимодействия может проявляться в виде калькирования. В письмах тайши (хана) Аюки зафиксирована калька с русской формулы «руку приложить», стандартной для сферы делопроизводства.

В работе мы анализируем употребление антропонимов и кальки с русской стандартной формулы рукоприкладства в оригинальном и переводном тексте, используя описательный метод; сравнительно-сопоставительный метод необходим для анализа калмыцких и русских текстов. В ходе анализа учитывается культурная и языковая специфика функционирования указанных лексико-грамматических средств.

Транслитерация, перевод оригинальных текстов на русский язык выполнены ведущим научным сотрудником Калмыцкого научного центра РАН, доктором исторических наук Д. Н. Музраевой.

3. Особенности функционирования антропонимов в калмыцких деловых письмах XVIII в. и их русских переводах

3.1. Однократность / многократность употребления личного имени адресанта в оригинале и переводе

Функционирование антропонимов в письмах тайши (хана) Аюки и их синхро-

нических русских переводах подчиняется специфическим традициям оформления калмыцких частно-деловых актов, с одной стороны, и синхронических русских переводов деловых посланий — с другой. В частности обращают на себя внимание отличия в однократности / многократности использования имени собственного в оригинальном и переводном текстах. Для выявления возможной значимости однократности / многократности употребления антропонимов привлекаются письма хана Аюки, содержащие антропонимы и имеющие синхронический перевод на русский язык.

Так, в письме тайши Аюки, адресованном царям, полученном 7 августа 1685 г., личное имя адресанта использовано однократно — в начальной этикетной формуле приветствия: *ende bi Ayouki bügüdēr / mendü*: ‘Здесь я, Аюка, со всеми [пребываем] в здравии’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4]. В русском переводе антропоним передается как *Аюкай* и встречается 8 раз: 2 раза личное имя адресанта появляется в реквизитах, предвещающих собственно перевод полученного письма: сначала в заголовочной части для переводов нескольких писем: *Перевод с калмыцких листов, что пишут к великим государем калмыцкой Аюкай и иные тайши в розных письмах* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 16], затем собственно в заголовке, указывающем на нижеследующее изложение содержания письма тайши Аюки: *В письме Аюкая тайши* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 16].

Текст перевода содержит элементы синтеза русской и калмыцкой традиций оформления частно-делового текста. В синхроническом переводе антропоним также встречается в этикетной формуле, характерной для русской письменной традиции челобитных XVII–XVIII вв. и не являющейся буквальным переводом этикетной формулы оригинала: *Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу [и] Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем Аюкай тайша челом бьет* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 16]. В переводе основной части делового сообщения личное имя адресанта переводчик использует в четырех случаях.

¹ Вопросы фонетической или грамматической адаптации антропонимов в данной работе не рассматриваются.

Во всех случаях антропоним следует после личного местоимения: *И он де, Аюкай тайша, по той великих государей грамоте и при боярине и воеводе, при князь Андрее Ивановиче с товарищи шерть и договор учинили <...>; А он де, Аюкай тайши, хочет идти на Дарью реку, под Хиву и под Бухары на весну; А он де, Аюкай тайши, шерти и договору своего не нарушит; А которые де калмыки ево улусу под низовыми городами взяты, и тех бы калмыков отдать ему, Аюкаю* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 16, 17]. Сравнение с оригиналом письма показывает, что в калмыцком тексте в переведенных с использованием личного имени контекстах не употребляется личное местоимение 1 лица единственного числа, более того, грамматическими средствами передается идея множественности, например: *bida zöb gēd andaŷārļajī inaŷ amaraŷ bolulai bida*: ‘Мы посчитали это правильным, присягнули и стали друзьями’; *ene ügei mani / zöb geküne xabur Enöŷši-dü mordonoŷ bida*: ‘Если эти наши слова посчитаете справедливыми, то весной мы выступим на Амударью’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4]. Таким образом, множественность повторов личного имени тайши Аюки в русском переводе обусловлена сложившейся традицией делового текста, выполняет удостоверяющую функцию и указывает на то, что адресант рассматривается как официальный представитель калмыков.

Еще раз имя тайши Аюки упоминается в описании важного атрибута калмыцкого письма — оттиска печати адресанта: *У того листа печать Аюкая тайши* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 18].

В письме московским государям, полученном 21 февраля 1688 г., личное имя адресанта также встречается однократно в начале письма, однако указание на адресанта в рассматриваемом контексте связано с наименованием жанра: *А уи heyin bičiq*: ‘Письмо Аюки’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 1]. В синхроническом русском переводе антропоним сохраняется, однако стандартная активная конструкция требует использования личного имени в именительном падеже: *Аюка тайша в листу пишет* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3–6].

Как и в предыдущем случае, антропоним Аюка (Аюкай) в переводе встречается несколько раз: в качестве конкретизации личных местоимений 1 лица единственного числа: *... тако ж де и великим государем мне, Аюкаю, ратных людей давать же* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3–6]; *Посылал де я, Аюкай, в прошлом году на службу в полк з Букой тайжи тысячу человек моего послушания против прежнего, есть или нет* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3–6] и 3 лица единственного числа: *И после того он, Аюкай тайши, ходил под Хиву <...>* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3–6]; *<...> и они де, казаки, ему, Аюкаю тайше, говорили, будто видели они те иконы у калмык, и за иконы платил де он, Аюкай, две тысячи рублей казаком, чтоб не быть им в соре* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3–6].

Хотя в оригинале имеется оттиск печати, перевод не содержит описания данного атрибута документа. Можно предположить, что это не являлось обязательным для русского перевода. Тем не менее указание на оттиск печати в некоторых случаях оказывается единственным контекстом, содержащим антропоним Аюка. Так, в письме управляющему в Приказе Казанского дворца «Калмыцкими делами» князю Б. А. Голицыну, полученном 8 декабря 1698 г., не употреблено личное имя тайши. Синхронический перевод содержания послания также не содержит антропонимов, и личное имя адресанта встречается только в описании оттиска печати: *В конце листа печать большая Аюкина* [РГАДА. Ф. 119. 1698 г. Д. 5. Л. 46].

Однократное употребление имени адресанта в оригинале калмыцкого делового письма и многократный повтор антропонима в синхроническом переводе, таким образом, являются характерными чертами разных традиций оформления делового текста конца XVII – начала XVIII в.

3.2. Иноязычная (русская) традиция именования адресата в калмыцких письмах

Исследователи памятников деловой письменности нередко обращаются к вопросам употребления антропонимов в офици-

ально-деловых текстах различных жанров (см., например, [Афанасьева 2010; Комлева 2004; Неволлина 2011; Смольников 2005; Тартаркин 2005; и др.]).

В калмыцких деловых письмах обнаруживаются такие результаты русско-калмыцкого дипломатического взаимодействия, как соблюдение русской традиции именования адресата, облеченного властью. В конце XVII – начале XVIII в. в русском делопроизводстве существовали определенные правила использования официальных личных имен. Известно, например, что в документах XVIII в. использование в официальных антропонимах отчества на *-вич* было возможно для именования высших государственных особ [Руднев 2023: 311]. Именно такие официальные антропонимы находим в калмыцких деловых письмах в этикетных формулах приветствия: *tende Iban Eleqsei-üči Pëter Eleqsei-üči bügüdër / mendü*: ‘Там Иван Алексеевич и Петр Алексеевич [вместе] со всеми в здравии’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4].

Официальные антропонимы, состоящие из личного имени и патронима на *-вич*, употребляются в функции обращения и к адресатам, не относящимся к царской фамилии, но имеющим высокий статус в иерархии государственной власти, что было характерно для деловой коммуникации XVII в. [Руднев 2023: 311]. Примеры функционирования подобных антропонимов обнаруживаются в письмах, адресованных Б. А. Голицыну, управляющему в Приказе Казанского дворца «Калмыцкими делами»: *tende {kinas} Baris Eleqsei-üči bügüdër / mendü beyize*: ‘Там {князь} Борис Алексеевич со всеми, вероятно, здоров’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 1. Л. 2]. Однако выбор формулы антропонима имя + отчество не регулярен, имеются примеры обращения к адресату только по имени: *tende kinas Boris mendü beyize*: ‘Там князь Борис, вероятно, здоров’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 1].

В письмах к Б. А. Голицыну находим также полное именование адресата, состоящее из имени, отчества и фамилии: *tende kinas Baris / Eleqsei-üči Galican döü mini bügüdër mendü beyize*: ‘Там князь Борис

Алексеевич Голицын, мой младший брат, вместе со всеми, вероятно, здоров’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 10. Л. 3]. Отметим, что полное официальное личное имя в указанном источнике использовано дважды.

Аналогичный пример употребления полного официального имени (имя + отчество + фамилия) находим в послании, адресованном канцлеру Г. И. Головкину *Gabirilla Ibān-ücü / Golibkin tende bügüdër mendü beyize*: ‘Гаврила Иванович Головкин там вместе со всеми, вероятно, здоров’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 Д. 12. Л. 1об.–2].

Регулярно по имени и отчеству именуется в деловых письмах еще один адресат хана Аюки — М. И. Чириков, астраханский обер-комендант с 1709 г. по 1719 г: *Ayidarxani bayar Mixāli Eliyē-üči tende bügüdër / mendü beyize*: ‘Астраханский боярин Михаил Ильич там [вместе] со всеми, вероятно, здоров’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 69].

Один источник может отражать практику разного именования лиц, различающихся по рангу. Например в одном случае при упоминании свидетеля использовано только личное имя: *kinas Miyāli nöködtöyigōn nidürēn üzübe*: ‘Князь Михаил со своими товарищами увидел это своими глазами’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 36], в другом — личное имя с патронимом: *ene ügeyin üne xudali-/ yini: Ayidarxani bayar Iban Eleqsei-üči nöködtöyigōn cuq medeqsen*: ‘Правду или ложь моих слов знают астраханский боярин Иван Алексеевич с помощниками’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 36]. В данном случае речь идет об астраханском воеводе боярине Иване Алексеевиче Мусине-Пушкине. Вероятно, выбор антропонимов может зависеть от должности и статуса лица, упоминаемого в деловом письме: лицо, имеющее более высокий статус, именуется по имени и отчеству.

Именование лиц по фамилии, без использования имени и отчества, представлено единичным случаем, который пока трудно расценивать как отражение русской традиции оформления делового письма. В одном из писем хана Аюки упоминается граф Борис Петрович Шереметев (1652–1719) — русский военачальник времен Северной

войны, дипломат, генерал-фельдмаршал: *tere jiliyin zarjuyigi Šilimed keqsen* ‘Судебные дела того года решал Шереметев’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 133об.].

Еще один редкий пример, который, в отличие от предыдущего, представляет собой отражение практики русских деловых текстов XVIII в. — противопоставления официальных антропонимов неофициальным. В письме 1700 г., направленном в адрес Б. А. Голицына, встречаем официальный антропоним Иван и неофициальный — Ивашка: *nidonon Iban Badašniq Balouši / alaqči küün-dü dari xoryolji öqči geji tandu tedenē / neyilelcebe geji moudxaŋi Ibaška Vakuri*: ‘В прошлом году Иван Бадашник человеку, убившему Балуща, дал порох и свинец и в том, что с ними заодно, обвинил Ивашку Вакуру’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1700 г. Д. 3. Л. 1].

Таким образом, в ходе анализа функционирования антропонимов в деловых письмах тайши (хана) Аюки выявляются факты отражения русской традиции официального именования лиц с использованием двухкомпонентной (имя + отчество) или трехкомпонентной модели (схема официального антропонима дополняется фамилией), а также противопоставления официальных форм антропонимов неофициальным.

4. Формула рукоприкладства в деловых письмах хана Аюки и их русских переводах

Деловые письма хана Аюки представителям российской власти, будучи частью дипломатического диалога конца XVII — начала XVIII в., содержат элементы, характерные для русского делопроизводства того времени. Одним из таких элементов является формула *приложить руку* (иначе — формула рукоприкладства), которая использовалась в качестве подписи документа. Формула рукоприкладства встречается в русском делопроизводстве с XVI в., имеет значение ‘поставить свою подпись’ [Руднев 2023: 314] и указывает на участие «приложившего руку» в составлении текста.

В рассматриваемых текстах на «тодо бичиг» («ясном письме») калька русской формулы рукоприкладства используется только адресантом: *yar talbi ba*: ‘Приложил руку’

[РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 36]. Формула рукоприкладства обнаружена в 15 письмах хана Аюки, написанных в период с 1698 г. по 1704 г. Еще один пример использования формулы рукоприкладства зафиксирован в письме, относящемся к 1718 г. Во всех случаях формула *yar talbi ba*: ‘Приложил руку’ употребляется в калмыцких деловых письмах в конце документа наряду с оттиском личной печати.

В составе рукоприкладства дважды встречается использование личного имени адресанта: 1) в письме царю Петру Алексеевичу: *Ayouki bi yar talbi-ba*: ‘Я, Аюка, приложил руку’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 34]; 2) в письме князю Б. А. Голицыну: *Ayouki yar tabiba*: ‘Аюка приложил руку’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 1. Л. 5]. Функцию антропонима в приведенных примерах можно определить как идентифицирующую, удостоверяющую.

В имеющихся синхронических русских переводах писем хана Аюки формула рукоприкладства передается стандартно: *приложил руку*. Однако анализируемый материал содержит случаи, когда в оригинал письма не подписан формулой рукоприкладства, однако формула включается в синхронический перевод. Так, в переводе письма Б. А. Голицыну указано: *Я руку приложил сам* [РГАДА. Ф. 119. 1698 г. Д. 5. Л. 45–46], хотя в оригинале рукоприкладство отсутствует. Учитывая практику рукоприкладства в русском делопроизводстве не на странице текста документа, а на обороте, можно предположить, что такая запись могла быть сделана на обороте листа. Ср. другой пример, содержащийся в синхроническом переводе письма Б. А. Голицыну: *На задую я, твоей брат Аюка, руку приложил* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 19]. В оригинале письма формулы рукоприкладства нет.

Количество примеров употребления формулы рукоприкладства сравнительно небольшое, и появление этой формулы в письме, на наш взгляд, имеет зависимость от адресата. Так, три письма, содержащих формулу рукоприкладства, адресованы царю Петру Алексеевичу, двенадцать писем — князю Б. А. Голицыну, одно письмо — канцлеру Г. И. Головкину (1718 г.).

Формула рукоприкладства, таким образом, активно использовалась ханом Аюкой в деловых письмах, направленных в адрес центральной власти и ее значимых представителей. Примечательно, что в большом массиве деловых писем, направленных в адрес астраханского обер-коменданта М. И. Чирикова, формула рукоприкладства отсутствует. Отметим и тот факт, что со временем формула рукоприкладства в деловых посланиях практически не употребляется, включая письма, адресованные царю (см., например [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 2. Л. 19]).

В связи с рассмотрением формулы рукоприкладства в письмах хана Аюки и их русских переводах как элемента, традиционного для русского делопроизводства и используемого в калмыцко-русской деловой переписке, подчеркнем, что здесь устойчивая деловая формула *yar talbi ba:* ‘руку приложил’ представляет собой именно подпись адресанта. Учитывая, что рукоприкладство мог осуществить только грамотный человек, наличие этой деловой формулы в калмыцких деловых письмах также может рассматриваться в качестве свидетельства владения ханом Аюкой грамотой.

5. Заключение

В ходе анализа письма тайши (хана) Аюки и их синхронических русских перево-

дов как образца калмыцко-русской деловой переписки выявлены особенности функционирования антропонимов, характерные для разных традиций письма. С этой точки зрения значимым оказывается количество употреблений личного имени адресанта: однократное употребление имени адресанта в оригинале калмыцкого делового письма и многократный повтор антропонима в синхроническом переводе являются характерными чертами разных традиций оформления делового текста конца XVII – начала XVIII вв.

Влияние практики русского делопроизводства XVII–XVIII в. на калмыцкие частно-деловые документы обнаруживается в особенностях функционирования двухкомпонентных и трехкомпонентных моделей официальных личных имен лиц, которым адресованы письма тайши (хана) Аюки, а также в использовании кальки с русского языка — формулы *yar talbi ba:* ‘Приложил руку’, — выполняющей удостоверяющую функцию наряду с оттиском печати. Функционирование антропонимов адресатов соответствует практике именования официальных лиц, широко распространенной в конце XVII в. Формула рукоприкладства активно используется в калмыцких деловых письмах в период с 1698 г. по 1704 г и обнаруживает определенную зависимость от адресата.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

Афанасьева 2010 — Афанасьева О. Е. Имена собственные в деловых документах Поонежья в XVI–XVII вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 2010. 22 с.

Винокур 1959 — Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Russian State Archive of Ancient Acts.

References

Afanasyeva O. E. Proper Names in Official Documents of the Onega River Valley, Sixteenth–Seventeenth Centuries. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Vologda, 2010. 22 p. (In Russ.)

Vinokur G. O. Selected Works on the Russian Language. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 492 p. (In Russ.)

- Гедеева 2019 — *Гедеева Д. Б.* Этнолингвистическое исследование языка калмыцкой деловой письменности XVII–XIX вв. // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра Российской академии наук – VIII. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2019. С. 93–96.
- Комлева 2004 — *Комлева Н. В.* Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004. 22 с.
- Коркина 2015 — *Коркина Т. Д.* Формула рукоприкладства в кеврольских таможенных книгах первой четверти XVIII века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 4. С. 99–107.
- Неволина 2011 — *Неволина А. М.* История антропонимов в разных типах тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 2011. 21 с.
- Руднев 2023 — *Руднев Д. В.* Имя человека в деловой коммуникации XVIII в. (особенности именования Пугачева в документах 1770-х гг.) // Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века / под ред. П. Е. Бухаркина, С. С. Волкова и Е. М. Матвеева. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 308–332.
- Руднев, Садова 2023 — *Руднев Д. В., Садова Т. С.* История канцеляризмов «руку приложить» и «рукоприкладство» // Филологические науки. 2023. № 2. С. 16–24. DOI: 10.20339/PhS.2-23.016
- Садова, Руднев 2023 — *Садова Т. С., Руднев Д. В.* Рукоприкладство: от «собственноручной подписи» до «нанесения побоев» // Русская речь. 2023. № 3. С. 68–79. DOI: 10.31857/S013161170026394-2
- Смольников 2005 — *Смольников С. Н.* Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков): автореф. ... докт. филол. наук. СПб., 2005. 40 с.
- Сусеева 2006 — *Сусеева Д. А.* К вопросу о заимствованиях из русского и других языков в калмыцком языке XVIII века // Русская речь в инонациональном окружении. Вып. III. Элиста: КалмГУ, 2006. С. 53–59.
- Gedeeva D. B. The language of Kalmyk administrative correspondence, 17th–19th centuries: An ethnolinguistic study. In: Annual Scholarly Readings at Kalmyk Scientific Center (RAS). Vol. 8. Elista, 2019. Pp. 93–96. (In Russ.)
- Komleva N. V. Anthroponymy in Administrative and Commercial Writing of Vologda Region, Late Sixteenth – Seventeenth Centuries. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Vologda, 2004. 22 p. (In Russ.)
- Korkina T. D. Structural forms of the signatures found in Kevrola customs books of the first quarter of the XVIII century. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2015. Vol. 1. No. 4. Pp. 99–107. (In Russ.)
- Nevolina A. M. Township of Totma, Late Sixteenth – Seventeenth Centuries: A History of Anthroponyms in Different Types of Official Writing. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Vologda, 2011. 21 p. (In Russ.)
- Rudnev D. V. The name of a person in documentary communication in the 18th century (Features of naming Pugachev in the documents of the 1770s). In: Bukharkin P. E., Volkov S. S., Matveev E. M. (eds.) *Anthroponyms in Eighteenth-Century Russian Lexical Culture*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies (RAS), 2023. Pp. 308–332. (In Russ.)
- Rudnev D. V., Sadova T. S. The history of kantselyarizm ‘*ruku prilozhit*’ and ‘*rukoprikladstvo*’. *Philological Sciences*. 2023. No. 2. Pp. 16–24. (In Russ.) DOI: 10.20339/PhS.2-23.016
- Sadova T. S., Rudnev D. V. Rukoprikladstvo (‘manhandling’): From ‘handwritten signature’ to ‘beating’. *Russian Speech*. 2023. No. 3. Pp. 68–79. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013161170026394-2
- Smolnikov S. N. Functional Aspects of Historical Anthroponymy: Analyzing Samples of Sixteenth–Seventeenth Century Official Writing from North Russia. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. St. Petersburg, 2005. 40 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. More on borrowings from Russian and other languages to eighteenth-century Kalmyk. In: *Russian Speech in Non-Russian Environments*. Vol. 3. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2006. Pp. 53–59. (In Russ.)

- Сусеева 2001 — Сусеева Д. А. О взаимодействии русского и калмыцкого языков (на материале писем калмыцких ханов XVIII века) // Этнопедагогика — педагогика жизни. Элиста: Джангар, 2001. С. 108–116.
- Сусеева, Горбань 2025 — Сусеева Д. А., Горбань О. А. Официально-деловая переписка XVIII в. между русскими и калмыцкими органами власти: аспекты научного исследования (на материале документов Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30. № 4. С. 75–93. DOI: 10.15688/jvolsu4.2025.4.7.
- Татаркин 2005 — Татаркин В. Е. Антропонимия Орловского края XVI–XVII вв. (на материале памятников официально-деловой письменности). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2005. 19 с.
- Хараева 2014 — Хараева А. Т. Русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века (на материале официально-деловых писем калмыцких ханов XVIII века и их современников). Элиста: Джангар, 2014. 224 с.
- Ярмаркина 2021 — Ярмаркина Г. М. Этикетные формулы как этнолингвистические компоненты оригинальных и переводных калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714–1715 гг.). // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 5. С. 1102–1110. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1102-1110
- Suseeva D. A. On Russian-Kalmyk linguistic interaction: Investigating eighteenth-century letters of Kalmyk Khans. In: *Ethnopedagogy — Pedagogy of Life*. Elista: Dzhangar, 2001. Pp. 108–116. (In Russ.)
- Suseeva D. A., Gorban O. A. Official correspondence of the 18th century between Russian and Kalmyk authorities: Aspects of scientific research (Based on the documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia). *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2025. Vol. 30. No. 4. Pp. 75–93. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.7>
- Tatarkin V. E. Anthroponymy of Oryol Region, Sixteenth–Seventeenth Centuries: A Study into Official and Commercial Writing. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Oryol, 2005. 19 p. (In Russ.)
- Kharaeva A. T. Russian Loanwords in Eighteenth-Century Kalmyk: Analyzing Official Eighteenth-Century Letters of Kalmyk Rulers and Their Contemporaries. Elista, Dzhangar, 2014. 223 p. (In Russ.)
- Yarmarkina G. M. Etiquette formulas as ethno-linguistic components of original and translated 18th century Kalmyk official texts: A case study of letters by Khan Ayuka and related Russian translations, 1714–1715. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 1102–1110. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1102-1110

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2025. Т. 18. № 4

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 30.12.2025.

Формат бумаги 60х84¹/₈. Усл. печ. л. 22,55.

Тираж 100 экз. Заказ 37-2025.

Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8